ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе пятое.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)

на Страстномъ бульварѣ.

1874.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскому историку, представляющему свой трудъ во второй половинѣ XIX вѣка, не нужно говорить читателямъ о значеніи, пользѣ исторіи отечественной; его обязанность предувѣдомить ихъ только объ основной мысли труда.

Не дѣлить, не дробить Русскую Исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимнодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію,—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.

Русская Исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что нѣсколько племенъ, не видя возможности выхода изъ родоваго, особнаго быта, призываютъ князя изъ чужаго рода, призываютъ единую общую власть, которая соединяетъ роды въ одно цѣлое, даетъ имъ нарядъ, сосредоточиваетъ силы сѣверныхъ племенъ, пользуется этими силами для сосредоточенія остальныхъ племенъ нынѣшней средней и южной Россіи. Здѣсь главный вопросъ для историка состоитъ въ томъ, какъ опредѣлились отношенія между призваннымъ правительственнымъ началомъ и призвавшими племенами, равно и тѣми, которыя были подчинены въ послѣдствіи, какъ измѣнился бытъ этихъ племенъ вслѣдствіе вліянія правительственнаго начала, непосредственно, и посредствомъ другаго начала дружины, и какъ, въ свою очередь, бытъ племенъ дѣйствовалъ на опредѣленіе отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народо-

населеніемъ, при установленіи внутренняго порядка, или наряда. Замѣчаемъ именно могущественное вліяніе этого быта; замѣчаемъ и другія вліянія, вліяніе грекоримское, которое проникаетъ вслѣдствіе принятія христіанства отъ Византіи, и обнаруживается преимущественно въ области права. Но кромѣ грековъ новорожденная Русь находится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья, Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ,—каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно; тѣ же, которые оставались въ Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому слiянію. Такимъ образомъ при началѣ русскаго общества не можетъ быть рѣчи *о господствѣ* норманновъ, о норманскомъ періодѣ.

Выше замѣчено, что бытъ племенъ, бытъ родовой могущественно дѣйствовалъ при опредѣленіи отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ. Этотъ бытъ долженствовалъ потерпѣть измѣненія вслѣдствіе вліянія новыхъ началъ; но оставался еще столько могущественнымъ, что, въ свою очередь, дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другаго начала. Князья считаютъ всю русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего; причемъ старшій въ родѣ, великій князь сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ

переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ—находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время.

Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій, и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ чрезъ ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, чрезъ ихъ отчужденіе другъ отъ друга и чрезъ видимое нарушеніе единства русской земли приготовляется путь къ ея собиранію, сосредоточенію, сплоченію частей около одного цетра, подъ властію одного государя.

Первымъ слѣдствіемъ ослабленія родовой связи между княжескими линіями, отчужденія ихъ другъ отъ друга было временное отдѣленіе южной Руси отъ сѣверной, послѣдовавшее по смерти Всеволода III-го. Не имѣя такихъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, южная Русь, послѣ татарскаго нашествія, подпала подъ власть князей литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности юго-западныхъ русскихъ областей, потому что литовскіе завоеватели приняли русскую вѣру, русскій языкъ, все оставалось по-старому; но гибельно было для русской жизни на юго-западѣ соединеніе всѣхъ литовско-русскихъ владѣній съ Польшею вслѣдствіе восшествія на польскій престолъ литовскаго князя Ягайла; съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ безплодную для своего народнаго развитія борьбу съ Польшею для сохраненія своей народности, основою которой

была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностію и могуществомъ.

Здѣсь новый порядокъ вещей утверждался неослабно. Вскорѣ по смерти Всеволода III-го, по отдѣленіи южной Руси отъ сѣверной, явились и въ послѣдней Татары, опустошили значительную ея часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать отъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отъ чего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна внутренняго порядка, и такъ какъ начала новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Татаръ, то монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Татаръ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Татары остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя на полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ князя неприкосновеннымъ на столѣ, онъ только обезпечивалъ волость его отъ татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки; они знали, что всякій изъ нихъ, кто свезетъ больше денегъ въ орду, получитъ ярлыкъ преимущественно передъ другимъ и войско на помощь. Независимо отъ Татаръ обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно—ослабленіе родовой связи, возстанія сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо родовыхъ правъ, стараніе пріобрѣсти средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ; Татары въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями, слѣдовательно историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать естественную нить событій, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, и вставлять татарскій періодъ, выдвигать на первый планъ Татаръ, татарскія отношенія, вслѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій.

Борьба отдѣльныхъ княжествъ оканчивается на сѣверѣ тѣмъ,

что княжество московское, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пересиливаетъ всѣ остальныя, московскіе князья начинаютъ собирать русскую землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ онѣ къ своему владѣнію остальныя княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ, удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ царя. Это главное, основное явленіе—переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя условливаетъ рядъ другихъ явленій, сильно отзывается въ отношеніяхъ правительственнаго начала къ дружинѣ и остальному народонаселенію; единство, соединеніе частей условливаетъ силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы побѣдить Татаръ и начать наступательное движеніе на Азію; съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси въ слѣдствіе новаго порядка вещей условливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ польскимъ, постоянною цѣлію которой становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державой; наконецъ соединеніе частей, единовластіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ московскому государству возможность войдти въ сношенія съ европейскими государствами, приготовлять себѣ мѣсто среди нихъ.

Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династія. Начало XVII вѣка ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушеніемъ. Крамолами людей, питавшихъ старинныя притязанія, нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ: части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, земля замутилась; своекорыстнымъ стремленіямъ людей, хотѣвшихъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ для своихъ выгодъ, хотѣвшихъ жить на счетъ государства, открылось свободное поприще. Несмотря однако на страшные удары, на множество враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, государство спаслось; связь религіозная и связь гражданская были въ немъ такъ сильны, что, несмотря на отсутствіе видимаго сосредоточивающаго начала, части соединились, государство было очищено отъ враговъ внутреннихъ и

внѣшнихъ, избранъ государь всею землею. Такъ юное государство со славою выдержало тяжкое испытаніе, при которомъ ясно высказалась его крѣпость.

Съ новою династіей начинается приготовленіе къ тому порядку вещей, который знаменуетъ государственную жизнь Россіи среди европейскихъ державъ. При первыхъ трехъ государяхъ новой династіи мы видимъ уже начало важнѣйшихъ преобразованій: является постоянное войско, обученное иностранному строю, приготовляется слѣдовательно важнѣйшая перемѣна въ судьбѣ древняго служиваго сословія, такъ сильно отозвавшаяся въ общественномъ строѣ; видимъ начатки кораблестроенія, видимъ стремленіе установить нашу торговлю на новыхъ началахъ; иностранцамъ даются привилегіи для учрежденія фабрикъ, заводовъ; внѣшнія сношенія начинаютъ принимать другой характеръ; громко высказывается необходимость просвѣщенія, заводятся училища; при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являются новые обычаи; опредѣляются отношенія церкви къ государству. Преобразователь воспитывается уже въ понятіяхъ преобразованія, вмѣстѣ съ обществомъ приготовляется онъ идти только далѣе по начертанному пути, докончить начатое, рѣшить нерѣшенное. Такъ тѣсно связанъ въ нашей исторіи XVII вѣкъ съ первою половиной XVIII: раздѣлять ихъ нельзя. Во второй половинѣ XVIII вѣка замѣчаемъ новое направленіе: заимствованіе плодовъ европейской цивилизаціи съ исключительною цѣлію матеріальнаго благосостоянія оказывается недостаточнымъ, является потребность въ духовномъ, нравственномъ просвѣщеніи, потребность вложить *душу* въ приготовленное прежде *тѣло*, какъ выражались лучшіе люди эпохи. Наконецъ въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ *самопознанію*.

Таковъ ходъ Русской Исторіи, такова связь главныхъ явленій въ ней замѣчаемыхъ.

ГЛАВА I.

Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію. — Равнинность страны.—Сосѣдство ея съ Среднею Азіею.—Столкновеніе кочевниковъ съ осѣдлымъ народонаселеніемъ. — Періоды борьбы между ними. — Козаки.—Племена славянскія и финскія.—Славянская колонизація. — Значеніе рѣкъ на великой равнинѣ.—Четыре главныя части древней Россіи.—Озерная область Новгородская. — Область западной Двины. — Литва. — Область Днѣпра. — Область верхней Волги. — Путь распространенія русскихъ владѣній.—Область Дона.—Вліяніе природы на характеръ народный.

Задолго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря; вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство; — но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается попрежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетво-

ренію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юговостокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи; толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкіе ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя Исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими; Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этого господства, но тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ запада, на встрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокѣ и западѣ, селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ, но кочевники не скоро уступятъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба съ степными варварами. Періоды этой борьбы такъ обозначаются въ русской исторіи: отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII нѣтъ рѣзкаго перевѣса ни на сторонѣ кочевниковъ, ни на сторонѣ славянскихъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси: Печенѣги, а за ними Половцы, наносятъ иногда сильныя опустошенія Приднѣпровью, но за то иногда и русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣнятъ ихъ вежи. Отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы, въ лицѣ Монголовъ; съ конца же XIV вѣка пересиливаетъ Европа, въ лицѣ Россіи: сѣверозападная европейская часть великой равнины начинаетъ распространяться на счетъ юговосточной, азіатской. — Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ, и не съ моремъ, но соприкасается съ степью, широкою

и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность — свободная, разгульная жизнь въ степи; вслѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись козацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, не рѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ козаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ, и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатомъ суровымъ, представляя на юговостокѣ степь, населенную кочевыми племенами, смѣнявшими другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на сѣверозападѣ — страну, покрытую дѣвственными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое-гдѣ блуждали орды звѣролововъ, — великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія. Племена славянскія раскинулись на огромныхъ пространствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ они должны были встрѣтиться съ племенами финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно разселиться безъ обиды другъ другу. Въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что Славяне и Финны дѣйствуютъ заодно; какимъ образомъ ославянились финскія племена — Меря, Мурома, какимъ образомъ двинская область получила русское народонаселеніе и стала владѣніемъ Великаго Новгорода?—все это произошло тихо, незамѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли никому не принадлежащей; распространеніе русскихъ владѣній въ Сибири, о которомъ можно имѣть ясное понятіе по дошедшимъ до насъ памятникамъ,

даетъ лучшее объясненіе тому, какъ распространялись русскія владѣнія и по сю сторону Уральскаго хребта: здѣсь также могли происходить стычки съ туземцами, которые приходили иногда раззорять новыя поселенія, отказывались платить ясакъ; но здѣсь одинъ народъ, государство не было завоевано другимъ народомъ, государствомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается въ исторіи завоеваніе; однимъ словомъ — и тамъ и здѣсь преимущественно происходило населеніе, колонизація страны. Что сказано о сѣверѣ Россіи, то можетъ быть сказано и о другихъ областяхъ: мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о построеніи городовъ, о населеніи пустынныхъ пространствъ; извѣстно, какъ и послѣ московское государство расширяло свои предѣлы на востокъ и юговостокъ, занимая и населяя пустынныя пространства; извѣстно, наконецъ, населеніе южныхъ и юговосточныхъ областей, происходившее недавно, уже во времена Имперіи. Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель съ ущербомъ государственному интересу, вызывали мѣры, имѣвшія цѣлію удержать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Такимъ образомъ въ русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени славянскому — сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: «Въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны»[2]. Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою, и составляютъ та-

кимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особной жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводницами первому народонаселенію: по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юговостокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли вначалѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т.-е. область Кривская или Полоцкая, третью — область Днѣпра, т.-е. область древней собственной Руси, четвертую — область верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолженіе финляндской озерной области, въ отношеніи географическомъ и историческомъ, посредничаетъ между западною Европою и Россіею. Здѣсь славянское племя сталкивается съ скандинаво-германскимъ; здѣсь шелъ великій водный путь изъ сѣверозападной Европы въ юговосточную и въ Азію, изъ Варягъ въ Греки, — путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ, для опустошенія береговъ Имперіи; этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Озеро Ильмень, принимая въ себя съ юга многовѣтвистую Ловать, выпускаетъ на сѣверъ, въ Ладожское озеро, Волховъ; великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя Ловатью. Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ моря; навстрѣчу медленному движенію славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ: но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли: если даже предположимъ, что Ладога существовала до прибытія Рюрика, то она находилась не при самомъ устьѣ Волхова,

и это положеніе ея показываетъ, со стороны славянъ, какую-то медленность, боязливость приблизиться къ озеру Нево. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами. Русскимъ удалось во время этой борьбы утвердиться на третьемъ важномъ пунктѣ великаго пути, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ былъ построенъ Орѣшекъ; но потомъ эта крѣпость была уступлена Шведамъ; Петръ Великій взялъ ее снова и назвалъ Ключемъ-городомъ (Шлюссельбургомъ); наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути—именно при устьѣ Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе при началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азіею, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь, въ IX вѣкѣ, началась первая половина русской исторіи; здѣсь, въ XVIII, началась вторая ея половина. Движеніе восточныхъ славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ, по великому водному пути, начавшееся въ доисторическое время, только въ XVIII вѣкѣ окончательно достигло своей цѣли — морскаго берега.

Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно, естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близь лежащихъ озеръ; и дѣйствительно мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ озерныхъ, и между системами Волги, Днѣпра и Западной Двины. Разумѣется, эти границы мы должны означать приблизительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно къ востоку и юговостоку, племя Славянъ ильменскихъ или новгородскихъ еще въ незапамятныя времена могло перейти волоки, и выселиться на другія рѣчныя системы, вслѣдствіе малонаселенности страны, лежащей къ востоку, на верховьяхъ Волги; несмотря на то однако, границы преимущественно идутъ по волокамъ, которые, надобно замѣтить, нигдѣ не имѣютъ такого важнаго значенія какъ у насъ въ Россіи, ибо замѣняютъ отчасти горы. На югѣ

границею Новгородской области съ Полоцкою и Смоленскою служилъ волокъ между системою Ильменя и Западной Двины; здѣсь граница могла обозначиться съ большею точностію волокомъ въ слѣдствіе ранняго населенія Полоцкой или Двинской области. На востокѣ границею Новгородской области съ Ростовскою или Суздальскою служилъ приблизительно также волокъ между системою Ильменя и Верхней Волги: такъ видимъ границу при рѣкѣ Медвѣдицѣ, одномъ изъ самыхъ близкихъ волжскихъ притоковъ къ системѣ ильменской [3]; но здѣсь, на востокѣ, Новгородцы перешли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ естественную границу своей области, ибо народонаселеніе необходимо стремилось съ запада на востокъ, находя себѣ здѣсь болѣе простора; такъ въ числѣ новгородскихъ владѣній мы встрѣчаемъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Бѣжецкъ и другія мѣста, находящіяся на волжской системѣ; любопытно однако видѣть, что эти мѣста были спорныя между Новгородцами и князьями Ростовской области; послѣдніе никакъ не хотятъ уступить ихъ въ полное владѣніе Новгородцамъ: такъ Волокъ и Торжокъ раздѣлены пополамъ между Новгородцами и суздальскими князьями [4]; названіе Торжка, Торга, указываетъ именно на пограничное мѣсто, куда сходились на мѣну, торгъ, жители двухъ областей; названіе Новый Торгъ указываетъ, что этотъ торгъ былъ прежде гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ, быть-можетъ выше, на самомъ волокѣ. Любопытно также, что всѣ эти мѣста на волжской системѣ перечисляются всегда въ грамотахъ, какъ новгородскія владѣнія,—знакъ что они были спорныя, что суздальскіе князья имѣли на нихъ постоянныя притязанія, однимъ словомъ, что это были колоніи новгородскія въ чужой области [5]. Такія же колоніи новгородскія простирались въ области Онеги, Сѣверной Двины и далѣе до самаго Уральскаго хребта; на важное значеніе волоковъ указываетъ названіе заволоцкихъ владѣній Новгорода, Заволоцкой Чуди.

Въ тѣсной связи съ системою Ильменя находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ: Кривичи Изборскіе находятся въ союзѣ съ славянами новгородскими, вмѣстѣ съ ними призываютъ князей; несмотря однако на эту тѣсную связь, несмотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, Псковъ съ самаго начала стремится къ самостоятельности, и наконецъ достигаетъ ея; здѣсь

между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ условливаются и самое различіе и границы племенъ: народонаселеніе Изборской области принадлежало къ кривскому племени.

Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверовосточную и югозападную. Сѣверовосточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ, и повсюду неплодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; югозападная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница славянскаго и финскаго племени; извѣстно, что вездѣ при своихъ столкновеніяхъ Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, Финны же—низменныя, болотистыя [6]; такъ точно и здѣсь означенная граница по качеству почвы соотвѣтствуетъ границѣ между славянскимъ и финскимъ племенами въ Новгородской области. Самыя лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Шелонью и Ловатью: здѣсь главныя селища славянскаго племени; далѣе къ сѣверозападу, въ нынѣшней петербургской губерніи, опять начинаются низменныя, болотистыя пространства—почва финскаго племени. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы назвали хлѣбороднымъ только относительно, вообще же ильменскіе славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльческой промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей, среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверовостоку, малонаселенному финскими племенами, со стороны которыхъ Новгородцы не могли встрѣтить сильнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Низовой земли: князь послѣдней, пресѣкши подвозъ съѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли Новгородъ зависѣлъ вполнѣ отъ

Востока, потому что торговое значенiе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверовосточныхъ товаровъ въ Европу; отсюда понятно, что когда на востокѣ явилось могущественное владѣнiе — государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ Востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. То же самое должно сказать и о Псковѣ: его область имѣетъ также тощую почву, которая должна была заставить народонаселенiе обратиться къ другаго рода промышленности, къ торговлѣ, ремесламъ; Псковичи славились мастерствами, особенно строительнымъ; Новгородцевъ въ насмѣшку называли плотниками — указанiе на ихъ промышленный характеръ.

Несмотря на то, что на западѣ въ среднiе вѣка существовало мнѣнiе, будто изъ Балтiйскаго моря по восточному пути можно проѣхать водою въ Грецiю, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Днѣпра шелъ волокъ, отдѣлявшiй Новгородскую озерную область отъ Западнодвинской и Днѣпровской. Объ этомъ волокѣ между Ловатью и Днѣпромъ упоминаетъ начальный лѣтописецъ, описывая водный путь изъ Варягъ въ Греки; но онъ не вдается въ подробности, какимъ образомъ дружины первыхъ князей русскихъ шли отъ Ловати до Днѣпра. Очень вѣроятно, что путь ихъ лежалъ отъ Ловати по рѣкѣ Сережѣ до тридцати-верстнаго волока въ Желну на рѣкѣ Торопѣ; потомъ внизъ Торопою до Двины, Двиною къ устью Косопли (Каспли), и этою рѣкой вверхъ до озера Касплинскаго и волока при Гавринахъ въ Порѣцкомъ уѣздѣ, съ переѣздомъ по сушѣ тридцати верстъ [7]. Во всякомъ случаѣ на пути отъ Ловати къ Днѣпру должно было встрѣтить Западную Двину: вотъ причина, почему Двинская область полоцкихъ Кривичей вошла въ связь съ Новгородцами и князьями ихъ прежде области Кривичей смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область Западной Двины, или область Полоцкая имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину теченiя Двины, но не успѣло при медленномъ движенiи своемъ достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя под-

чиненные русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся славянорусской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость въ слѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династіи князей литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею. Московское государство, сосредоточивъ сѣверовосточныя русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливоніи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторій отнялъ у него и Ливонію и Полоцкъ, вслѣдствіе чего почти все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но чрезъ нѣсколько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, въ слѣдствіе чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а средина въ области другаго. При Екатеринѣ II Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія.

Границу Полоцкой области на сѣверѣ составляетъ водораздѣлъ между системою Двины и озерною — Ильменскою и Чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области; за него шла сильная борьба между князьями полоцкими, потомками Изяслава Владиміровича и потомками брата его Ярослава, владѣльцами остальныхъ русскихъ областей. Причина этой борьбы, причина стремленія Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины, ясна съ перваго взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая въ нее рѣчка Торопа служили соединеніемъ Новгородской области съ собственною Русью, областью Днѣпровскою, по нимъ шелъ путь изъ Варягъ въ Греки; владѣя Новгородомъ и Днѣпровьемъ, Ярославъ и дѣти его не могли оставить верховье Двины и Торопу во владѣніи враждебнаго рода Изяславичей Полоцкихъ; послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что ихъ

владѣнія, ихъ рѣчная область отдѣляла Новгородскую область отъ Руси, неоднократно обнаруживали свои притязанія на Новгородъ. Ярославъ уступилъ Брячиславу Полоцкому Витебскъ и Усвятъ [8], но удержалъ верховье Двины и Торопу, гдѣ послѣ образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее къ Смоленскому. Изъ этого положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (южно-русскою) и Волжскою (Ростовскою и Суздальскою) областями, уясняется намъ положеніе князей торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей суздальскихъ.

На востокѣ, югѣ и западѣ границами Полоцкой области служили приблизительно также водораздѣлы между системами Двины, Днѣпра и Нѣмана. Но на югѣ къ Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системѣ Днѣпровской, по правому берегу Днѣпра и рѣкамъ, впадающимъ въ него съ этой стороны. Княжество Минское образовалось, какъ видно, изъ области славянскаго племени Дреговичей, сѣвшихъ, по лѣтописи, между Припетью и Двиною. Мы видимъ, что въ стремленіи своемъ на югъ изъ Новгородской области, Варяги прежде всего должны были перейти въ область Двины, и утвердиться въ Полоцкѣ. Отсюда, двинувшись къ югу, они немедленно должны были перейти въ область Днѣпра, въ землю Дреговичей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ притоки Днѣпра и Двины находятся такъ близко другъ отъ друга, гдѣ теперь искусственно соединяются Березинскимъ каналомъ. Это движеніе полоцкихъ державцевъ къ югу и покореніе Дреговичей безъ сомнѣнія произошло еще при Рюрикѣ, по крайней мѣрѣ прежде движенія Олега изъ Новгорода; что правый берегъ Днѣпра, земля Дреговичей занята была изъ Полоцка, доказываетъ молчаніе лѣтописи о покореніи Дреговичей Олегомъ или его преемниками. Владиміръ, истребивъ семью полоцкаго князя Рогволода, присоединилъ его владѣнія, какъ кривскія, такъ и дреговическія къ своимъ; но послѣ, по совѣту дружины, возстановилъ Рогволодову область въ цѣломъ ея видѣ для внука Рогво-

лодова, а своего сына Изяслава; этимъ объясняется, какимъ образомъ Минское княжество, лежащее въ области Днѣпровской, принадлежало роду князей полоцкихъ; но Минское княжество, вслѣдствіе своего географическаго положенія, становится мѣстомъ борьбы между Изяславичами полоцкими и Ярославичами русскими, и долѣе, чѣмъ самый Полоцкъ, остается за послѣдними; а Дреговичи южные, жившіе по притокамъ Припети, принадлежатъ постоянно къ владѣніямъ русскихъ Ярославичей [9]. Почва собственно Полоцкаго княжества неплодородна; вся область наполнена озерами, болотами, топями; теперь въ витебской губерніи считается больше 1,000 озеръ большихъ и малыхъ. Бѣдность природы, при удобствѣ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, обратила вниманіе Полочанъ и Видблянъ на торговлю, и они вмѣстѣ съ Смольнянами являются посредниками заморской русской торговли.

Какъ Полоцкое княжество есть область Западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша область Вислы. Литовская область вмѣстѣ съ областью Ятвяговъ, лежащею по границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣютъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы: покрытыя болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы русскихъ славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапамятныхъ поръ засѣли странные народы — Литва и Ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые. Благодаря природѣ своей страны, Литовцы и Ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосягаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ Пруссы подверглись тяжкому игу Нѣмцевъ, Литовцы отбились отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ прусскими выходцами, Литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области Литовскаго великаго княжества соединялись системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки русскія соединялись

съ рѣками Польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеномъ, связующимъ Русь съ Польшею. На небольшомъ пространствѣ между Кобриномъ, Пинскомъ и Слонимомъ, три рѣчныя системы — Вислинская, Нѣманская и Днѣпровская, и вмѣстѣ съ тѣмъ три области — Польская, Литовская и Русская, соединяются теперь каналами: вотъ доказательство, что на восточной европейской равнинѣ естественными гранями между странами и народами служили междурѣчные волоки, и какъ эти естественныя грани были незначительны, какъ мало препятствовали соединенію народовъ!

Югозападная, древняя собственная Русь (княжества: Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверозападною и юговосточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ русскихъ: его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т.-е. до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце — великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ; отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Несмотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ

самомъ тѣсномъ смыслѣ) въ началѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною козаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

Но если по причинамъ естественнымъ югозападная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей русскихъ относительно климата и качества почвы. — Древнюю Русь, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, земля Полянъ. Область Кіевскаго княжества въ первоначальномъ видѣ, какъ досталась она Изяславу I-му, заключала въ себѣ земли Полянъ, Древлянъ и отчасти Дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: къ востоку Днѣпръ; къ сѣверу водораздѣлъ между рѣчными областями, собственно Днѣпровскою и областью Припети, потомъ водораздѣлъ между областью Припети и Нѣмана; къ западу водораздѣлъ между западнымъ Бугомъ и Вислою; къ югу сначала водораздѣлъ между областью Припети, Днѣстра и Буга, потомъ рѣка Рось, по которой, начиная съ XI вѣка, видимъ уже военныя поселенія, зерно козачества. Почему рѣка Рось служила въ древности южною границей и Кіевскаго княжества и всѣхъ русскихъ областей, это объясняется также природою: къ югу отъ этой рѣки, въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи, почва принимаетъ уже степное свойство; луга здѣсь степные. Область княжества Владиміро-Волынскаго заключала въ себѣ землю Бужанъ (славянскаго племени, жившаго по западному Бугу [10]) и, принадлежа, съ одной стороны, къ системѣ вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владиміро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ; отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особность Галицкаго княжества, лежащаго по вислинской и днѣстровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра, притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Кіевской области и область Черниговская, лежащая по Деснѣ и ея притокамъ. Тщетно князья хотѣли дѣлить Русь Днѣпромъ на двѣ отдѣльныя половины: Десна привязывала Черниговъ къ Кіеву такъ же крѣпко, какъ и родовыя отношенія святославичей и мономаховичей; тщетно потомъ польское правительство хотѣло раздѣлиться Днѣпромъ съ Москвою; это дѣленіе было кратковременно. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала къ Чернигову область Курскую [11]. На южной оконечности нынѣшней черниговской губерніи находится возвышенность, дающая начало рѣкамъ, изливающимся отсюда въ полтавскую губернію: Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этотъ водоспускъ въ древности отдѣлялъ область Черниговскаго княжества отъ области Переяславскаго. На верхнемъ Днѣпрѣ, и слѣд. въ тѣсной связи съ Кіевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины; изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси — между областью Волги, Днѣпра и Двины, т.-е. между Великою, малою и Бѣлою Россіею: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи югозападной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областію. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверовосточною, или Московскою, и югозападною, или Литовскою Русью, почему ни московское, ни литовское (польское) правительство не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Граница Смоленскаго княжества шла на сѣверѣ между притоками Ловати и Торопою, далѣе отъ Торопца къ верхней Волгѣ у Ржева; восточная граница шла отъ Ржева мимо Зубцова къ верховьямъ Москвы рѣки и Протвы около Можайска, потомъ поворачивала

къ западу водораздѣломъ между системою днѣпровскою и окскою, между Угрою и Днѣпромъ, между Десною и Сожью; южную границу съ Черниговскою и Кіевскою областями опредѣлить можно впаденіемъ рѣки Прони въ Сожь; на западъ границу составлялъ Днѣпръ до Орши, и далѣе на сѣверъ линія черезъ Двину между Суражемъ и Велижемъ къ Торопцу. Изъ обозначенія этихъ границъ видно, что Смоленское княжество, кромѣ области Кривичей, заключало въ себѣ также и область Радимичей, жившихъ на Сожѣ. Почва Смоленскаго княжества вообще неплодородна, особенно половина лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра; это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди главныхъ русскихъ областей необходимо условливали развитіе торговой промышленности у смольнянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимся къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея Ростовъ Великій [12], при самомъ началѣ русской исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣ же заморскіе Варяги, которые брали дань на новгородскихъ славянахъ и на Чуди, берутъ ее и на Мери, финскомъ племени, жившимъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, причемъ не упоминается о походѣ, о покореніи; слѣдовательно болѣе чѣмъ вѣроятно, что Меря, подвергавшаяся вмѣстѣ съ новгородцами и Чудью варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро связано съ Ростовомъ водною нитью; эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Бѣлоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска; Ростовъ же находится при озерѣ Неро, изъ котораго течетъ Которость, впадающая въ Волгу при Ярославлѣ. Варяги, овладѣвшіе Бѣлоозеромъ, необходимо должны были спуститься внизъ по Шекснѣ къ Волгѣ, отсюда внизъ по Волгѣ до Которости и ею вверхъ до Ростова. Если этотъ водный путь служилъ для враждебныхъ нападеній, то онъ долженъ былъ также служить и для мирныхъ сношеній между Бѣлоозеромъ и Ростовомъ; отсюда объясняется постоянная, неразрывная связь между этими городами въ нашей исторіи, объясняется, почему Бѣлоозеро

является волостью Мономаха, которому принадлежитъ Ростовъ съ Поволжьемъ; въ послѣдствіи Бѣлоозеро становится удѣломъ Ростовскаго княжества. Внизъ по Шекснѣ ходили въ ростовскую землю военныя дружины и торговыя лодки, вверхъ по ней шли изъ ростовской земли на Бѣлоозеро и мятежные волхвы, такъ сильно волновавшіе новообращенныхъ христіанъ сѣвера [13].

Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и сѣверозапада границами новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверозападную границу Ростовской области; на сѣверѣ естественною границею ея служили Увалы, [14] отдѣляющіе систему Волги отъ системы сѣверной Двины. Что же касается до естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и югозапада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ мы видимъ, что историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области: чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

Итакъ, цѣлая область Волги есть преимущественно область московскаго государства, и ростовская область будетъ только областью верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе русской государственной области по волжской системѣ, и переходъ ростовской области въ область великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней въ область московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ цѣлой обширной области, получившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разчета, преднамѣреннаго стремленія, что̀ видно изъ положенія новыхъ городовъ

и изъ разстоянія ихъ одного отъ другаго. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьѣ Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ-поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи. Нужно было вступить въ борьбу съ народонаселеніемъ, жившимъ по берегамъ Волги и ея притоковъ: отсюда необходимыя войны сѣверныхъ князей съ болгарами и мордвою; въ этой борьбѣ русскіе остаются побѣдителями, видимо оттѣсняютъ варваровъ; но тутъ Азія какъ будто собираетъ послѣднія силы для отпора опасному врагу, и высылаетъ толпы Татаръ. Основатель Нижняго-Новгорода, Юрій Всеволодовичъ, палъ въ битвѣ съ Татарами; движеніе рускихъ внизъ по Волгѣ было надолго остановлено. При Димитріи Донскомъ оно начинается снова; рускіе полки являются опять въ старинной землѣ болгарской; здѣсь загорается послѣдняя ожесточенная борьба между Европою и Азіею,—борьба, имѣющая важное значеніе не для одной Русской исторіи. Азіатцы основываютъ въ болгарской землѣ крѣпкій оплотъ противъ стремленія русскихъ, и въ лицѣ ихъ противъ Европы и христіанства; этотъ оплотъ—Казань. Послѣ долгой, упорной борьбы, Казань падаетъ предъ Іоанномъ IV. Какъ важна было Казань для Азіи, видно изъ того, что спустя немного времени послѣ ея завоеванія, устье Волги, чрезъ покореніе Астрахани, уже находится въ рукахъ русскихъ. Во то же время русскія поселенія распространяются по камской системѣ, которая такъ близка къ системамъ рѣкъ Сибирскихъ, причемъ переходъ чрезъ Уральскія горы по ихъ незначительной высотѣ, былъ легокъ, не замѣтенъ для русскихъ людей; уже при Іоаннѣ IV козаки развѣдываютъ путь въ Сибирь, причемъ главная ихъ дорога по рѣкамъ; при наслѣдникахъ Грознаго, русскіе утверждаются здѣсь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромныхъ простран-

ствахъ дикіе народцы не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія; природа въ удобствѣ водныхъ сообщеній вездѣ дала предпріимчивымъ русскимъ дружинамъ средство съ необыкновенною быстротою отыскивать новыя землицы для приведенія ихъ подъ высокую руку великаго государя, и скоро русскія грани касаются береговъ Восточнаго Океана. Замѣтимъ также; что природа, отдѣливъ Сибирь отъ остальной Азіи пространными степями Татаріи, а съ востока и сѣвера опоясавъ уединенными океанами, и направивъ теченіе большихъ рѣкъ ея къ сѣвернымъ тундрамъ, чрезъ это самое заставила ее смотрѣть исключительно на Западъ, образовала изъ нея нераздѣльную часть европейской России.

Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно стремленія на югъ, для соединенія съ юго-западною Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ потому, что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться на долго въ Ростовской области, Юрій Владимировичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершаться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Кости и отъ ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы, такимъ образомъ если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на Нерли, потомъ южнѣе Суздаля является Владиміръ, уже на самой Клязьмѣ: такъ и сѣверные князья переносили свои столы—изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владиміръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ великокняжескій утвердился надолго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ, по рѣкамъ—Клязьмою къ Окѣ и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владиміра было

очень выгодно для того времени, когда послѣ нашествія монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль: Владиміръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку, тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ востоку. Здѣсь природа, съ своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему владимірскіе князья, устремивъ все свое вниманіе на дѣла сѣверовостока, такъ охладѣли къ югу: такое охлажденіе замѣчается особенно въ дѣятельности Юрія II Всеволодовича. Изъ этого уже видно, что Владиміръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для русскихъ областей; положеніе его одностороннe: рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ финскому сѣверовостоку. Средоточіе было найдено вслѣдствіе опять того же стремленія къ югу. которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу: но этотъ путь велъ не прямо къ югу, а къ юговостоку, тогда какъ для отысканія центра русскихъ областей нужно было уклониться къ югозападу, что̀ и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на югозападъ отъ Ростова, по пути въ днѣпровскую Русь, города Переяславль-Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи: въ первый разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и верхнимъ Днѣпромъ. Москва рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала финскому сѣверовостоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ издавна примыкавшей къ южной Руси, и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе русское, между племенемъ славянскимъ и финскимъ.

Что касается природы московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію, слѣд. вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано, что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую для сѣвернаго, дополняя слѣдовательно одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы-рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей можайскихъ-смоленскихъ, устье во власти князей рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною.

Мы видѣли, что распространеніе русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Вопервыхъ, оно шло озерною новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или юго-западу, и въ то же время, съ другой стороны, шло путемъ бѣлозерскимъ, по Шекснѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. Навстрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, нешло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ—притоку Днѣпра, и Окѣ—притоку Волги. Такимъ образомъ, первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ къ югу;

потомъ распространеніе происходило въ серединѣ дуги, съ сѣвера отъ Волги, и ему навстрѣчу съ юга отъ Днѣпра, причемъ оба противоположныя движенія сходилось въ области Москвы-рѣки, гдѣ и образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потомъ вмѣстѣ съ теченіемъ послѣдней, имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣверною и южною Русью. Такъ какъ движеніе съ юга, отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ, шло отъ главной сцены дѣйствія, отъ кіевской области, то естественно было быстрѣе чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, малонаселенной области верхней Волги, и потому движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки, и владѣнія черниговскихъ Святославичей обнимаютъ равно обѣ эти области; этому скорому переходу изъ одной рѣчной области въ другую благопріятствовала близость источниковъ и притоковъ обѣихъ рѣкъ, хотя въ древности водораздѣлъ между системами Десны и Оки служилъ границею двухъ племенъ—Сѣверянъ и Вятичей. Близость областей, окской и деснинской, или, принимая обширнѣе, волжской и днѣпровской, и вслѣдствіе того раннее ихъ политическое соединеніе были важнымъ препятствіемъ къ разъединенію сѣверовосточной или московской Руси съ югозападною, литовскою; вотъ почему волокъ между Угрой и Днѣпромъ, собственно разграничивающій область Днѣпра отъ Окской, не могъ долгое время служить границею между обѣими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здѣсь утвердить границу. Область нижней Оки, отъ впаденія Москвы-рѣки до Мурома, и отчасти область верхняго Дона досталась младшему изъ сыновей Святослава черниговскаго, Ярославу, изгнанному изъ Чернигова племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ; эта область раздѣлялась въ послѣдствіи на два княжества—рязанское и муромское, которыя, будучи оторваны отъ Черниговской области по условіямъ историческимъ и находясь въ связи съ Ростовскою областью по условіямъ географическимъ, съ самаго начала находятся въ большей или меньшей зависимости отъ послѣдней.

Область Дона долго находилась внѣ русской исторической

сцены хотя, по близости окскихъ притоковъ къ верхнему Дону и его притокамъ, владѣнія рязанскія съ одной стороны, и черниговскія съ другой, необходимо должны были захватывать в донскую систему [15]; Донъ оставался степною рѣкою (какъ онъ и есть по природѣ береговъ своихъ) почти до самаго XV вѣка, т.-е до усиленія московскаго государства, которое па берегахъ его, въ XIV вѣкѣ, одержало первую знаменитую побѣду надъ Азіею, въ лицѣ Монголовъ [16]. Заселеніе донскаго и волжскаго степнаго пространства принадлежитъ московскому государству [17].

Наконецъ природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа раскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической; но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность непорывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ, развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мущинъ. Но среди природы относительно не богатой, однообразной, и потому не веселой, въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго—чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному чѣмъ къ пріятному;

стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мущинъ, что разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается, въ извѣстной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

ГЛАВА II.

Постепенное распространеніе свѣдѣній о сѣверовосточной Европѣ въ древности.—Бытъ народовъ, здѣсь обитавшихъ.—Скиѳы.—Агатирсы.—Невры.—Андрофаги.—Меланхлены.—Будины. — Гелоны. — Тавры.—Сарматы.—Бастарны.—Аланы.—Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта.—Торговля.—Характеръ азіятскаго движенія.

Нашъ лѣтописецъ начинаетъ повѣсть свою о русской землѣ съ тѣхъ поръ, какъ слово Русь стало извѣстно Грекамъ; историкъ русскій, который захочетъ углубиться въ отдаленныя времена, узнать что-нибудь о первыхъ извѣстныхъ обитателяхъ нашего отечества, долженъ также обратиться къ Грекамъ, начать съ тѣхъ поръ, какъ впервые имена этихъ обитателей появились въ извѣстіяхъ греческихъ.

Во времена Гомера греческіе корабли не смѣли еще плавать по Черному морю. Тогда смотрѣли на это море какъ на океанъ, границу обитаемой земли, считали его самымъ большимъ изъ всѣхъ морей, и потому дали ему названіе Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостепріимными по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло аксиносъ (негостепріимнымъ), пока іоническія колоніи (750 л. до Р. Х.) не заставили перемѣнить это имя на пріятно звучащее евксиносъ (гостепріимное). Во времена Гезіода свѣдѣнія Грековъ распространились: сѣверные берега Понта выдвинулись въ отдаленіи, покрытые туманами, представлявшими воображенію древнихъ странные образы: то была баснословная область, хранилище драгоцѣнностей, обитель существъ необыкновенныхъ. Какъ естественно было ожидать, поэты овладѣли чудесною страною, и перенесли туда миѳы, сценою которыхъ считались прежде берега морей ближайшихъ [18]. Одинъ изъ нихъ, Аристей, самъ за-

хотѣлъ посѣтить таинственный берегъ, и его поэмы, или по крайней мѣрѣ, выдаваемыя подъ его именемъ, распространили географическія свѣдѣнія древнихъ. По Аристею [19], на берегахъ Понта жили Киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ Скиѳы, за Скиѳами Исседоны, до которыхъ онъ доходилъ. Потомъ о дальнѣйшихъ странахъ начинались разсказы дѣтски легковѣрныхъ путешественниковъ, купцовъ, подобныхъ нашему Новгородцу Гурятѣ Роговичу [20]: за Исседонами къ сѣверу жили Аримаспы, одноглазые люди; далѣе за Аримаспами грифы стерегли золото, и еще далѣе на сѣверъ жили блаженные Гипербореи. Встрѣчаемъ древнія, темныя преданія о нашествіяхъ Киммеріянъ и Скиѳовъ на Азію; вѣрнѣе, хотя не вовсѣхъ подробностяхъ, извѣстіе о походѣ персидскаго царя Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ въ въ 513 году до Р. Х. Между тѣмъ, сѣверные берега Понта остаются попрежнему любимою страной поэтовъ: извѣстія объ нихъ встрѣчаемъ у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать объ нихъ свѣдѣнія увеличили — обширная торговля колоній и множество рабовъ, приводимыхъ въ Грецію съ сѣверныхъ береговъ Понта, и потому носившихъ имя Скиѳовъ [21]; но понятно, какою вѣрностію и точностію должны были отличаться извѣстія, почерпаемыя изъ такихъ источниковъ. Вотъ почему такъ драгоцѣнны для насъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ. Геродотовы извѣстія точнѣе относительно страны, обитаемой Скиѳами, но о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ послѣднихъ, онъ столько же знаетъ сколько и его предшественники, т.-е. и послѣ Геродота эта страна остается страною вымысловъ. Аристотель [22] упрекаетъ Аѳинянъ за то, что они цѣлые дни проводятъ на площади, слушая волшебныя повѣсти и разсказы людей, возвратившихся съ Фазиса (Ріона) и Борисѳена (Днѣпра). Говоря о сѣверѣ и сѣверовостокѣ, обыкновенно прибавляли, что тамъ обитаютъ Скиѳы; послѣ Дарія Гистаспа съ ними вошелъ во враждебныя столкновенія Филиппъ Македонскій: онъ поразилъ скиѳскаго царя Атеаса и вывелъ въ Македонію большой полонъ—20,000 человѣкъ мущинъ и женщинъ; завоеванія Александра Македонскаго, оказавшія такія важныя услуги географіи открытіемъ новыхъ странъ и путей въ южную Азію, не касались описываемыхъ нами странъ; съ европейской стороны македонскія завоеванія не про-

старались далѣе Дуная. Больше сдѣлано при наслѣдникахъ Александра: Тимэй подробно говорилъ о Скиѳахъ и сѣверномъ Океанѣ; Клеархъ, ученикъ Аристотеля, написалъ сочиненіе о Скиѳахъ; все что до сихъ поръ было извѣстно о сѣверѣ собралъ Эратосѳенъ.

Въ такомъ видѣ Греки передали Римлянамъ свои географическія познанія о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Война съ Македоніею указала Римлянамъ берега Дуная; война съ Митридатомъ открыла путь къ сѣвернымъ берегамъ Понта. Митридатъ, въ своихъ отчаянныхъ попыткахъ противъ римскаго могущества, старался вооружить на Италію всѣхъ дикихъ жителей степей отъ Дуная до Азовскаго моря. Во время Цезаря Беребистъ основалъ на берегахъ Дуная могущественное владѣніе Гетовъ, которое впрочемъ скоро раздѣлилось и ослабѣло. Овидій, сосланный въ Томы, перечисляетъ окружные народы — Гетовъ, Скиѳовъ, Сарматовъ, Языговъ, Бастарновъ; онъ не упоминаетъ о Дакахъ, которыхъ имя часто встрѣчается у Горація; но на свидѣтельствахъ поэтовъ трудно основываться: у нихъ одно народное имя идетъ за другое, древнее вмѣсто новаго. Причины, почему страны къ сѣверу отъ Понта не могли быть съ точностію изслѣдованы, приводитъ Страбонъ [23]: по Танаису (Дону), говоритъ онъ, мало что можно узнать выше устьевъ по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ, но иностранцы не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дики, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ.—Вотъ почему и для Римлянъ эта страна оставалась украйною міра, которую покинули люди и боги [24].

Но скоро сѣверные варвары начинаютъ нападать на римскія провинціи: въ 70 году по Р. Х. Роксоланы вступаютъ въ Мизію, но принуждены уйти оттуда съ большими потерями; потомъ Даки перешли Дунай, но были также отброшены назадъ. Даки были первый варварскій народъ, которому повелители свѣта должны были платить дань при Домиціанѣ; Троянъ долженъ былъ вести кровопролитную войну съ предводителемъ ихъ Децебаломъ: императору удалось превратить Дакію въ римскую провинцію; многіе изъ Даковъ выселились, другіе мало-по-малу олатинились. Тацитъ восточными сосѣдями Германцевъ полагаетъ Даковъ и

Сарматовъ, сомнѣваясь, куда причислить Певциновъ, Венедовъ и Финновъ—къ Германцамъ или Сарматамъ. Вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ варварами, извѣстія объ отдаленныхъ странахъ и народахъ умножились; но эти извѣстія приносились воинами, купцами; люди, которые хотѣли научнымъ образомъ составить изъ ихъ разсказовъ что-нибудь полное, сами не могли повѣрить чужихъ извѣстій, и потому писали наугадъ, произвольно, чему доказательствомъ служитъ сочиненіе Птолемея.

Изложивши въ немногихъ словахъ постепенное распространеніе свѣдѣній о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Понта, скажемъ нѣсколько подробнѣе о бытѣ народовъ, жившихъ въ этихъ странахъ, сколько о немъ знали древніе. Мы знаемъ, что имена господствовавшихъ здѣсь одинъ за другимъ народовъ, были Скиѳы и Сарматы, отъ чего и страна называлась Скиѳіею, преимущественно у Грековъ, и Сарматіею, преимущественно у Римлянъ. Мы не можемъ позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи Скиѳовъ, Сарматовъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ въ извѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякій младенчествующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени; нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ вести также къ твердымъ выводамъ: для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки. Мы войдемъ въ изслѣдованія миѳовъ и преданій о Скиѳахъ и другихъ древнихъ народахъ только въ той мѣрѣ, въ какой они связываются съ послѣдующими историческими явленіями, объясняютъ ихъ и взаимно объясняются ими.

Оставя всѣ многочисленныя и противорѣчивыя толкованія о положеніи скиѳскихъ рѣкъ и народовъ, упоминаемыхъ у Геродота [25], мы изъ его разсказа можемъ вывести слѣдующія несомнѣнныя заключенія: по Днѣпру—на западъ до самаго Днѣстра, на востокъ—очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по крайней мѣрѣ, переходное, которое хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ, и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его какъ предметъ вы-

годной торговли; такимъ образомъ щедрая природа странъ приднѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страной до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку, за Дономъ живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ Приднѣпровью. Такимъ образомъ восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ—кочевники смѣнятся кочевниками. У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ, греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами: быть-можетъ, эти мирныя убѣжища гражданственности производили хотя медленное, но замѣтное въ исторіи вліяніе на послѣднихъ? Исторія показываетъ между Скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію, но гибнутъ отъ рукъ единовѣрцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая; варварство въ полномъ разгулѣ на берегахъ Понта; не греческимъ купцамъ вступить съ нимъ въ борьбу и побѣдить его: для этого нужна большая матеріальная сила, для этого нужны другіе многочисленные, крѣпкіе народы и цѣлые вѣка медленнаго, но постояннаго движенія. Около греческихъ колоній живутъ смѣшанные народы, полу-Эллины и полу-Скиѳы; но что это? Скиѳы ли огречившіеся, или греческіе переселенцы, принявшіе скиѳскіе обычаи, или наконецъ отрасли родственныхъ съ Греками ѳракійскихъ племенъ? На эти вопросы не даетъ отвѣта древность.

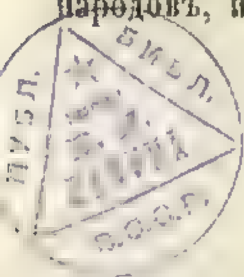
Но о Скиѳахъ она знаетъ много подробностей. По свидѣтельству Геродота, Скиѳы считали себя младшимъ изъ народовъ и аборигенами въ землѣ своей: отъ брака верховнаго божества, которое Геродотъ называетъ по своему Зевсомъ, на дочери рѣки

Борисѳена, родился въ пустынной странѣ человѣкъ Таргитавсъ; у него было трое сыновей—Лейпоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. При нихъ упали съ неба плугъ, воловье иго, стрѣлы и чаша—всѣ золотые. Когда оба старшіе брата хотѣли дотронуться до этихъ вещей, то нашли ихъ огненными; только младшій братъ могъ взять ихъ въ руки и отнести въ свое жилище, вслѣдствіе чего старшіе передали ему царское достоинство. Отъ трехъ братьевъ пошли разныя скиѳскія племена: отъ старшаго—Авхаты, отъ средняго—Катіары и Траопіи, отъ младшаго—царскіе, или Паралаты; всѣ они вообще носили имя Сколотовъ, а Греки называли ихъ Скиѳами. Преданіе о томъ, что Скиѳы суть самый младшій изъ народовъ, указываетъ на смутное сознаніе о позднемъ появленіи ихъ на берегахъ Понта; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло преданіе о странѣ, откуда они пришли, то явилось другое преданіе о происхожденіи Скиѳовъ на берегахъ Днѣпра. Днѣпръ, виновникъ плодоносія береговъ своихъ, дающій питаніе всему живущему на нихъ, необходимо явился участникомъ и въ произведеніи человѣка: онъ дѣдъ по матери праотцу Скиѳовъ; если небо участвовало непосредственно въ произведеніи праотца Скиѳовъ, то оно же непосредственно научило его дѣтей средствамъ къ жизни: съ неба упали четыре орудія, четыре символа главныхъ занятій первобытнаго человѣка—земледѣлія, скотоводства, винодѣлія и звѣроловства. Младшій братъ захватилъ ихъ себѣ, сталъ распорядителемъ, раздавателемъ средствъ къ жизни, старшіе братья должны были смотрѣть у него изъ рукъ—вотъ символъ власти и подчиненія! но почему же въ преданіи на долю младшаго брата выпала власть, на долю старшихъ—подчиненіе? Это указываетъ на историческій фактъ и объясняется мѣстомъ жительства царственныхъ, господствующихъ Скиѳовъ, Паралатовъ. Историческій фактъ—это покореніе Паралатами остальныхъ Скиѳовъ; происхожденіе Паралатовъ отъ младшаго брата указываетъ опять на то, что Паралаты пришли позднѣе съ востока, и потому остались кочевать на берегахъ Дона, подчинивъ себѣ племена, прежде пришедшія и поселившіяся далѣе на западѣ около Днѣпра; скиѳское преданіе вполнѣ объясняется послѣдующими явленіями, имѣвшими мѣсто въ этихъ странахъ: въ продолженіе многихъ вѣковъ мы видимъ здѣсь одинаковое явленіе, а именно, что

позднѣе пришедшія съ востока орды подчиняютъ себѣ племена прежде пришедшія и утвердившіяся далѣе на западѣ.

У понтійскихъ Грековъ существовалъ другой миѳъ о происхожденіи Скиѳовъ. Въ немъ говорится, что Геркулесъ пришелъ въ страну заселенную послѣ Скиѳами, и которая тогда была пуста. Тамъ застигла его буря и холодъ; онъ завернулся въ львиную кожу и заснулъ. Проснувшись, Геркулесъ увидалъ, что лошади, которыхъ онъ оставилъ пастись, исчезли; онъ началъ искать ихъ по всей странѣ, и когда пришелъ въ лѣсную припонтійскую область Гюлэю, то нашелъ въ пещерѣ чудовище, ехидну, полуженщину и полузмѣю. На спросъ Геркулеса ехидна отвѣчала, что лошади у нея, но что она не отдастъ ихъ до тѣхъ поръ пока онъ не согласится имѣть съ нею связь; Геркулесъ принужденъ былъ исполнить ея желаніе; плодомъ этой связи было трое сыновей: Агатирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ самый достойный сынъ Геркулеса, остался обладателемъ страны и родоначальникомъ царей скиѳскихъ. Этотъ миѳъ есть видоизмѣненіе перваго: греческіе поселенцы привели своего странствующаго героя-полубога на сѣверные берега Понта; Скиѳія гордилась слѣдомъ стопы геркулесовой, какъ однимъ изъ чудесъ своихъ, и точно духъ Греціи оставилъ здѣсь много дивныхъ слѣдовъ, открываемыхъ теперь наукою. Въ пустынѣ Геркулесъ долженъ былъ сочетаться съ чудовищемъ, ехидною, дочерью Борисѳена въ скиѳскомъ преданіи, и которой форма равно какъ обитаніе въ пещерѣ Гюлэйской, указываетъ на первобытное состояніе сѣверныхъ береговъ Понта, только что вышедшихъ изъ-подъ воды; отъ этого страннаго брака греческаго героя съ чудовищемъ произошли варварскіе и полуварварскіе смѣшенные народы, ибо Гелоны, по утвержденію Геродота, суть Эллины. поселившіеся среди Будиновъ. Въэтомъ миѳѣ замѣчательно также для насъ сближеніе трехъ народовъ, Агатирсовъ, Гелоновъ и Скиѳовъ, какъ происшедшихъ отъ одного прародителя.

Кромѣ миѳовъ, историкъ имѣетъ преданіе, которое онъ не усомнится принять за достовѣрное, если обратитъ вниманіе на положеніе страны, и на событія, случившіяся уже на памяти исторіи: сѣверные берега Понта, открытая дорога между Европою и Азіею, были поэтому самому изначала мѣстомъ столкновенія народовъ, изъ которыхъ одинъ вытѣснялъ другой изъ жилищъ

его, или, по крайней мѣрѣ, подчинялъ его остатки своему господству. Такъ Аристей, по свидѣтельству Геродота, разсказывалъ, что на сѣверныхъ берегахъ Понта жили Киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ Скиѳы, за ними Исседоны, за этими Аримаспы (одноглазые), Грифы, и наконецъ у сѣвернаго океана Гипербореи. Послѣдніе оставались спокойны, но изъ остальныхъ тѣ, которые жили сѣвернѣе, вытѣсняли жившихъ на югѣ, такъ что Киммеріяне принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее Скиѳамъ. У Геродота есть другое преданіе, что кочевые Скиѳы жили въ Азіи, къ югу отъ Аракса; вытѣсненные Массегетами, они двинулись къ западу, въ страны Киммеріянъ. Это преданіе имѣетъ также много за себя для историка, потому что движеніе кочевыхъ народовъ шло постоянно отъ востока къ западу; притомъ же это преданіе нисколько не противорѣчитъ Аристееву: Скиѳы, изгнанные Массегетами двинулись къ сѣверо-западу и заняли сперва страну, лежавшую къ сѣверу отъ Киммеріянъ; потомъ, тѣснимые Исседонами, принуждены были двинуться къ югу [26].

Относительно наружности Скиѳы представляются у древнихъ бѣлокожими, краснолицами, голубоглазами, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скиѳы были очень похожи другъ на друга, толсты, мясисты; браки ихъ не отличались плодовитостію; нравы ихъ—нравы всѣхъ младенчествующихъ народовъ; они были страстны, вспыльчивы, лѣнивы; ихъ обычаи—обычаи всѣхъ кочевыхъ народовъ, какихъ еще и теперь много питаютъ степи средней Азіи; мущины на лошадяхъ, женщины и дѣти въ кибиткахъ, запряженныхъ волами, перекочевывали съ одного пастбища на другое; пища ихъ—лошадиное молоко и мясо. Какъ всѣ варварскіе народы, Скиѳы любили опьяняться дымомъ пахучихъ травъ, потомъ полюбили привозное изъ Греціи вино, и пили его чистое, мущины и женщины, пили и медъ. На войнѣ Скиѳы отличались храбростью и жестокостью: сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, пили изъ череповъ ихъ; разсказы о скиѳскихъ жестокостяхъ повели къ слуху, что они людоѣды, питались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ. Сражались они конные и пѣшіе; особенно славились скиѳскіе стрѣлки; стрѣлы намазывались ядомъ. Война считалась почетнѣйшимъ занатіемъ: купцы уважались меньше чѣмъ воины; и такъ между

Скиѳами были купцы, были и земледѣльцы, какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе [27], что Скиѳы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани; такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣдніе исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о Скиѳахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобъ заплатить дань господствующему племени. Трудно рѣшить, одному ли владѣльцу повиновались Скиѳы, или многимъ; вождь на войнѣ былъ судьею въ мирное время. Скиѳія раздѣлялась на округи, въ каждомъ округѣ былъ особый начальникъ, для общаго собранія, вѣча, назначалось особое мѣсто. Различіе между знатными и чернью, между богатыми и бѣдными, существовало у Скиѳовъ; были у нихъ и рабы, которыхъ они ослѣпляли. Касательно религіи Геродотъ перечисляетъ названіе слѣдующихъ божествъ: Табити (Веста), Папайосъ (Зевсъ), Апія (Земля), Ойтосиръ (Аполлонъ), Артимпаса (Афродита); Тамимасадасъ (Посейдонъ); кромѣ того упоминается о Геркулесѣ и Марсѣ; Табити (Веста), божество семьи, домашняго очага, пользовалось особеннымъ уваженіемъ, считалось народнымъ скиѳскимъ божествомъ. Поклясться очагомъ, домашнимъ божествомъ начальника, считалось величайшею клятвой; ложная клятва этимъ божествомъ причиняла, по мнѣнію Скиѳовъ, болѣзнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослуженіе не могло быть развито у Скиѳовъ: понятно, что у нихъ не могло быть храмовъ; изображеніемъ Марса служилъ мечъ; этому божеству приносились годичныя жертвы, лошади и другія животныя, приносили въ жертву и плѣнныхъ, изо ста одного. Вмѣсто жрецовъ и у Скиѳовъ, какъ у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, видимъ толпу кудесниковъ, гадателей; припонтійскія страны славились, какъ мѣстопребываніе чародѣевъ. — По смерти начальниковъ своихъ, Скиѳы погребали вмѣстѣ съ ними ихъ наложницъ, служителей, лошадей и разныя необходимыя для жизни вещи.—Изъ этихъ главныхъ чертъ скиѳскаго быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у другихъ младенчествующихъ племенъ? У древнихъ, какъ и у новыхъ образованныхъ народовъ, между писателями иногда встрѣчаются различные от-

зывы о варварскихъ племенахъ: одни, поборники своего образованнаго общества, выставляютъ бытъ варваровъ съ самой черной стороны; другіе, наоборотъ, будучи недовольны испорченностью нравовъ, господствующею въ нѣкоторыя времена у образованныхъ народовъ, любятъ превозносить грубые нравы дикарей, возвышать ихъ до идеальной простоты и невинности; такія противоположныя мнѣнія мы встрѣчаемъ у писателей и о Скиѳахъ: одни описываютъ грубость ихъ самыми черными красками, дѣлаютъ изъ нихъ людоѣдовъ, пожирающихъ собственныхъ дѣтей; другіе превозносятъ чистоту, неиспорченность ихъ нравовъ, довольство малымъ, и упрекаютъ Грековъ и Римлянъ въ развратѣ, который они внесли къ Скиѳамъ.

Касательно быта другихъ народовъ чуждаго происхожденія, но обитавшихъ подлѣ Скиѳовъ, остались извѣстія объ Агатирсахъ, жившихъ къ западу отъ Скиѳовъ. Геродотъ называетъ ихъ самымъ изнѣженнымъ, женоподобнымъ народомъ, страстнымъ къ блестящимъ украшеніямъ; жены были у нихъ въ общемъ пользованіи будто бы для того, чтобъ всѣмъ составлять одно семейство, и тѣмъ избѣжать зависти и вражды, въ остальномъ бытъ ихъ былъ похожъ на бытъ Ѳракіянъ. Изъ народовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Скиѳовъ, о Неврахъ ходили слухи, что они живутъ по-скиѳски, и будто въ извѣстные дни каждый Невръ обращался въ волка,—повѣрье, сильно укорененное между восточнымъ народонаселеніемъ Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостію, Меланхлены имѣли скиѳскіе нравы. О Будинахъ до Геродота дошли, какъ видно, одни смутные слухи; можно понимать, что въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ жили два различные народа—Будины и Гелоны: Будины—кочевники, Гелоны—осѣдлые: у нихъ большой деревянный городъ; Геродотъ считаетъ Гелоновъ греческими переселенцами. Къ югу отъ Скиѳовъ, въ нынѣшнемъ Крыму, обитали Тавры, народъ дикій и свирѣпый, живущій грабежомъ и войною; на крышкахъ домовъ ихъ, надъ печными трубами виднѣлись шесты съ воткнутыми на нихъ головами плѣнниковъ: эти варварскіе трофеи охраняли домъ отъ всякаго зла, какъ жертва угодная божеству. Тавры приносили плѣнныхъ Грековъ въ жертву Дѣвѣ; имя божества-дѣвы, у самыхъ Тавровъ,—Орейлоха; Грекамъ казалась она то Ифигеніею, то Артемидою. По природнымъ условіямъ по-

луострова, Тавры, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ—сѣверныхъ, и земледѣльческихъ—южныхъ.

Какъ на ясной памяти исторіи, въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочеваго народа смѣнялось господствомъ другаго, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѳовъ смѣнилось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь же мало выиграла, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцами; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій: и Сарматы, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ и земледѣльческихъ, на господствующихъ и подчиненныхъ. Но древніе замѣтили и нѣкоторыя особенности у Сарматовъ; главная особенность состояла въ томъ, что у Сарматовъ женщины имѣли большую силу, отличались храбростію и мужескими упражненіями: это подало поводъ къ сказкѣ, что Сарматы произошли отъ совокупленія Скиѳовъ съ Амазонками; но у древнихъ писателей сохранилось также преданіе о происхожденіи Сарматовъ изъ Мидіи,—преданіе, подтверждаемое теперь [26] наукою. Сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по тѣлу разными узорами; вели кочевую жизнь; не умѣли сражаться пѣшкомъ, но на лошадяхъ были неотразимы; отличались дикостію и жестокостію въ нравахъ; поклонялись мечу, по другимъ извѣстіямъ, огню, и приносили въ жертву лошадей. Изъ сарматскихъ племенъ сильнѣйшими явились Языги на западѣ, въ нынѣшней Бессарабіи и Валахіи, отчасти въ Венгріи, и Роксоланы на востокѣ, между Дономъ и Днѣпромъ; подлѣ Сарматовъ, на западныхъ границахъ Скиѳіи и восточныхъ Германіи, упоминается особый сильный народъ, Бастарны, раздѣлявшійся на три поколѣнія—Атмоновъ, Сидоновъ и Певциновъ. При первыхъ императорахъ Рима Роксоланы переходятъ Дунай и нападаютъ на области имперіи; при Адріанѣ Римляне принуждены были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ; послѣ могущество Роксоланъ и Языговъ ослабѣло вслѣдствіе усиленія Готовъ и потомъ Гунновъ. Незадолго до Рождества Христова, или въ первомъ вѣкѣ послѣ него, въ нынѣшней Европейской Россіи являются Аланы, пришедшіе, какъ говорятъ, изъ странъ прикавказскихъ; Римляне знали и этихъ страшныхъ враговъ на Дунаѣ вмѣстѣ съ Готами,

по часть ихъ въ соединеніи съ Вандалами бросилась на западъ, вмѣстѣ съ Франками перешла Рейнъ, опустошила Галлію (гдѣ, какъ говорятъ, Алансонъ получилъ отъ нихъ свое имя), нападала на Италію, Сицилію, Грецію, вторгнулась въ Испанію, и, вѣроятно даже въ Африку. Большая часть племени оставалась впрочемъ въ странахъ припонтійскихъ до конца IV вѣка, когда Аланы на время смѣшались съ побѣдителями своими Гуннами; но въ VI вѣкѣ встрѣчаемъ ихъ опять между Дономъ и Волгою: здѣсь, равно какъ въ странахъ прикавказскихъ, византійскіе и арабскіе писатели упоминаютъ о нихъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Къ какому племени приписать Аланъ—объ этомъ еще спорятъ изслѣдователи; есть основанія считать ихъ Германцами; для насъ впрочемъ и Аланы, каково бы ни было ихъ происхожденіе, остаются народомъ неисторическимъ, потому что ихъ дѣятельность не отличается ничѣмъ отъ дѣятельности ихъ предшественниковъ: ихъ слѣды также пропали въ нашихъ степяхъ.

Мы упоминали уже о греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Понта. Самою значительною изъ нихъ была здѣсь Ольвія (Борисѳенъ, Милетополисъ), основанная Милезійцами за 655 лѣтъ до Р. Х., при устьѣ Гипаниса или Буга. Старый городъ былъ разрушенъ Гетами въ половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Х., потомъ при участіи Скиѳовъ, Ольвія была возстановлена, но не достигла прежняго богатства и великолѣпія; старый городъ, по Геродоту, имѣлъ предмѣстіе, рынокъ, дворецъ скиѳскаго царя Скюлеса; но по надписямъ видно, что въ немъ былъ гимназіумъ, хлѣбный складочный магазинъ, базаръ, рыбный рынокъ, корабельныя верфи. Скиѳы производили здѣсь торговлю посредствомъ семи толмачей; Ольвія имѣла обширныя торговыя связи съ греческими городами до самой Сициліи. Главнымъ храмомъ считался храмъ Юпитера Ольвіоса, гдѣ граждане собирались для совѣщаній; но изъ божествъ особеннымъ уваженіемъ пользовался Ахиллесъ, пѣвцу котораго, Гомеру, также воздавались божескія почести. Въ странѣ варварской жители Ольвіи не могли сохранить въ чистотѣ греческаго языка; они переняли также и скиѳскую одежду, въ которой преобладалъ черный цвѣтъ. Вѣрную картину быта греческихъ колонистовъ можно видѣть въ разсказѣ Діона Хрисостома, который въ Ольвіи искалъ убѣжища

отъ преслѣдованій Домиціана. Когда жители Ольвіи увидали заморскаго оратора, то съ греческою жадностію бросились послушать его рѣчей: старики, начальники усѣлись на ступеняхъ юпитерова храма; толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхищался античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подобны Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и съ длинными бродами, но всѣ они были также вооружены: наканунѣ толпа варваровъ показалась передъ городомъ, и въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскія ворота были заперты, и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя; когда же нужно было выступать противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизустъ[29]. Время паденія новой Ольвіи трудно опредѣлить. Кромѣ Ольвіи важными поселеніями греческими были—Пантикапея, (около Керчи), служившая мѣстопребываніемъ босфорскимъ царямъ; потомъ Фанагорія, которую полагаютъ подлѣ Тамани; кромѣ того по берегамъ и во внутренности страны было много другихъ торговыхъ мѣстъ. Постоянная опасность со стороны варваровъ заставила всѣ эти города ввѣрить правленіе одному начальнику, вслѣдствіе чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорскихъ владѣльцевъ и къ наступательной; они покорили своей власти разные окрестные варварскіе народы. Какъ начальники греческихъ городовъ носили они названіе Архонтовъ или Игемоновъ; какъ владѣльцы варварскихъ народовъ назывались Василевсами или Этнархами. Такимъ образомъ на берегахъ Понта, гдѣ сталкивалось столько разноплеменныхъ и разнообычныхъ народовъ, издавна являются странныя, смѣшанныя владѣнія, какимъ въ древности было босфорское царство, въ позднѣйшія времена казарское. Самую тѣсную связь съ нашею исторіею имѣетъ богатая греческая колонія на Таврическомъ полуостровѣ (гдѣ теперь Севастополь) Херсонесъ (Херсонъ, Корсунь).

Существованіе многихъ торговыхъ цвѣтущихъ поселеній предполагаетъ обширную торговлю. Главнымъ предметомъ вывоза съ сѣверныхъ береговъ Понта и въ древности, какъ теперь, былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовала рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади: рабы, какъ было сказано выше, составляли также одну изъ значительныхъ отраслей понтійской тор-

говли. Привозъ состоялъ въ выдѣланныхъ кожахъ, которыя въ грубомъ видѣ были вывезены отсюда же, въ одеждѣ, маслѣ, винѣ, произведеніяхъ искусствъ.

Мы видѣли, что несмотря на столкновеніе разныхъ народовъ у береговъ понтійскихъ, несмотря на ихъ движенія и борьбы, въ странахъ этихъ, во все продолженіе такъ-называемой древней исторіи, господствуетъ мертвенное однообразіе: смѣнялись имена народовъ, но бытъ ихъ оставался одинаковъ. Только однажды однообразіе этого пустыннаго міра было нарушено движеніемъ историческаго народа, походомъ персидскаго царя Дарія Истаспа; преданія объ этомъ походѣ любопытны для историка, потому что даютъ понятіе о свойствахъ страны и народовъ, въ ней обитавшихъ. За 513 лѣтъ до Р. Х., съ 700 или 800,000 войска и 600 кораблей переправился персидскій царь чрезъ ѳракійскій Босфоръ по великолѣпному мосту въ Европу, и вступилъ въ Скиѳію. Скиѳы не встрѣтили полчищъ персидскихъ, но стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе; Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погонею, Дарій послалъ сказать скиѳскому царю: «Странный человѣкъ! зачѣмъ ты бѣжишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись, поднеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ». Скиѳъ отвѣчалъ: «Никогда еще ни передъ однимъ человѣкомъ не бѣгалъ я отъ страха, не побѣгу и передъ тобою; что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы: попробуйте ихъ разорить, такъ узнаете, будемъ ли мы съ вами биться, или нѣтъ». Одни кости мертвецовъ привязывали Скиѳа къ землѣ, и ничего кромѣ могилъ не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ. Персы увидали, что зашли въ страну могилъ, и обратились назадъ [30].

Вторженіе Персовъ въ Скиѳію не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Митридата возбудить востокъ, міръ варваровъ противъ Рима, остались тщетны-

ми. Движенія изъ Азіи не могли возбудить исторической жизни въ странахъ понтійскихъ; но вотъ слышится преданіе о противоположномъ движеніи съ запада, изъ Европы, о движеніи племенъ, давшихъ странѣ исторію.

ГЛАВА III.

Славянское племя.—Его движеніе.—Венеды Тацита.—Анты и Сербы.—Движеніе Славянскихъ племенъ по русскому начальному лѣтописцу.—Родовой бытъ Славянъ.—Города.—Нравы и обычаи.—Гостепріимство.—Обращеніе съ плѣнными.—Бракъ.—Погребеніе.—Жилища.—Образъ веденія войны.—Религія.—Финское племя. — Литовское племя. — Ятвяги. — Готское движеніе.—Гунны.—Авары.—Козары. — Варяги.—Русь.

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азіи, о вождѣ, который вывелъ его оттуда: но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, въ слѣдствіе натиска какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясные слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ [31]; сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока азіатскія орды; только на сѣверовостокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверовостокѣ славянское племя могло найдти себѣ убѣжище, гдѣ, хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ натисковъ и вліяній Запада, до тѣхъ поръ пока оно, собравши силы, могло уже, безъ опасенія за свою независимость, выступить на поприще и обнаружить съ своей стороны вліяніе и на востокъ и на западъ.

Вотъ это преданіе о первоначальномъ мѣстѣ жительства Славянъ и движеніяхъ ихъ, какъ оно читается у нашего русскаго лѣтописца [32]: «спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля венгер-

ская и болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими имянами гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава, и прозвались Моравами, другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне—Хроваты бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волхи нашли на Славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ, и начали насильничать, то тѣ славяне (т.-е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ, и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же ляховъ принадлежатъ Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Также иэти Славяне (т.-е. Хроваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись и сѣли по Днѣпру и проч.» Довольствуясь достовѣрностію явленія, мы не станемъ входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто былъ этотъ могущественный врагъ, потѣснившій Славянъ изъ подунайскихъ жилищъ ихъ. Писатели перваго вѣка нашего лѣтосчисленія знаютъ Славянъ подъ имянемъ Венедовъ около Вислы, между племенами сарматскими, финскими, и германскими; встрѣчается у нихъ и имя Сербовъ далѣе къ востоку [32]. Краткія указанія о бытѣ Славянъ—Венедовъ впервые встрѣчаемъ у Тацата: Татицъ сначала обнаруживаетъ сомнѣніе, къ какимъ племенамъ причислить Венедовъ—къ германскимъ или сарматскимъ? Они много приняли изъ сарматскихъ нравовъ, говоритъ онъ, потому что какъ разбойники скитаются по странѣ, лежащей между певцинами и финнами. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ глазахъ Татица Венеды были похожи на Сарматовъ суровстію нравовъ; Венеды въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. отличались воинственнымъ движеніемъ,—знакъ еще неустановившейся жизни, недавняго переселенія. Нравами Венеды показались Тациту похожи на Сарматовъ; но когда онъ вглядѣлся внимательнѣе въ ихъ бытъ, то нашелся принужденнымъ сказать, что скорѣе ихъ слѣдуетъ отнести къ племенамъ европейскимъ: они, говоритъ Тацитъ, строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши,—все это совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Такимъ образомъ первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣзко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ славянинъ выводится на историческую сцену въ видѣ европейскаго воина—пѣшъ и со щитомъ. Писатели слѣдующихъ вѣковъ постоянно упо-

минаютъ между главными народами Сарматіи—Венедовъ, далѣе на востокѣ Сербовъ [34]. Въ половинѣ VI вѣка извѣстія о племенахъ и жилищахъ славянскихъ становятся нѣсколько точнѣе: по Іорнанду,[35] многочисленное племя Венедовъ раздѣлялось на два народа—Славянъ жившихъ отъ верховья Вислы на востокъ до Днѣпра, и Антовъ, которые были сильнѣе первыхъ, и жили въ странахъ припонтійскихъ, отъ Днѣпра до Днѣстра. Прокопій [36] знаетъ также славянъ и Антовъ, прибавляя, что въ древности оба народа были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Споровъ. въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ вѣроятности видятъ Сербовъ. Прокопій говоритъ, что на берегахъ Азовскаго моря живутъ Утургуры, а пространство дальше отъ нихъ къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ указаній иностранныхъ писателей перейдемъ теперь къ точнѣйшимъ указаніямъ нашего начальнаго лѣтописца о разселеніяхъ восточныхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства. Объ этомъ разселеніи лѣтопись говоритъ въ трехъ мѣстахъ; въ первомъ мѣстѣ говорится [37], что восточная отрасль славянъ, т.-е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверовостокъ, и одни сѣли по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ; далѣе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; нѣкоторые сѣли на Двинѣ, и назвались Полочанами, отъ имени рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Часть славянъ сѣла также около озера Ильменя, и прозвалась своимъ имянемъ—Славянами; эти Славяне построили городъ, и назвали его Новгородомъ; остальные Славяне сѣли по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ, и назвались Сѣверомъ, или Сѣверянами.}—Въ другомъ мѣстѣ [38] говорится, что у Полянъ было свое княженье, у Древлянъ свое, у Дреговичей свое, у словянъ свое въ Новгородѣ, у Полочанъ свое. Отъ нихъ же т.-е. отъ Полочанъ—Кривичи, которые сидятъ на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Потомъ тутъ же перечисляются племена въ томъ порядкѣ: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне съ прибавкою Бужанъ назвавшихся такъ по рѣкѣ Бугу, и прозванныхъ послѣ Волынянами.—Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ [39], говоря о

Полянахъ и Древлянахъ, съ подтвержденіемъ, что они племени славянскаго, лѣтописецъ прибавляетъ еще Радимичій и Вятичей, которые происходятъ отъ Ляховъ, т.-е. отъ западныхъ Славянъ: были два брата въ Ляхахъ, Радимъ и Вятко; Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ, а Вятко на Окѣ. Тутъ же прибавлены Хорваты, потомъ Дулѣбы, жившіе по Бугу, гдѣ во время лѣтописца были уже Волыняне; наконецъ Угличи и Тиверцы, сидѣвшіе по Днѣстру до самаго моря и Дуная,—многочисленныя племена, у которыхъ были города, существовавшіе до временъ лѣтописца.

Изъ перваго извѣстія видно, что восточные славяне двинулись отъ Хорватовъ, изъ нынѣшней Галиціи, прямо на востокъ до Днѣпра: то были Древляне и Поляне. Потомъ славянское народонаселеніе стало распространяться на сѣверъ по правому берегу Днѣпра; между Припетью и Двиною явились Дреговичи, за ними по Двинѣ, опять прямо на сѣверъ, Полочане, и наконецъ Славяне новгородскіе. Кривичи пропущены въ первомъ извѣстіи; лѣтописецъ прямо переходитъ къ ближайшимъ къ Кіеву Сѣверянамъ, на восточный берегъ Днѣпра, къ Деснѣ, Семи и Сулѣ. Другое извѣстіе дополняетъ и объясняетъ первое: здѣсь сначала лѣтописецъ перечитываетъ только пять главныхъ племенъ на западной сторонѣ: Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Славянъ новгородскихъ и Полочанъ; но потомъ указываетъ на дальнѣйшее выселеніе: отъ Полочанъ расселились Кривичи по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра—«отъ нихъ же Кривичи»; отъ Кривичей на югъ, по Днѣпру и его притокамъ, Сѣверяне. Слѣдовательно, если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ—Дулѣбахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣ не вслѣдствіе извѣстнаго толчка отъ волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо.

Итакъ, первыми славянскими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе, являются Древляне и Поляне,

жители лѣсовъ и жители полей; уже эти самыя мѣстныя причины условливали разницу въ нравахъ обоихъ племенъ, большую дикость Древлянъ, большую склонность ихъ жить на счетъ сосѣдей, отчего терпѣли Поляне. Это послѣднее племя пріобрѣло особенное значеніе потому, что городокъ среди него основанный, Кіевъ, сталъ главнымъ городомъ русской земли. На счетъ основанія Кіева, какъ вообще всѣхъ древнихъ знаменитыхъ городовъ, ходили разныя преданія. Названіе его, сходное съ прилагательною притяжательною формою, заставило предположить имя основателя Кія (Кій—Кіевъ городъ, какъ Андрей—Андреевъ, Петръ—Петровъ); названіе разныхъ городскихъ урочищъ, горъ—Щековицы и Хоревицы, повели къ предположенію первыхъ насельниковъ—Щека и Хорива; господствующія понятія заставили связать Кія, Щека и Хорива кровнымъ союзомъ, предположить въ нихъ братьевъ: названіе рѣчки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Самъ лѣтописецъ предложилъ очень хорошее объясненіе этого производства: Кіевъ перевозъ заставлялъ предполагать Кія перевощика [40]. Названіе городища Кіевецъ на Дунаѣ заставило предположить, что основателемъ было одно и то же лице; отсюда необходимо другое представленіе, что Кій былъ знаменитый владыка рода, ходившій въ Царьградъ, принявшій большую честь отъ императора и построившій на возвратномъ пути Кіевецъ [41]: позднѣйшіе походы русскихъ кіевскихъ князей въ Грецію, къ Дунаю, естественно влекли къ такому представленію, точно такъ какъ господство родовыхъ понятій заставляло лѣтописца предполагать въ Кіѣ князя, старѣйшину рода «и Кій княжаше въ родѣ своемъ», хотя дальній походъ въ Грецію и желаніе поселиться на Дунаѣ, въ странѣ болѣе привольной, обличаютъ скорѣе безпокойнаго вождя дружины, чѣмъ мирнаго владыку рода. Изъ этихъ преданій историкъ можетъ вывести только то, что жители Дуная и Днѣпра были единоплеменны, судя по сходству названій Кіева и Кіевца, если только послѣднее не явилось на Дунаѣ во времена Святослава; точно такъ какъ можно видѣть признакъ общеславянскаго родства между племенами въ сходствѣ названій Кіева и Куявы польской, не предполагая впрочемъ здѣсь связи болѣе тѣсной.

За Древлянами слѣдуютъ Дреговичи, поселившіеся между При-

петью и Двиною. Названіе Дреговичей встрѣчается у болгарскихъ Славянъ и въ Германіи [42].—За Дреговичами слѣдуютъ Полочане, т. е. Кривичи. Старые города у нихъ были: Изборскъ, Полоцкъ (отъ рѣки Полоты). Смоленскъ; позднѣе встрѣчающійся въ лѣтописи Торопецъ (отъ рѣки Торопы) у простаго народа слыветъ теперь Кривитепскъ, Кривичь или Кривигъ [43].—За Кривичами идутъ Славяне новгородскіе. Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ или отъ именъ родоначальниковъ, или племена, называются собственнымъ существительнымъ, какъ напр. Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ «прозвашась своимъ имянемъ», какъ говоритъ лѣтописецъ, славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что Славяне ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ—Финновъ, которыми были окружены.—Сѣверяне, по лѣтописцу, пошли отъ Кривичей, и поселились на рѣкахъ Деснѣ, Семи и Сулѣ [44].—Названія Радимичей и Вятичей лѣтописецъ прямо производитъ отъ именъ родоначальниковъ. и сообщаетъ преданіе, что оба эти племени происходятъ отъ Ляховъ. Мы не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, которое показываетъ, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленна: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Что племена эти пришли позднѣе другихъ, доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожѣ, а Вятичи должны были перейти далѣе на востокъ, на Оку, потому что земли по Деснѣ, лежащія между Сожью и Окою, уже были заняты Сѣверянами.

Касательно Дулѣбовъ и Бужанъ мы принимаемъ эти два названія принадлежащими одному и тому же племени, имѣвшему жилища свои на западномъ Бугѣ: въ лѣтописи, въ двухъ разныхъ извѣстіяхъ эти племена помѣщены на одинакихъ мѣстахъ. съ одинакимъ прибавленіемъ, что какъ то, такъ и другое племя послѣ называлось волынянами, и ни въ одномъ извѣстіи оба названія не поставлены вмѣстѣ рядомъ, но гдѣ есть одно, тамъ нѣтъ другаго. О движеніи Дулѣбовъ-Бужанъ лѣтописецъ не знаетъ: думаемъ, что ихъ должно разсматривать, какъ отрасль

хорватскаго племени, поселившуюся съ незапамятныхъ поръ на берегахъ Буга, на Волыни.—Послѣдними племенами къ югу лѣтописецъ считаетъ Угличей и Тиверцевъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ о расселеніи племенъ, жилища Угличей и Тиверцевъ назначены по Днѣстру до моря и Дуная: «Улучи (Угличи), Тиверцы сѣдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь». Но есть другое извѣстіе, изъ котораго видно, что Угличи жили прежде въ низовьяхъ Днѣпра: когда Игоревъ воевода Свѣнельдъ, послѣ упорнаго трехлѣтняго сопротивленія, взялъ ихъ городъ Пересѣченъ, то они двинулись на западъ, перешли Днѣстръ, и поселились на западномъ его берегу, гдѣ еще теперь, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, находится деревня Пересѣчени или Пересѣчина, вѣроятно основанная бѣглецами въ память прежняго ихъ города [45]. Указанія лѣтописца на многочисленность Тиверцевъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивленіе русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра, или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ-быть, дальше на востокъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это тѣ самыя племена, которыя Прокопію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ.

Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: «каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ» [46]. Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова—родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи [47], они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ [48]; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника [49], въ смыслѣ народа [50]; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя [51]. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было

особенно въ употребленіи у славянъ Русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства [52]. Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, причемъ приводятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родоваго быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются, не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ вполнѣ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти; но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій; не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ, — но входитъ малютка сынъ, и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія? Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ; такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна, или если новорожденные были слабы, увѣчны; но

такое поведеніе отцевъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чистоматеріальной стороны; при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служитъ обязанность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которые не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ славянъ: лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ; даже у славянъ померанскихъ, которые, по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у Германцевъ и Литовцевъ [53]. Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти; одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная чешская пѣсня говоритъ: «Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку» [54]. Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ

старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе посадить князя. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что окруженный всѣми родичами кадитъ иконы [55]. Послѣдующая исторія рюрикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ Славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большею довѣренностію послѣдняго, является главнымъ исполнителемъ его воли; въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью. Такимъ образомъ по смерти отца старшій братъ естественно наслѣдуетъ старшинство, становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою перемѣною: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему какъ старшему, къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ; но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ, это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній; невозможно, чтобы

младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность востать противъ этого рѣшенія: онъ уважалъ старшаго брата какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по-родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ неопредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйдти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья — отсюда усобицы и распаденіе рода; если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другаго старшаго. Такіе случаи могли быть нерѣдки, какъ увидимъ въ послѣдующей исторіи рюрикова княжескаго рода; изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда напр. личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго: могло случиться, что самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему; случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, племена (линіи) расходились, и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста; но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

Обширность и дѣвственность населенной восточными Славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при пер-

вомъ неудовольствіи, что разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, за него, по крайней мѣрѣ, не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній; слѣд. въ городахъ усобицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ Славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженныя мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ: Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода; при описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, видно, что до призванія князей оно не переходило еще родовой грани; первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, долженствовали быть общія сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Несмотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частныя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, внѣ ихъ живущимъ, было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, вслѣдствіе размноженія своихъ чле-

новъ, наполнялъ и всю окрестную страну; если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, — подчиненіе, разумѣется, родовое, младшихъ старшимъ; ясные слѣды этого подчиненія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но кромѣ этихъ родовыхъ отношеній связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могли скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему, и по этому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указаніе въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженіе среди Полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время, какъ увидимъ, отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностію: и потому, говоря о подчиненіи селъ городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей варяжскихъ; если сельчане считали себя м л а д ш и м и относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что Славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; на всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечъ; у Древлянъ упоминаются города кромѣ Коростеня: на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому что мѣсто было открытѣе: у Тиверцевъ и Угличей были

города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ — у Дреговичей, Радимичей, и Вятичей не встрѣчается упоминовенія о городахъ.

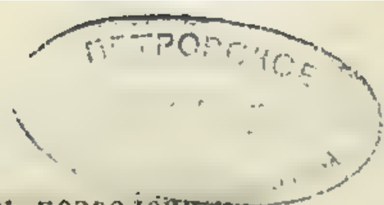
Кромѣ преимуществъ, которыя городъ (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный, или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ), могъ имѣть надъ окружнымъ разсѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что одинъ родъ, сильвѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что князь, начальникъ одпаго рода, по своимъ личнымъ качествамъ, получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ Славянъ, о которыхъ Византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единаго государя, иногда являются князья, которые, по своимъ личнымъ достоинствамъ, выдаются впередъ, какъ напр. знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у Древлянъ сначала на первомъ планѣ является князь Малъ; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя еще принимать Мала непремѣнно княземъ всей Древлянской земли: можно принимать, что онъ былъ князь Коростенскій только; что въ убіеніи Игоря участвовали одни Коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же Древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ, на это прямо указываетъ преданіе: «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, яко тѣ бяху убили мужа ея.» Малу, какъ главному зачинщику, присудили и женится на Ольгѣ; на существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли указываетъ преданіе въ словахъ пословъ древлянскихъ: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»; объ этомъ свидѣтельствуетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгою.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже Чешская пѣсня говоритъ: «когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода.» Общее владѣніе родовою собственностью необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца,

выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдов. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей[56].

Что касается нравовъ и обычаевъ Славянъ языческихъ, то они условливаются преимущественно тогдашнимъ народнымъ бытомъ ихъ. Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностію производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ Славянскихъ находилась въ противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ или полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами. Доброта не исключала, впрочемъ, свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ: тѣ же писатели, которые хвалятъ доброту Славянъ, разсказываютъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными, съ проповѣдниками христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы. Одни писатели называютъ Славянъ нелукавыми, другіе вѣроломными: это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе проистекало естественно изъ разрозненности, особности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родоваго.

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ, ихъ ласковость къ иностранцемъ, которыхъ усердно провожали изъ однаго мѣста въ другое, и если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверозападныхъ

Славянахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось позволеннымъ украсть для угощенія. Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество — Зевеса: и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряженно оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно должны были чувствовать эту обязанность Славяне,—народъ болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими, и съ чужими, нападеніямъ и изгнанію. Но кромѣ сострадания, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ: сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Съ другой стороны, человѣкъ много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался большимъ уваженіемъ, являлся существомъ необыкновеннымъ, героемъ, потому что дерзалъ преодолѣвать страшныя препятствія, соединенныя тогда съ путешествіемъ, — удача въ этомъ преодолѣніи была знакомъ особенной милости боговъ; бояться одинокаго странника было нечего, научиться отъ него можно было многому, оскорбить любимца боговъ было страшно. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества: оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и родѣ гостепріимномъ [57]. Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода [58].

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ былъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они были

вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи бываетъ сильно, вопервыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; вовторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятія войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличными для свободнаго человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинственъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родоваго. ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши: при всемъ этомъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ извѣстно, что воинственность не была господствующею чертою Славянскаго народнаго характера, и что Славяне вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа, въ простотѣ родоваго быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику [59].

Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, они отзываются объ нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходителенъ къ древнимъ Славянскимъ нравамъ и обычаямъ нашъ начальный лѣтописецъ, духовный христіанскій, который потому съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ

снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столпѣ, на распутіи [60].

При этомъ описаніи нельзя не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Основа семьи, узелъ ея — это бракъ; отсюда понятно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ; это-то различіе въ обычаѣ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. У нѣкоторыхъ племенъ, по его свидѣтельству, брака не было, женъ себѣ похищали, слѣд. подъ выраженіемъ «не имѣли брака» мы должны разумѣть только то, что они не совершали брака, какъ должно, по мнѣнію лѣтописца, т.-е. съ согласія родственниковъ невѣсты, какъ было у Полянъ. Здѣсь представляется вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ могло происходить похищеніе дѣвицъ въ родовомъ быту? Если родъ, развѣтвляясь, сохранялъ единство, всѣ члены его жили вмѣстѣ, повинуясь одному старшинѣ, то позволялось ли имъ вступать въ бракъ въ своемъ родѣ въ извѣстныхъ степеняхъ? Въ послѣдствіи князья Рюриковичи вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства [61]: у языческихъ Славянъ родъ могъ легко сохранять единство при этихъ степеняхъ; легко предположить также, что у язычниковъ браки позволялись и въ степеняхъ ближайшихъ, особенно при многоженствѣ. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что въ такомъ случаѣ похищеніе не могло имѣть мѣста: постоянное сожительство четы долженствовало быть слѣдствіемъ согласія цѣлаго рода, воли отца — старшины; такимъ образомъ похище-

ніе могло происходить только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужаго рода, изъ чужаго села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти отъ того, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужаго рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе, естественно, производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ, похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе; на такое явленіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простаго народа: «Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь? — Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. — А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ.» [62] — Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычаѣ многоженство; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями, обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія.

Но если похищенія могли происходить при разрозненности родовъ, жившихъ особо, въ разныхъ селахъ, и сходившихся рѣдко, только на игрища (религіозные праздники), то могли ли они происходить въ городахъ, гдѣ нѣсколько родовъ жило на одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣд. не могло быть такой разрозненности, особности между ними, напротивъ, сношенія безпрерывныя? Здѣсь при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоего пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя и давать поводы къ похищеніямъ, которыя долженствовали быть чрезвычайно часты,

вести къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями; напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Здѣсь въ городахъ необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай, по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты. Какъ же они заключались? Разумѣется, условія должны были зависѣть отъ старшинъ, обязанныхъ блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать в ѣ н о, или цѣну за выводъ изъ рода, могъ долго имѣть мѣсто: нужда была на сторонѣ жениха, на сторонѣ его рода, а не на сторонѣ рода невѣсты, для котораго дѣвушка не могла быть лишнею. Но съ другой стороны, плата за содержаніе, при обычаѣ взаимныхъ браковъ между членами разныхъ родовъ съ согласія послѣднихъ, теряла свое значеніе: если родъ отпускалъ дѣвушку въ чужой родъ, то въ то же время онъ имѣлъ возможность пріобрѣсть женъ для своихъ членовъ изъ чужаго рода; напротивъ здѣсь, въ городахъ, гдѣ браки заключались съ согласія родственниковъ невѣсты, давался просторъ чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданаго; въ городахъ близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея выгодами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое увидимъ послѣ въ отношеніяхъ между князьями Рюриковичами, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: п л е м я дочери, сестры стало сравниваться съ племенемъ сына, брата, свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ с е с т р и ч и ч ь, сынъ сестры, хотя бы принадлежалъ къ враждебному роду, считался своимъ, такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ

братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Уже замѣчено было, что вѣно, или плата за невѣсту была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться чего-нибудь отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другаго члена рода, обязанъ былъ надѣлить ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены [63]. Но у нашихъ Славянъ, какъ видно, вѣно, не теряя вполнѣ своего значенія, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а самое слово начало означать вообще брачныя условія, брачную запись [64]. Замѣтимъ опять, что вѣно, какъ цѣна за выведенную изъ рода дѣвушку, находится въ тѣсной связи съ похищеніемъ, а приданое съ выдачею замужъ при согласіи родственниковъ невѣсты, и что первый обычай долженъ былъ господствовать у народонаселенія, которое жило отдѣльными родами, а второй долженъ былъ произойти въ городахъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ жило нѣсколько родовъ [65].

Многоженство у всѣхъ племенъ славянскихъ есть явленіе несомнѣнное; нашъ лѣтописецъ говоритъ о восточныхъ Славянахъ, что они брали по двѣ и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія христіанства [66]. Что касается до положенія славянской женщины, то дѣвушки, какъ видно, пользовались полною свободой: лѣтописецъ говоритъ, что онѣ сходились съ молодыми людьми чужихъ родовъ на игрищахъ, имѣли возможность совѣщаться съ ними для бѣгства. Что же касается до положенія жены, то разумѣется, при условіяхъ того быта, который мы застаемъ у языческихъ Славянъ, мы не имѣемъ права ожидать большаго уваженія слабѣйшему полу отъ сильнѣйшаго; разумѣется, мы не должны искать у языческихъ Славянъ того тонкаго уваженія къ женщинѣ, которое дается

только христіанскимъ взглядомъ на отношенія двухъ половъ, и которое лѣтописецъ называетъ стыдѣньемъ [67]; отсутствіе этого стыдѣнья и ведетъ необходимо къ многоженству. Но при этомъ у народа первобытнаго, разумѣется, мы не встрѣтимъ никакихъ опредѣленій, которыя осуждали бы женщину на вѣчное униженіе и ничтожество, которыя не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, пріобрѣтать посредствомъ этой силы уваженіе и вліяніе.

Иностранные писатели удивляются привязанности славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. Если женщина выходила замужъ въ чужой родъ, то, при строгомъ и ревнивомъ надзорѣ новыхъ родичей, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умиралъ мужъ — положеніе жены, лишившейся единственной подпоры, единственнаго звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьей, становилось горько. Но при этомъ очень вѣроятно также, что у Славянъ, такъ какъ и у Германцевъ, было вѣрованіе, что мущина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины [68]. Впрочемъ справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами [69].

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о загробной жизни, и потому въ лѣтописи читаемъ описаніе этого обычая. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи совершали тризну надъ покойникомъ, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столбѣ при дорогѣ. Въ чемъ состоялъ погребальный обычай у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ; употребленіе тризны у Полянъ видно изъ того, что св. Ольга жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны разумѣлись, какъ видно, вообще поминки, и потомъ преимущественно борьба въ честь умершаго [70]; съ поминками соединялся веселый, пьяный пиръ [71], также рѣзаніе и царапаніе лица, въ знакъ печали [72]. Одновре-

менно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столбахъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами [73].

Иностранные писатели говорятъ, что Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняли мѣста жительства. Такая непрочность и частая перемѣна жилищъ была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай: необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники». Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія; жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражьихъ нападеній продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козаръ и другихъ варваровъ, усобицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля: вотъ почему Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что если князья не защитятъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ, и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ; какъ скоро начнутся княжескія усобицы, народъ покидаетъ жилища, а съ прекращеніемъ усобицъ возвращается назадъ: на югѣ безпрестанные набѣги усиливаютъ козачество, и послѣ на сѣверѣ разбрестися розно отъ какого бы то ни было насилія и тяжести было ни почемъ для жителей; при этомъ должно прибавить, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готову покинуть жилище, поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чуждому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій. Родовой бытъ, условливавшій разъединеніе, вражду и, слѣдовательно, слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны; не имѣя одного общаго начальника, и враждуя другъ съ другомъ, Славяне уклоня-

лись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ: нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный врачъ не подастъ скорой помощи раненному. У Прокопія читаемъ, что Славяне, вступая въ битву, не надѣвали латъ. на нѣкоторыхъ не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ Славянъ за опрятность, говоритъ, что, подобно Массагетамъ, они покрыты грязью и всякою нечистотой. Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищи. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темнорусые, лице красноватое.

Религія восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіей Арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ,— знакъ, что между ними не образовывались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ, и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а

не въ дружинной формѣ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ Славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальныя находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о Славянахъ, Прокопія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи, есть самое поразительное изъ явленій природы: немудрено, что первобытный человѣкъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями: онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество, тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычество другому, противоположному, и слѣдовательно враждебному началу — мраку; солнце затмѣвалось, погибало въ глазахъ первобытнаго человѣка: молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ: отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца; такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящей, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, правящаго по преимуществу, умѣряющаго, исправляющаго вредъ, наносимый другими божествами, тогда какъ солнце наприм. и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ то страдательнымъ, не имѣющимъ распорядительной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ значеніе верховнаго божества—правителя молнія получала въ глазахъ язычника, по причинѣ своей страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога [74]. Верховное божество Сварогъ — Перунъ пораждало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь [75]. Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами: въ словѣ о Полку Игореву

русскіе называются внуками Дажбога; если так, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, міръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу [76]; другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда [77]. Кромѣ названій Ладо и Дажбога къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса [78], Сура или Тура, Волоса [79].— Вмѣстѣ съ солнцемъ обоготворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ; обоготворялись также вѣтеръ, вода и воздухъ [80].

Если Славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко догадаться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религіозные праздники. Такъ напр. они праздновали въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить (божество), и сбирать подаяніе; какъ видно, во времена языческія, приношенія собирались для общей жертвы [81]. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Таусеня, что̀ можно принимать измѣненнымъ Ясень, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца [82]. Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перенесено на конецъ рождественскаго мясоѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. Итакъ, масляница есть языческій весенній праздникъ [83]. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ славянскихъ народовъ почти съ одинакими обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами; въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на красной горкѣ. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній считалось самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ: это поздравленіе извѣстно подъ именемъ вьюнства [84].

Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 іюня и извѣстенъ подъ именемъ Ивана Купалы, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ славянскимъ, но и многимъ чужеплеменнымъ народамъ [85]. Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — обоимъ Сварожичамъ, солнцу и огню и водѣ; однако можно относить его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобы встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтило. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всего ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чрезъ нихъ. Естественно также, и потому общее не однимъ только славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ — серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ навстрѣчу своему супругу—мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ, и разсыпаетъ по небу огненныя искры [86]. И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучелы Мары—

холода, смерти: ее топятъ въ водѣ [87]. — Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда праздество Купалы было соединено съ праздествомъ Ярилы [88]. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 іюня, но вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ, или на Троицынъ день, или на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были происходить тѣ явленія, противъ которыхъ такъ вооружаются лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыканіе дѣвицъ [89].

Разсмотрѣвъ поклоненіе стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — рода и рожаницъ [90]. Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ вопервыхъ связь рода съ упыремъ, а вовторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ и божества тѣсно съ ними связанныя [91]. Въ значеніи рода божества—покровителя является щуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго пращуръ щуръ предполагаетъ форму чуръ, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что съ упадкомъ родоваго быта и съ усиліемъ христіанства на счетъ язычества, Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго [92].

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго суще-

ствованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый [93]. Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья [94]. Съ древней Масляницы, т.-е. съ начала весны, живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ Красной Горки соединяется съ Радуницею, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ [95]; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія, изъ темницъ (гробовъ), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими [96].

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ русалокъ или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный) [97]; русалки суть не иное что какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природой. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія [98]; но когда всѣ славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану солому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроются луга весеннею водой, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая: «Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на бе-

рега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и Русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, и показываются при колодцахъ [99]. Съ Троицына дня до Петрова поста Русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти [100]. Русальныя игры суть въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму [101]. Есть извѣстіе [102], что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на растутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

У русскихъ славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ [103]. Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій [104]. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище—провожанье русалокъ въ могилы [105]. — Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ н а в ь я, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки) [106].

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ славянъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и тоже божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, раз-

личныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворять и обожать явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы; естественно олицетворялись Весна и Зима, жизнь и смерть природы,—одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола, и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужескаго и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца, такъ было не у однихъ славянъ [107]. Но главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Лѣтописи молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ славянъ [108]; нельзя предположить, что еслибы храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бъ о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при разсказѣ о введеніи христіанства и ниспроверженіи идоловъ [109]. Лѣтописи молчатъ также и о жрецахъ: князь ставитъ идоловъ, князь приноситъ жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ—о жрецахъ ни слова; князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ то же,—и жрецы не только не противятся, но объ нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны нисколько поражать насъ: все это необходимо при томъ бытѣ, въ которомъ жили славяне; въ каждомъ родѣ старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ [110].

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы)—многовѣтвистыя деревья; подъ ними-то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось

и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣстопребываніе боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Обычай приносить жертвы подъ деревьями могъ произойти и отъ того, что первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, а души умершихъ, по всеобщему вѣрованію, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ [111]. Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды [112]. Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ [113]; и по введеніи христіанства жертвы продолжались по-старому, въ домашнемъ кругу предлагались душамъ усопшихъ родичей и роженицамъ [114], и опять въ смыслѣ трапезы, покорма. Есть извѣстіе, что у русскихъ славянъ были также въ обычаѣ человѣческія жертвы, которыя у народовъ были, большею частію, умилостивительныя; при какихъ-нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилоствительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество [115].

Если у восточныхъ славянъ не было жреческаго класса, за то были волхвы [116], гадатели, кудесники, вѣдуны, вѣдьмы. О волхвахъ славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи христіанства, волхвы преимущественно являются на финскомъ сѣверѣ, и оттуда мутятъ славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностію къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними [117].

Исторія застаетъ финское племя на крайнемъ сѣверѣ: очень вѣроятно, что Геродотовы Андрофаги, Меланхлены и Ѳиссагеты принадлежали къ этому племени [118]. Нѣмецкое названіе чудскаго племени — Финны впервые встрѣчаемъ у Тацита [119]; Птолемей упоминаетъ также о Финнахъ [120]; у Іорнанда въ искаженныхъ именахъ народовъ, покоренныхъ готскимъ королемъ Германарихомъ можно узнать Чудь, Весь, Мерю, Мордву, Черемису, и, быть-можетъ, даже Пермь [121]. Начальный лѣтописецъ русскій

знаетъ слѣдующіе финскіе народы, жившіе въ его время въ полунощныхъ странахъ и платившіе дань Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печора, Ямь. Общеплеменное названіе Финны есть названіе нѣмецкое, Чудь — славянское, Суомалайнъ — своенародное. Финнъ на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; тоже означаютъ и финскія названія разныхъ племенъ, напр. Емь или Ямъ (Häm) значитъ мокрый, водяной; Весь объясняется изъ финскаго Vesi — вода. И теперь финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ [122]. Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ финскія племена преимущественно около озеръ; въ половинѣ IX вѣка южныя границы финскаго племени съ славянскимъ можно положить въ области Москвы рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ черниговскому княжеству, а городъ Лопасня былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ суздальскимъ. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями финскихъ племенъ, потому что въ бронницкомъ уѣздѣ московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая именемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери.

Если не самые древніе, то, покрайней мѣрѣ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей русской государственной области, Финны имѣли незавидную участь: съ трехъ сторонъ тѣснили ихъ народы славянскаго, германскаго и турецкаго племени; мы видимъ, какъ у насъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, приравниваются къ нимъ; причину такого явленія изъ внѣшнихъ обстоятельствъ объяснить не трудно. Сначала мы видимъ, что племена славянскія и финскія живутъ на равной ногѣ; Финны вмѣстѣ съ Славянами призываютъ князей — нарядниковъ; но старшій, и скоро единственный князь утверждаетъ свой столъ среди племени славянскаго; потомъ мы видимъ движеніе князей къ югу, по великому водному пути до самаго Чернаго моря; столъ княжескій утверждается въ Кіевѣ, основы новаго государства полагаются преимущественно къ югу отъ Новгорода по обѣимъ сторонамъ Днѣпра;

но живущее здѣсь народонаселеніе принадлежитъ сплошь къ племени славянскому. Славянскія племена соединяются подъ одною властію, чрезъ это единство пріобрѣтаютъ силу матеріальную, а потомъ и начатки образованности христіанской, и такимъ образомъ получаютъ надъ финскими племенами матеріальное и духовное преимущество, предъ которымъ тѣ и должны были преклониться. По нашему лѣтописцу видно, что Финны имѣли города, подобно Славянамъ, подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей; въ скандинавскихъ преданіяхъ Финны являются искусными кузнецами, финскіе мечи славятся на сѣверѣ [123]. Отъ этихъ осѣдлыхъ, промышленныхъ Финновъ, сосѣдившихъ съ Славянами и союзныхъ съ ними, должно отличать сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ, Лапонцевъ, которыхъ, какъ видно, суровая природа остановила на низшей степени человѣческаго развитія: и теперь въ характерѣ собственныхъ Финновъ и Лапонцевъ замѣчается такое же различіе, какъ между мужествомъ и дѣтствомъ. Безспорно, послѣднихъ разумѣетъ Тацитъ, когда описываетъ образъ жизни финновъ [124], когда говоритъ объ ихъ изумительной дикости, гнусной скудости: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; пища у нихъ трава, одежда—кожи, ложе — земля; вся надежда ихъ въ стрѣлахъ, которыя, по недостатку желѣза, заостриваются костями; охота питаетъ мужей и женъ. Дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ шатровъ, кое-какъ сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей; сюда возвращаются съ охоты молодые, здѣсь отдыхаютъ старики. Но вести такой образъ жизни, продолжаетъ Тацитъ, они считаютъ блаженнѣе, чѣмъ трудиться на полѣ, строить домы, съ надеждою и страхомъ смотрѣть на свои и чужія имущества. Безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, они достиглисамаго труднаго—отсутствія желаній.— Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слова Тацита о томъ, что финны считаютъ себя блаженными, и достигли самаго труднаго—отсутствія желаній: эти слова объясняютъ намъ происхожденіе сказки о блаженныхъ Гиперборелхъ: мыслители древнихъ образованныхъ народовъ, утомившись волненіями жизни, проистекавшими отъ ничѣмъ неудовлетворимыхъ страстей человѣка-язычника, любили съ завистью останавливаться на дикихъ

народахъ, у которыхъ почти нѣтъ никакихъ желаній, которые не могутъ ни много пріобрѣтать, ни много терять, и потому не подвержены мучительнымъ колебаніямъ между страхомъ и надеждою, не боятся ни людей, ни боговъ: у Геродота боги завидуютъ человѣческому благополучію и потому не допускаютъ ему продолжаться.

Въ жалкомъ видѣ представляется намъ быть финскихъ племенъ, живущихъ къ югу отъ финскаго залива; слабости духовной у этихъ племенъ соотвѣтствуетъ слабость тѣла, соединенная однако съ высшею степенью нечувствительности ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ; ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не обнаруживаетъ такъ мало духовнаго напряженія, не является такъ забитымъ; Эстонецъ напр. отличается рѣзко отъ своихъ сосѣдей — русскихъ и Латышей тѣмъ, что вовсе не поетъ; пляска ему почти неизвѣстна. Неблагопріятныя историческія обстоятельства, могшія имѣть вредное вліяніе на развитіе этого племени, намъ извѣстны; во сколько сама природа племени содѣйствовала этимъ обстоятельствамъ, рѣшить трудно[125]

Въ тѣсной связи съ славянскими племенами на западѣ находилось племя литовское, игравшее важную роль въ нашей исторіи, и потомъ вошедшее въ составъ Русскаго государства. Къ литовскому племени принадлежали древніе Пруссы, Голяды, Судены, Корсь и нынѣшніе Литовцы и Латыши [126]. Изъ многихъ изслѣдованій о литовскихъ племенахъ и языкѣ, о сродствѣ ихъ съ сосѣдними племенами и языками, оказывается достовѣрнымъ только то, что Славяне и Литовцы изъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ суть самыя ближайшіи другъ къ другу, и что литовское племя съ незапамятныхъ поръ обитало въ настоящихъ своихъ жилищахъ. Это давнее и постоянное пребываніе на однихъ мѣстахъ, уединеніе, которымъ литовское племя было обязано природѣ своей страны, непривлекательной и съ трудомъ доступной, дали ему возможность развить свою особую религіозную систему и строго подчинить ей свой бытъ. Этимъ литовское племя отличается отъ родственныхъ племенъ — славянскаго и германскаго, которыя исторія застаетъ въ движеніи, въ безпрестанномъ столкновеніи съ чуждыми народами и государствами, что препятствовало имъ утвердить свой религіозный бытъ на прочныхъ основахъ, а когда получили они къ тому

возможность, то уже подверглись влiянiю образованнѣйшихъ народовъ, и должны были принять другую, высшую религiю. Германское племя только въ отдаленной Скандинавiи, славянское только на берегахъ Балтiйскаго моря, могли выработать для себя болѣе или менѣе прочныя формы религiознаго быта, чѣмъ и объясняется упорное сопротивленiе, встрѣченное здѣсь христiанствомъ.

У литовскаго племени подлѣ князей мы видимъ жрецовъ съ обширнымъ влiянiемъ и кругомъ дѣятельности; князь (Rikgs) вѣдалъ военныя дѣла, все что относилось къ внѣшней защитѣ страны и къ сохраненiю внутренней безопасности: верховный жрецъ (Криве) завѣдывалъ не только дѣлами богослужебными, но и судебными, былъ верховнымъ судьею и нарядникомъ. Уставы, обычаи литовскаго племени, сходные въ главномъ съ уставами и обычаями другихъ сосѣднихъ племенъ, славянскихъ и германскихъ, разнятся отъ послѣднихъ тѣмъ, что проникнуты религiознымъ началомъ, истекаютъ изъ него: такъ напр. мы видимъ, что у литовцевъ, точно такъ какъ у германцевъ, отецъ семейства имѣлъ право убивать своихъ больныхъ или увѣчныхъ дѣтей; но у литовцевъ этотъ обычай освященъ былъ религiознымъ основанiемъ: «потому что слуги литовскихъ боговъ должны не стенать, но смѣяться; потому что бѣдствiе человѣческое причиняетъ скорбь богамъ и людямъ.» На томъ же основанiи дѣти имѣли право умерщвлять престарѣлыхъ и больныхъ родителей; человѣческiя жертвы дозволялись и оправдывались: «кто въ здоровомъ тѣлѣ захочетъ принесть въ жертву богамъ себя, или своего ребенка или домочадца, тотъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, потому что освященные чрезъ огонь и блаженные, будутъ они веселиться вмѣстѣ съ богами.» Большая часть верховныхъ жрецовъ оканчивали свою жизнь добровольнымъ сожженiемъ для умилостивленiя гнѣва боговъ: эти литовскiя воззрѣнiя, или, лучше сказать, воззрѣнiя, общiя всѣмъ сосѣднимъ племенамъ, но сохранившiяся у литовцевъ въ большей опредѣленности и связи, имѣли влiянiе на германскiй обычай приносить въ жертву князей во время общественныхъ бѣдствiй; уже въ христiанскiя времена былъ обычай у германскихъ и славянскихъ племенъ обвинять князей и церковныя власти въ общественныхъ бѣдствiяхъ. Женщины также страдали въ по-

добныхъ обстоятельствахъ: литовцы прежде всего отдѣлывались отъ нихъ во время голода; а финны, при своей наклонности къ суевѣрію приписывали чародѣйству женщинъ непосредствен-ное участіе въ произведеніи послѣдняго [127]. Если женатый че-ловѣкъ будетъ уличенъ въ связи съ дѣвицею, то его должно отдать псамъ на съѣденіе, потому что онъ наругался надъ бо-гами, живущими въ состояніи супружества и дѣвства.—Безбра-чіе было необходимымъ условіемъ для Криве и для всѣхъ под-чиненныхъ ему жрецовъ; женщина была видимо унижена, ис-ключена изъ сообщества съ мущинами [128].

Изъ литовскихъ племенъ очень рано вошли въ составъ рус-скихъ владѣній Голяди или Голядь, жившіе по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, замѣшанные среди племенъ славянскихъ—Радимичей, Вя-тичей и Новгородцевъ. Какимъ же образомъ часть литовскаго племени голядей попала такъ далеко на востокъ? Простирались ли такъ далеко древнѣйшія жилища литовскаго племени, пере-рѣзанныя послѣ движеніемъ славянъ съ юга, или Голяди яви-лись на Протвѣ и Угрѣ вслѣдствіе движенія съ запада, точно такъ, какъ тѣмъ же путемъ явились славянскія лехитскія пле-мена Радимичей и Вятичей? быть-можетъ, даже переселеніе Го-лядей на востокъ находилось въ связи съ означеннымъ пере-селеніемъ Радимичей и Вятичей; съ другой стороны, природа страны Голядовъ и нѣкоторыя историческія данныя дѣлаютъ вѣ-роятнымъ переселеніе части этого племени на востокъ вслѣд-ствіе недостатка жизненныхъ средствъ: Галиндія находилась къ сѣверу отъ Мазовіи [129], была наполнена множествомъ водъ, гу-стыхъ лѣсовъ и пущей; разсказываютъ, что въ одно время на-родонаселеніе Галиндіи такъ умножилось вслѣдствіе долгаго мира, что средствъ къ жизни стало недоставать; въ такихъ об-стоятельствахъ старшины опредѣлили, чтобы въ продолженіе извѣстнаго времени всѣ младенцы женскаго пола были умерщ-вляемы [130].—Понятно, что ни одно изъ приведенныхъ предпо-ложеній не можетъ быть принято преимущественно передъ дру-гимъ; но всѣ они вмѣстѣ взятыя достаточны для убѣжденія въ томъ, что наши Голяди были родственны жителямъ литовской Галиндіи.

Кромѣ Литвы, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ еще народъ, съ которымъ Русь также очень рано входитъ въ непріязнен-

выя столкновенія, и котораго страна послѣ вошла въ составъ Имперіи—это загадочный народъ Ятвяговъ. Ятвяги жили, вопервыхъ, въ западной части Подлѣсья, потомъ вовсемъ Подляшьѣ, въ части Мазовіи, находившейся между рѣчкой Валкушей, впадающей въ Нарву, и Бугомъ; наконецъ въ древней Судавіи[131]. О происхожденіи Ятвяговъ древніе писатели разногласятъ: одни говорятъ, что Ятвяги языкомъ, религіею и правами были схожи съ Литвою, Пруссами и Самогитами; другіе же, что Ятвяги совершенно отличались языкомъ отъ Славянъ и Литвы. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ потомками Язиговъ сарматскихъ[132], но безъ положительно ясныхъ доказательствъ. Каково бы ни было происхожденіе Ятвяговъ, народъ этотъ является въ исторіи дикимъ, разбойническимъ, и очень долго сохраняетъ язычество. Вѣря въ переселеніе душъ, Ятвяги, въ битвахъ не обращались въ бѣгство и не давались въ плѣнъ, но погибали вмѣстѣ съ женами; вели образъ жизни полуосѣдлый, полукочевой. Указываютъ и теперь еще остатки Ятвяговъ въ Свидельскомъ округѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Пѣлясы и Котры: они рѣзко отдѣляются отъ Бѣлоруссовъ и Литовцевъ смуглымъ видомъ, черныхъ платьемъ, правами и обычаями, хотя всѣ уже говорятъ бѣлорусскимъ языкомъ съ литовскимъ произношеніемъ. У Бѣлоруссовъ въ Подляшьѣ существуетъ поговорка: «Смотритъ Ятвягомъ (Выгляда якъ Ядвинга.» въ значеніи: смотритъ разбойникомъ.

Таковы были ближайшіе сосѣди Славянъ въ восточныхъ жилищахъ ихъ. Первое сколько-нибудь вѣрное извѣстіе о судьбѣ этихъ народовъ мы встрѣчаемъ не ранѣе IV вѣка по Р. Х., когда они вошли во враждебныя столкновенія съ Готами. Во II или началѣ III вѣка по Р. Х. замѣчается движеніе скандинаво-германскихъ дружинъ, подъ именемъ Готовъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному; безъ сомнѣнія, движеніе это совершалось по тому же водному пути, по которому послѣ, въ половинѣ IX вѣка, спускались дружины варяжскія. Только на трехъ короблахъ, по преданію [133], явилась готская дружина на Балтійскомъ морѣ, но потомъ, вобравши въ себя пришлецовъ изъ разныхъ племенъ, своихъ и чужихъ, образовалась на берегахъ Понта въ многочисленный народъ, который не давалъ покоя областямъ Имперіи: въ IV вѣкѣ готскій вождь Германарихъ

положилъ было основаніе государству въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей; владѣя тринадцатью племенами, между которыми легче другихъ прочитываются имена Чуди, Веси, Мери и Мордвы, Германарихъ обратился противъ Геруловъ; покоривъ послѣднихъ, двинулся противъ Венедовъ. Венеды, говоритъ готскій историкъ [134], неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильные своею многочисленностію, вздумали было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ничего не значитъ на войнѣ, прибавляетъ тотъ же историкъ. Эсты, жители береговъ прибалтійскихъ, подчинились также Германариху; но въ то время, какъ его оружіе было такъ счастливо на западѣ, въ юговосточныхъ степяхъ собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство Готовъ при самомъ его рожденіи: на берегахъ Дона явились Гунны. Какъ послѣ въ XIII вѣкѣ Русскіе не знали, откуда пришла на нихъ гроза татарская, такъ теперь Готы не умѣли опредѣлить происхожденія Гунновъ: только сказка говорила, что одинъ изъ готскихъ князей выгналъ въ степь злыхъ волшебницъ, которыя совокупились тамъ съ нечистыми духами, и отъ этого-то совокупленія произошли чудовищные Гунны. Сначала жили они на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, занимаясь охотою; потомъ, возросши въ числѣ, устремились грабить сосѣдніе народы; лань показала имъ дорогу на противоположный берегъ моря; страхъ напалъ на разноименные варварскіе народы, здѣсь обитавшіе; храбрые Аланы не могли въ битвахъ выносить ужаснаго вида Гунновъ, потому что, собственно говоря, у нихъ не было лица, но вмѣсто его безобразный кусокъ мяса, на которомъ вмѣсто глазъ виднѣлись какіе-то пятна; безобразные въ самой молодости, они старѣли безъ бородъ, и жили какъ дикіе звѣри [135]: питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдломъ; о домахъ не хотѣли знать, считали ихъ могилами; съ молодости привыкли переносить непогоду, голодъ и жажду; разъ надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ лоскутьями; безобразная обувь мѣшала имъ ходить; они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ, на сѣдлахъ отправляли всѣ дѣла, ѣли, пили, спали, торговали, разсуж-

дали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ; военноплѣнные должны были обработывать земли и пасти стада. Не было у нихъ ничего постояннаго: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣріемъ. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткали грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей; въ битвахъ принимали участіе вмѣстѣ съ мужьями; многоженство было у нихъ въ обычаѣ.

Поразивши Алановъ, Гунны ударили на Готовъ: знаменитый Германарихъ умеръ на 110 году своей жизни; новорожденное государство, неуспѣвши нисколько сплотиться, окрѣпнуть, не могло вынести натиска Гунновъ, и распалось; часть Готовъ была откинута на югозападъ, другая принуждена была примкнуть къ полкамъ гунскимъ; въ какомъ отношеніи находились Гунны къ племенамъ славянскимъ, опредѣлить нельзя; сохранилось только одно извѣстіе объ отношеніяхъ Славянъ къ Готамъ и Гуннамъ: готскій князь Винитаръ, тяготясь господствомъ Гунновъ, старался мало-по-малу отъ нихъ освобождаться, и, желая показать свою храбрость, напалъ на Антовъ; въ первой стычкѣ онъ былъ разбитъ, но потомъ поправилъ свои дѣла, взялъ верхъ надъ Антами и, чтобы задать имъ страху, велѣлъ распять на крестѣ предводителя ихъ Бокса (Box, Booz, Boz) съ сыновьями и семидесятью другими старшинами [136]. Но гунскій князь Баламберъ не долго позволилъ Винитару пользоваться независимостію: онъ пошелъ на него войною и въ битвѣ самъ застрѣлилъ его изъ лука. Безспорно, что славянскія племена должны были платить дань Гуннамъ, какъ послѣ платили ее Козарамъ; какъ видно также Гунны, раскинувъ во времена Аттилы станъ свой въ Панноніи, среди Славянъ, переняли отъ послѣднихъ нѣкоторые обычаи. Вѣрно только то, что послѣ гунскаго нашествія, южныя страны нынѣшней Россіи опять отуманились для исторіи, какъ во времена Скиѳовъ и Сарматовъ: имена Скиѳіи и Сарматіи смѣнились именемъ Гунніи; Славяне у сосѣднихъ народовъ прослыли Гуннами. Могущество послѣднихъ рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде имъ народы выдѣлились опять изъ сплошной массы; но прошло не болѣе столѣтія, какъ азіатскія степи выслали новыя толпы варваровъ одинакого происхожденія съ Гуннами: то были Авары.

Авары, жившіе прежде на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, въ 565 году перешли Донъ, и стали угнетать Славянъ; извѣстія объ аварскихъ угнетеніяхъ сохранились въ славянскихъ преданіяхъ и занесены въ лѣтопись: Авары (Обры), по свидѣтельству послѣдней, напали на Славянъ, примучили Дулѣбовъ, и звѣрски поступали съ ихъ женами: когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни коня, ни вола, но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по пяти женщинъ. Были Обры, продолжаетъ лѣтописецъ [137], тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ—всѣ померли, не осталось ни одного; есть поговорка въ Руси и теперь: «погибли какъ Обры». У Византійцевъ слыли они самымъ разумнымъ изъ скиѳскихъ народовъ, но вмѣстѣ и самымъ лживымъ, коварнымъ [138]. Западные Славяне, Чехи испытали также аварскія притѣсненія. Въ половинѣ VII вѣка могущество ихъ начинаетъ упадать; въ 796 году Карлъ Великій нанесъ имъ страшное пораженіе въ Панноніи; въ 867 они почти всѣ были истреблены Болгарами, и остатки ихъ, принимая мало-по-малу христіанство, исчезли въ Венгріи и Болгаріи. Когда освободились отъ Аваръ наши юговосточныя славянскія племена—неизвѣстно; но въ половинѣ IX вѣка мы застаемъ ихъ платящими дань другому степному народу—Козарамъ. Изслѣдователи несогласны относительно происхожденія Козаръ; по всѣмъ вѣроятностямъ это былъ народъ смѣшанный изъ разныхъ племенъ, что̀ было очень естественно на границахъ между Европою и Азіею, на перепутьи народовъ: смѣшанности племенъ въ козарскомъ царствѣ соотвѣтствовало смѣшеніе религій: здѣсь уживались другъ подлѣ друга четыре религіи: языческая, магометанская, христіанская, еврейская, и послѣднюю исповѣдывалъ каганъ, верховный повелитель Козаровъ,—примѣръ единственный въ исторіи [139]. Еще во II вѣкѣ по Р. Х. армянскіе историки упоминаютъ о Козарахъ: Византійцы хорошо знаютъ ихъ въ VII вѣкѣ подъ именемъ Восточныхъ Турковъ; въ этомъ вѣкѣ они утверждаются на берегахъ Понта, въ VIII овладѣваютъ большею частію Тавриды: въ какое время принуждены были имъ платить дань юговосточныя славянскія племена — опредѣлить нельзя; лѣтописецъ говоритъ только, что Козары брали дань на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ. Мы назвали Козаръ степнымъ народомъ,

потому что хотя у нихъ и были города, какъ напримѣръ Итиль при устьѣ Волги, но большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки, и только у кагана были высокіе кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали имѣніе и откочевывали въ степь.

Но въ то время, какъ Азіатцы, жившіе на Дону и Волгѣ, брали дань съ племенъ славянскихъ, жившихъ преимущественно на востокъ до Днѣпра, племена, жившія отъ него къ Сѣверу, платили дань Варягамъ. Кто же были эти Варяги?—Здѣсь, прежде нежели приступимъ къ разбору лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о географическихъ понятіяхъ лѣтописца, восколько они разнятся отъ нашихъ. Разница состоитъ въ томъ, что Балтійское или Варяжское море, по лѣтописцу, находится не на сѣверозападѣ, но прямо на сѣверѣ; это видно изъ описанія рѣчныхъ теченій: «Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечетъ на полъдне: а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье, и внадеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на Востокъ». Вслѣдствіе такого взгляда становится понятнымъ, какъ Варяги, приседя къ морю Варяжскому, могутъ въ то же время соприкасаться съ востокомъ, предѣломъ Симовымъ: Скандинавскій полуостровъ мы должны положить поперегъ, Балтійское (Варяжское) море будетъ находиться прямо на сѣверъ отъ русскихъ владѣній, составлять одно съ Нѣмецкимъ, это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго Океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, причемъ сѣверный Скандинавскій берегъ Варяжскаго моря будетъ соотвѣтствовать европейскому берегу Средиземнаго, южный берегъ Варяжскаго—африканскому берегу Средиземнаго; слѣд. Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокѣ, около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою [140]. Кончивъ перечисленіе народовъ по византійцу Амартолу—Симитовъ, Хамитовъ и Яфетитовъ, русскій лѣтописецъ прибавляетъ отъ себя перечисленіе сѣверныхъ народовъ, которыхъ не нашелъ у Грека: также въ Яфетовой части, говоритъ онъ, сидятъ: Русь—здѣсь подъ этимъ именемъ лѣтописецъ разумѣетъ всѣ славянскія племена, находящіяся подъ властью русскихъ князей; потомъ перечисляетъ чужіе народы, племени финскаго и латышскаго, которые

въ его время давали дань Руси: Чудь, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтгола, Ливь. Дошедши въ этомъ перечисленіи до береговъ Балтійскаго моря, лѣтописецъ переходитъ къ независимымъ отъ Руси разноплеменнымъ народамъ, обитавшимъ на берегахъ его: Ляхи, Пруссы, Чудь живутъ на берегахъ моря Варяжскаго, говоритъ онъ. Здѣсь онъ идетъ вѣрно отъ запада къ востоку, или сѣверовостоку, разумѣя подъ прибрежными Ляхами Поморянъ, отъ нихъ къ востоку помѣщая Пруссовъ, потомъ Чудь, т.-е. финскія племена, живущія въ нынѣшнихъ остзейскихъ провинціяхъ, Ингерманландіи и Финляндіи. Идя далѣе къ сѣверовостоку, лѣтописецъ, по своимъ понятіямъ, переходитъ на противоположный, сѣверный, скандинавскій берегъ Балтійскаго моря, и говоритъ, что по Варяжскому же морю сидятъ Варяги—вотъ сюда къ востоку, до предѣла Симова; по тому же морю сидятъ и къ западу, до земли Англійской и Волошской. Не останавливаясь здѣсь, лѣтописецъ хочетъ перечислить всѣ европейскіе народы, принадлежащіе къ племени Іафетову, и начинаетъ такъ свое перечисленіе: Варяги, Свеи (Шведы), Урмане (Норвежцы), Готѣ (Русь по нѣкотор. спис.), Агняне (Англичане), Галичане (быть-можетъ, жители Валлиса, pays des Gals), Волхъва (вѣроятно общее названіе романскихъ народовъ), Римляне, Нѣмцы, Корлязи (быть-можетъ, Французы, западные Каролинги, какъ думаетъ Кругъ), Веньдицы (Венеціане), Фрягове (кажется, въ тѣсномъ смыслѣ, Генуезцы). Слѣдовательно, кого же лѣтописецъ разумѣетъ подъ именемъ Варяговъ? Ясно, что это имя у него есть общее: Варяги живутъ по Балтійскому морю къ востоку, до предѣла Симова, и къ западу, по тому же морю живутъ до земли англійской: вотъ границы Варяговъ! Мы знаемъ, и лѣтописецъ знаетъ, что въ этихъ предѣлахъ живутъ Шведы, Норвежцы, Готы: лѣтописецъ ихъ именно и называетъ до Англичанъ. Итакъ Варяги лѣтописца суть Скандинавы; если скажутъ, что лѣтописецъ разумѣлъ также южный берегъ Балтійскаго моря, гдѣ жили и Славяне, то онъ уже назвалъ ихъ прежде—«Ляхове, Пруси и Чудь присѣдять морю Варяжскому», и потомъ совершенно молчитъ объ нихъ при пчисленіи народовъ варяжскихъ. Второе мѣсто лѣтописи: послы отъ соединенныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ пошли за море къ Ва-

рягамъ-Руси: эти Варяги, прибавляетъ лѣтописецъ, зовутся Русь, точно такъ, какъ другіе Варяги зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами [141].

На приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи [142] основывается мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, и основывается крѣпко; вотъ почему это мнѣніе древнѣйшее, древнѣйшее въ наукѣ, древнѣйшее въ народѣ [143]. Свидѣтельство русскаго лѣтописца подтверждается свидѣтельствами иностранными: извѣстіемъ, находящимся въ бертинскихъ лѣтописяхъ, что народъ Росъ принадлежитъ къ племени Свеоновъ [144]; извѣстіемъ Ліутпранда, епископа кремонскаго, о тождествѣ Руссовъ съ Норманами [145]; извѣстіемъ арабскихъ писателей о нетождествѣ Варяговъ, Руси и Славянъ [146]. Подлѣ этого мнѣнія, основаннаго на очевидности, нѣкоторые хотѣли и хотятъ дать мѣсто предположенію, что князья варяго-русскіе и дружина ихъ были происхожденія славянскаго и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ на мѣсто откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями; но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же славянамъ, не могли призывать чужихъ,—но имѣетъ ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена германское и славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, правахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія обясняетъ какъ нельзя лучше призваніе варяжскихъ князей: послѣ Новгородцы и Псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: Нѣмецъ, Ляхъ, Татаринъ, Бурятъ становились полноправными членами русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію православной церкви,—эта была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало; по-

клонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны, съ Варягами скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ Славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, еслибы Новгородцы и Кривичи, по нашимъ настоящимъ понятіямъ, непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ славянина, то не надобно забывать, что въ союзѣ съ ними были племена финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о значеніи названій—Варяги и Русь. Сличивъ различныя толкованія ученыхъ, можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество, и принужденныхъ искать счастія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ [148]; это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ, у племенъ германскихъ; на востокѣ, у племенъ славянскихъ, финскихъ, у грековъ и арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ было Русь (Росъ), означая, какъ видно, людей—мореплавателей, приходящихъ на корабляхъ, моремъ, входящихъ по рѣкамъ внутрь странъ, живущихъ по берегамъ морскимъ [149]. Прибавимъ сюда, что названіе Русь было гораздо болѣе распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и что, по всѣмъ вѣроятностямъ, Русь на берегахъ Чернаго моря была извѣстна прежде половины IX-го вѣка, прежде прибытія Рюрика съ братьями [150].

Таковы, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣйшіе выводы, какіе можно добыть изъ многочисленныхъ толковъ о Варягахъ и Руси.

ГЛАВА IV.

Призваніе Варяговъ-Руси сѣверными племенами славянскими и финскими. — Слѣдствія этого явленія. — Обзоръ состоянія европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ въ половинѣ IX вѣка.

Мы видѣли, что въ половинѣ IX вѣка область нынѣшней Россіи, вслѣдствіе природнаго вліянія, раздѣлялась главнымъ образомъ на двѣ части: племена, жившія на юговостокѣ, находились въ подчиненности отъ азіатскаго племени, стоявшаго лагеромъ на Дону и Волгѣ; племена, жившія на сѣверозападѣ, должны были подчиниться знаменитымъ морскимъ королямъ, предводителямъ европейскихъ дружинъ, вышедшихъ съ береговъ Скандинавіи: «Брали дань Варяги изъ-за моря на Чуди, славянахъ новгородскихъ, Мери, Веси, на Кривичахъ [151], а Козары брали на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали по горностаю [152] и бѣлкѣ отъ дыма» [153]. Лѣтописецъ говоритъ о Варягахъ, что они просто брали дань, а о Козарахъ, что они брали по горностаю и бѣлкѣ,—знакъ, что о дѣлахъ на югѣ лѣтописецъ имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ о событіяхъ на сѣверѣ. Далѣе, подъ 862 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что племена, платившія дань Варягамъ, изгнали послѣднихъ за море, не дали имъ дани, и начали сами у себя владѣть. Изъ этихъ словъ должно заключить, что Варяги не брали только дань съ сѣверныхъ племенъ, но владѣли у нихъ; иначе лѣтописецъ не могъ сказать, что послѣ ихъ изгнанія племена начали сами у себя владѣть, и владѣли дурно, не могли установить внутренняго порядка: не было между ними правды, продолжаетъ лѣтописецъ, всталъ родъ на родъ, начались усобицы. Въ такихъ об-

стоятельствахъ племена собрались и сказали: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву.» Порѣшивши такъ, пошли они за море къ Варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами.» Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь и пришли.

При изображеніи нравовъ и обычаевъ славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія, какъ скоро говоритъ онъ: племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, то-есть безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ: при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Исторія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія славянъ ильменскихъ, Новгорода Великаго, представляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени, родовыя отношенія здѣсь исчезли; но концы съ своими старостами напоминали о родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе [154], и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды: какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другаго, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и по тому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго,

однимъ словомъ — третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужаго рода [155]. Установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ, было главною, единственною цѣлію призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямаго и яснаго свидѣтельства лѣтописца, призваніе князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны, и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца [156]; есть извѣстіе, что одинъ изъ великихъ князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя [157]. У внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя, и въ случаѣ отказа, грозятъ найти другаго. Вотъ что̀ сказали они однажды сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: «Не хотимъ тебя, мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства [158].» Сравнимъ теперь это свидѣтельство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ.

Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи князей. Первое обстоятельство — это соединеніе племенъ славянскихъ и финскихъ; что̀ произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ варяжскимъ, какъ въ послѣдствіи остальныя разрозненныя славянскія племена были приведены въ связь князьми изъ дома Рюрикова. Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ, и потомъ въ призваніи князей. Этому же завоеванію, этому столкновенію съ чуждымъ началомъ сѣверныя племена были обязаны, по всѣмъ вѣроятностямъ, и относитель-

но большею степенью общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ нему: послѣ изгнанія Варяговъ, они не хотятъ возвратиться къ разрозненному родовому быту, и не видя выхода изъ него при эгоизмѣ родовъ, соглашаются призвать власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужаго рода. Эта бо́льшая степень общественнаго развитія у сѣверныхъ племенъ ясно окажется въ послѣдствіи: мы увидимъ, что сѣверныя племена будутъ постоянно торжествовать надъ южными. Второе обстоятельство въ разсказѣ о призваніи князей — это ихъ разселеніе: старшій братъ, Рюрикъ, поселился у Славянъ Ильменскихъ, второй — Сенеусъ между Чудью и Весью на Бѣлѣозерѣ, третій — Труворъ у Кривичей въ Изборскѣ. По касательно города, въ которомъ сѣлъ сначала Рюрикъ, чтенія списковъ лѣтописи разногласятъ: одни говорятъ въ Новгородѣ; другія въ Ладогѣ. По извѣстному правилу, что труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему, особенно если оно находится въ большемъ числѣ лучшихъ списковъ, мы должны принять извѣстіе о Ладогѣ [160]. Почему Рюрикъ избралъ Ладогу, а не Новгородъ, объясненіе найти не трудно: положеніе Ладоги относительно начала великаго воднаго пути, относительно близости моря, важнѣе положенія Новгорода; Ладога находится ближе къ устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственномъ сообщеніи съ заморьемъ въ случаѣ, если бы дѣло его пошло не такъ успѣшно въ новой странѣ; недавнее изгнаніе Варяговъ должно было научить его осторожности; въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сказано, что князья боялись сначала суровости призывавшихъ племенъ; съ другой стороны Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область отъ нападенія другихъ Варяговъ, и вотъ онъ прежде всего строитъ крѣпость въ Ладогѣ, недалеко отъ устья Волхова, и селится здѣсь [161]. Наконецъ остается послѣдній вопросъ: какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства, это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала, власти. Сѣверныя племена, славянскія и финскія, соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту

власть. Здѣсь, въ сосредоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ, положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ, потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобы посредствомъ нихъ сосредоточивать и другія [162]: соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать.

Таково было явленіе, имѣвшее мѣсто въ сѣверовосточной Европѣ въ половинѣ IX-го вѣка [163]. Въ другихъ странахъ Европы въ это время происходили также явленія великой важности. Знаменитая роль франкскаго племени и вождей его кончалась въ началѣ IX-го вѣка, когда оружіемъ Карла великаго политическія идеи Рима и римская церковь покорили себѣ окончательно варварскій германскій міръ, и вождь Франковъ былъ провозглашенъ императоромъ римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощію Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, германцами, на почву Имперіи, теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаютъ вырабатываться отдѣльныя національности, начинаютъ образовываться отдѣльныя государства, члены западноевропейской конфедераціи; IX-й вѣкъ есть вѣкъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и для западной Европы, вѣкъ великихъ историческихъ опредѣленій, которыя дѣйствуютъ во все продолженіе новой европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ государствъ, новыхъ національностей. Скандинавія, старинная колыбель народовъ, высылаетъ многочисленныя толпы своихъ пиратовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, Скандинавамъ уже нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники; имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежемъ, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, прекращаются богословскіе споры, окончательно утверждается

догматъ, который передается славянскимъ народамъ, начавшимъ въ то время принимать христіанство; тогда же является переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе. Исторія западныхъ Славянъ начинаетъ чуть-чуть проясняться со второй половины V-го вѣка, по смерти Аттилы и уничтоженія гунскаго могущества. Народныя преданія Чеховъ знаютъ также о переселеніи этого племени изъ краевъ южныхъ въ землю кельтическихъ Бойевъ и германскихъ Маркомановъ. По своему положенію Чехи должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновеній съ Германцами, сперва съ Турингами, а потомъ съ Франками, подчинившими себѣ Турянговъ. Не безопасные съ запада, Чехи были мало безопасны и съ востока: долина Дуная не переставала еще наполняться азіатскими выходцами: Авары, которые оставили по себѣ такую черную память между нашими юговосточными славянскими племенами, не менѣе тяжки были и для Чеховъ; освободителемъ послѣднихъ отъ аварскаго ига является Само, одинъ изъ загадочныхъ средневѣковыхъ героевъ, о которыхъ наука не можетъ произнести вѣрнаго приговора, которыхъ оспариваютъ другъ у друга разныя народности, тогда какъ въ эту эпоху броженія народныхъ элементовъ въ Европѣ всего менѣе обращалось вниманія на народность. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Само былъ франкскій купецъ, торговавшій съ восточными племенами; извѣстіе очень согласное съ тогдашнимъ состояніемъ общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко перемѣнявшіе характеръ купца на характеръ воина; этотъ первоначальный характеръ купца далъ Само средства сблизиться съ племенемъ, отвага указала въ немъ достойнаго предводителя противъ Аваровъ. Въ 627 году Славяне избрали освободителя Само въ короли: такъ основалось на западѣ первое славянское владѣніе, сердцемъ котораго была земля Чешская. Уже при Само начинаются враждебныя столкновенія Чеховъ съ королями франкскими; конецъ жизни и правленія Самова еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ его происхожденіе и первые подвиги. Народныя преданія чешскія знаютъ о Крокѣ, котораго золотой столъ стоялъ въ

Вышеградѣ надъ Влтавою (Молдавою). Крокъ оставилъ по себѣ трехъ вѣщихъ дочерей; младшую изъ нихъ, Любушу, народъ выбралъ на отцовское мѣсто; Любуша отдала руку свою и власть надъ Чехами Пршемыслу, который пахалъ, когда пришли къ нему послы отъ Любуши съ этимъ предложеніемъ. Пршемыслъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ чешскихъ; княженіе его относятъ къ первой четверти VIII вѣка. Изъ событій чешской исторіи послѣ Пршемысла до самой половины IX-го вѣка мы не знаемъ ничего вѣрнаго, кромѣ враждебныхъ столкновеній Славянъ съ Нѣмцами, то-есть съ Имперіею Франковъ. Меровинговъ смѣнили Карловинги. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый германскими вождями на старинной почвѣ Римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристаля принялъ титулъ римскаго императора; располагая силами западной Европы, Карлъ великій двинулся на восточную съ проповѣдію римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Что же могла противопоставить ему восточная Европа? Народы жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разъединенія и несогласія славянскихъ племенъ отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племенъ славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родоваго, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянскаго племени; черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ; такъ народы германскаго племени оставили формы родоваго быта прежде вслѣдствіе переселенія на римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ, первоначальныхъ формахъ быта. Карлъ великій, вождь германскаго ополченія, носилъ титулъ Римскаго императора, былъ единымъ владыкою соединенныхъ германскихъ племенъ; но исторіи извѣстно, чего стоило германскому племени это соединеніе! Покрытый кровію Саксонцевъ, Карлъ двинулся противъ Славянъ; легко было предвидѣть, что новый Це-

зарь получить такіе же успѣхи надъ младенчествующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда, при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. Изъ славянскихъ племенъ, соприкасавшихся съ Германцами, кромѣ Чеховъ, были Бодричи или Ободриты, жившіе въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ; потомъ южнѣе, между Одеромъ и Эльбою Лутичи или Велеты, между Лутичами и Чехами жили Сербы въ нынѣшней Саксоніи и Лузаціи. Между Лутичами и Бодричами шли сильныя усобицы; съ другой стороны, Бодричи были во враждѣ съ Саксонцами; это обстоятельство заставило ихъ войти въ союзъ съ Карломъ противъ послѣднихъ, какъ общихъ враговъ, и помогать Франкамъ въ борьбѣ съ ними. Карлъ, въ благодарность за помощь, обратилъ свое оружіе противъ Лутичей подъ предлогомъ, что они обижаютъ союзниковъ его, Бодричей: такъ германскій вождь начало искусно пользоваться славянскимъ бытомъ и его слѣдствіями. Бодричи и Сербы охотно помогали Нѣмцамъ покорять единоплеменниковъ своихъ Лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было въ концѣ VIII-го вѣка, въ началѣ IX-го уже видимъ войны Карла съ Чехами. Послѣдніе, подобно всѣмъ своимъ соплеменникамъ, не давали врагу битвъ въ чистомъ полѣ, но отбивались порознь въ лѣсахъ и горахъ; войска Карла, опустошивши страну, должны были возвращаться безъ рѣшительныхъ, какъ видно, успѣховъ. Несмотря однако на это, торжество Нѣмцевъ было вѣрно надъ разрозненными Славянами. Если извѣстія о дани Чеховъ Карлу великому могутъ быть оспариваемы, то вѣрно, что Моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX-го вѣка въ Моравіи мы видимъ князя Моймира, который принялъ христіанство, и считается основателемъ моравскаго государства; въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе о начаткахъ христіанства у Чеховъ: четырнадцать леховъ, или знатныхъ пановъ чешскихъ приняли христіанство въ Регенсбургѣ у короля Людовика нѣмецкаго; но, въ борьбѣ двухъ племенъ, основнымъ различіемъ которыхъ была вѣра, для Славянина отвергнуть вѣру своего народа значило отложиться отъ послѣдняго, перейти подъ знамена враговъ: вотъ почему чешскіе лехи, какъ скоро приняли христіанство, такъ уже оставили князя своего, поддались королю нѣмецкому, изъ подъ власти котораго трудно было высвобо-

диться. Такъ Людовикъ нѣмецкій, подозрѣвая Моймира Моравскаго въ намѣреніи усилиться, свергнулъ его съ престола, который отдалъ племяннику его Ростиславу. Но Ростиславъ, несмотря на то, что обязанъ былъ властію Людовику, шелъ по слѣдамъ дяди Моймира, только шелъ съ большимъ успѣхомъ: ему удалось отбиться отъ Людовика; онъ могъ объявить себя прямо врагомъ послѣдняго, и принимать подъ свое покровительство всѣхъ недовольныхъ королемъ, даже собственныхъ сыновей его. Но князь моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія славянскаго государства прежде всего была необходима назависимая славянская церковь, что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь моравскій долженъ былъ обратиться къ византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ нѣмецкимъ; она была слишкомъ слаба для этого, — и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ императору Михаилу съ просьбою о славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являются знаменитые братья — Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, и распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Призывъ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.

Ближайшими къ Россіи изъ западныхъ славянскихъ племенъ были тѣ, которыя послѣ вошли въ составъ государства польскаго. Область этихъ ляшскихъ племенъ простиралась съ сѣвера къ югу отъ Балтійскаго моря до горъ Карпатскихъ, съ востока къ западу отъ рѣкъ Бобра, Нарева, Буга, Вислоки до

Одера, Бобра (въ Силезіи) и Чешско-Моравскаго хребта; но главное гнѣздо государства польскаго было на рѣкѣ Вартѣ около Гнѣзна и Познаня. Вѣроятная исторія Польши начинается въ одно время съ русскою, то-есть, въ половинѣ IX-го вѣка: къ 860 году относятъ тотъ переворотъ, по которому Семовитъ, сынъ земледѣльца Пяста, свергнулъ съ престола родъ Попела и самъ сталъ княжить; съ этихъ поръ начинается распространеніе польскихъ владѣній. Но въ началѣ нашей исторіи гораздо ближе польскихъ Славянъ были къ Руси Славяне Болгарскіе. Исторія находитъ Славянъ въ древней Мизіи, въ нынѣшней Болгаріи, во второй половинѣ VII-го вѣка, тогда какъ до сихъ поръ восточная имперія имѣла дѣло съ Славянами, нападавшими на нее съ сѣвернаго берега Дуная; въ 677 году Болгары, народъ единоплеменный съ Гуннами и Аварами, покорилъ семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи, и утвердился здѣсь; скоро побѣдители такъ смѣшались съ побѣжденными, что составили съ ними одинъ народъ славянскій: съ этихъ поръ начинается рядъ войнъ болгарскихъ владѣтелей съ императорами греческими до самой половины IX-го вѣка, когда болгарскій князь Борисъ принялъ христіанство, крестившись подъ именемъ Михаила отъ руки славянскаго апостола Меѳодія, который послѣ этого отправился съ братомъ Кирилломъ въ Моравію. Въ тѣсной связи съ исторіей болгарскихъ Славянъ находится исторія Славянъ сербскихъ. Къ VII-му вѣку относятъ переселеніе Славянъ изъ сѣверныхъ краевъ въ Иллирію: изъ послѣдующей исторіи этихъ племенъ до половины IX-го вѣка мы знаемъ только нѣсколько именъ сербскихъ жупановъ или старѣйшинъ и нѣсколько извѣстій о войнахъ ихъ съ князьями болгарскими.

ГЛАВА V.

Преданія о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ. — Олегъ, его движеніе на югъ, поселеніе въ Кіевѣ. Строеніе городовъ, дани, подчиненіе племенъ. — Греческій походъ.—Договоръ Олега съ Греками.—Смерть Олега, значеніе его въ памяти народной. — Преданіе объ Игорѣ. — Походы на Константинополь. — Договоръ съ Греками.—Печенѣги.—Смерть Игоря, его характеръ въ преданіяхъ. — Свѣнельдъ. Походы Руссовъ на Востокѣ.

До нашего начальнаго лѣтописца дошло очень мало преданій о княженіи Рюрика. Онъ знаетъ только, что, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ призванія, младшіе братья, Синеусъ и Труворъ, умерли, и всю власть принялъ одинъ старшій Рюрикъ; эта власть простиралась уже на Кривичей западно-двинскихъ, то-есть Полочанъ на югѣ, на Мерю и Мурому на сѣверовостокѣ. Если Меря, платившая прежде дань Варягамъ, и неупомянутая въ разсказѣ о призваніи, точно въ немъ не участвовала, то должно быть, что ее снова покорилъ Синеусъ съ Бѣлаозера, по старому Варяжскому пути, а за Мерею впервые покорена и Мурома; на югѣ перейденъ волокъ между Ловатью и Западною Двиною, присоединенъ Полоцкъ. О войнахъ есть извѣстіе, что призванные князья начали воевать всюду; о правительственныхъ мѣрахъ читаемъ, что Рюрикъ роздалъ города мужамъ своимъ, причемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Раздая волости мужемъ своимъ и городы рубити» [164]. Такъ съ Рюрика началась уже эта важная дѣятельность нашихъ князей — построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Касательно опредѣленія отношеній между призванными князьемъ и призвавшими племенами сохранилось преданіе о смутѣ въ Новгородѣ, о недовольныхъ, которые жаловались на поведеніе Рюрика и его родичей или единоземцевъ, и въ главѣ которыхъ былъ ка-

кой-то Вадимъ; этотъ Вадимъ былъ убитъ Рюрикомъ вмѣстѣ со многими Новгородцами, его совѣтниками [165]. Сохранилось преданіе, что по смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильменю, срубилъ городъ надъ Волховомъ, прозвалъ его Новгородомъ, и сѣлъ тутъ княжить. Это мѣсто лѣтописи прямо показываетъ, что собственный Новгородъ былъ основанъ Рюрикомъ; и такъ какъ здѣсь онъ остался жить, и послѣ него здѣсь же жили посадники княжескіе и князья, то изъ этого легко объясняется, почему Новгородъ затмилъ собою старый городъ, какъ бы тотъ ни назывался [166]. И послѣ переселенія Рюрика къ Ильменю смуты, какъ видно, продолжались; такъ сохранилось преданіе, что отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ бѣжало много новгородскихъ мужей [167]. Если и здѣсь обратимъ вниманіе на послѣдующія событія новгородской исторіи, то найдемъ сходныя явленія: и послѣ почти каждый князь долженъ былъ бороться съ извѣстными сторонами, и если побѣждалъ, то противники бѣжали изъ Новгорода къ другимъ князьямъ — или на югъ въ Русь, или въ Суздальскую землю, смотря по обстоятельствамъ. Всего же лучше преданіе о неудовольствіи Новгородцевъ и поступкѣ Рюрика съ Вадимомъ и съ совѣтниками его объясняется разсказомъ лѣтописи о неудовольствіи Новгородцевъ на Варяговъ, нанятыхъ Ярославомъ, объ убійствѣ послѣднихъ и мести княжеской убійцамъ.

Преданіе говоритъ, что много людей перебѣжало изъ Новгорода въ Кіевъ: здѣсь на южномъ концѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки образовалось въ то же время другое варяго-русское владѣніе. Было, говоритъ преданіе, у Рюрика двое мужей, не родныхъ ему; они выпросились у него идти къ Царюграду съ родомъ своимъ, и когда шли, внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ, и спросили у тамошнихъ жителей, чей онъ? Имъ отвѣчали, что были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ городкѣ, собрали около себя много Варяговъ и начали владѣть землею Полянъ. Это преданіе совершенно согласно съ обстоятельствами описываемаго времени: Варягамъ былъ давно извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное; давно они усаживались между племенами, жившими у его на-

чала; дѣло невозможное, чтобы, зная начало пути, Варяги не стали пробираться тотчасъ же по немъ внизъ къ Черному морю; лѣтописецъ указываетъ путь изъ Варягъ въ Греки, прежде нежели начинаетъ разсказъ о событіяхъ, непосредственно за разсказомъ о разселеніи племенъ славянскихъ; тутъ же у него вставлено сказаніе о путешествіи апостола Андрея по этому пути; Аскольдъ и Диръ прямо выпрашиваются у Рюрика въ Грецію, и идутъ извѣстною дорогою. Вотъ почему и прежде согласились мы допустить, что Варяги-Русь, зная начало великаго воднаго пути ранѣе прихода Рюрикова, знали и конецъ его ранѣе этого времени, что шайки ихъ давно усаживались на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, и оттуда опустошали окрестныя страны, на что̀ такъ ясно указываютъ свидѣтельства Арабовъ и нѣкоторыя другія. Но, какъ видно, до сихъ поръ Варяги являлись на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное только въ видѣ малочисленныхъ дружинъ, искавшихъ службы при дворѣ императора, или мелкой добычи на берегахъ Имперіи, безъ мысли и безъ средствъ основать прочное владѣніе въ земляхъ, лежащихъ по восточному пути. Такъ Аскольдъ и Диръ отпросились у Рюрика въ Грецію, съ родомъ своимъ только! Вотъ почему они не хотѣли, да и не могли утвердиться нигдѣ по восточному пути до самаго того мѣста, начиная съ котораго Днѣпръ поварачиваетъ на востокъ, въ степь. Здѣсь среди славянскаго племени Полянъ, платившихъ дань Козарамъ, въ городкѣ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ остановились. Какъ видно, Кіевъ въ то время былъ притономъ Варяговъ, всякаго рода искателей приключеній, чѣмъ въ послѣдствіи были Тмутаракань и Берладъ; видно и тогда какъ послѣ, во времена Константина Багрянороднаго, Кіевъ былъ сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, собиравшихся въ Черное море. Аскольдъ и Диръ здѣсь остановились: около нихъ собралось много Варяговъ; сюда же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, перебѣжало изъ Новгорода много людей, недовольныхъ Рюрикомъ; Аскольдъ и Диръ стали вождями довольно многочисленной шайки, окрестные Поляне должны были подчиниться имъ; есть извѣстія, что они дрались съ степными варварами [168], съ сосѣдними славянскими племенами — Древлянами и Угличами [169], съ Дунайскими Болгарами [170]. Если примемъ извѣстіе, что Варяги Аскольдъ и Диръ засѣли въ Полянскомъ

городкѣ Кіевѣ, то не имѣемъ права отвергать приведенныя извѣстія: владѣлецъ украинскаго городка необходимо долженъ былъ вести войны съ степными варварами и съ окольнымъ славянскими племенами: и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ [171]; наконецъ столкновенія съ Дунайскими Болгарами были естественны по самому пути, которымъ обыкновенно Русь ходила въ Грецію. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольдъ и Диръ вздумали сдѣлать набѣгъ на Византію, исполнить завѣтную мысль Варяга, съ какою они отправились изъ Новгорода: на 200 ладьяхъ приплыла Русь къ Царюграду; но попытка не удалась: буря, вставшая, по греческимъ свидѣтельствамъ вслѣдствіе чудеснаго заступленія Богородицы, разбила русскія лодки, и немногіе изъ дружины Аскольдовой возвратились съ своими князьями назадъ въ Кіевъ. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ Византійцы сообщаютъ другое о принятіи христіанства русскими, о посылкѣ къ нимъ епископа изъ Царяграда: такъ уже рано обнаружилось значеніе Кіева въ нашей исторіи, вслѣдствіе столкновеній кіевской Руси съ Византіею [172]. Даже прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимаго къ 866 году, мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ русскихъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ житіи святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ русскаго князя Бравалина, и о крещеніи его тамъ: извѣстіе это относится къ началу IX вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи святаго Георгія, епископа Амастрійскаго [173].

Но владѣніе, основанное варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкой искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ жившихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать только сѣверные князья, имѣвшіе для того достаточную матеріальную силу и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ. Въ 869 году, по счету лѣтописца, умеръ Рюрикъ, оставивъ малолѣтняго

сына Игоря, котораго отдалъ на руки родственнику своему Олегу. Послѣдній какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтняго князя, получилъ всю власть Рюрика и удерживалъ ее до конца жизни своей. Если Рюрикъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ на югъ по восточному пути, перейдя изъ Ладоги въ Новгородъ, то преемникъ его двинулся гораздо далѣе и дошелъ до конца пути. Движеніе это было однако довольно медленно: три года, по счету лѣтописца, пробылъ Олегъ въ Новгородѣ до выступленія въ походъ на югъ; потомъ онъ двинулся по водному восточному пути, собравши войско изъ Варяговъ и изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ—Чуди, Славянъ (ильменскихъ), Мери, Веси, Кривичей. Это обстоятельство есть самое важное въ нашей начальной исторіи. Мы видѣли, что Варягамъ давно былъ извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, давно ходили они по немъ, но ходили малыми дружинами, не имѣли желанія, ни средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него какъ на путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляется владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; повинуясь общему историческому закону, новорожденное владѣніе, вслѣдствіе сосредоточенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится употребить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя. Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ, но это не вождь одной варяжской шайки, дружины,—въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлію одного грабежа, не для того только чтобы пробраться въ Византію; пользуясь своею силой, онъ подчиняетъ себѣ всѣ встрѣчающіяся ему на пути племена, закрѣпляетъ себѣ навсегда всѣ находящіяся на немъ мѣста, города; его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія на счетъ другихъ, владѣнія сильнаго на счетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и призвавшимъ власть: отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между варяжскими князьями и призвавшими племенами.

Перешедши волокъ и достигши Днѣпра, Олегъ утверждается въ землѣ днѣпровскихъ Кривичей, закрѣпляетъ себѣ ихъ городъ Смоленскъ, сажаетъ здѣсь своего мужа, разумѣется, не одного, но съ дружиною, достаточною для удержанія за собою новаго владѣнія [174]. Изъ Смоленска Олегъ пошелъ внизъ по Днѣпру, пришелъ въ землю Сѣверянъ, взялъ городъ ихъ Любечь, и прикрѣпилъ его къ своему владѣнію, посадивъ и здѣсь мужа своего. Какъ достались Олегу эти города, долженъ ли былъ онъ употреблять силу, или покорились они ему добровольно,—объ этомъ нельзя ничего узнать изъ лѣтописи. Наконецъ Олегъ достигъ Кіева, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ; здѣсь, по преданію, онъ оставилъ бо́льшую часть своихъ лодокъ назади, скрылъ ратныхъ людей на тѣхъ лодкахъ, на которыхъ подплылъ къ Кіеву, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ-купцы, идущіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли, но тотчасъ же были окружены ратными людьми, повыскакавшими изъ лодокъ; Олегъ будто бы сказалъ кіевскимъ князьямъ: «Вы не князья, ни роду княжескаго, а я роду княжескаго», и, указывая на вынесеннаго въ это время Игоря, прибавилъ: «вотъ сынъ Рюриковъ.» Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ.—Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать преданіе съ тѣми подробностями, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ оно достигло до перваго лѣтописца и записано имъ. Въ этомъ преданіи видно какъ будто намѣреніе оправить Олега, дать сѣвернымъ князьямъ Рюрикова рода право на владѣніе Кіевомъ, гдѣ сѣли мужи Рюрика, не князья, не имѣвшіе права владѣть городомъ независимо. Олегъ представленъ не завоевателемъ, но только княземъ, возстановляющимъ свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть-можетъ, само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, явилось вслѣдствіе желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ [175]. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи встрѣчаемъ также подробности о непріязненныхъ отношеніяхъ Аскольда и Дира къ Рюрику: такъ есть извѣстіе, что они по неудовольствію оставили сѣвернаго князя, не давшаго имъ ни города, ни села [176]; что потомъ, утвердясь въ Кіевѣ, воевали Полочанъ и надѣлали имъ много зла [177]: очень вѣроятно, что они

могли нападать на южные, ближайшіе къ нимъ предѣлы владѣній Рюриковыхъ. Также замѣчено было уже извѣстіе о бѣгствѣ новгородцевъ, недовольныхъ Рюрикомъ, въ Кіевъ къ Аскольду и Диру.

Какъ бы то ни было, убивъ Аскольда и Дира, Олегъ утвердился въ Кіевѣ, сдѣлалъ его своимъ стольнымъ городомъ; по свидѣтельству лѣтописца, Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть матерью городамъ русскимъ [178]. Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣряться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата, красивости мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки свои справа и слѣва, Припеть и Десну поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилища кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и вѣроятно было прежде сборное мѣсто для русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ два конца великаго воднаго пути, на сѣверѣ со стороны Ладожскаго озера и на югѣ со стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи: по его берегамъ образовалась первоначальная русская государственная область; отсюда же понятна постоянная, тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ въ послѣдствіи; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю кіевскому.

Первымъ дѣломъ Олега въ Украйнѣ было построеніе городовъ, острожковъ, сколько для утвержденія своей власти въ новыхъ областяхъ, столько же и для защиты со стороны степей. Потомъ нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что̀ было

необходимо вслѣдствіе новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ уставилъ дани Славянамъ (ильменскимъ), Кривичамъ и Мери; Новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ варяговъ, которые должны были защищать сѣверныя владѣнія. Сперва, какъ видно, эта стража состояла исключительно изъ варяговъ, потомъ когда эта исключительность исчезла, то вмѣсто Варяговъ встрѣчаемъ уже общее названіе гридей; наемная плата увеличивалась по обстоятельствамъ: такъ послѣ раздавалась гридямъ уже тысяча гривенъ вмѣсто трехъ сотъ; прекратилась эта выдача денегъ со смертію Ярослава I, вѣроятно потому, что съ этого времени Новгородцы не могли болѣе опасаться нападеній ни съ которой стороны: а можетъ-быть также между ними и князьями сдѣланы были другаго рода распоряженія относительно внѣшней защиты.

Построивъ города и установивъ дани у племенъ сѣверныхъ, Олегъ, по преданію, начинаетъ подчинять себѣ другія племена славянскія, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра. Прежде всего Олегъ идетъ на Древлянъ, у которыхъ давно шла вражда съ Полянами; Древляне не поддались добровольно русскому князю; ихъ нужно было примучить, чтобы заставить платить дань, которая состояла въ черной куницѣ съ жилья. Въ слѣдующемъ, по счету лѣтописца, году (884) Олегъ пошелъ на Сѣверянъ, побѣдилъ ихъ, и наложилъ дань легкую; эта легкость должна объясняться малымъ сопротивленіемъ Сѣверянъ, которые платили дань Козарамъ и слѣдовательно могли легко согласиться платить ее русскому князю; съ своей стороны Олегъ долженъ былъ наложить на нихъ только легкую дань, чтобы показать имъ выгоду русской зависимости предъ Козарскою; онъ, по преданію, говорилъ Сѣверянамъ: «Я врагъ Козаромъ, а вовсе не вамъ.» Радимичи, платившіе также дань Козарамъ, въ слѣдующемъ году не оказали никакого сопротивленія Олегу; онъ послалъ спросить у нихъ; «Кому даете дань?» тѣ отвѣчали: «Козарамъ.—«Не давайте Козарамъ, велѣлъ сказать имъ Олегъ, а давайте лучше мнѣ,» и Радимичи стали платить русскому князю тѣ же два шляга отъ рала, которые давали Козарамъ. Но не такъ легко было справиться съ тѣми племенами, которыя прежде были не-

зависимы, не платили никому дани, не хотѣли и теперь платить ее Руси: мы видѣли сопротивленіе Древлянъ; потомъ, слишкомъ въ двадцать лѣтъ, по счету лѣтописца, Олегу удалось покорить Дулѣбовъ, Хорватовъ и Тиверцевъ, но Угличей не удалось [180]. Только въ 907 году Олегъ собрался въ походъ на Грековъ: оставивъ Игоря въ Кіевѣ, онъ пошелъ со множествомъ Варяговъ, Славянъ (Новгородцевъ), Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ, пошелъ на коняхъ и въ корабляхъ; кораблей было 2,000, на каждомъ кораблѣ по 40 человѣкъ. Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать буквально этотъ счетъ; для него важенъ только тонъ преданія, съ какимъ оно хранилось въ народѣ, и изъ котораго видно, что предпріятіе было совершено соединенными силами всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси, сѣверныхъ и южныхъ, а не было набѣгомъ варяжской шайки: отсюда объясняется робость Грековъ, удача предпріятія. Когда русскіе корабли явились предъ Константинополемъ, говоритъ лѣтопись [181], то Греки замкнули гавань, заперли городъ. Олегъ вышелъ безпрепятственно на берегъ, корабли были выволочены, ратные разсѣялись по окрестностямъ Царяграда, и начали опустошать ихъ: много побили Грековъ, много палатъ разбили и церквей пожгли; плѣнныхъ сѣкли мечами, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки свои на колеса, и флотъ, при попутномъ вѣтрѣ, двинулся на парусахъ по сушѣ къ Константинополю. Говоря просто, Олегъ приготовился къ осадѣ города: Греки испугались, и послали сказать ему: «Не губи городъ; мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь.» Олегъ остановился; то же преданіе разсказываетъ, что Греки выслали ему кушанье и напитки съ отравою, что Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся присланнаго, и что тогда Греки въ испугѣ говорили: это не Олегъ, но святый Димитрій, посланный на насъ Богомъ. Приведенный разсказъ замѣчателенъ по тому представленію, которое имѣли о характерѣ Грековъ и о характерѣ вѣщаго Олега: самый хитрый изъ народовъ не успѣлъ обмануть мудраго князя! Олегъ, продолжаетъ лѣтопись, отправилъ къ императору пословъ—Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривенъ на корабль, да еще уклады на рус-

скіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе, потому что въ тѣхъ городахъ сидѣли Олеговы мужи; Олегъ требовалъ также, чтобы Русь, приходящая въ Царьградъ, могла брать съѣстныхъ припасовъ, сколько хочетъ; гости (купцы) имѣютъ право брать съѣстные припасы въ продолженіе шести мѣсяцевъ—хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи; могутъ мыться въ баняхъ сколько хотятъ; а когда пойдутъ русскіе домой, то берутъ у царя греческаго на дорогу съѣстное, якори, канаты, паруса и все нужное. Императоръ и вельможи его приняли условія, только съ слѣдующими измѣненіями: Русскіе, пришедшіе не для торговли, не берутъ мѣсячины; князь долженъ запретить своимъ русскимъ грабить села въ странѣ греческой; русскіе, пришедши въ Константинополь, могутъ жить только у св. Мамы, императоръ пошлетъ переписать ихъ имена, и тогда они будутъ брать свои мѣсячины — сперва Кіевляне, потомъ Черниговцы, Переяславцы и другіе; входить въ городъ будутъ они одними воротами, вмѣстѣ съ чиновникомъ императорскимъ, безъ оружія, не болѣе 50 человѣкъ, и пусть торгуютъ, какъ имъ надобно, не платя никакихъ пошлинъ. Изъ этихъ условій видна недовѣрчивость Грековъ къ Русскимъ, которые любили, при удобномъ случаѣ, перемѣнять характеръ купцовъ на характеръ воиновъ. Императоры Леонъ и Александръ цѣловали крестъ въ соблюденіи договора; привели также къ присягѣ Олега и мужей его; тѣ клялись по русскому закону, оружіемъ, Перуномъ—богомъ своимъ, Волосомъ—скотьимъ богомъ, и такимъ образомъ утвердили миръ. Преданіе прибавляетъ, будто Олегъ велѣлъ Руси сшить паруса шелковые, а славянамъ полотняные, будто воины повѣсили щиты свои на воротахъ Цареградскихъ, въ знакъ побѣды, и когда пошли они домой, то Русь подняла паруса шелковые, а Славяне полотняные; но вѣтеръ разодралъ ихъ; тогда Славяне сказали: примемся за свои холстинные паруса; не дано славянамъ парусовъ полотняныхъ. Это преданіе любопытно потому, что въ немъ видно различіе между Русью и Славянами, различіе въ пользу первой. Подъ именемъ Руси здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружину княжескую, подъ Славянами остальныхъ ратныхъ людей изъ разныхъ племенъ: естественно, что корабль княжескій и другіе, везшіе бояръ и слугъ княжескихъ, были красивѣе, чѣмъ корабли простыхъ

воиновъ. Олегъ, заключаетъ преданіе, возвратился въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, овощами, винами и всякимъ узорочьемъ; народъ удивился такому успѣху, и прозвалъ князя вѣщимъ, то-есть кудесникомъ, волхвомъ.

Допустивъ къ себѣ русскихъ на продолжительное житье въ Константинополь, греческій дворъ долженъ былъ урядиться съ кіевскимъ княземъ, какъ поступать при необходимыхъ столкновеніяхъ русскихъ съ подданными имперіи; вотъ почему въ 911 году, слѣдовательно, по счету лѣтописца, черезъ четыре года, Олегъ послалъ въ Царьградъ мужей своихъ утвердить миръ и положить рядъ между Греками и Русью, на основаніи прежняго ряда, заключеннаго тотчасъ послѣ похода [182]. Послами были отправлены тѣ же пять мужей, которые заключали и первый договоръ,—Карлъ, Фарлофъ, Велмудъ (Веремудъ), Рулавъ, Стемиръ (Стемидъ), но съ прибавкою еще девяти: Инегельдъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелафъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Бидульфостъ. Несмотря на искаженіе именъ, легко замѣтить, что почти всѣ они звучатъ не по-славянски: славянскіе звуки можно уловить только въ двухъ—Велмудѣ (Велемудрѣ) и Стемирѣ. Причина такому явленію можетъ заключаться въ томъ, что большинство дружины Олеговой состояло въ это время еще изъ Скандинавовъ, или, быть-можетъ, означенные Варяги потому были отправлены въ Константинополь, что подобно многимъ своимъ соотечественкамъ, уже бывали тамъ прежде, знали греческіе обычаи, языкъ. Эти мужи посланы были отъ великаго князя Олега, отъ всѣхъ подручныхъ ему князей (знакъ, что, кромѣ Олега и Игоря, существовали еще другіе родичи Рюриковы), бояръ, и отъ всей подручной ему Руси. Послы заключили слѣдующій договоръ: 1) При каждомъ преступленіи должно основываться на ясныхъ показаніяхъ; но при заподозрѣніи свидѣтельства пусть сторона подозрѣвающая клянется въ томъ, что свидѣтельство ложно; пусть всякій клянется по своей вѣрѣ, и пусть приметъ казнь, если клялся ложно.—За этимъ слѣдуетъ исчисленіе преступленій и соотвѣтственныхъ имъ наказаній. 2) Если Русинъ убьетъ христіанина, то-есть Грека, или христіанинъ Русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ; если же убѣжитъ и оставитъ имѣніе, то оно отдается родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая, по закону, слѣдуетъ женѣ убійцы;

если же преступникъ убѣжитъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ пойманъ и казненъ смертію. 3) За ударъ мечемъ или чѣмъ бы то ни было виноватый платитъ пять литръ серебра по русскому закону; если будетъ не въ состояніи заплатить означенной суммы, то пусть дастъ сколько можетъ, пусть скинетъ съ себя то самое платье, которое на немъ, и клянется по обрядамъ своей вѣры, что не имѣетъ никого кто бы могъ заплатить за него, и тогда искъ прекращается. 4) Если Русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у Русина, и воръ будетъ пойманъ на кражѣ, то въ случаѣ сопротивленія хозяинъ украденной вещи можетъ убить его безнаказанно и взять свое назадъ. Если же воръ отдается безъ сопротивленія, то его должно связать и взять съ него втрое за похищенное. 5) Если кто изъ христіанъ или русскихъ начнетъ мучить допытываясь, гдѣ имущество, и насиліемъ явно возьметъ что-нибудь, то долженъ заплатить втрое противъ взятаго. 6) Если корабль греческій будетъ выброшенъ вѣтромъ на чужую землю, и случится при этомъ кто-нибудь изъ русскихъ, то они должны охранять корабль съ грузомъ, отослать его назадъ въ землю христіанскую, провожать его чрезъ всякое страшное мѣсто, пока достигнетъ мѣста безопаснаго; если же противные вѣтры или мели задержатъ корабль на одномъ мѣстѣ, то русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами по-здорову, если случится близко тутъ земля Греческая; если же бѣда приключится близь земли Русской, то кораблъ проводятъ въ послѣднюю, грузъ продается, и вырученное Русь принесетъ въ Царьградъ, когда придетъ туда для торговли или посольствомъ; если же кто на кораблѣ томъ будетъ прибитъ или убитъ Русью, или пропадетъ что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанію. 7) Если въ какой-нибудь странѣ будутъ держать русскаго или греческаго невольника, и случится въ той странѣ кто-нибудь изъ русскихъ или изъ грековъ, то послѣдній обязанъ выкупить невольника и возвратить его на родину, за что̀ получитъ искупную цѣну или общую цѣну невольника [183]; военноплѣнные также возвращаются на родину, плѣнившій получаетъ общую цѣну невольника. 8) Тѣ изъ русскихъ, которые захотятъ служить императору греческому, вольны это сдѣлать. 9) Если случится, что русскіе

невольники придутъ на продажу изъ какой-нибудь страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Русь, то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на родину. 10) Если рабъ будетъ украденъ изъ Руси, или уйдетъ самъ, или будетъ насильственно проданъ, и если господинъ раба начнетъ жаловаться, и справедливость жалобы будетъ подтверждена самимъ рабомъ, то послѣдній возвращается въ Русь; также гости русскіе, потерявшіе раба, могутъ искать его и взять обратно; если же кто не позволитъ у себя дѣлать обыска, то этимъ самымъ уже проигрываетъ свое дѣло. 11) Если кто изъ русскихъ, служащихъ христіанскому царю, умретъ, не распорядившись имѣніемъ, и не будетъ около него никого изъ родныхъ, то имѣніе отсылается къ ближнимъ его въ Русь. Если же распорядится, то имѣніе идетъ къ назначенному въ завѣщаніи наслѣднику, который получитъ его отъ своихъ земляковъ, ходящихъ въ Грецію. 12) Если взявшійся доставить это имѣніе утаитъ его и не возвратится съ нимъ въ Русь, то, по жалобѣ русскихъ, возвращается насильно въ отечество. Такъ точно должны поступать и русскіе относительно Грековъ.

Императоръ одарилъ русскихъ пословъ золотомъ, дорогими тканями, платьемъ и, по обычаю, приставилъ къ нимъ людей, которые должны были водить ихъ по церквамъ цареградскимъ, показывать богатства ихъ, также страсти Христовы, мощи святыхъ, причемъ излагать ученіе вѣры. Послы возвратились къ Олегу въ 912 году; осенью этого года князь умеръ. Было преданіе, что передъ смертію Олегъ ходилъ на сѣверъ, въ Новгородъ и Ладогу: въ этомъ преданіи нѣтъ ничего невѣроятнаго; оно же прибавляетъ, что Олегъ и похороненъ въ Ладогѣ [184]; все указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ, связь необходимую. Сѣверъ хотѣлъ имѣть у себя могилу вѣщаго преемника Рюрикова, югъ у себя: по южному преданію, Олегъ похороненъ въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ [185]; въ лѣтописи находимъ также преданіе о самой смерти Олега. Спрашивалъ онъ волхвовъ-кудесниковъ, отъ чего ему умереть? И сказалъ ему одинъ кудесникъ: «умереть тебѣ, князь, отъ любимаго коня, на которомъ ты всегда ѣздишь». Олегъ подумалъ: «такъ никогда же не сяду на этого коня и не увижу его,»—и велѣлъ кормить его, но не подводить къ себѣ, и такъ не трогалъ его нѣсколько лѣтъ, до самаго Греческаго

похода. Возвратившись въ Кіевъ, жилъ Олегъ четыре года, на пятый вспомнилъ о конѣ, призвалъ конюшаго и спросилъ: «Гдѣ тотъ конь мой, что я поставилъ кормить и беречь?» Конюшій отвѣчалъ: «Онъ уже умеръ.» Тогда Олегъ началъ смѣяться надъ кудесникомъ, бранить его: «Эти волхвы вѣчно лгутъ, говорилъ онъ:—вотъ конь-то умеръ, а я живъ; поѣду-ка я посмотрѣть его кости.» Когда князь пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости конскія и черепъ голый, то сошелъ съ лошади и наступилъ ногою на черепъ, говоря со смѣхомъ: «Такъ отъ этого-то черепа придется мнѣ умереть!» Но тутъ выползла изъ черепа змѣя, и ужалила Олега въ ногу: князь разболѣлся и умеръ [186].

При разборѣ преданій объ Олегѣ мы видимъ, что въ народной памяти представлялся онъ не столько храбрымъ воителемъ, сколько вѣщимъ княземъ, мудрымъ или хитрымъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, значило одно и то же: хитростію Олегъ овладѣваетъ Кіевомъ, ловкими переговорами подчиняетъ себѣ безъ насилій племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра; подъ Царьградомъ хитростію пугаетъ Грековъ, не дается въ обманъ самому хитрому народу, и прозывается отъ своего народа вѣщимъ. Въ преданіи онъ является также и княземъ-нарядникомъ земли: онъ располагаетъ дани, строитъ города: при немъ впервые почти всѣ племена, жившія по восточному водному пути, собираются подъ одно знамя, получаютъ понятіе о своемъ единствѣ, впервые соединенными силами совершаютъ дальній походъ. Таково преданіе объ Олегѣ: историкъ не имѣетъ никакого права заподозрить это преданіе, отвергнуть значеніе Олега, какъ собирателя племенъ [187].

По счету лѣтописца, преемникъ Олеговъ Игорь, сынъ Рюрика, княжилъ 33 года (902—935), и только пять преданій записано въ лѣтописи о дѣлахъ этого князя; для княженія Олега высчитано также 33 года (879—912). Въ лѣтописи сказано, что Игорь остался по смерти отца младенцемъ; въ преданіи о занятіи Кіева Олегомъ Игорь является также младенцемъ, котораго не могли даже вывести, а вынесли на рукахъ; если Олегъ княжилъ 33 года, то Игорю, по смерти его, должно было быть около 35 лѣтъ [188]. Подъ 903 годомъ упоминается о женитьбѣ Игоря: Игорь выросъ, говоритъ лѣтописецъ, ходилъ по Олегѣ, слушался его и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу. Во время по-

хода Олегова подъ Царьградъ, Игорь оставался въ Кіевѣ. Первое преданіе объ Игорѣ, занесенное въ лѣтопись, говоритъ, что Древляне, примученные Олегомъ, не хотѣли платить дани новому князю, затворились отъ него [189], то есть не стали пускать къ себѣ за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошелъ на Древлянъ, побѣдилъ, и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили прежде Олегу. Потомъ лѣтописецъ знаетъ русское преданіе и греческое извѣстіе о походѣ Игоря на Константинополь: въ 941 году русскій князь пошелъ моремъ къ берегамъ Имперіи, Болгары дали вѣсть въ Царьградъ, что идетъ Русь; высланъ былъ противъ нея протовестіарій Феофанъ, который пожегъ Игоревы лодки греческимъ огнемъ. Потерпѣвъ пораженіе на морѣ, Руссы пристали къ берегамъ Малой Азіи и, по обычаю, сильно опустошали ихъ; но здѣсь были застигнуты и разбиты патрикіемъ Вардою и доместикомъ Іоанномъ, бросились въ лодки и пустились къ берегамъ Ѳракіи; на дорогѣ были нагнаны, опять разбиты Ѳеофаномъ, и съ малыми остатками возвратились назадъ въ Русь [190]. Дома бѣглецы оправдывались тѣмъ, что у Грековъ какой-то чудесный огонь, точно молнія небесная, которую они пускали на русскія лодки и жгли ихъ. Но на сухомъ пути что̀ было причиною ихъ пораженія? Эту причину можно открыть въ самомъ преданіи, изъ котораго видно, что походъ Игоря не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ; это былъ скорѣе набѣгъ шайки, малочисленной дружины [191]. Что войско было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показываютъ слова лѣтописца, который тотчасъ, послѣ описанія похода, говоритъ что Игорь, пришедши домой, началъ собирать большое войско, послалъ за море нанимать Варяговъ, чтобъ идти опять на Имперію. Второй походъ Игоря на Грековъ лѣтописецъ помѣщаетъ подъ 944 годомъ; на этотъ разъ онъ говоритъ, что Игорь, подобно Олегу, собралъ много войска, Варяговъ, Русь, Полянъ, Славянъ, Кривичей, Тиверцевъ, нанялъ Печенѣговъ, взявши у нихъ заложниковъ, и выступилъ въ походъ на ладьяхъ и коняхъ, чтобъ отмстить за прежнее пораженіе. Корсунцы послали сказать императору Роману: «Идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей, покрыли все море кораблями.» Болгары послали также вѣсть: «Идетъ Русь,

наняли и Печенѣговъ.» Тогда по преданію, Императоръ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ своихъ съ просьбою: «Не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней.» Императоръ послалъ и къ Печенѣгамъ дорогія ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ съ нею думать о предложеніяхъ императорскихъ; дружина сказала: «если такъ говоритъ царь, то чего намъ еще больше? не бившись возьмемъ золото, серебро и паволоки! Какъ знать, кто одолѣетъ, мы или они? вѣдь съ моремъ нельзя заранѣе уговориться, не по землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской, одна смерть всѣмъ.» Игорь послушался дружины, приказалъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, взялъ у Грековъ золото и паволоки на себя и на все войско, и пошелъ назадъ въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 945 году былъ заключенъ договоръ съ Греками также, какъ видно, для подтвержденія краткихъ и, быть-можетъ, изустныхъ условій, заключенныхъ тотчасъ по окончаніи похода [192]. Для этого, по обычаю, отправились въ Константинополь послы и гости: послы отъ великаго князя и отъ всѣхъ его родственниковъ и родственницъ [193]. Они заключили миръ вѣчный, до тѣхъ поръ пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Кто помыслитъ изъ русскихъ нарушить такую любовь, сказано въ догорѣ, то крещеный приметъ месть отъ Бога Вседержителя, осужденіе на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій; не крещеные же не получатъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, не ущитятся щитами своими, будутъ посѣчены мечами своими, стрѣлами и инымъ орудіемъ, будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій. Великій князь русскій и бояре [194] его посылаютъ къ великимъ царямъ греческимъ корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостями, какъ постановлено. Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой онъ долженъ написать, что послалъ столько-то кораблей: поэтому Греки и будутъ знать, что Русь пришла съ миромъ. А если придутъ безъ грамоты, то Греки будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обошлются съ княземъ русскимъ; если же русскіе будутъ противиться задержкѣ вооруженною рукою, то могутъ быть перебиты, и князь не долженъ взыскивать за это съ грековъ; если же убѣгутъ назадъ въ Русь, то греки отпишутъ объ этомъ къ русскому князю, и онъ по-

ступитъ съ бѣглецами какъ ему вздумается.—Это ограниченіе новое, его нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ.—Послѣ повторенія Олеговыхъ условій о мѣстѣ жительства и содержаніи русскихъ пословъ и гостей, прибавлена слѣдующая статья: къ русскимъ будетъ приставленъ человѣкъ отъ правительства греческаго, который долженъ разбирать спорныя дѣла между русскими и греками. Русскіе купцы, вошедши въ городъ, не имѣютъ права покупать паволоки дороже 50 золотниковъ [195]; всѣ купленныя паволоки должны показывать греческому чиновнику, который кладетъ на нихъ клеймо: этого ограниченія мы не находимъ въ договорѣ Олеговомъ. По новому договору, русскіе не могли зимовать у Св. Мамы: въ Олеговомъ договорѣ этого условія также нѣтъ: впрочемъ и тамъ князь требовалъ содержанія гостямъ только на 6 мѣсяцевъ.—Если убѣжитъ рабъ изъ Руси, или отъ русскихъ, живущихъ у Св. Мамы, и если найдется, то владѣльцы имѣютъ право взять его назадъ; если же не найдется, то русскіе должны клясться, христіане и не христіане—каждый по своему закону, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ въ Грецію, и тогда, какъ постановлено прежде [196], возьмутъ цѣну раба — двѣ паволоки. Если рабъ греческій уйдетъ къ русскимъ съ покражею то должно возвратить и раба, и принесенное имъ, въ цѣлости, за что возвратившіе получаютъ два золотника въ награду. Въ случаѣ покражи, воръ съ обѣихъ сторонъ будетъ строго наказанъ, по греческому закону, и возвратитъ не только украденное, но и цѣну его; если же украденная вещь отыщется въ продажѣ, то и цѣну должно отдать двойную. — Въ Олеговомъ договорѣ ничего не сказано о наказаніи вора, а только о возвращеніи украденнаго; въ Игоревомъ—Греки даютъ силу своему закону, требующему наказанія преступнику [197]. Если русскіе приведутъ плѣнниковъ христіанъ, то за юношу или дѣвицу добрую платятъ имъ 10 золотниковъ, за среднихъ лѣтъ человѣка 8, за старика или дитя 5; своихъ плѣнниковъ выкупаютъ русскіе за 10 золотниковъ; если же Грекъ купилъ русскаго плѣнника, то беретъ за него цѣну, которую заплатилъ, цѣлуя крестъ въ справедливости показанія. Князь русскій не имѣетъ права воевать область Корсунскую и ея города: эта страна не покоряется Руси.—Въ случаѣ нужды съ обѣихъ сторонъ обязываются помогать войскомъ. Въ случаѣ если рускіе найдутъ греческій корабль, вы-

брошенный на какой-нибудь берегъ, то не должны обижать находящихся на немъ людей; въ противномъ случаѣ преступникъ повиненъ закону русскому и греческому: здѣсь опять греческій законъ подлѣ русскаго; положительная обязанность Олегова договора замѣнена здѣсь отрицательною—только не трогать грековъ.—Русскіе не должны обижать Корсунцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ; русскіе не могутъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ и у Св. Еѳерія; но когда придетъ осень, должны возвращаться домой въ Русь. Греки хотятъ чтобы князь русскій не пускалъ черныхъ (Дунайскихъ) Болгаръ воевать страну Корсунскую. Если грекъ обидитъ русскаго, то русскіе не должны самоуправствомъ казнить преступника; наказываетъ его греческое правительство [198]. Слѣдующія за тѣмъ условія, какъ поступать въ уголовныхъ случаяхъ, сходны съ условіями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вмѣстѣ съ послами греческими; Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: «что́ вамъ говорилъ царь?» Тѣ отвѣчали «царь послалъ насъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ княземъ русскимъ; твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ». Игорь обѣщалъ имъ это. На другое утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ; здѣсь Русскіе поклали оружіе свое, щиты, золото, и такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было некрещеной Руси; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви Св. Иліи: это была соборная церковь, потому что многіе Варяги уже были христіане. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

Такъ разсказываетъ лѣтописецъ о войнѣ и мирѣ съ Греками; для насъ договоръ Игоря и разсказъ лѣтописца замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что договоръ Игоря не такъ выгоденъ для Руси, какъ былъ прежде договоръ Олеговъ: ясно видѣнъ перевѣсъ на сторонѣ Грековъ: въ немъ больше стѣсненій, ограниченій для русскихъ; подлѣ закона русскаго имѣетъ силу законъ греческій. Потомъ останавливаютъ насъ въ договорѣ чисто-славянскія имена между родичами князя и купцами русскими. Далѣе встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе — Русская земля, которое попадается

здѣсь въ первый разъ: знакъ большей твердости въ отношеніяхъ къ странѣ, тѣснѣйшей связи съ нею. Наконецъ и въ договорѣ, и въ разсказѣ лѣтописца ясно обнаруживаются слѣдствія походовъ на Византію, связи съ Греками: Русь раздѣляется на языческую и христіанскую; въ Кіевѣ видимъ соборную церковь Св. Иліи.

Кромѣ столкновенія съ Греками, въ лѣтопись занесено преданіе о столкновеніяхъ Игоря съ кочующими степными народами, съ Печенѣгами. Мы видѣли, что Олегъ утвердилъ столъ князей русскихъ на степной границѣ; слѣдовательно постоянною обязанностію новаго владѣнія будетъ борьба со степными варварами. Въ это время господствующимъ народомъ въ степяхъ Донскихъ и Волжскихъ были Козары, бравшіе дань со многихъ племенъ славянскихъ; мы видѣли, что Олегъ заставилъ эти племена платить дань себѣ, а не Козарамъ, вслѣдствіе чего надобно было бы ожидать враждебнаго столкновенія Руси съ послѣдними; но, какъ видно, до лѣтописца не дошло преданій о немъ. Если въ самомъ дѣлѣ столкновенія не было, или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что Козары были заняты тогда сильною борьбою съ Печенѣгами. Съ давнихъ поръ народы турецкаго племени, подъ именемъ Хангаровъ, кочевали въ Средней Азіи и распространялись на западъ до Яика и Волги, гдѣ именно историческія извѣстія застаютъ ихъ подъ именемъ Печенѣговъ. Печенѣги граничили къ западу съ Козарами, а къ востоку съ другими турецкими ордами, кочевавшими въ нынѣшнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степяхъ, и носившими названіе Узовъ или Гузовъ, то-есть Свободныхъ. Какъ легко угадать, между Печенѣгами и западными сосѣдями ихъ, Козарами, возникла кровавая борьба въ VIII и IX столѣтіи. Козары съ трудомъ оборонялись отъ ихъ нападеній; наконецъ, заключивши союзъ съ Узами, напали съ двухъ сторонъ на Печенѣговъ. Тогда большая часть послѣднихъ оставила свое прежнее отечество, двинулась на западъ, ударила и погнала предъ собою Угровъ, подданныхъ Козарскихъ, которые и побѣжали далѣе на западъ. Немудрено, что при такихъ потрясеніяхъ, происходившихъ въ степяхъ, юная Русь могла оставаться нѣкоторое время спокойною на берегахъ Днѣпра; при Олегѣ палатки Венгровъ явились у Кіева; но о столкновеніяхъ этого народа съ Русью до лѣтописца не дошло

преданій. Скоро впрочемъ по слѣдамъ Угровъ явились на границахъ Руси побѣдители ихъ Печенѣги, грозившіе большею опасностію преемникамъ Олега. Подъ 915 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ первое извѣстіе о появленіи Печенѣговъ въ предѣлахъ Руси; на этотъ разъ Игорь заключилъ съ ними миръ, и они отправились къ Дунаю; но черезъ пять лѣтъ русскій князь долженъ былъ уже силою отражать варваровъ; потомъ видимъ Печенѣговъ союзниками его въ Греческомъ походѣ.

Подъ 946 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ послѣднее преданіе объ Игорѣ. «Какъ пришла осень, разсказываетъ онъ, то дружина стала говорить князю: «Отроки Свѣнельда богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги: пойди, князь, съ нами въ дань: и ты добудешь, и мы [199].» Послушался ихъ Игорь, пошелъ за данью къ Древлянамъ, началъ брать у нихъ больше прежняго, дѣлалъ имъ насилія и дружина его также. Взявши дань, Игорь пошелъ въ свой городъ; на дорогѣ, подумавъ, сказалъ дружинѣ: «Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще.» Отпустивъ большую часть дружины домой, Игорь съ небольшимъ числомъ ратниковъ возвратился, чтобы набрать еще больше дани. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали думать съ княземъ своимъ Маломъ: «Повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ: если не убьемъ его, то всѣхъ насъ разоритъ.» Порѣшивши такъ, они послали сказать Игорю: «Зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взялъ всю дань?» Но Игорь не послушался ихъ: тогда Древляне, вышедши изъ города Коростена, убили Игоря и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Такъ, по преданію, погибъ Игорь [200].

Разсмотрѣвъ занесенныя въ лѣтопись преданія объ Игорѣ, мы видимъ, что преемникъ Олега представленъ въ нихъ княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неотважнымъ. Онъ не ходитъ за данью къ прежде подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ, дружина его бѣдна и робка, подобно ему: съ большими силами, безъ боя, возвращаются они назадъ изъ Греческаго похода, потому что не увѣрены въ своемъ мужествѣ и боятся бури. Но къ этимъ чертамъ Игорева характера въ преданіи прибавлена еще другая — корыстолюбіе, недостойное, по тогдашнимъ понятіямъ, хорошаго вождя дружины, который дѣлилъ все съ нею: а Игорь, отпустивъ дружину домой, остался почти одинъ у

Древлянъ, чтобы взятою еще данью не дѣлиться съ дружиною; здѣсь также объясненіе, почему и первый походъ на Грековъ былъ предпринятъ съ малымъ войскомъ, да и во второмъ не всѣ племена участвовали.

Мы читали въ преданіи, что дружина Игорева указывала на свою бѣдность и на богатство отроковъ Свѣнельдовыхъ; есть извѣстія, объясняющія намъ причину этого богатства: воевода Свѣнельдъ взялъ на себя обязанность князя ходить за данью къ племенамъ и воевать съ тѣми, которые не хотѣли платить ее. Такъ Свѣнельдъ кончилъ дѣло, начатое Олегомъ; ему удалось примучить Угличей; Игорь обложилъ ихъ данью въ пользу Свѣнельда. Война съ Угличами была не легка: подъ городомъ ихъ, Пересѣченомъ, Свѣнельдъ стоялъ три года, и едва взялъ его [201]. Но въ то время, какъ Свѣнельдъ продолжалъ дѣло Олегово, примучивалъ племена на берегахъ Днѣпра, нѣкоторые отряды Руссовъ, по Византійскимъ извѣстіямъ, бились, подъ императорскими знаменами, въ Италіи [202], а другіе, по восточнымъ преданіямъ, пустошили берега Каспійскаго моря [203]. Въ 913 или 914 году, 500 русскихъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ было по сту человѣкъ, вошли въ устье Дона, и приплывъ къ козарской стражѣ, послали къ кагану съ просьбою о пропускѣ черезъ его владѣнія на Волгу и въ море, обѣщая ему за это половину добычи, какую они возьмутъ съ народовъ прикаспійскихъ. Получивъ позволеніе, они поплыли вверхъ по Дону, потомъ переволокли суда свои на Волгу, устьемъ ея вышли въ Каспійское море, и начали опустошать западные его берега до самой области Адербайжанской, били мущинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатства. Частыя битвы съ жителями не причиняли имъ большаго вреда; опустошивши берега, они обыкновенно искали убѣжища на островахъ. Наконецъ жители собрали силы и, сѣвъ на лодки и купеческія суда, отправились къ этимъ островамъ, но Руссы поразили ихъ. Проживъ много мѣсяцевъ на морѣ, награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Волги, и отсюда послали къ царю козарскому условленную часть добычи. Но мусульмане, составлявшіе гвардію кагана, и другіе, жившіе въ его странѣ, обратились къ нему съ просьбою: Позволь намъ, говорили они, раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ

землю братьевъ нашихъ мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, полѣнилъ ихъ женъ и дѣтей.» Каганъ не въ силахъ былъ удержать ихъ; онъ могъ только извѣстить русскихъ о враждебныхъ замыслахъ мусульманъ. Послѣдніе отправились въ походъ вмѣстѣ со многими христіанами, жителями Итиля; у нихъ было 15,000 войска; Руссы вышли изъ лодокъ къ нимъ на встрѣчу. Бой продолжался три дня сряду; наконецъ мусульмане побѣдили; изъ Руссовъ одни были побиты, другіе потонули, часть была истреблена Буртасами (Мордвою) и Болгарами волжскими. — Подъ 943 или 944 годомъ у восточныхъ писателей находимъ извѣстіе о другомъ походѣ Руссовъ: на этотъ разъ они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру и внезапно явились передъ Бердаа, столицею Аррана, или нынѣшняго Карабага. Бердаа, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ прикавказскихъ, принадлежалъ Армянамъ еще въ V вѣкѣ, былъ возобновленъ Арабами въ 704 году, а въ X вѣкѣ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Халифата. Градоначальникъ Бердаа выступилъ противъ Руссовъ и былъ разбитъ ими. Вступивъ въ Бердаа, Руссы объявили, что жизнь гражданъ будетъ пощажена, и вели себя умѣренно. Войска мусульманскія собрались опять и вторично были разбиты. Во время сраженія чернь Бердаа, вышедши изъ города, стала бросать въ Руссовъ каменьями и ругать ихъ сильно. Послѣ такого поступка разсерженные Руссы объявили, чтобы въ теченіе недѣли всѣ жители Бердаа вышли изъ города, но такъ какъ многіе остались послѣ срока, то Руссы часть ихъ перебили, часть взяли въ плѣнъ, и собравши самыхъ богатыхъ въ мечеть, объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти; когда тѣ не хотѣли заплатить по двадцати драхмъ, то обѣщаніе и было исполнено. Потомъ Руссы разграбили городъ, взяли въ рабство женъ и дѣтей, разбили еще разъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ, и сдѣлали набѣгъ на окрестности Мераги (недалеко отъ Тебриза). Но излишнее употребленіе плодовъ въ Бердаа произвело заразительную болѣзнь между Руссами, отъ которой погибло большое ихъ число. Наконецъ правителю Адербайджана, Мерзебану, удалось побѣдить Руссовъ хитростію, заманивъ ихъ въ засаду, и остатокъ ихъ осадить въ крѣпости Бердаа, Шегристанѣ. Ослабленные болѣзнями, Руссы ночью вышли изъ крѣпости, достигли береговъ Кура, сѣли на суда, и

отправились назадъ. Враги не смѣли ихъ преслѣдовать. — Если примемъ извѣстія о давнемъ пребываніи части Руссовъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, то очень легко можемъ приписать имъ и означенные походы; сильныя пораженія, претерпѣнныя ими въ это время, объяснятъ намъ ихъ исчезновеніе, или, лучше сказать, ихъ подчиненіе князьямъ кіевскимъ.

ГЛАВА VI.

Правленіе Ольги.—Месть Древлянамъ.—Значеніе преданія объ этой мести.—Характеръ Ольги въ преданіи.—Ея уставы.—Принятіе христіанства Ольгою.—Характеръ сына ея Святослава.—Его походы на Вятичей и Козаровъ.—Святославъ въ Дунайской Болгаріи.—Печенѣги подъ Кіевомъ.—Смерть Ольги.—Распоряженіе Святослава относительно сыновей.—Возвращеніе его въ Болгарію.—Война съ Греками.—Смерть Святослава.—Характеръ его въ преданіи.—Усобица между сыновьями Святослава.—Владиміръ въ Кіевѣ.—Усиленіе язычества.—Буйство Варяговъ, уходъ ихъ въ Грецію.

(946—980.)

Древляне должны были ожидать мести отъ родныхъ Игоря, отъ Руси изъ Кіева. Игорь оставилъ сына младенца, Святослава, да жену Ольгу [204]; воспитателемъ (кормильцемъ) Святослава былъ Асмудъ, воеводою знаменитый Свѣнельдъ. Ольга не дожидалась совершеннолѣтія сына, и отомстила сама Древлянамъ, какъ требовалъ законъ. Народное преданіе, занесенное въ лѣтопись, такъ говоритъ о мести Ольгиной. Убивъ Игоря, Древляне стали думать: «Вотъ мы убили русскаго князя; возьмемъ теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его Святославомъ сдѣлаемъ что̀ хотимъ.» Порѣшивши такимъ образомъ, Древляне послали двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ лодьѣ [205]. Узнавъ, что пришли Древляне, Ольга позвала ихъ къ себѣ и спросила: зачѣмъ они пришли? Послы отвѣчали: «Послала насъ Древлянская земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли Древлянскую землю; что бы тебѣ пойти замужъ за нашего князя Мала?» Ольга сказала имъ на это: «Люба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего не воскресить! но

мнѣ хочется почтить васъ завтра предъ своими людьми; теперь вы ступайте назадъ въ свою лодью и разлягтесь тамъ съ важностію; а какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, нейдемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ лодьѣ! Они васъ и понесутъ.» Когда Древляне ушли назадъ въ свою лодку, то Ольга велѣла на загородномъ теремномъ дворѣ выкопать большую, глубокую яму, и на другое утро послала за гостями, велѣвъ сказать имъ: «Ольга зоветъ васъ на великую честь.» Древляне отвѣчали: «Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшкомъ нейдемъ, несите насъ въ лодьѣ!» Кіевляне сказали на это: «Мы люди невольные: князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя,»— и понесли ихъ въ лодьѣ, а Древляне сидя важничали [206]. Когда принесли ихъ на теремный дворъ, то бросили въ яму, какъ есть въ лодьѣ. Ольга нагнулась къ нимъ и спросила: «Довольны ли вы честью?» Древляне отвѣчали: «Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!» Княгиня велѣла засыпать ихъ живыхъ, и засыпали. Послѣ этого Ольга послала сказать Древлянамъ: «Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите къ себѣ, то пришлите мужей нарочитыхъ, чтобы мнѣ придти къ вамъ съ великою честью, а то пожалуй Кіевляне меня и не пустятъ.» Древляне выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, и послали въ Кіевъ. По пріѣздѣ новыхъ пословъ, Ольга велѣла вытопить баню, и когда Древляне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорѣли. Тогда Ольга послала сказать Древлянамъ: «Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили мужа моего, я поплачу надъ его могилою и отпраздную тризну.» Древляне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга съ небольшою дружиною, налегкѣ, пришла къ Игоревой могилѣ, поплакала надъ нею, и велѣла своимъ людямъ насыпать высокій курганъ, а когда насыпали, то велѣла праздновать тризну. Древляне сѣли пить, а Ольга велѣла отрокамъ своимъ служить имъ; когда Древляне спросили Ольгу: «А гдѣ же наша дружина, чтò посылали за тобою?» то она отвѣчала: «Идутъ за мной вмѣстѣ съ дружиною мужа моего.» Когда Древляне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ пить за ихъ здоровье [207], а сама отошла прочь, и приказала дружинѣ сѣчь Древлянъ. Перебили ихъ 5,000; Ольга

возвратилась въ Кіевъ и начала пристроивать войско на остальныхъ Древлянъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала большое и храброе войско, взяла съ собою сына Святослава, и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли навстрѣчу; когда оба войска сошлись, то Святославъ сунулъ копьемъ въ Древлянъ, копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги, потому что князь былъ еще ребенокъ. Свѣнельдъ и Асмудъ сказали тогда: «Князь уже началъ; потянемъ, дружина, за княземъ!» Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились по городамъ. Ольга съ сыномъ пошла на городъ Искоростень, потому что здѣсь убили мужа ея, и обступила городъ. Коростенцы бились крѣпко, зная, что они убили князя, и потому не будетъ имъ милости, когда сдадутся. Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ городомъ и не могла взять его; тогда она придумала вотъ что сдѣлать: послала сказать въ Коростень: «изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ, взялись платить дань, и спокойно теперь обрабатываютъ свои поля; а вы одни хотите лучше помереть голодомъ, чѣмъ согласиться на дань.» Древляне отвѣчали: «Мы рады были бы платить дань: но вѣдь ты хочешь мстить за мужа?» Ольга велѣла имъ сказать на это: «Я уже отомстила за мужа не разъ, въ Кіевѣ, и здѣсь на тризнѣ, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу, и помирившись съ вами, пойду прочь.» Древляне спросили: «Чего же ты хочешь отъ насъ? ради давать медомъ и мѣхами.» Ольга отвѣчала: «Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, и потому требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу накладывать на васъ тяжкой дани, какъ дѣлалъ мой мужъ, а прошу съ васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ.» Древляне обрадовались, собрали отъ двора по три голубя, и послали ихъ къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга велѣла имъ сказать: «Вы уже покорились мнѣ и моему дитяти, такъ ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него, и пойду назадъ къ себѣ домой.» Древляне охотно пошли въ городъ, и всѣ жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намѣреніе. Между тѣмъ Ольга раздала каждому изъ своихъ ратныхъ людей по голубю, другимъ по воробью, и велѣла, завернувъ въ маленькія тряпочки сѣру съ огнемъ, приия-

зать къ каждой птицѣ, и какъ смеркнется, пустить ихъ на волю. Птицы, получивъ свободу, полетѣли въ свои гнѣзда, голуби по голубятнямъ, воробьи подъ стрѣхи, и вдругъ загорѣлись гдѣ голубятни, гдѣ клѣти, гдѣ вежи, гдѣ одрины [208], и не было ни одного двора, гдѣ бы не горѣло, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы загорѣлись вдругъ. Жители испуганные пожаромъ, побѣжали изъ города, и были перехватаны воинами Ольги. Такимъ образомъ городъ былъ взятъ и выжженъ; старѣйшинъ городскихъ Ольга взяла себѣ; изъ остальныхъ нѣкоторыхъ отдала въ рабы дружинѣ, другихъ оставила на мѣстѣ платить дань. Дань наложена была тяжкая: двѣ части ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ принадлежалъ ей [209].

Таково преданіе объ Ольгиной мести: оно драгоцѣнно для историка, потому что отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставлявшія месть за убійство близкаго человѣка священною обязанностію; видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній месть за родича была подвигомъ по преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшенно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ, въ описываемую эпоху его развитія, обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, замѣнявшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимо героемъ правды, и чѣмъ жесточе была месть, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество, тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что месть Ольги была достойною местію. Ольга мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла изобрѣсти достойную месть: она, говоритъ преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали древлянскіе послы, и спросила ихъ:

«нравится ли вамъ честь?» Тѣ отвѣчали: «охъ, пуще намъ Игоревой смерти!» Преданіе, согласно съ понятіями времени заставляетъ Древлянъ оцѣнивать поступокъ Ольги: «Ты хорошо умѣешь мстить; наша смерть лютѣе Игоревой смерти.» Ольга не первая женщина, которая въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется неумолимою мстительностію: это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ; женщина отличается благочестіемъ въ религіозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность же мести за роднаго человѣка была тогда обязанностію религіозною, обязанностію благочестія.

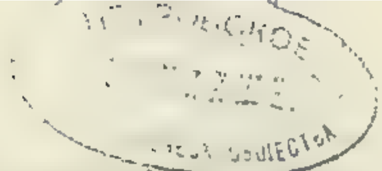
Характеръ Ольги, какъ онъ является въ преданіи, важенъ для насъ и въ другихъ отношеніяхъ: не въ однихъ только именахъ находимъ сходство Ольги съ знаменитымъ преемникомъ Рюрика, собирателемъ племенъ; какъ Олегъ, такъ и Ольга отличаются въ преданіи мудростію по тогдашнимъ понятіямъ, т.-е. хитростію, ловкостію: Олегъ хитростію убиваетъ Аскольда и Дира, хитростію пугаетъ Грековъ, наконецъ перехитряетъ этотъ лукавѣйшій изъ народовъ; Ольга хитростію мститъ Древлянамъ, хитростію беретъ Коростенъ, наконецъ въ Царѣградѣ перехитряетъ императора. Но не за одну эту хитрость Олегъ прослылъ вѣщимъ, Ольга мудрѣйшею изъ людей: въ преданіи являются они также какъ нарядники, заботящіеся о строѣ земскомъ; Олегъ установилъ дани, строилъ города, Ольга объѣхала всю землю, повсюду оставила слѣды своей хозяйственной распорядительности. Преданіе говоритъ, что немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ землѣ, установляя у с т а в ы и уроки: н а с т а н о в и щ а ея и л о в и щ а, т.-е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Подъ именемъ у с т а в а должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что-нибудь дѣлать [210]; подъ именемъ у р о к а — всякую обязанность, которую должны выполнять къ опредѣленному сроку, будетъ ли то уплата извѣстной суммы денегъ, извѣстнаго количества какихъ-нибудь вещей, или какая-нибудь работа. Послѣ распоряженій въ землѣ Древлянской, Ольга пошла на сѣверъ къ Новгороду, по рѣкѣ Метѣ установила погосты и дани, по рѣкѣ Лугѣ оброки и дани; ловища ея, говоритъ лѣтописецъ, находятся по всей землѣ,

вездѣ встрѣчаются слѣды ея пребыванія [211], мѣста которыя отъ нея получили свое имя, погосты, ею учрежденные; такъ во времена лѣтописца показывали ея сани во Псковѣ, по Днѣпру и Деснѣ перевѣсища; село ея Ольжичи существовало также во времена лѣтописца. Мы знаемъ, что русскіе князья въ ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на полюдье, и проводили у нихъ зиму: обязанность племенъ содержать князя и дружину во время этого полюдья называлась, кажется, оброкомъ. Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумѣется, что для этого князь не могъ останавливаться при каждомъ жильѣ, онъ останавливался въ какомъ-нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства эти мѣста княжеской стоянки, гощенія эти погосты могли быть опредѣлены навсегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе приказщики (тіуны), и такимъ образомъ эти погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ, и передать свое имя округамъ; въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя лѣтописецъ упоминаетъ о распоряженіяхъ Ольги только въ землѣ Древлянской и въ отдаленныхъ предѣлахъ Новгородской области; однако, какъ видно, путешествіе ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлію обнимало всѣ тогдашнія русскія владѣнія: по всей землѣ оставила она слѣды свои, повсюду виднѣлись учрежденные ею погосты [212].

Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему распорядку, хозяйственной дѣятельности; какъ женщина, она была способнѣе къ принятію христіанства. Въ 955 году, по счету лѣтописца, вѣрнѣе въ 957 [213], отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ, при императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патріархѣ Поліевктѣ. При описаніи этого событія лѣтописецъ основывается на томъ преданіи, въ которомъ характеръ Ольги остается до конца одинакимъ: и въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣ-

нами Коростена, Ольга отличается ловкостію, находчивостію, хитростію; перехитряетъ императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. Императоръ, говоритъ преданіе, предложилъ Ольгѣ свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтобъ онъ былъ ея воспріемникомъ; императоръ согласился, но когда послѣ таинства повторилъ свое предложеніе, то Ольга напомнила ему, что по христіанскому закону, воспріемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ: «Ольга! ты меня перехитрила!» воскликнулъ изумленный императоръ, и отпустилъ ее съ богатыми дарами. Императоръ Константинъ Багрянородный [214] оставилъ намъ описаніе пріемовъ, сдѣланныхъ русской княгинѣ при византійскомъ дворѣ; церемоніи, соблюденныя при этихъ пріемахъ, не могли польстить честолюбію Ольги: въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами императорскаго дома и русскою княгинею: такъ напр. Ольгѣ давали мѣсто наряду съ знатными Гречанками; она сама должна была выгораживаться изъ ихъ среды, привѣтствуя императрицу только легкимъ поклономъ, тогда какъ Гречанки падали ницъ. Изъ этихъ извѣстій о пріемѣ Ольги мы узнаемъ, что съ нею былъ племянникъ, знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священникъ; вычислены и подарки, полученные Ольгою и ея спутниками: одинъ разъ подарили ей съ небольшимъ сорокъ, въ другой — около двадцати [215] червонцевъ. Извѣстія о подаркахъ очень важны: они могутъ показать намъ, какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ, о множествѣ золота, серебра и проч.

О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять христіанство, и принять его именно въ Константинополѣ, не находимъ ничего ни въ извѣстныхъ спискахъ нашей лѣтописи, ни въ извѣстіяхъ иностранныхъ. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась въ Царь-городъ язычницею, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ греческой религіи, и возвратилась домой христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары несмотря на то что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителей обоихъ Римовъ, питали всегда благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ

воображеніе; таковы бываютъ постоянно отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь въ Константинополь, но также и любопытство посмотрѣть чудеса образованнаго міра; сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византіи! Какъ вслѣдствіе этого возвышался тотъ, кто былъ въ Константинополѣ, и какъ у другихъ разгоралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которая считалась мудрѣйшею изъ людей, не захотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумѣется то, что всего рѣзче отличало грековъ отъ Руси—религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали имъ храмы, священныя сокровища; разумѣется, при этомъ основные догматы вѣры были объясняемы искусными толкователями. Если многіе изъ мущинъ, воиновъ русскихъ, принимали христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, вопервыхъ, какъ женщина, въ характерѣ которой было къ тому менѣе препятствій, чѣмъ въ характерѣ князей—воиновъ, вовторыхъ, какъ мудрѣйшая изъ людей, могшая слѣдовательно яснѣе другихъ понять превосходство греческой вѣры предъ русскою. Но кромѣ этого трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу: это предубѣжденіе въ пользу христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣ-градѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Есть извѣстіе [216], что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена къ христіанству, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи, даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и притомъ Ольга, какъ видно, вовсе не хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ

ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣдовательно, лишаются вѣчнаго спасенія. Такъ, по возвращеніи въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава къ принятію христіанства, но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; впрочемъ, кто хотѣлъ креститься, тому не запрещали, а только смѣялись надъ нимъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ прямое указаніе, что христіанство распространялось въ Кіевѣ, тогда какъ прежніе христіане изъ Варяговъ могли принимать греческую вѣру въ Константинополѣ. Надъ принимавшими христіанство начали смѣяться въ Кіевѣ; но на прежнихъ христіанъ при Игорѣ, какъ видно, не обращали вниманія; слѣдовательно, хотя не было явнаго преслѣдованія, однако насмѣшки были уже началомъ преслѣдованія и знакомъ усиленія христіанства, чего обращеніе Ольги могло быть и причиною, и слѣдствіемъ; можно замѣтить, что новая религія начала принимать видное положеніе, обратила на себя вниманіе древней религіи, и это враждебное вниманіе выразилось насмѣшками. Борьба начиналась: славянское язычество, принятое и Руссами, могло противопоставить христіанству мало положительнаго, и потому должно было скоро преклониться предъ нимъ; но христіанство, само по себѣ, безъ отношенія къ славянскому язычеству, встрѣтило сильное сопротивленіе въ характерѣ сына Ольгина, который не могъ принять христіанства по своимъ наклонностямъ, а не по привязанности къ древней религіи. Ольга, по свидѣтельству лѣтописи, часто говорила ему: «Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться.» Святославъ не слушался и отвѣчалъ на то: «Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться.» Ольга возражала: «Если ты крестишься, то и всѣ станутъ то же дѣлать.» Святославу нечего было отвѣчать на это: не насмѣшекъ дружины боялся онъ; но собственный характеръ его противился принятію христіанства: онъ не послушался матери, говоритъ лѣтописецъ, и жилъ по обычаю языческому (творилъ норовы поганскіе). Эта самая невозможность отвѣчать на возраженіе матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала большихъ

опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ патріарху: «народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла!»

Мы видѣли, что преданіе провожаетъ Ольгу въ Константинополь и заставляетъ мудрѣйшую изъ всѣхъ людей русскихъ перехитрить Грека: тогда не знали лучшаго доказательства мудрости. Преданіе провожаетъ мудрую княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить греческаго императора, охотника до даровъ и вспомогательнаго войска, и отомстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь буйства русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера вновоприбывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ императору. Когда Ольга, говоритъ лѣтопись, возвратилась въ Кіевъ, то царь греческій прислалъ сказать ей: «Я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, пришлю тебѣ богатые дары рабовъ, воску, мѣховъ, пришлю и войско на помощь.» Ольга велѣла отвѣчать ему: «Когда ты столько же постоишь у меня на Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ гавани цареградской, тогда дамъ тебѣ обѣщанное [271].»

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говоритъ лѣтописецъ. Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, возовъ за собой не возилъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову; такъ вели себя и всѣ его воины. Онъ посылалъ въ разныя стороны, къ разнымъ народамъ, съ объявленіемъ: «хочу на васъ идти!» Начальныя слова преданія о Святославѣ показываютъ наборъ дружины, удальцовъ, которые, какъ обыкновенно тогда водилось, прослышавъ о храбромъ вождѣ стекались къ нему отовсюду за

славою и добычею. Поэтому Святославъ совершалъ свои подвиги съ помощію одной своей дружины, а не соединенными силами всѣхъ подвластныхъ Руси племенъ: и точно, при описаніи походовъ его, лѣтописецъ не вычисляетъ племенъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Святославъ набиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ, которые были во всемъ на него похожи: такъ можно сказать объ отборной дружинѣ, а не о войскѣ многочисленномъ, составленномъ изъ разныхъ племенъ. Самый способъ веденія войны показываетъ, что она велась съ небольшою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться безъ обозу и дѣлать быстрые переходы: онъ воевалъ, ходя легко, какъ барсъ, т.-е. дѣлалъ необыкновенно быстрые переходы, прыжками, такъ сказать, подобно названному звѣрю.

При князьяхъ предшественникахъ Святослава не было тронуто одно только славянское племя на востокъ отъ Днѣпра; то были Вятичи. Съ нихъ-то и началъ Святославъ свои походы; узнавъ, что это племя платило дань Козарамъ, Святославъ бросился на послѣднихъ, одолѣлъ ихъ кагана, взялъ его главный городъ на Дону, Бѣлую Вѣжу; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ, жителей Прикавказья. Къ 968 году относятъ восточные писатели походъ Руссовъ на волжскихъ Болгаръ, разграбленіе главнаго города ихъ (Болгаръ), который былъ складкою товаровъ, привозимыхъ изъ окрестныхъ странъ; потомъ Русь, внизъ по Волгѣ, спустилась до Казерана [218], разграбила и этотъ городъ, равно какъ Итиль и Семендеръ [219]. Все это согласно съ русскимъ преданіемъ о походѣ Святослава на Волгу, и битвахъ его съ Козарами, Ясами и Касогами [220]. Такъ отомстилъ Святославъ приволжскому народонаселенію за недавнія пораженія Руссовъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, ко времени этихъ походовъ Святослава относится подчиненіе Тмутаракани [221] русскому князю. На возвратномъ пути съ востока, Святославъ, говоритъ лѣтопись, побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань. Съ этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имѣющіе отношенія къ нашей исторіи. Греческій императоръ Никифоръ, угрожаемый войною съ двухъ сторонъ, и со стороны Арабовъ, и со стороны Болгаръ, рѣшился, по обычаю, вооружить противъ варваровъ другихъ варваровъ, послалъ Патриція Калокира къ русскому князю нанять его за 15 кентинарій золота [222], и при-

вести воевать Болгарію. Калокиръ, говорятъ греческіе историки [223], подружился съ Святославомъ, прельстилъ его подарками и обѣщаніями: уговорились—Святославу завоевать Болгарію, оставить ее за собою и помогать Калокиру въ достиженіи императорскаго престола, за что Калокиръ обѣщалъ Святославу несмѣтныя сокровища изъ императорской казны. Въ 967 году Святославъ съ своею дружиною отправился въ Болгарію, завоевалъ ее, и остался жить тамъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ; онъ княжилъ въ Переяславцѣ, говоритъ лѣтописецъ, а Русь оставалась безъ князя; въ Кіевѣ жила престарѣлая Ольга съ малолѣтными внуками, а подлѣ была степь, откуда безпрестанно можно было ожидать нападенія кочевыхъ варваровъ. И вотъ пришли Печенѣги; оборонить было некому; Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками. Безчисленное множество Печенѣговъ оступило городъ, нельзя было ни выйдти изъ него, ни вѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода и жажды. На противоположной сторонѣ Днѣпра, говоритъ преданіе, собрались ратные люди въ лодкахъ, но не смѣли напасть на Печенѣговъ, и не было сообщенія между ними и кіевлянами. Тогда послѣдніе вступили и стали говорить: «нѣтъ ли кого, кто бы могъ пройдти на ту сторону и сказать нашимъ, что если они завтра не нападутъ на Печенѣговъ, то мы сдадимся:» и вотъ вызвался одинъ молодой человѣкъ: «я, сказалъ онъ, пойду; «иди!» закричали ему всѣ. Молодой человѣкъ вышелъ изъ города съ уздою, и, ходя между Печенѣгами, спрашивалъ: «не видалъ ли кто его лошади?» Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, и потому варвары приняли его за одного изъ своихъ. Когда онъ пошелъ къ рѣкѣ, то сбросилъ съ себя платье, и поплылъ; Печенѣги догадались объ обманѣ, начали стрѣлять по немъ, но не могли уже попасть,—онъ былъ далеко, и русскіе съ той стороны выѣхали въ лодкѣ къ нему навстрѣчу и перевезли на другой берегъ. Онъ сказалъ имъ: «Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ.» Воевода, именемъ Претичь, сказалъ на это: «Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами, и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится.» Всѣ согласились, и на другой день, на разсвѣтѣ, сѣдши въ лодки, громко затрубили: люди въ городѣ радостно откликнулись имъ.

Печенѣги подумали, что князь пришелъ, отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со внуками успѣла сѣсть въ лодку и переѣхать на другой берегъ. Увидавъ это, печенѣжскій князь возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу, и спросилъ у него: «Кто это пришелъ? Претичь отвѣчалъ: «люди съ той стороны.» Печенѣгъ опять спросилъ у Претича: «а ты князь ли?» Воевода отвѣчалъ: «Я мужъ княжой, и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска.» Онъ сказалъ это, чтобы пригрозить ему. Тогда князь печенѣжскій сказалъ воеводѣ: «Будь мнѣ другомъ.» Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки, и размѣнялись подарками: князь печенѣжскій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; Претичь отдарилъ его бронею, щитомъ и мечемъ. Послѣ этого Печенѣги отступили отъ города, но стали не въ далекомъ разстояніи отъ него; лѣтописецъ говоритъ, что русскимъ нельзя было коней напоить: на Лыбеди стояли Печенѣги [224]. Таково преданіе, внесенное въ лѣтопись; такъ народная память передавала это событіе. Изъ характеристическихъ чертъ времени въ этомъ преданіи мы замѣтимъ описаніе подарковъ, которыми обмѣнялись Претичь и князь печенѣжскій; въ различіи оружія рѣзко выразилось различіе между Европою и Азіею, между европейскимъ и азіатскимъ вооруженіемъ: степной кочевникъ, всадникъ по преимуществу, даритъ коня и скиѳское оружіе—саблю, стрѣлы; воевода русскій даритъ ему оружіе воина европейскаго, большею частію оборонительное: броню, щитъ и мечь.

Кіевляне, продолжаетъ преданіе, послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся, чуть-чуть насъ не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми: если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей малыхъ?» Услыхавъ объ этомъ, Святославъ немедленно сѣлъ на коней съ дружиною, пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми, разсердился на Печенѣговъ, собралъ войско, и прогналъ варваровъ въ степь. Но Святославъ не долго нажилъ въ Кіевѣ: по преданію, онъ сказалъ матери своей и боярамъ: «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ средина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Грековъ зо-

лото, ткани, вина, овощи разные; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ.» Ольга на это отвѣчала ему: «Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь.» Черезъ три дня Ольга умерла, и плакались по ней сынъ, внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Ольга запретила праздновать по себѣ тризну, потому что у ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

Здѣсь очень важно для насъ выраженіе Святослава о Переяславцѣ: «то есть середа въ землѣ моей.» Какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть серединою земли святолсавовой. Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1) Переяславецъ въ землѣ моей есть срединное мѣсто, потому что туда изо всѣхъ странъ свозится все доброе; Переяславецъ слѣд. названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ своею землею считалъ только одну Болгарію, пріобрѣтенную имъ самимъ, русскую же землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси: онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другаго Олега въ землѣ древлянской. Это вовсе не значитъ, чтобъ этими волостями ограничивались владѣнія русскихъ князей: уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было въ русскомъ владѣніи, въ Смоленскѣ и Любечѣ сидѣли мужи кіевскаго князя; Ольга ѣздила и рядила землю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Новгородской области; слѣд. дѣленіе Святослава означаетъ, что у него было только двое способныхъ къ правленію сыновей, а не только двѣ волости—кіевская и древлянская, остальныя же волости оба брата должны были подѣлить между собою, какъ послѣ Ярославичи, усѣвшись около Днѣпра, подѣлили между собою волости отдаленнѣйшія. Какъ послѣ Ярославичи тѣснились всѣ въ привольной родинѣ своей, около Днѣпра и Кіева, около собственной Руси, не любя волостей сѣверныхъ и восточныхъ, такъ и теперь оба сына Святославова садятся на югѣ, не далеко другъ отъ друга, и не хотятъ идти на сѣверъ. Но если князья не любили сѣвера, то жители сѣверной области, новгородцы, не любили жить безъ князя, или управ-

литься посадникомъ изъ Кіева, особенно когда Древляне получили своего князя. Новгородцы и послѣ любили, чтобъ у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычай; до сихъ поръ они терпѣли посадника кіевскаго, потому что по всей Руси былъ одинъ князь, но теперь, когда Древляне получили особаго князя, Новгородцы также хотятъ имѣть своего. Послы ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: «Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя.» Святославъ отвѣчалъ имъ: «Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя [225].» Ярополкъ и Олегъ были спрошены—хотятъ ли идти въ Новгородъ? и отказались. Тогда Добрыня внушилъ новгородцамъ: «Просите Владиміра.» Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «дай намъ Владиміра»; князь отвѣчалъ имъ: «возьмите.» Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Здѣсь останавливаетъ насъ вопросъ: почему Святославъ не далъ никакой волости младшему сыну своему Владиміру самъ, сначала, и уже послѣ отправилъ его къ новгородцамъ, по требованію послѣднихъ? Лѣтописецъ какъ будто спѣшитъ объяснить причину явленія; Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣд. рабыни, ибо, по древнему уставу, человѣкъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому превращался въ раба. Итакъ Владиміръ былъ не совсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различіе между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженствовало существовать различіе и между дѣтьми тѣхъ и другихъ. Но если многоженство не исключало неравноправности дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, много ослабляло ее: было различіе между дѣтьми женъ и наложницъ—правда, но все не такое различіе, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтьми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что новгородцы приняли Владиміра, какъ князя, и послѣ не полагается между нимъ и братьями никакого различія. Здѣсь, какъ естественно, имѣло силу не столько различіе между законностію и

незаконностію матери, сколько знатность и низость ея происхожденія: разумѣется ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать на ряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною, или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая впрочемъ у него отцовскихъ правъ; Владиміръ былъ князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ послѣ, полоцкая княжна Рогнѣда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни. Обратить вниманіе на это обстоятельство было очень естественно княжнѣ, ибо при многоженствѣ, женщины знатнаго происхожденія старались, какъ можно рѣзче, отдѣлить себя отъ наложницъ своихъ мужей, и презрѣніе, которое питали къ наложницамъ, старались переносить и на дѣтей ихъ. Святославъ сначала не далъ волости Владиміру, и потомъ отпустилъ его въ Новгородъ, могши въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы новгородцевъ, что они откажутся отъ его рода и найдутъ себѣ другаго князя. Добрыня хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ и не надѣясь, чтобы послѣ старшіе братья дали младшему хорошую волость; Новгородцы же приняли малолѣтняго Владиміра, потому что онъ все-таки былъ независимый князь, а не посадникъ, притомъ же надѣялись воспитать у себя Владиміра въ своемъ обычаѣ: они и послѣ любили имѣть у себя такого князя, который бы выросъ у нихъ.

Княженіе Святослава кончилось на Руси; онъ отдалъ всѣ свои владѣнія здѣсь сыновьямъ, и отправился въ Болгарію навсегда. Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: Болгары встрѣтили его враждебно; еще опаснѣйшаго врага нашелъ себѣ Святославъ въ Іоаннѣ Цимискіи, византійскомъ императорѣ. У нашего лѣтописца читаемъ преданіе о подвигахъ Святослава въ войнѣ съ Греками; это преданіе несмотря на невѣрный свѣтъ, который брошенъ имъ на событія, важно для насъ потому, что представляетъ яркую картину дружинной жизни, очерчиваетъ характеръ знаменитаго вождя дружины, около котораго собралась толпа подобныхъ ему сподвижниковъ. По преданію, Святославъ пришелъ въ Переяславецъ; но Болгары за-

творились въ городѣ, и не пустили его туда. Мало того, они вышли на сѣчу противъ Святослава, сѣча была сильная, и Болгары стали было уже одолѣвать; тогда Святославъ сказалъ своимъ: «Уже намъ видно здѣсь погибнуть; потянемъ мужески, братья и дружина!» Къ вечеру Святославъ одолѣлъ, взялъ городъ копьемъ (приступомъ), и послалъ сказать Грекамъ: «хочу на васъ идти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ». Греки отвѣчали: «Намъ не совладѣть съ вами; возьми лучше съ насъ дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько васъ, такъ мы дадимъ на каждаго человѣка». Греки говорили это, желая обмануть Русь, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Греки лживы и до сихъ поръ. Святославъ отвѣчалъ: «Насъ 20,000»; десять то тысячъ онъ прибавилъ, потому что русскихъ было всего 10,000: Греки собрали 100,000 на Святослава, и не дали дани: Святославъ пошелъ на нихъ, но Русь испугалась, видя множество вражьяго войска; тогда Святославъ сказалъ дружинѣ: «Намъ некуда дѣться: волею и неволею пришлось стать противъ Грековъ: такъ не посрамимъ Русской земли, но ляжемъ костями, мертвымъ не стыдно: если же побѣжимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду передъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ». Дружина отвѣчала: «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ». Русь ополчилась, была сѣча большая, и Святославъ обратилъ въ бѣгство Грековъ, послѣ чего пошелъ къ Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сихъ поръ лежатъ пусты, прибавляетъ лѣтописецъ. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату, и сказалъ имъ: «Что намъ дѣлать: не можемъ стать противъ него»! Бояре отвѣчали: «Пошли къ нему дары, испытаемъ его, на что онъ больше польстится — на золото или на ткани дорогія»? Царь послалъ и золото и ткани, а съ ними мужа мудраго, которому наказалъ: «Смотри хорошенько ему въ лицо». Святославу объявили, что пришли Греки съ поклономъ; онъ велѣлъ ихъ ввести: Греки пришли, поклонились, разложили передъ нимъ золото и ткани; Святославъ, смотря по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: «спрячьте это». Послы возвратились къ царю, который созвалъ опять бояръ, и стали разсказывать: «Какъ пришли мы къ нему и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, а велѣлъ спрятать». Тогда одинъ бо-

ярииъ сказалъ царю: «Поиспытай-ка его еще, пошли ему оружіе». Послали Святославу мечъ и разное другое оружіе; онъ принялъ, началъ хвалить и любоваться, и послалъ поклонъ царю. Послы возвратились съ этимъ къ послѣднему; и тогда бояре сказали: «Лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станемъ платить ему дань», — и царь послалъ сказать Святославу: «Не ходи къ Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь»; потому что русскіе были уже недалеко отъ Царяграда. Греки прислали дань; Святославъ взялъ и за убитыхъ, говоря: «родъ ихъ возьметъ». Кромѣ дани Святославъ взялъ много даровъ, и возвратился въ Переяславецъ съ большою честію. Видя однако, что дружины осталось мало, Святославъ началъ думать: «Что какъ обманомъ перебьютъ дружину мою и меня: пойду лучше въ Русь, приведу больше дружины». Принявши такое намѣреніе, онъ отправилъ къ царю въ Доростолъ пословъ, которые должны были сказать ему отъ имени своего князя: «хочу держать съ тобою миръ твердый и любовь». Царь обрадовался и послалъ къ нему дары больше первыхъ. Святославъ, принявъ дары, началъ говорить дружинѣ: «Если не заключимъ мира съ царемъ, и царь узнаетъ, что насъ мало, и Греки оступятъ насъ въ городѣ, а русская земля далеко, Печенѣги съ нами въ войнѣ, то кто намъ поможетъ? заключимъ лучше миръ съ царемъ. Греки уже взялись платить намъ дань, и того будетъ съ насъ; если же они перестанутъ платить дань, то собравши побольше войска, пойдемъ опять къ Царю-городу». Рѣчь эта полюбилась дружинѣ, и лучшіе мужи отправились отъ Святослава къ царю въ Доростолъ. Заключенъ былъ миръ и написанъ договоръ; договоръ этотъ также внесенъ въ лѣтопись: Святославъ обязался не воевать греческихъ областей ни самъ, ни подучать на это другой какой-нибудь народъ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской; и если другой какой-нибудь народъ вздумаетъ идти на Грековъ, то русскій князь обязался воевать съ нимъ [236].

Преданіе, основанное, безъ сомнѣнія, на разсказахъ Свѣнельда и немногихъ товарищей его, возвратившихся въ Кіевъ послѣ гибели Святославовой, согласно съ византійскими лѣтописцами относительно гордаго вызова Святославова Грекамъ: «хочу на васъ идти, и взять вашъ городъ, какъ взялъ этотъ»; но эти

слова у византійцевъ Святославъ сказалъ въ отвѣтъ на мирныя предложенія императора; очень согласно съ своимъ положеніемъ Святославъ велитъ сказать Цимискію, что Русь не поденьщики, которые питаются трудами рукъ своихъ [227]. Самое начало войны было уже, по Византійцамъ, несчастливо для Руси: полководецъ Цимискія, Вардъ Склиръ, разбилъ отрядъ Святославова войска, составленный, кромѣ Руси, изъ Венгровъ и Болгаръ. Несмотря однако на это, и по Византійцамъ видно, что Святославъ не думалъ унывать; русскіе отряды сильно раззоряли области Имперіи, что̀ означено у лѣтописца разрушеніемъ городовъ. Цимискій видѣлъ, что необходимо всѣми силами государства напасть на Святослава и вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ вступилъ съ огромными войсками въ эту землю, и началась война на жизнь и на смерть, какъ видно изъ словъ самихъ Византійцевъ, которые отдаютъ справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины [228]. Но эта храбрость не помогла противъ безмѣрно большаго числа враговъ, предводимыхъ полководцемъ искусным и храбрымъ, среди враждебныхъ Болгаръ, противъ которыхъ Святославъ, по словамъ Византійцевъ, употреблялъ крайне насильственныя мѣры. Русскій князь принужденъ былъ просить мира у императора съ условіемъ очистить Болгарію. Послѣ мира происходило свиданіе обоихъ вождей; для насъ важно описаніе Святославовой наружности, оставленное Львомъ Діакономъ: Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, причемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ дру, гими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, густыя брови, мало волосъ на бородѣ, и длинные, косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая, и всѣ прочіе члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ русскихъ.—Изъ сличенія нашихъ лѣтописныхъ извѣстій съ извѣстіями Византійцевъ оказывается одно, что Святославъ потерпѣлъ неудачу, долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ императоромъ, причемъ обязался оста-

вить Болгарію и возвратиться въ Русь. Что же касается до противорѣчій между русскими и греческими извѣстіями, то ясно, что въ лѣтописное извѣстіе вошли разсказы Свѣнельда и его уцѣлѣвшихъ товарищей, которые, передавая объ однихъ подвигахъ своихъ, умолчали о неудачахъ [229].

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодьяхъ къ Днѣпровскимъ порогамъ; отцовскій воевода Свѣнельдъ говорилъ ему: «Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ, потому что стоятъ Печенѣги въ порогахъ». Святославъ не послушалъ его, и пошелъ въ лодьяхъ; между тѣмъ Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: «идетъ Святославъ въ Русь съ большимъ богатствомъ и малою дружиною». Получивъ эту вѣсть, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ приплылъ къ нимъ, то уже нельзя было пройдти. Князь сталъ зимовать въ Бѣлобережьѣ [230]; съѣстные припасы вышли и сдѣлался большой голодъ, такъ что платили по полугривнѣ за лошадиную голову. Въ началѣ весны Святославъ пошелъ опять въ пороги; но здѣсь былъ встрѣченъ Курею, княземъ Печенѣжскимъ, и убитъ; изъ черепа его сдѣлали чашу, оковали ее золотомъ, и пили изъ нея [231]. Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Это преданіе, какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который, такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать въ Бѣлобережье; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ если испугался Печенѣговъ, то почему не принялъ совѣта Свѣнельдова, который указывалъ ему обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнельдъ? Вопервыхъ, мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергались самые храбрѣйшіе, т.-е. самые приближенные къ вождю, князю, а кто былъ ближе Свѣнельда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ гре-

ческихъ, дрогнула предъ Печенѣгами? И неужели Свѣнельдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь съ своимъ княземъ? Вовторыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? Мы знаемъ какъ затруднительны бывали переходы русскихъ черезъ пороги, когда они принуждены бывали тащить на себѣ лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобы главный по князѣ вождь могъ спастись отъ тучи облегавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ они выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстію объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію, свою страну. Но теперь онъ принужденъ снова ее оставить и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ ему необходимо было лишить послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; притомъ, какъ должны были смотрѣть на него Кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо: не удивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлобережьѣ, пославъ Свѣнельда степью въ Русь, чтобы тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступить противъ Болгаръ и Грековъ, что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнельдъ волею и неволею мѣшкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Святославу медлить болѣе въ Бѣлобережьѣ; идти въ обходъ степью было нельзя: кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнельда степью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимова лѣтопись [232].

Таковы преданія о дѣятельности и смерти Святослава. Олегъ и Ольга соединены въ преданіи однимъ характеромъ: оба пред-

ставляются нарядниками земли, мудрыми, вѣщими; Игорь между ними является воиномъ неотважнымъ, княземъ недѣятельнымъ, вождемъ дружины корыстолюбивымъ. Святославъ представленъ образцомъ воина, и только воина, который съ своею отборною дружиною покинулъ русскую землю для подвиговъ отдаленныхъ, славныхъ для него, и безполезныхъ для родной земли; эти отношенія Святослава къ Руси преданіе выставило въ рѣчахъ пословъ кіевскихъ, отправленныхъ къ Святославу въ Болгарію. Можно сказать, что Святославъ никогда не имѣлъ на Руси значенія князя: сначала это значеніе имѣла его мать, Ольга, потомъ сыновья его. Утвержденіе Святослава въ Болгаріи, успѣхи его въ войнѣ съ Греками могли имѣть важныя слѣдствія для новорожденной Руси; но историкъ не имѣетъ права разсуждать о томъ что могло быть; онъ имѣетъ право только сказать, что неудача Святославова проистекла отъ недостаточности его средствъ, отъ того что онъ оторвался отъ Руси, дѣйствовалъ только съ одною отборною дружиною, а не устремилъ на Грецію соединенныя силы всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси; только въ послѣднемъ случаѣ предпріятіе Святослава могло имѣть важное, рѣшительное вліяніе на судьбы восточной Европы. Олегъ и Ольга преданія дѣйствуютъ преимущественно хитростію, и перехитряютъ самихъ Грековъ; Святославъ отличается поведеніемъ противоположнымъ; онъ не нападаетъ на враговъ хитростію, но посылаетъ сказать имъ: иду на васъ! И когда однажды онъ вздумалъ было схитрить съ Греками, то его неловкая хитрость обратилась во вредъ ему самому.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святославой, Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ княжескомъ и Свѣнельдъ при немъ въ большой силѣ. Для объясненія послѣдующихъ явленій, мы не должны упускать изъ виду возраста дѣтей Святославовыхъ: Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ [233], слѣд. при немъ долженъ былъ находиться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ отношеніи былъ къ нему Свѣнельдъ, и какъ получилъ важное значеніе—объ этомъ лѣтописецъ ничего не знаетъ. Мы не должны только забывать, что Ярополкъ былъ малолѣтенъ, слѣд. дѣйствовалъ подъ чужимъ вліяніемъ. Единственнымъ событіемъ Ярополкова княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Свято-

слава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны, была господствующею страстію средневѣковыхъ варваровъ: вездѣ князья предоставляли себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, выѣхалъ изъ Кіева на охоту, и, погнавшись за звѣремъ, въѣхалъ въ лѣса, принадлежавшія къ волости Олега, князя Древлянскаго; по случаю въ это же время охотился здѣсь и самъ Олегъ; онъ встрѣтился съ Лютомъ, спросилъ, кто это такой, и узнавъ, что имѣлъ дѣло съ сыномъ Свѣнельдовымъ, убилъ его. Здѣсь впрочемъ, несмотря на предложенное нами выше общее объясненіе поступка Олегова, насъ останавливаетъ одна частность: Олегъ, говоритъ преданіе, освѣдомился—кто такой позволяетъ себѣ охотиться вмѣстѣ съ нимъ, и узнавъ, что это сынъ Свѣнельдовъ, убилъ его. Зачѣмъ преданіе связываетъ части дѣйствія такъ, что Олегъ убиваетъ Люта тогда, когда узнаетъ въ немъ сына Свѣнельдова? Если бы Олегъ простилъ Люту его дерзость, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнельда, знаменитаго боярина старшаго брата, боярина отцовскаго и дѣдовскаго, тогда дѣло было бы ясно; но лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ убилъ Люта, именно узнавши, что онъ сынъ Свѣнельда; при этомъ вспомнимъ, что древлянскому князю было не болѣе 13 лѣтъ! слѣд. воля его была подчинена вліянію другихъ, вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, въ родѣ Свѣнельда. Какъ бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ хотѣлъ отомстить Олегу за сына, и потому не переставалъ твердить Ярополку: «поди на брата и возьми волость его». Черезъ два года, т.-е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лѣтъ, кіевскій князь пошелъ ратью на древлянскаго; послѣдній вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ, и Ярополкъ побѣдилъ Олега. Олегъ побѣжалъ въ городъ, называемый Овручь: на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, бѣглецы стѣснились и сталкивали другъ друга въ ровъ, причемъ столкнули и Олега; людей попадало много, за ними попадали лошади, которыя и передавили людей. Ярополкъ вошелъ въ городъ Олега, взялъ на себя власть его и послалъ искать брата. Долго искали князя, и не могли найдти. Тогда одинъ Древлянинъ сказалъ: «Я видѣлъ, какъ вчера

столкнули его съ моста». Стали вытаскивать трупы изо рва съ утра до полудня, наконецъ, нашли Олега подъ трупами, внесли въ княжескій домъ, и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакаться и сказалъ Свѣнельду: «порадуйся теперь, твое желаніе исполнилось». Заключали ли въ себѣ эти слова упрекъ, или Ярополкъ хотѣлъ ими просто объявить старику, что желаніе его удовлетворено, хотя первое правдоподобнѣе по связи съ плачемъ; во всякомъ случаѣ преданіе признаетъ, что дѣло совершено преимущественно подъ вліяніемъ Свѣнельда, и очень естественно, что князь не дѣйствовалъ самостоятельно: ему было только 16 лѣтъ!

Ярополкъ, какъ сказано выше, взялъ братнюю волость. Третій Святославичъ, Владиміръ, узналъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался братняго властолюбія и бѣжалъ за море, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть одинъ на Руси.

Черезъ три года Владиміръ возвратился съ Варягами въ Новгородъ, и прогналъ оттуда ярополковыхъ посадниковъ, приказавъ имъ сказать брату: «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ.» Но прежде начатія борьбы обоимъ братьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтелѣ полоцкомъ: въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ, пришедшій изъ-за моря; каковы были отношенія этого Рогволода къ правнукамъ Рюрика, изъ лѣтописи опредѣлить довольно трудно. Дочь этаго Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобы склонить полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову. Лѣтописецъ говоритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери, и Рогнѣда отвѣчала, что она не хочетъ выйти замужъ за сына рабы, т.-е. Владиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра пересказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое войско изъ Варяговъ, Новгородцевъ, Чуди и Кривичей, и пошелъ на Полоцкъ. Здѣсь мы видимъ опять не набѣгъ дружины, не однихъ Варяговъ, но походъ, въ которомъ участвовали, какъ въ походѣ Олега, всѣ сѣверныя племена. Въ то время, когда Рогнѣду готовились вести

за Ярополка, Владиміръ напалъ на Полоцкъ, убилъ Рогволода съ двумя сыновьями, и женился на Рогнѣдѣ. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ предпріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ, что онъ посылалъ сватать Рогнѣду за Владиміра, онъ послѣ гордаго отказа полоцкой княжны повелъ племянника и войско противъ Рогволода, позоромъ отомстилъ Рогнѣдѣ за ея презрительный отзывъ о матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ дѣлѣ странно было бы предположить, что Владиміръ, будучи очень молодъ, по прямому указанію преданія [234], могъ дѣйствовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ ему преимущественно былъ обязанъ новгородскимъ княженіемъ. Итакъ, говоря о дѣйствіяхъ Владиміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характерѣ Добрыни мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жесткій; на его жесткость указываетъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогнѣдою и отцемъ ея; сохранилось также извѣстіе объ его жестокихъ насильственныхъ поступкахъ съ Новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство; слѣдовательно если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодаго Владиміра, то мы ни какъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Чтоже касается до поступка Добрыни съ Рогволодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогнѣда, отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ сколько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядя князю; словами Рогнѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній мститъ за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Рогнѣды народная память сохранила слѣдующее преданіе. Когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не обращалъ вниманія. Рогнѣда не могла перенести такого поведенія мужа, тѣмъ болѣе, что по самому происхожденію своему, имѣла право если не на исключительность, то, по крайней мѣрѣ, на первенство. Однажды, когда Владиміръ пришелъ къ ней и заснулъ,

она хотѣла зарѣзать его ножемъ, но онъ вдругъ проснулся, и схватилъ ее за руку; тутъ она начала ему говорить: «Ужь мнѣ горько стало: отца моего ты убилъ и землю его полонилъ для меня; а теперь не любишь меня и младенца моего.» Въ отвѣтъ Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье какъ была она одѣта въ день свадьбы своей, сѣсть на богатой постели и дожидаться его: онъ хотѣлъ придти и убить жену. Рогнѣда исполнила его волю, но дала обнаженный мечъ въ руки сыну своему Изяславу, и наказала ему: «смотри, когда войдетъ отецъ, то ты выступи и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?» Владиміръ, увидавъ сына, и услышавъ его слова, сказалъ: «А ктожь тебя зналъ, что ты здѣсь?» бросилъ мечъ, велѣлъ позвать бояръ и разсказалъ имъ все какъ было. Бояре отвѣчали ему: «Ужь не убивай ее ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей съ сыномъ.» Владиміръ построилъ городъ и далъ имъ, назвавъ городъ Изяславлемъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ преданіе, внуки Рогволодовы враждуютъ со внуками Ярославовыми.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка; тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему, и затворился въ Кіевѣ, а Владиміръ окопался на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Капичемъ[235]. Это безсиліе Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла съ Святославомъ въ Болгарію, много ли возвратилось съ Свѣнельдомъ? Ярополкъ могъ и съ мало дружиною одержать верхъ въ сшибкѣ съ еще меньшею дружиною брата своего Олега, но ему нельзя было выйти съ нею противъ войска Владимірова, которое лѣтописецъ не одинъ разъ называетъ многочисленнымъ, состоявшимъ изъ наемныхъ Варяговъ и сѣверныхъ племенъ. Притомъ извѣстно что народонаселеніе нашихъ древнихъ областей не охотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ; далѣе надобно замѣтить, что сѣверное народонаселеніе — Новгородцы, Чудь и Кривичи, котораго ратники были подъ знаменами Владиміра, сражалось за этого князя по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ послѣ Новгородцы съ такимъ усердіемъ отстаивали Ярослава противъ Святополка; Владиміръ былъ ихъ князь, у нихъ выросшій; съ его низложеніемъ они должны будутъ опять подчиниться посадникамъ Ярополка; но возвращеніе послѣднихъ не

могло быть выгодно для Новгородцевъ, ибо трудно предположить, чтобы Владиміръ выгналъ ихъ безъвѣдома и согласія послѣднихъ, которые поэтому не могли быть въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ кіевскому князю; замѣтимъ еще и то, что сѣверное народонаселеніе — Новгородцы, Чудь и Кривичи — издавна было гораздо тѣснѣе соединено между собою, чѣмъ южное: мы видимъ эти племена дѣйствующими за одно при изгнаніи Варяговъ, въ призваніи князей, слѣдовательно имѣемъ право думать, что они относительно яснѣе понимали свои выгоды и дружнѣе могли отстаивать своего князя, чѣмъ племена южныя, недавно только оружіемъ князей приведенныя въ нѣкоторую связь и зависимость отъ одной общей власти. Итакъ Ярополкъ, будучи не въ состояніи биться съ Владиміромъ въ чистомъ полѣ, затворился въ Кіевѣ съ людьми своими и съ Блудомъ, воеводою. Этотъ Блудъ является главнымъ совѣтникомъ князя, главнымъ дѣйствователемъ во время событія; князь безпрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣдовательно Владиміру или Добрынѣ нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. И вотъ Блудъ отъ имени новгородскаго князя получилъ предложеніе покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обѣщаніемъ, что онъ ничего не потеряетъ, что и при Владимірѣ онъ будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ при Ярополкѣ, т.-е. значеніе наставника, отца при молодомъ князѣ; Владиміръ велѣлъ сказать ему: «помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца, и получишь отъ меня большую честь.» Въ лѣтописи помѣщены тутъ же слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ поведеніе свое относительно брата: «Не я, говоритъ онъ, началъ избивать братію, но онъ; я пришелъ на него, побоявшись такой же участи» [236]. Блудъ велѣлъ отвѣчать Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему. Лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступать къ городу, а самъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но посредствомъ граждапъ нельзя было убить его. Тогда Блудъ замыслилъ погубить князя лестью: онъ не пу-

скалъ его на вылазки изъ города, и говорилъ: «Кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаются предать тебя ему; побѣги лучше за городъ.» Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, на устьѣ рѣки Роси. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался большой голодъ, такъ что на долго осталась пословица: бѣда какъ въ Роднѣ. Тогда Блудъ началъ говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? намъ ихъ не перебороть, мирись съ братомъ.» Ярополкъ согласился и на это; а Блудъ послалъ сказать Владиміру: «Твое желаніе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.» Владиміръ, получивши вѣсть, вышелъ на отцовскій теремный дворъ, и сѣлъ тутъ съ дружиною; а Блудъ началъ посылать Ярополка: «Ступай къ брату и скажи ему: что мнѣ дашь, то и возьму.» Ярополкъ пошелъ, хотя одинъ изъ дружины, именемъ Варяжко, говорилъ ему: «Не ходи, князь, убьютъ тебя, бѣги лучше къ Печенѣгамъ, и приведи отъ нихъ войско.» Но Ярополкъ не послушалъ его, пошелъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два Варяга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери, и не далъ своимъ идти за нимъ. Варяжко, видя, что князь убитъ, бѣжалъ съ двора къ Печенѣгамъ, и много разъ приходилъ съ ними на Владиміра, такъ что тотъ едва успѣлъ перезвать его къ себѣ, поклявшись не дѣлать ему никакого зла. Слѣдовательно изъ начальной кіевской лѣтописи оказывается, что Владиміръ была одолженъ своею побѣдою вопервыхъ тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно войска, чтобы стать противъ него въ чистомъ полѣ; вовторыхъ измѣнѣ Блуда, который, стращая князя вѣроломствомъ Кіевлянъ, не пускалъ его на вылазки, и потомъ уговорилъ совершенно оставить Кіевъ.

При разсказѣ объ этомъ событіи нельзя умолчать объ извѣстномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой новгородской лѣтописи, сохраненномъ у Татищева; не заключая въ себѣ никакого противорѣчія начальной кіевской лѣтописи, лѣтопись Іоакимова главною причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу христіанства съ язычествомъ; если бы даже это объясненіе было выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной. Извѣстно, что отецъ

Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщанія св. Ольги, и что поклонники Христа при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Перуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время греческой войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинѣ, князь воздвигъ на нихъ гоненіе, причемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба [237], и послалъ въ Кіевъ приказъ разорить христіанскіе храмы. Но, отказавшись отъ принятія христіанства самъ, Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получить отъ нея молодые князья. Въ Іоакимовской лѣтописи читаемъ, что Ярополкъ былъ кротокъ и милостивъ, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи: этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку воспользовался Владиміръ (т.-е. Добрыня) и успѣлъ отнять жизнь и владѣніе у брата. Ярополкъ, по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщавать брата къ миру, и вмѣстѣ войско въ землю кривскую. Владиміръ испугался и хотѣлъ было уже бѣжать къ Новгороду, но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ нелюбимъ язычниками, удержалъ племянника, и послалъ въ Ярополковъ станъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе въ битвѣ при рѣкѣ Дручѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска [238]. Послѣдующія событія описаны согласно съ начальною кіевскою лѣтописью.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакимовской лѣтописи, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь ознаменовываетъ начало своего правленія сильною ревностью къ язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ кіевскихъ; дядя его Добрыня поступаетъ точно также въ Новгородѣ. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ русской землѣ не было видно

такого гнуснаго идолослуженія, хотя, какъ кажется, не слѣдуетъ принимать этихъ выраженій буквально: началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ, осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ. — Намъ извѣстно, что Славяне-язычники сильно негодовали на христіанскую религію за то, что она не допускала многоженства[219]; въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію: кромѣ пяти законныхъ женъ, было у него 300 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ селѣ Берестовѣ. Онъ былъ несытъ блуда, по выраженію лѣтописца: приводилъ къ себѣ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ на растлѣніе, однимъ словомъ, былъ женолюбивъ какъ Соломонъ.

Но въ то время, какъ Владиміръ угождалъ язычникамъ, буйство наемныхъ Варяговъ ставило его въ затруднительное положеніе относительно Кіева. Мы видѣли, что торжество надъ Ярополкомъ, во всякомъ случаѣ, досталось ему дешево: если и была битва въ странѣ Смоленской, то въ собственной Руси все покорилось ему безъ сопротивленія. Несмотря на то, Варяги думали, что торжествомъ своимъ Владиміръ обязанъ имъ, и поступали буйно съ гражданами, какъ съ завоеванными; они говорили Владиміру: «Городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы хотимъ брать окупъ на народѣ, по 2 гривны съ человѣка.» Владиміръ отвѣчалъ: «Пождите мѣсяцъ, пока соберутъ деньги.» Варяги ждали, ждали, и не получили денегъ. Тогда они сказали князю: «обманулъ ты насъ: такъ отпусти въ Грецію.» Владиміръ согласился; онъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленыхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города, а прочіе пошли въ Константинополь. Но почему же Варяги не попробовали силою взять денегъ? Историки догадываются, что Владиміръ именно назначилъ мѣсячный срокъ, дабы взять свои мѣры, увеличить собственно русское войско; съ одной стороны это могло быть и такъ; съ другой, хорошимъ средствомъ для Владиміра сдѣлать Варяговъ безопасными было и то, о чемъ говоритъ лѣтописецъ, а именно:

князь воспользовался срокомъ, чтобъ склонить на свою сторону лучшихъ Варяговъ, предводителей, привязавъ ихъ къ себѣ и къ Руси выгодами; толпа, худшіе люди, оставшись безъ предводителей, не смѣли предпринять ничего; такимъ образомъ Владиміръ ослабилъ Варяговъ, раздѣливши ихъ. Варяги просили Владиміра: «Покажи намъ путь въ Грецію.» Это могло значить, что Варяги просили у князя пропускныхъ листовъ, безъ которыхъ греческое правительство не принимало Варяговъ, по договорамъ. Владиміръ точно отправилъ посольство къ императору на счетъ Варяговъ; послы должны были сказать ему: «Идутъ къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ; не то натворятъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, а сюда не пускай ни одного.» Выраженіе: надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какъ и здѣсь — показываетъ, что Варяги буйствовали въ Кіевѣ.

Касательно внѣшнихъ отношеній при Ярополкѣ есть извѣстіе о побѣдѣ этого князя надъ Печенѣгами, о вступленіи печенѣжскаго князя Илдея въ службу къ Ярополку, который далъ ему города и волости, о заключеніи мира съ греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ, о приходѣ пословъ папскихъ.

ГЛАВА VII.

Владиміръ Святый, Ярославъ I-й.

Несостоятельность язычества. — Извѣстіе о принятіи христіанства Владиміромъ. — Распространеніе христіанства на Руси при Владимірѣ. — Средство къ утвержденію христіанства. — Вліяніе духовенства. — Войны Владиміра. — Первое столкновеніе съ западными Славянами. — Борьба съ Печенѣгами. — Смерть Владиміра; его характеръ. — Усобица между сыновьями Владиміра. — Утвержденіе Ярослава въ Кіевѣ. — Отношенія къ Скандинавіи и Польшѣ. — Послѣдняя греческая война. — Борьба съ Печенѣгами. — Внутренняя дѣятельность Ярослава.

(980 — 1054.)

Мы видѣли, что торжество Владиміра надъ Ярополкомъ сопровождалось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юговосточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ; ревность Владиміра и Добрыни въ началѣ ихъ власти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы проистекали изъ желанія поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства хотя что нибудь противопоставить другимъ религіямъ, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вела прямо къ паденію язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У насъ на Руси, въ Кіевѣ, произошло то же самое что̀ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ имперіи, при Юліанѣ: ревность этого императора къ язычеству всего болѣе способствовала къ окончательному паденію послѣдняго, потому что Юліанъ

истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче выказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христіанствомъ. Такъ обыкновенно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣлыхъ обществъ: вотъ почему и не удивительно видѣть, какъ иногда самые страстные ревнители вдругъ, неожиданно, покидаютъ предметъ своего поклоненія и переходятъ на враждебную сторону, которую защищаютъ съ удвоенною ревностію; это происходитъ именно отъ того, что въ ихъ сознаніи истощились всѣ средства прежняго предмета поклоненія.

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на Ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ, и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: «Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, то принесемъ въ жертву богамъ.» Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицемъ и душою: на этого-то молодаго Варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому Варягу и сказали ему: «палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву.» Варягъ отвѣчалъ: «у васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ Греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!» Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: «дай сына своего богамъ.» Онъ отвѣчалъ: «если они боги, то пусть пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?» Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ Варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ. Несмотря на то, что смѣлый Варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести силь-

наго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: ваши боги дерево; Богъ одинъ, которому кланяются Греки, который сотворилъ все, — и безотвѣтны стояли кумиры Владиміра передъ этими словами, и что̀ могла, въ самомъ дѣлѣ, славянская религія сказать въ свою пользу, что̀ могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей проповѣдниками другихъ религій? Самые важные изъ нихъ были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ Славянъ, какъ на другихъ народовъ, видно изъ преданія о томъ, какъ царь болгарскій обратился въ христіанство вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда. По русскому преданію, то же самое средство употребилъ и у насъ греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное впечатлѣніе на Владиміра; послѣ разговора съ нимъ, Владиміръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ, и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалитъ свою вѣру; напослѣдокъ пришли и Греки, хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ, и не умретъ послѣ во-вѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также говорили о будущей жизни; но самое чувственное представленіе ея уже подрывало довѣренность: въ душѣ самаго простаго человѣка есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть похожъ на этотъ, причемъ раздражала исключительность извѣстныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно наслажденіе допускалось неограниченно, другія совершенно запрещались. Владиміру, по преданію, нравился чувственный рай магометовъ, но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣзаніе, отказаться отъ свинаго мяса и отъ вина: «Руси есть веселье пить, говорилъ онъ, не можемъ быть безъ того.» Что вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ всѣ языческіе народы сѣвера, и могуществен-

но содѣйствовалъ распространенію между ними христіанства, могшаго дать имъ удовлетворительное рѣшеніе на него, это видно изъ преданія о принятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей англо-саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позвалъ дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Быть-можетъ, ты припомнишь, князь, что̀ случается иногда въ зимнее время, когда ты сидишь за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого перелета для нея пріятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновенное теченіе, если сравнить его съ продолжительностію времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно, и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностію познать его; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то сто̀итъ принять его» [240]. Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, вѣрность этого преданія времени и обществу [241]. Видно, что все было приготовлено для переворота въ нравственной жизни новорожденнаго русскаго общества на югѣ, что религія, удовлетворявшая разсѣяннымъ, особо живущимъ племенамъ, не могла болѣе удовлетворять Кіевлянамъ, познакомившимся съ другими религіями; они употребили всѣ средства для поднятія своей старой вѣры въ уровень съ другими, и всѣ средства оказались тщетными; чужія вѣры, и особенно одна, тяготили явно своимъ превосходствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать старую вѣру естественно должны были вести къ раздраженію, которое, въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ поступкамъ, но и это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Послѣднее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность русской исторіи: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями, но не такъ было на востокѣ Европы,

на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различные народы, но и различныя религіи, а именно магометанская, іудейская и христіанская; Казарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; казарскимъ каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями [242]: они выбрали іудейскую; для Азіатцевъ былъ доступнѣе деизмъ послѣдней. Но Казарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, русское, съ европейскимъ народонаселеніемъ; кагану русскому и его народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями, и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказалась не іудейская: европейскій смыслъ избралъ христіанство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія Іудеевъ Владиміромъ: когда онъ спросилъ у нихъ: гдѣ ваша земля? и они сказали, что Богъ въ гнѣвѣ расточилъ ихъ по странамъ чужимъ, то Владиміръ отвѣчалъ: «какъ вы учите другихъ, будучи сами отвергнуты Богомъ и расточены?» Вспомнимъ, какъ у средневѣковыхъ европейскихъ народовъ было вкоренено понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, вслѣдствіе чего питалось отвращеніе къ бѣдствующему народу.

Магометанство, кромѣ видимой бѣдности своего содержанія, не могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности своей. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ Руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бывальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное русское язычество и превозносить вѣру греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ, и на востокѣ, и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться какъ въ Константинополѣ; Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ: не одинъ Варягъ могъ удостовѣрить его о преимуществахъ вѣры греческой передъ всѣми другими,

митрополитъ Иларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, — Иларіонъ ни слова не говоритъ о посольствахъ для извѣдыванія вѣръ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о Греческой землѣ, сильной вѣрою, о величіи тамошняго богослуженія [243]; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что̀, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ: «Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго: такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся.» Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ: у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: «еслибы дуренъ былъ законъ греческій, говорили они, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрѣе всѣхъ людей». Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнимъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва ли знакомо; онъ привелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе — Варягъ, Славянъ Новгородскихъ, Чудь, Кривичей, все ревностнѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, что̀ и было причиною явленій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ княженія Владимірова; но потомъ время и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ христіанствомъ, съ Греціею, приплывъ бывальцевъ въ Константинополѣ, должны были ослабить языческую ревность и склонить дѣло въ пользу христіанства. Такимъ образомъ все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая: «подожду еще немного», говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству начальнаго лѣтописца кіевскаго. Удобный случай представился въ войнѣ съ Греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на Грековъ съ принятіемъ христіанства, хочетъ выставить, что первый былъ предпринятъ для втораго: Владиміръ спросилъ у бояръ: «гдѣ принять намъ крещеніе?» тѣ отвѣчали: «гдѣ тебѣ любо». И по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь. Корсунцы затворились въ

городѣ и крѣпко отбивались, несмотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что если они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подъ городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ дѣлать валъ около города; но Корсуняне подкопали городскую стѣну, и уносили присыпаемую Русскими землю къ себѣ въ городъ; Русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ все стоялъ. Тогда одинъ Корсунянинъ, именемъ Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой было написано: «за тобою, съ восточной стороны, лежатъ колодцы, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ; перекопай и перейми ее». Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо, и сказалъ: «если это сбудется, я крещусь». Извѣстіе вѣрно ходу событій: это не первый примѣръ, что князь языческаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды, которую долженъ получить съ помощію новаго божества. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ, вода была перенята; Херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ сказать греческимъ императорамъ—Василію и Константину: «Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же что̀ съ Корсунемъ.» Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ императоры велѣли отвѣчать Владиміру: «Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя.» Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: «Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи.» Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выйдти за Владиміра, и послали сказать ему: «Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру.» Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: «Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня.» Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами; Аннѣ очень не хотѣлось идти: «иду точно въ полонъ, говорила она, — лучше бы мнѣ здѣсь умереть»; братья утѣшали ее: «А что если Богъ обратитъ

тобою Русскую землю въ покаяніе, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же.» И едва уговорили ее идти. Анна сѣла въ корабль, простилась съ роднею, и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ преданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна велѣла сказать ему: «если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестишься, то и не вылѣчишься.» Владиміръ сказалъ на это: «если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій», и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ корсунскій, съ царевниными священниками, огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ: «теперь только я узналъ истиннаго Бога!» Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Все это преданіе очень вѣрно обстоятельствамъ въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Прежняя вѣра была во Владимірѣ поколеблена, онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлилъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ корсунскій походъ съ намѣреніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія, могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потомъ опять медлилъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно [244].

Владиміръ вышелъ изъ Корсуня съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взялъ два мѣдныхъ истукана [245] и четыре мѣдныхъ коня; Корсунъ отдалъ Грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію лѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунъ же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою русскою церковію, — извѣстіе очень вѣроятное, потому что константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ [246]. По

возвращенія въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ [247] и людей близкихъ. Вслѣдъ затѣмъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа, ниспроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ, и дѣйствительно было таковымъ; кромѣ того, ревность новообращеннаго не могла позволить Владиміру удержать хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоящихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города и которымъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ, если не всѣ, то большая часть истукановъ, напоминали Владиміру его собственный грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ ниспровергнутыхъ идоловъ однихъ разсѣкли на части, другихъ сожгли [248], а главнаго, Перуна, привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать человѣкъ били истукана палками: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей: такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, то народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега, до тѣхъ поръ, пока пройдетъ пороги. Затѣмъ приступлено было къ обращенію кіевскаго народа: митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдію; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ [249]. Многіе съ радостію крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ [250]; другіе же не хотѣли креститься по упорной привязанности къ старой вѣрѣ: они даже не хотѣли и слушать о проповѣди [251]. Видя это, князь употребилъ средство посильнѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобы на другой день всѣ некрещеные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотою, именно тѣ, которые прежде медлили по нерѣшительности, колебались, ждали

только чего-нибудь рѣшительнаго, чтобы креститься; не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превосходство первой на томъ, что она принята высшими: «Еслибы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ее», говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію [252], нѣкоторые же, ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса [253]. На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками царицыными и корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа; всѣ вошли въ воду, и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно уча некрещеныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ [254], священники на берегу читали молитвы [255].

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ русской землѣ было, разумѣется, построеніе церквей: Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви, и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры: такъ поставлена была церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ [256] Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаютъ насъ два вопроса: по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ — откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными изъ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути — Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, Шекснинскимъ, проповѣдники отправились къ востоку, до Ростова. Этимъ

кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 году; въ 991 онъ умеръ; легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре; скоро впрочемъ былъ призванъ изъ Царяграда новый митрополитъ Леонъ; съ помощію поставленнаго имъ въ Новгородъ епископа Іоакима Корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно. Вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи: «Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче, и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на низпроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, то Новгородцы разметали большой мостъ, и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т.-е. волхвами ихъ, какой-то Богомилъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Епископъ Іоакимъ съ священниками стояли на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей сколько могли, и въ два дни успѣли окрестить нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ, новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе»; народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, раззорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ Ростовцевъ пять сотъ человѣкъ, ночью перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить домы христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми, и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; Новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира.

Добрыня собралъ войско, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ, деревянныхъ сжечь, а каменныхъ изломавъ, побросать въ рѣку. Мущины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: «нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать»? и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобы шли креститься. Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ, и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою, а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились, мущины выше моста, а женщины ниже. Тогда многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, объявляли, что крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею кресты, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что крещенъ, и крестить. Разметанную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для новгородцевъ пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ»[257].

Такимъ образомъ христіанство при Владимірѣ, какъ видно, было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, несмотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христіанство распространялось очень слабо; мы увидимъ въ послѣдствіи, что иноки Печерскаго монастыря будутъ проповѣдниками христіанства у Вятичей и Мери, и будутъ мученниками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что въ его время Вятичи сохраняли еще языческіе обычаи; наконецъ Иларіонъ, современникъ сына Владимірова, называетъ русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ[258]. Самому князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ въ Польшѣ; есть извѣстіе, что въ 992 году онъ ходилъ съ епископами на югозападъ, училъ, крестилъ людей, и въ землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы[259].

Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распро-

странено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная русская церковь получила себѣ священнослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Царяграда; въ Кіевѣ если прежде были христіане, была церковь, то были, разумѣется и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуня тамошнихъ священниковъ и священниковъ пріѣхавшихъ съ царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы и даже митрополитъ Михаилъ былъ изъ Болгаръ[260]. Но сколько бы ни пришло священниковъ греческихъ и болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ русскихъ священниковъ, что̀ не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены, оставить дѣтей при нихъ значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобы сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцевъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было пріобрѣсть и священниковъ изъ русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ[261] отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученье: матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту.

Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіаства находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбои, и вотъ епископы сказали в. князю: «разбойники размножились, зачѣмъ не казнишь ихъ?» Владиміръ отвѣчалъ: «боюсь грѣха». Епископы возразили на это: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ

на милованіе; тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло». Владиміръ послушался, отвергъ виры, и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣ же епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: «рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней». Владиміръ отвѣчалъ: «пусть будетъ такъ»; и сталъ онъ жить опять по устроенію отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный: не въ церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами, но о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ съ старцами епископы предлагаютъ князю о томъ, куда употреблять виры, заботятся о внѣшней безопасности, и князь соглашается съ ними.

Теперь обратимся ко внѣшней дѣятельности Владиміра. Къ его княженію относится окончательное подчиненіе русскому князю племенъ, жившихъ на востокъ отъ великаго воднаго пути. Олегъ наложилъ дань на Радимичей, Святославъ на Вятичей, но или не всѣ отрасли этихъ племенъ пришли въ зависимость отъ русскаго князя, или, что̀ всего вѣроятнѣе, эти болѣе отдаленныя отъ Днѣпра племена воспользовались уходомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ, а потомъ междоусобіемъ сыновей его, и перестали платить дань въ Кіевъ. Какъ бы то ни было, подъ 981 годомъ встрѣчаемъ у лѣтописца извѣстіе о походѣ на Вятичей, которые были побѣждены и обложены такою же данью, какую прежде платили Святославу, — ясное указаніе, что послѣ Святослава они перестали платить дань. На слѣдующій годъ Вятичи снова заратились, и снова были побѣждены. Такая же участь постигла и Радимичей въ 986 году: лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ году Владиміръ пошелъ на Радимичей, а передъ собой послалъ воеводу, прозваніемъ Волчій Хвостъ; этотъ воевода встрѣтилъ Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ [262], и побѣдилъ ихъ; отъ чего, прибавляетъ лѣтописецъ, Русь смѣется надъ Радимичами, говоря: «Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Кромѣ означенныхъ походовъ на ближайшія славянскія племена, упоминаются еще войны съ чужими народами: съ Ятвягами въ 953 году; лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, побѣдилъ и взялъ землю ихъ; но послѣднія слова вовсе не означаютъ покоренія страны: Ятва-

говъ трудно было покорить за одинъ разъ, и потомки Владиміра должны были вести постоянную, упорную, многовѣковую борьбу съ этими дикарями. Въ Скандинавскихъ сагахъ встрѣчаемъ извѣстіе, что одинъ изъ Норманскихъ выходцевъ, находившійся въ дружинѣ Владиміра, приходилъ, отъ имени этого князя, собирать дань съ жителей Эстоніи: несмотря на то, что сага смѣшиваетъ лица и годы, извѣстіе объ эстонской дани, какъ нисколько не противорѣчащее обстоятельствамъ, можетъ быть принято; но нельзя рѣшить, когда русскіе изъ Новгорода впервые наложили эту дань, — при Владимірѣ ли, т.-е. при Добрынѣ, или прежде [263]. Встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстія о войнахъ Владиміра съ Болгарами, съ какими — Дунайскими или Волжскими, — на это разные списки лѣтописей даютъ разнорѣчивые отвѣты: вѣроятно были походы и къ тѣмъ и къ другимъ, и послѣ перемѣшаны по одинаковости народнаго имени. Подъ 987 годомъ находимъ извѣстіе о первомъ походѣ Владиміра на Болгаръ; въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи не упомянуто, на какихъ именно, въ другихъ прибавлено, что на Низовыхъ или Волжскихъ въ своде же Татищева говорится о Дунайскихъ и Сербахъ [264]. Какъ бы то ни было, для насъ важны подробности преданія объ этомъ походѣ, занесенныя въ лѣтопись. Владиміръ пошелъ на Болгаръ съ дядею своимъ Добрынею, въ лодкахъ, а Торки шли на коняхъ берегомъ; изъ этого видно, что Русь предпочитала лодки конямъ, и что конницу въ княжескомъ войскѣ составляли пограничные степные народцы, о которыхъ теперь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе, и которые потомъ постоянно являются въ зависимости или полузависимости отъ русскихъ князей. Болгары были побѣждены, но Добрыня, осмотрѣвъ плѣнниковъ, сказалъ Владиміру: «такіе не будутъ намъ давать дани: они всѣ въ сапогахъ, пойдемъ искать лапотниковъ». Въ этихъ словахъ преданія выразился столѣтній опытъ. Русскіе князья успѣли наложить дань, привести въ зависимость только тѣ племена славянскія и финскія, которыя жили въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненныя, бѣдныя, что̀ выражается названіемъ лапотниковъ; изъ народовъ же болѣе образованныхъ, составлявшихъ болѣе крѣпкія общественныя тѣла, богатыхъ промышленностію, не удалось покорить ни одного: въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ Святослава въ Болгарію.

Въ преданіи видимъ опять важное значеніе Добрыни, который даетъ совѣтъ о прекращеніи войны, и Владиміръ слушается; оба народа дали клятву: «тогда только мы нарушимъ миръ, когда камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть». Подъ 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на Болгаръ [265]: въ первый разъ не сказано на какихъ, во второй означены именно Волжскіе. Мы не будемъ отвергать извѣстій о новомъ походѣ на Болгаръ Дунайскихъ, если примемъ въ соображеніе извѣстія Византійцевъ о помощи противъ Болгаръ, которую оказалъ Владиміръ родственному двору константинопольскому [266]. Важно также извѣстіе о торговомъ договорѣ съ Болгарами Волжскими въ 1006 году. Владиміръ, по ихъ просьбѣ, позволилъ имъ торговать по Окѣ и Волгѣ, давъ имъ для этого печати, русскіе купцы, съ печатями отъ посадниковъ своихъ, также могли свободно ѣздить въ болгарскіе города; но болгарскимъ купцамъ позволено было торговать только съ купцами по городамъ, а не ѣздить по селамъ и не торговать съ тіунами, вирниками, огнищанами и смердами [267].

Ко временамъ Владиміровымъ относится первое столкновеніе Руси съ западными славянскими государствами. Мы оставили послѣднія въ половинѣ IX вѣка, когда моравскіе князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь, и когда исторія Польши начала проясняться съ появленіемъ новой княжеской династіи Пястовъ. Между тѣмъ борьба Моравовъ съ нѣмцами продолжалась еще съ большимъ ожесточеніемъ: Чехи и Сербы принимали въ ней также участіе: Моравы вели войну по старому славянскому обычаю: они давали врагу свободно опустошать открытыя мѣста, и врагъ, опустошивъ землю и не покоривъ народа, долженъ былъ возвращаться безъ всякаго успѣха и гибнуть съ голоду на дорогѣ. Но Ростиславъ, непобѣжденный нѣмцами, былъ схваченъ и выданъ Карломану, сыну и наслѣднику Людовика нѣмецкаго, племянникомъ своимъ Святополкомъ, который, чтобы имѣть себѣ опору и обезпеченіе, поддался нѣмецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли въ одинъ нѣмецкій монастырь. Гибель Ростислава однако не надолго перемѣнила ходъ дѣлъ; Святополкъ наслѣдовалъ его стремленія, и борьба возобновилась съ новою силой, причемъ Святополкъ началъ уже наступательныя движенія на нѣмецкія обла-

сти. При Святополкѣ яснѣетъ и исторія Чеховъ, потому что въ это время принялъ христіанство князь чешскій Буривой отъ св. Меѳодія. Не Моравіи однако и не западнымъ Славянамъ вообще суждено было основать славянскую имперію съ независимою славянскою церковію. Въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ славянскаго міра явились Венгры. Политика дворовъ византійскаго и нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ оружіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Болгаръ, нѣмцы противъ моравской державы. Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, соединившись съ Венграми, пошелъ на Святополка; Моравы, по обычаю, засѣли въ укрѣпленіяхъ, и дали плѣнить землю свою врагамъ, которые и должны были только этимъ удовольствоваться. Но въ 894 г. умеръ Святополкъ, и съ нимъ рушилось могущество первой славянской державы. Въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ, моравскія владѣнія раздѣлились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дѣло Моймира, Ростислава и Святополка; сыновья чешскаго Буривоя отдѣлились отъ Моравіи и поддались Арнульфу нѣмецкому, и съ 906 года прекращаются всѣ извѣстія о Моравіи: страна стала добычею Венгровъ; подробностей о паденіи перваго славянскаго государства нѣтъ нигдѣ. Разрушеніе моравской державы и основаніе венгерскаго государства въ Панноніи имѣли важныя слѣдствія для славянскаго міра: Славяне южные были отдѣлены отъ сѣверныхъ; уничтожено было центральное владѣніе, которое начало соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между германскимъ и славянскимъ племенемъ, гдѣ съ помощію Византіи основалась славянская церковь; теперь Моравія пала, и связь Славянъ съ югомъ, съ Греціею, рушилась: Венгры стали между ними, Славянская церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурею, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать питаніе и укрѣпленіе младенчествующей церкви. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные Славяне должны были по необходимости примкнуть къ западу и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но мало того,

мадьярскимъ нашествіемъ прекращалась связь западныхъ Славянъ съ Византіею, прекращалась также и непосредственная связь ихъ съ Римомъ, и они должны были принимать христіанство и просвѣщеніе изъ рукъ Нѣмцевъ, которые оставались для нихъ теперь единственными посредниками; этимъ объясняется естественная связь западныхъ Славянъ съ Нѣмецкою имперіею, невозможность выпутаться изъ этой связи для государственной и народной независимости. Христіанское стало синонимомъ нѣмецкому, славянское языческому, варварскому; отсюда то явленіе, что ревностные христіане между западными Славянами являются вмѣстѣ ревностными гонителями своего, славянскаго, и тянутъ народъ свой къ западному, т.-е. нѣмецкому; отсюда же обратное явленіе, что защитники своего являются свирѣпыми врагами христіанства, которое приносило съ собою подчиненіе Нѣмцамъ, отсюда несчастная борьба Полабскихъ Славянъ противъ христіанства, т.-е. противъ Нѣмцевъ, въ которой они не могли получить помощи отъ христіанскихъ единоплеменниковъ своихъ, и должны были пасть.

Послѣ паденія моравской державы, на первомъ планѣ въ исторіи западныхъ Славянъ являются Чехи. Чехи были обязаны мирнымъ распространеніемъ христіанства у себя тому, что князь ихъ Буривой принялъ Евангеліе чрезъ моравовъ отъ Св. Меѳодія, чрезъ своихъ славянскихъ проповѣдниковъ. Славянская церковь слѣд. началась было и у Чеховъ, но, послѣ паденія Моравіи, не могла долѣе держаться. Чехи не могли высвободиться изъ-подъ государственной зависимости отъ нѣмецкой имперіи: внукъ Буривоя, св. Вячеславъ, обязался платить Генриху Птицелову ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ; невозможность поддержать христіанство безъ помощи нѣмецкаго духовенства, и невозможность успѣшной борьбы съ мадьярами безъ помощи нѣмецкаго императора, дѣлали зависимость Чеховъ отъ имперіи необходимою. Вячеславъ погибъ отъ брата своего Болеслава I-го, который сначала думалъ было о возможности возвратить независимость чехамъ отъ имперіи, но послѣ многолѣтней борьбы съ императоромъ Оттономъ I-мъ увидалъ необходимость подчиниться ему. Между тѣмъ, въ началѣ второй половины X вѣка, Венгры, потерпѣвшіе сильное пораженіе отъ Оттона при Лехѣ, и добитые Болеславомъ чеш-

скимъ, прекратили свои опустошительные набѣги на европейскія государства, поселились въ предѣлахъ прежде занятыхъ ими земель и, принявъ христіанство, вошли въ общество европейскихъ народовъ. Княженіе Болеслава I-го замѣчательно внутренними перемѣнами у Чеховъ, а именно, усиленіемъ власти верховнаго князя надъ остальными князьями, носившими названіе леховъ; до сихъ поръ эти лехи называются у писателей reguli или duces, и верховный князь изъ рода Пршемыслова являлся не болѣе, какъ старшимъ между ними; но при Болеславѣ I-мъ, какъ видно, отношенія перемѣнились въ пользу власти верховнаго князя; на средства, какими Болеславъ I-й достигъ этой перемѣны, можетъ намекать прозваніе его Грозный или Укрутный. Подчиняясь на западѣ имперіи, чешскія владѣнія начинаютъ однако при Болеславѣ расширяться къ юго-востоку, чему особенно способствуетъ обезсиленіе Мадьяровъ; такъ присоединяется къ чехамъ нынѣшняя Моравія и земля Словаковъ, между Дунаемъ и Карпатами; на сѣверъ отъ Карпатъ также видимъ чешскія владѣнія. Еще болѣе распространилась область Чеховъ въ княженіе Болеслава II Благочестиваго, сына Грознаго; никогда потомъ границы чешскаго государства не были такъ обширны, ибо все государство Святополка принадлежало теперь чехамъ. Несмотря однако на распространеніе чешскихъ предѣловъ, въ церковномъ отношеніи Чехи принадлежали къ епархіи регенсбургскаго архіепископа: послѣ этого нечего удивляться политической зависимости Чеховъ отъ нѣмецкой имперіи, ибо церковныя отношенія тогда господствовали надъ политическими. Только при Болеславѣ II, въ 973 году, основано было особое пражское епископство, гдѣ первымъ епископомъ былъ саксонскій монахъ Дитмаръ; преемникомъ его былъ знаменитый Войтехъ, родомъ изъ знатной чешской фамиліи; несмотря однако на это, никто такъ не старался о скрѣпленіи чешской церкви съ западомъ, никто такъ не старался объ искорененіи славянскаго богослуженія, какъ Войтехъ. Такой характеръ дѣятельности условливался самою борьбою ревнителя христіанства, какимъ былъ Войтехъ съ языческими нравами и обычаями, которые въ его глазахъ были славянскіе; въ подобной борьбѣ средина рѣдко соблюдается: отечествомъ для ревностнаго епископа была не Богемія, но западъ, страны христіан-

скія, тогда какъ Богемія была исполнена еще языческихъ воспоминаній, возбуждавшихъ только вражду Войтеха; церковная пѣснь на славянскомъ языкѣ звучала въ его ушахъ языческою богослужебною пѣснію, и потому была противна: слово Богъ напоминало ему славянскаго идола, только слово Deus заключало для него понятіе истиннаго Бога.—Смертію Болеслава II-го (999 г.) кончилось могущество Чеховъ и перешло къ Ляхамъ. При распространеніи своихъ владѣній на западѣ Пясты встрѣтились съ нѣмцами, императоры которыхъ также распространяли свои владѣнія на счетъ Славянъ приэльбскихъ; легко было предвидѣть послѣдствія этого столкновенія: четвертый Пястъ, Мечиславъ или Мешко, уже является вассаломъ императора, платитъ ему дань; въ 965 году Мечиславъ женился на Дубровкѣ, дочери чешскаго князя Болеслава I-го, и по ея старанію принялъ христіанство; но въ это время славянская церковь никла у Чеховъ, и потому не могла укорениться въ Польшѣ; отсюда новыя крѣпкія узы связали Польшу съ западомъ, съ нѣмецкою имперіею: въ Познани была учреждена епископская каѳедра для Польши, и подчинена архіепископу магдебургскому. Второй бракъ Мстислава на Одѣ, дочери нѣмецкаго маркграфа Дитриха, еще болѣе укрѣпилъ нѣмецкое вліяніе въ Польшѣ. Тѣсная связь этой страны съ западною церковію и имперіею отняла у сѣверныхъ Славянъ послѣдній оплотъ ихъ независимости отъ нѣмецкаго ига: теперь польскій князь въ союзѣ съ Нѣмцами начинаетъ наступательныя движенія противъ своихъ языческихъ единоплеменниковъ. При Мечиславѣ начинаются первыя враждебныя столкновенія Руси съ Польшею: подъ 981 годомъ лѣтописецъ нашъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и занялъ города ихъ—Перемышль, Червенъ и другіе. Чешскіе историки утверждаютъ, что эти города не могли быть отняты у Поляковъ, но у Чеховъ, потому что позднѣйшая земля галицкая до Буга и Стыря къ востоку принадлежала въ это время чехамъ [268]; они основываются на грамотѣ, данной пражскому епископству при его заложеніи, гдѣ границами его къ востоку поставлены рѣки Бугъ и Стырь въ землѣ хорватской. Но, вопервыхъ, въ грамотѣ границы означены очень смутно; видно, что писавшій ее имѣлъ плохія географическія понятія о странѣ [269]; вовторыхъ, былъ обычай расширять какъ можно да-

лѣе предѣлы епископствъ, заложенныхъ въ смежности съ языческими народами. Нѣкоторые ученые [270] справедливо замѣчаютъ также, что русскій лѣтописецъ умѣетъ отличать Ляховъ отъ Чеховъ, и потому не могъ смѣшать ихъ, и принимаютъ, что Владиміръ отнялъ червенскіе города не у Чеховъ и не у Поляковъ, но покорилъ малочисленныя, до тѣхъ поръ свободныя славянскія племена, и сталъ чрезъ это сосѣдомъ Чеховъ. Но разсуждать такимъ образомъ значитъ опять не принимать свидѣтельствъ нашего лѣтописца, который также хорошо умѣетъ отличать Хорватовъ отъ Ляховъ, какъ послѣднихъ отъ Чеховъ, и прямо говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и у нихъ взялъ червенскіе города; всего вѣроятнѣе, что чешскія владѣнія ограничивались областію, лежащею около Кракова, о чемъ твердитъ грамота, и не простирались за Вислокъ, что страна по Сану и далѣе на востокъ была занята Хорватами, которые были подчинены уже при Олегѣ, но при Игорѣ, Святославѣ и преимущественно при сыновьяхъ его имѣли возможность свергнуть съ себя подчиненность, подобно Радимичамъ и Вятичамъ; мы видимъ, что сначала главная дѣятельность Владиміра состоитъ въ подчиненіи тѣхъ племенъ, которыя прежде находились въ зависимости отъ Руси; Хорваты были въ томъ числѣ; но въ то время, какъ Русь, вслѣдствіе недѣятельности Игоря, далекихъ походовъ Святослава на востокъ и югъ, малолѣтства и усобицы сыновей его, теряла племена, жившія вдалекѣ отъ Днѣпра, Польша при первыхъ Пястахъ распространяла свои владѣнія, слѣд. очень вѣроятно, что Пясты заняли земли Хорватовъ, свергнувшихъ съ себя зависимость отъ Руси, или сами Ляхи перемѣнили эту зависимость на зависимость отъ Польши, и такимъ образомъ Владиміръ, возвращая прежнее достояніе своихъ предшественниковъ, долженъ былъ имѣть дѣло уже съ Ляхами. По завоеваніемъ червенскихъ городовъ дѣло не кончилось на западѣ; лѣтописецъ упоминаетъ въ 992 году еще о походѣ Владиміра на Хорватовъ, а по нѣкоторымъ спискамъ въ это время Владиміръ воевалъ съ Мечиславомъ «за многія противности его», и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду за Вислою: поводомъ къ раздору могли быть постоянно Хорваты и червенскіе города. Война 990—992 года могла быть ведена въ союзѣ съ Болеславомъ II чешскимъ, который также

воевалъ съ Мечиславомъ. Какъ видно по нѣкоторымъ извѣстіямъ, война продолжалась въ первый годъ княженія Болеслава Храбраго, наслѣдовавшаго отцу своему Мечиславу въ 992 г. [271]. При Болеславѣ Польша начала было усиливаться уже на счетъ сосѣднихъ народовъ; ей выпадалъ было жребій стать въ челѣ славянскихъ государствъ для отпора нѣмцамъ; но неумѣнье Поляковъ вести себя среди единоплеменныхъ народовъ и связь западныхъ Славянъ съ германскою имперіею посредствомъ церкви не допустили Польшу принять значеніе Моравіи для славянскаго міра. Послѣ Мечислава осталось пятеро сыновей: Болеславъ и Владивой отъ Дубровки чешской и трое отъ Оды—Мечиславъ, Святополкъ и Болеславъ. Первымъ дѣломъ Болеслава старшаго было изгнаніе младшихъ братьевъ, съ которыми, по славянскому обычаю, онъ долженъ былъ владѣть сообща, и ослѣпленіе двоихъ другимъ родственниковъ, съ цѣлію достигнуть единовластія. Потомъ Болеславъ распространилъ свои владѣнія на сѣверѣ до Балтійскаго моря чрезъ подчиненіе себѣ Поморянъ и Пруссовъ; между тѣмъ въ 999 году умеръ чешскій князь Болеславъ II Благочестивый; Болеславъ польскій воспользовался этимъ, чтобы напасть на Краковъ и его область и присоединить ихъ къ Польшѣ; вѣроятно также, что онъ захватилъ въ это время Моравію и землю Словаковъ до Дуная: Войтехъ или Адальбертъ, не могшій ужиться съ Чехами, прибылъ къ Болеславу; тотъ отправилъ его на проповѣдь къ Пруссамъ, которые умертвили проповѣдника; но гробъ Войтеха принесъ Болеславу свою выгоду, ибо императоръ Оттонъ III, другъ и чтитель Адальберта, явился въ Гнѣзно, чтобы поклониться праху его, и основалъ здѣсь новое архіепископство, вслѣдствіе чего Польша освобождалась отъ нѣмецкой зависимости въ церковномъ отношеніи; но это освобожденіе не могло уже теперь принести пользы, латинская церковь уже успѣла укорениться въ Польшѣ, а потому борьба съ имперіею, которую скоро послѣ началъ Болеславъ, также не могла принести плодовъ: польскій князь, какъ видно, имѣлъ въ виду набрать сколько можно болѣе пограничныхъ волостей, а не утвердить независимость и равновѣсіе славянскаго міра съ германскимъ. Между тѣмъ волненія у Чеховъ доставили Болеславу случай утвердить свою власть и въ этой странѣ. По смерти Болеслава II вступилъ на престолъ сынъ его,

Болеславъ III Рыжій, князь, по отзыву современниковъ, чрезвычайно жестокій. Рыжій началъ свое княженіе тѣмъ же, чѣмъ и родственникъ его, Болеславъ польскій; онъ велѣлъ одного изъ своихъ братьевъ скопить, другаго удушить въ банѣ; но обоимъ удалось бѣжать въ Баварію. Избавившись отъ братьевъ, Рыжій не могъ избавиться отъ могущественныхъ вельможъ, леховъ, изъ которыхъ главными въ это время были Вршовцы; Вршовцамъ удалось при Болеславѣ II-мъ выгнать Войтеха, теперь они свергли Рыжаго, призвавъ на его мѣсто Владивоя, брата Болеслава польскаго, который, какъ сынъ Дубровки, принадлежалъ также къ дому Пршемыслову, и какъ видно, изгнанникомъ жилъ при дворѣ чешскомъ. Чтобъ удержаться на престолѣ, Владивой отправился въ Регенсбургъ къ императору Генриху, и отдалъ ему Богемію, которую получилъ опять въ видѣ л е н а. Но Владивой княжилъ только нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ его смерти Чехи призвали изгнанныхъ Рыжимъ Болеславичей—Яромира и Ольдриха. Однако Рыжій не думалъ уступать и обратился съ просьбою о помощи къ Храброму, который вторгся съ войскомъ въ Богемію, изгналъ Яромира и утвердилъ Рыжаго на престолѣ. Послѣдній, получивъ снова власть, думалъ только о томъ, какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Чехи обратились съ просьбою о защитѣ опять къ Болеславу польскому. Тотъ только этого и ждалъ: по извѣстіямъ современниковъ, онъ все это предвидѣлъ и нарочно велъ дѣло къ тому, чтобъ утвердить свою власть у Чеховъ. Подъ предлогомъ нужнаго совѣщанія, онъ заманилъ къ себѣ Рыжаго на границу, схватилъ его, ослѣпилъ и заточилъ внутрь своихъ владѣній. Вступивъ въ Прагу въ видѣ освободителя, Болеславъ Храбрый обнаружилъ намѣреніе утвердиться здѣсь. Такое усиленіе могущества польскаго князя, разумѣется, должно было возбудить сильныя опасенія въ императорѣ, который послалъ требовать отъ Болеслава ленной присяги за Богемію. Болеславъ отвергнулъ требованіе и началъ войну. Неизвѣстно, какой исходъ имѣла бы борьба новаго Святополка съ Нѣмцами, если бы на этотъ разъ сами Поляки не ослабили могущества своего князя и съ тѣмъ вмѣстѣ единства и могущества западныхъ Славянъ: они позволяли себѣ поступать съ Чехами какъ съ побѣжденными врагами; вотъ почему, когда императоръ Генрихъ II послалъ въ Богемію войско, въ челѣ ко-

тораго находились чешскіе князья—Яромиръ и Ольдрихъ, то вся страна встала противъ Поляковъ и приняла съ радостію родныхъ князей изъ нѣмецкихъ рукъ; Болеславъ Храбрый принужденъ былъ бѣжать, и въ нѣсколько дней не осталось въ Богеміи ни одного Поляка. Такимъ образомъ Нѣмцамъ удалось разъединить два главныя западно-славянскія владѣнія—Богемію и Польшу, и привязать первую еще тѣснѣе къ себѣ: въ послѣдующей борьбѣ съ Болеславомъ польскимъ императоръ постоянно пользуется чешскою помощію, и несмотря на всѣ старанія Болеслава, примиреніе между двумя народами было невозможно. Въ 1012 году Ольдрихъ выгналъ брата Яромира, и сталъ единовластителемъ чешской земли. Въ такомъ состояніи находились западныя славянскія государства при смерти Владиміра Св. Мы видѣли, что въ первый годъ княженія Болеслава у него продолжалась война съ Владиміромъ, которая однако, какъ видно, скоро кончилась [272], потому что Болеславъ, занятый отношеніями къ Нѣмцамъ и Чехамъ, не могъ съ успѣхомъ вести еще войну на востокѣ. Миръ съ Русью скрѣпленъ былъ даже родственнымъ союзомъ съ княземъ кіевскимъ: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя туровскаго, сына Владимірова. Но этотъ первый родственный союзъ князей польскихъ съ рускими повелъ къ большему раздору между ними. Болеславъ, какъ видно, лучшимъ средствомъ для собственнаго усиленія считалъ внутреннія смуты у сосѣдей; какъ воспользовался онъ ими у Чеховъ, такъ же хотѣлъ воспользоваться и на Руси. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко двору туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ колобрежскій (колберскій), который сблизился съ Святополкомъ, и началъ, свѣдома Болеславова, подучать его къ возстанію противъ отца Владиміра: успѣхъ этого возстанія былъ важенъ для Болеслава въ политическомъ и для западной церкви въ религіозномъ отношеніи, ибо съ помощію Святополка юная русская церковь могла быть отторгнута отъ восточной. Но Владиміръ узналъ о враждебныхъ замыслахъ, и заключилъ Святополка въ темницу вмѣстѣ съ женою и Рейнберномъ [273]. Необходимымъ слѣдствіемъ должна была быть война съ Болеславомъ, который въ 1013 году поспѣшилъ заключить миръ съ нѣмцами, и, навявши отрядъ войска у послѣднихъ, равно какъ и у Печенѣговъ, двинулся на Русь. Кромѣ опустошенія страны

мы не имѣемъ никакихъ другихъ извѣстій о слѣдствіяхъ болеславова похода, во время котораго возникла распря между Поляками и Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ истребить своихъ степныхъ союзниковъ. Вѣроятно это обстоятельство и воспрепятствовало продолженію войны, тѣмъ болѣе что все вниманіе Болеслава было постоянно обращено на западъ, и онъ могъ удовольствоваться освобожденіемъ Святополка. Съ чехами и венграми были мирныя сношенія при Владимірѣ [274]. Были пересылки и съ папою, слѣдствія которыхъ однако неизвѣстны [275].

Гораздо съ бо̀льшими подробностями дошли до насъ преданія о борьбѣ съ степными варварами, Печенѣгами: борьба эта занимала народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ отдаленныя воинскія предпріятія, потому что въ ней дѣло шло о самыхъ близкихъ его интересахъ, о собственности, свободѣ, жизни. Въ 992 году пришли Печенѣги изъ-за Сулы; Владиміръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу на Трубежъ, подлѣ Переяславля; Русскіе стали на одной сторонѣ рѣки, Печенѣги на другой, но ни тѣ, ни другіе не смѣли перейдти на сторону противную. Тогда князь печенѣжскій подъѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владиміра и сказалъ ему: «выпусти своего мужа, а я своего, пусть борятся. Если твой мужъ ударитъ моимъ, то не будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, то будемъ воевать три года.» Владиміръ согласился, и возвратясь въ станъ, послалъ биричей кликать кличъ по всѣмъ палаткамъ (товарамъ): «нѣтъ ли кого, кто-бъ взялся биться съ Печенѣгомъ?» И никто нигдѣ не отозвался. На другой день пріѣхали Печенѣги и привели своего бойца, а съ русской стороны никого не было. Началъ тужить Владиміръ, послалъ опять по всѣмъ ратникамъ, — и вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: «Князь! есть у меня одинъ сынъ меньшой дома; съ четырьмя вышелъ я сюда, а тотъ дома остался; изъ дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить: однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками». Князь обрадовался, послалъ за силачемъ, и разсказалъ ему въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ:» я не знаю, смогу ли сладить съ Печенѣгомъ; пусть меня испытаютъ: нѣтъ ли гдѣ быка большаго и сильнаго?» Нашли быка, разъярили его горячимъ желѣзомъ и пустили; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ за-

хватить рукою. Владиміръ сказалъ: «можешь бороться съ Печенѣгомъ». На другой день пришли Печенѣги и стали кликать: «гдѣ же вашъ боецъ, а нашъ готовъ»! Владиміръ велѣлъ вооружиться своему, и оба выступили другъ противъ друга. Выпустили Печенѣги своего, великана страшнаго, и когда выступилъ боецъ Владиміровъ, то Печенѣгъ сталъ смѣяться надъ нимъ, потому что тотъ былъ средняго роста; размѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: они схватились и стали крѣпко жать другъ друга; Русскій наконецъ сдавилъ Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю; раздался крикъ въ полкахъ, Печенѣги побѣжали, Русскіе погнали за ними. Владиміръ обрадовался, заложилъ городъ на бродѣ, гдѣ стоялъ, и назвалъ его Переяславлемъ, потому что борецъ русскій перенялъ славу у печенѣжскаго; князь сдѣлалъ богатыря вмѣстѣ съ отцемъ знатными мужами.

Въ 995 году пришли Печенѣги къ Василеву; Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, не выдержалъ натиска, побѣжалъ и сталъ подъ мостомъ, гдѣ едва спасся отъ враговъ. Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ, потому что война, говоритъ лѣтописецъ, была сильная и безпрестанная; а Печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ, пришли и стали около Бѣлгорода; въ лѣтописи сохранилось слѣдующее любопытное преданіе о спасеніи этого города, не единственное между преданіями разныхъ народовъ. Когда Печенѣги обступили Бѣлгородъ, то сдѣлался въ немъ большой голодъ, Владиміръ не могъ подать помощи, потому что у него не было войска, а Печенѣговъ было множество. Когда осада все продолжалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался и голодъ, то Бѣлгородцы собрались на вѣче, и сказали: «намъ приходится помирать съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ; что-жь развѣ лучше намъ помирать? сдадимся Печенѣгамъ; кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ, все равно умираемъ же съ голода». На томъ и порѣшили. Но одного старика не было на вѣчѣ; когда онъ спросилъ, зачѣмъ сбирались, и ему сказали, что на другой день люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ, то онъ послалъ за городскими старѣйшинами, и спросилъ у нихъ; «что это я слышалъ, вы хотите передаться Печенѣгамъ?» тѣ отвѣчали: «что-жь дѣлать, не стерпятъ люди голода». Тогда старикъ сказалъ имъ: «послушайтесь меня,

не сдавайтесь еще три дня, и сдѣлайте то что я велю». Тѣ съ радостію обѣщались слушаться, и онъ сказалъ имъ: «сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей;» все это сыскали. Старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ, потомъ велѣлъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее раствору; велѣлъ выкопать другой колодезь, и вставить въ него также кадку; велѣлъ потомъ искать меду, нашли лукошко меду въ княжей медушѣ, изъ него старикъ велѣлъ сдѣлать сыту и вылить въ кадку, что стояла въ другомъ колодцѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за Печенѣгами; горожане пошли и сказали имъ: возьмите къ себѣ нашихъ заложниковъ, и пошлите своихъ человѣкъ десять къ намъ въ городъ, пусть посмотрятъ что тамъ дѣлается. Печенѣги обрадовались, думая, что Бѣлгородцы хотятъ имъ сдаться, взяли у нихъ заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ посмотрѣть что тамъ такое. Когда они пришли въ городъ, то люди сказали имъ: «зачѣмъ вы себя губите, можно ли вамъ перестоять насъ? Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите—смотрите своими глазами». За тѣмъ привели ихъ къ одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ ними къ другому, почерпнули сыты, и начали есть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и разсказали все что видѣли. Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками, отступили отъ города и пошли домой [276].

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи Русскихъ владѣній съ востока и юга; «худо, что мало городовъ около Кіева», сказалъ онъ, и велѣлъ строить города по рѣкамъ — Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т.-е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были въ началѣ не иное что, какъ военные острожки, подобные на-

шимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходимые для защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится значеніе слова: лучшіе мужи, т.-е. Владиміръ набралъ храбрѣйшихъ мужей, способныхъ для военнаго поселенія. Такимъ образомъ, вопервыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшихъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало средство князьямъ къ подчиненію себѣ юга, оно же дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ Русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; вовторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины или украины; изначала это сбродное, созванное отовсюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется отчасти и козачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверскаго народонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населилъ его: «отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него», говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятнѣе всего жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т. е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также Нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: «Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: «я довелъ тебя до

мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.)—Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына въ заложники, и вмѣстѣ съ этимъ княземъ отправился епископъ, посвященный Бруномъ. Участь его неизвѣстна[276].

Вотъ всѣ преданія, дошедшія до насъ о дѣятельности Владиміра.

Въ 1014 году сынъ его Ярославъ, посаженный отцемъ въ Новгородѣ, отказался присылать въ Кіевъ ежегодно по двѣ тысячи гривенъ, какъ дѣлали всѣ посадники новгородскіе, раздававшіе еще тысячу гривенъ гридямъ въ Новгородѣ. Владиміръ сказалъ: «исправляйте дороги и мостите мосты», онъ хотѣлъ самъ идти на Ярослава; но разболѣлся и умеръ 15 іюля слѣдующаго 1015 года. Дѣятельность Владиміра, какъ она высказывается въ преданіяхъ, отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ часто ведетъ войну, но онъ ведетъ ее для того, чтобъ подчинить Руси снова тѣ племена, которыя воспользовались удаленіемъ отца его, усобицами братьевъ, и перестали платить дань: такъ воюетъ онъ съ Радимичами, Вятичами, Хорватами. Онъ пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностію. Онъ воюетъ съ Греками, но не пускается по-варяжски съ легкимъ флотомъ опустошать берега Имперіи: онъ хочетъ овладѣть ближайшимъ къ его волости городомъ греческимъ, Корсунемъ, который такъ легко и безопасно было присоединить къ русскимъ владѣніямъ; впрочемъ преданіе тѣсно связываетъ этотъ походъ съ намѣреніемъ принять христіанство. Но главная черта дѣятельности Владиміра состоитъ въ защитѣ русской земли, въ постоянной борьбѣ съ степными варварами. Святославъ заслужилъ упрекъ, что для чужой земли покинулъ свою, которою едва было не овладѣли варвары; Владиміръ, наоборотъ, стоялъ всегда самъ на сторожѣ

противъ этихъ варваровъ, и устроилъ сторожевую линію изъ ряда городовъ или укрѣпленій по близкимъ къ степи рѣкамъ. Понятно, какое впечатлѣніе на народъ должна была произвести такая разница между поведеніемъ отца и сына. Но кромѣ того личный характеръ Владиміра былъ способенъ также возбудить сильную народную привязанность. Владиміръ вовсе не былъ княземъ воинственнымъ, не отличался удалью, подобно отцу своему, въ крайности рѣшался на бѣгство передъ врагомъ, спѣшилъ укрыться въ безопасномъ мѣстѣ; преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, также не приписываетъ ему личной отваги, выставляетъ его вовсе не охотникомъ до проявленій дикой силы. Но Владиміръ имѣлъ широкую душу, которая въ молодости могла повести его къ излишествамъ, освященнымъ впрочемъ языческими понятіями, и которая въ лѣтахъ зрѣлыхъ, особенно подъ вліяніемъ христіанскимъ, сдѣлала его краснымъ солнцемъ для народа. Владиміръ не любилъ жить одинъ; онъ любилъ дружину, говоритъ лѣтописецъ, думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; любя думать съ дружиною, Владиміръ любилъ пировать съ нею; о пирахъ его остались преданія и въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ. Такъ, празднуя освященіе церкви Преображенія въ Василевѣ и вмѣстѣ избавленіе свое отъ Печенѣговъ, Владиміръ велѣлъ сварить триста варь меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старшинъ изо всѣхъ городовъ всякихъ людей множество, и бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ; праздновавъ съ Преображенья 8 дней, князь возвратился въ Кіевъ къ Успеньеву дню, и здѣсь опять задалъ большой праздникъ, созвалъ безчисленное множество народа. Такіе праздники по случаю торжествъ религіозныхъ имѣли тогда важное значеніе: они замѣняли для народа празднества языческія, очень много содѣйствовали къ тому, что новая религія входила въ жизнь народа; вмѣсто Коледы народъ сходился теперь праздновать Преображеніе и освященіе церкви; кто приходилъ на это торжество, тотъ былъ христіаниномъ; вотъ почему лѣтописецъ прибавляетъ послѣ описанія праздника: «Видя людей христіанами, Владиміръ радовался душею и тѣломъ, и дѣлалъ такіе праздники по всѣ годы». Праздники имѣли еще другое значеніе: на нихъ сзывались старѣйшины изо всѣхъ городовъ, и такимъ образомъ скрѣплялась связь, единство, общеніе между русскими

волостями. Для дружины и старшинъ кіевскихъ были устроены на дворѣ княжескомъ пиры каждую недѣлю, былъ ли самъ князь въ городѣ или нѣтъ; приходили на дворъ княжескій, въ гридницу, пировать бояре и гриди, сотскіе и десятскіе и нарочитые мужи. Бывало тутъ множество мяса, отъ скота и звѣрины, было много всего. И вотъ, бывало, какъ подопьютъ, разсказываетъ лѣтописецъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: «какое житье наше горькое: кормитъ насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ!» Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ исковать ложки серебряныя для дружины, и сказалъ: «серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ доискались его дѣдъ мой и отецъ.» Какое вліяніе христіанство имѣло на широкую душу Владиміра, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: Владиміръ любилъ слова книжныя, и услыхавъ однажды какъ читали въ Евангеліи: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ, и потомъ: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ, далѣе: не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе крадутъ; и слыша псаломъ: блаженъ мужъ милуя и дая, а у Соломона: вдаяй нищему, Богу взаимъ даетъ,—услыхавъ это, Владиміръ велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на княжой дворъ, брать кушанье и питье, деньги изъ казны. Но этого мало: онъ сказалъ: «дряхлые и больные не могутъ доходить до моего двора», и велѣлъ сдѣлать телѣги, куда клали хлѣбъ, мясо, рыбу, овощь разный, медъ въ бочкахъ, квасъ, и возили по городу, спрашивая: «гдѣ больные и нищіе, которые не могутъ ходить?» такимъ и раздавали. Есть извѣстіе, что въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ.

Обыкновенное содержаніе старинныхъ пѣсенъ составляютъ пиры Владиміра, на которые собирались богатыри. Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ напр. трудно было выказаться богатырямъ, и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь былъ въ челѣ дружины, и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ со-

вершались въ далекихъ странахъ; если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найдти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много, шла безпрестанная борьба съ варварами и эта борьба происходила на глазахъ русскаго народа и шла за самые близкіе его интересы; отраженіе Печенѣговъ, поимка какого-нибудь страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; притомъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей; отсюда богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльныя предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться. Предметъ пѣсенъ по большей части борьба богатырей съ степными варварами, Печенѣгами, которые послѣ получили въ пѣсняхъ имя Татаръ. Упоминаются еще подвиги богатырей противъ разбойниковъ; лѣтопись также говоритъ объ умноженіи разбойниковъ, и сохранилось имя одного изъ нихъ, Могута, который былъ пойманъ въ 1008 году и покаялся въ домѣ у митрополита [277]. Можно думать, что разбойники умножились вслѣдствіе бѣгства тѣхъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли принимать христіанства; разумѣется, они должны были бѣжать въ отдаленные лѣса и жить на счетъ враждебнаго имъ общества; отсюда можетъ объясниться религіозное уваженіе, соединенное съ памятью о нѣкоторыхъ богатыряхъ Владимірова времени, напр. объ Ильѣ Муромцѣ, которому приписываются подвиги противъ разбойниковъ на отдаленномъ финскомъ сѣверѣ, гдѣ язычество долго находило себѣ убѣжище. Въ лѣтописи сохранились имена слѣдующихъ богатырей Владимірова времени: Яна Усмовича или Усмошвеца (кожевника, отъ усніе—кожа и шью), который убилъ печенѣжскаго богатыря, и потомъ упоминается также подъ 1004 годомъ, какъ побѣдитель Печенѣговъ; Александра Поповича, разбившаго Печенѣговъ, приведенныхъ какимъ-то измѣнникомъ Володаремъ, котораго лѣтопись упрекаетъ въ забвеніи благодѣяній князя своего Владиміра [278], потомъ Поповичъ разбилъ Печенѣговъ вмѣстѣ съ Усмошвецемъ въ 1001 и 1004 годахъ; Рагдая удалаго, ходившаго на триста воиновъ: его смерть показана подъ 1000 годомъ [279]; Андриха Добрянкова, отравленнаго слугами въ 1004 году [280]

Въ лѣтописи находимъ имена двѣнадцати сыновей Владиміра, но безъ опредѣленія, въ какомъ порядкѣ они одинъ за другимъ слѣдовали по старшинству: въ одномъ мѣстѣ, при исчисленіи женъ Владиміровыхъ, молодые князья поставлены по матерямъ; въ другомъ, гдѣ говорится о разсылкѣ сыновей по областямъ, они слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ. Постараемся, по нѣкоторымъ даннымъ, опредѣлить порядокъ старшинства между ними.

Въ Новгородъ былъ отправленъ Вышеславъ: мы знаемъ, что сюда посылался обыкновенно старшій въ семьѣ великаго князя; изъ этого можемъ заключить, что Вышеславъ былъ старшій сынъ Владиміра, тѣмъ болѣе, что въ извѣстіи о разсылкѣ по областямъ онъ поставленъ первымъ [281]. Но въ предшествующемъ исчисленіи женъ Владиміровыхъ [282] Вышеславъ поставленъ послѣ сыновей Рогнѣдиныхъ и гречанки, вдовы Ярополковой, и названъ сыномъ Чехини: если Вышеславъ былъ старшій, то долженъ былъ родиться отъ перваго брака Владимірова, заключеннаго или въ Новгородѣ, или во время пребыванія Владиміра въ Скандинавіи, когда ему было лѣтъ 18; но странно, что Чехиня зашла такъ далеко на сѣверъ; Іоакимовская лѣтопись и здѣсь объясняетъ дѣло удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называетъ Оловою, женою варяжскою [283]. Потомъ слѣдуетъ сынъ Рогнѣды, Изяславъ, получившій волость дѣда своего по матери, Полоцкъ. Тотчасъ послѣ брака на Рогнѣдѣ Владиміръ женился на вдовѣ брата своего Ярополка, и потому рожденнаго отъ послѣдней Святополка имѣемъ право поставить въ третьихъ послѣ Вышеслава и Изяслава; этотъ Святополкъ получилъ Туровскую волость, и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшимъ въ родѣ, на что ясно указываютъ слова св. Бориса: «Не подниму я рукъ на брата старшаго» [284]. За Святополкомъ мы должны дать мѣсто Ярославу, также, по лѣтописямъ, сыну Рогнѣды; Ярославъ получилъ сперва Ростовъ, а потомъ, по смерти старшаго Вышеслава, переведенъ въ Новгородъ. — Этотъ переводъ Ярослава въ Новгородъ мимо старшаго Святополка Туровскаго объясняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца и даже въ заключеніи. Всеволодъ, также сынъ Рогнѣды, получилъ Владиміръ Волынскій; Святославъ и Мстиславъ, которыхъ мать въ начальной кіевской лѣтописи названа Чехинею другою, въ от-

личіе отъ мнимой матери Вышеслава [285], получили — первый землю Древлянскую, второй Тмутаракань. Мать Святослава Іоакимовская лѣтопись называетъ Малфридою; что это имя одной изъ женъ Владиміровыхъ не вымышлено, доказательствомъ служитъ извѣстіе начальной кіевской лѣтописи подъ 1002 годомъ о смерти Малфриды, которая здѣсь соединена съ Рогнѣдою [286]; мать же Мстислава Іоакимъ называетъ Аделью или Адилью. Втораго сына Адели, Станислава, этотъ же лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ [287]. Теперь остается опредѣлить мать и возрастъ Бориса и Глѣба. Въ начальной кіевской лѣтописи матерью ихъ названа Болгарыня, волостью перваго Ростовъ, втораго Муромъ. Но ясно, что здѣсь упоминается уже второе распоряженіе, потому что при первомъ распредѣленіи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено [288], что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ Суздаль. Несмотря на это, молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ ихъ молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда ведетъ насъ къ заключенію, что во время первой разсылки сыновей Владиміровыхъ по волостямъ всѣ эти князья или были очень малы, или нѣкоторые изъ нихъ, быть-можетъ, еще не родились [289]. Любопытно, что въ лѣтописи Іоакима матерью Бориса и Глѣба названа Анна Царевна, причемъ Татищевъ соглашаетъ свидѣтельство кіевскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи матери Борисовой тѣмъ, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоровъ Василія и Константина, которыхъ тетка, дочь Романа, была въ супружествѣ за царемъ болгарскимъ [290]. Еслибы такъ было, то для насъ уяснилось бы предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть какъ на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведеніе Ярослава, который, считая себя при невзгодѣ Святополка старшимъ, и видя предпочтеніе, которое оказывалъ отецъ Борису, не хотѣлъ быть посадникомъ послѣдняго въ Новгородѣ, и потому спѣшилъ объявить себя независимымъ. Какъ бы то ни было, Борисъ единогласно описывается человѣкомъ

въ самой цвѣтущей юности: «аки цвѣтъ въ юности своей..... брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще».—Если предположимъ, что онъ былъ первымъ плодомъ брака Владиміра съ Анною, то въ годъ отцовой смерти ему было 25 лѣтъ; но по описанію можно судить, что онъ былъ гораздо моложе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Борисъ свѣтился царски, желая, быть-можетъ, указать на его царственное происхожденіе по матери. Отецъ любилъ его болѣе другихъ сыновей и держалъ при себѣ, въ чемъ видно было намѣреніе передать ему старшій столъ кіевскій. Мы должны сказать также нѣсколько словъ о волостяхъ сыновей Владиміровыхъ; сравнивъ эти волости съ волостями сыновей Ярославовыхъ, мы замѣчаемъ, что такъ какъ у Владиміра было вдвое болѣе сыновей чѣмъ у Ярослава, то и волости первыхъ должны быть гораздо болѣе размельчены: Новгородская волость была раздѣлена на двѣ — Новгородскую и Псковскую; здѣсь начало отдѣленія Пскова отъ Новгорода. Ростовъ является самостоятельнымъ столомъ, Муромъ также; въ Кіевскомъ княжествѣ являются двѣ особыя волости—Древлянская земля и Туровъ. Но странно, что размельчая такъ волости на сѣверѣ и западѣ, Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Днѣпра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ Тмутаракани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ въ послѣдствіи уже при Ярославѣ.

Владиміръ умеръ на Берестовѣ; окружающіе скрыли его смерть, потому что Святополкъ былъ въ Кіевѣ; и въ ночь уже, проломавъ полъ между двумя клѣтьми, на канатахъ спустили на землю тѣло, обернутое въ коверъ, положили на сани, привезли въ Кіевъ, и поставили въ Десятинной церкви. Когда въ городѣ узнали объ этомъ, то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакаться по немъ, — знатные [291], какъ по заступникѣ земли своей, убогіе какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ, и съ плачемъ похоронили. По всѣмъ вѣроятностямъ, хотѣли утаить смерть Владиміра для того, чтобы Святополкъ узналъ о ней не прежде гражданъ кіевскихъ, ибо тогда ему труднѣе было дѣйствовать. Какъ скоро въ Кіевѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Владиміра, то Святополкъ сѣлъ на отцовскомъ мѣстѣ, созвалъ Кіевлянъ и на-

чалъ раздавать имъ подарки: это уже служило знакомъ, что онъ боялся соперничества и желалъ пріобрѣсть расположеніе гражданъ; граждане принимали подарки, говоритъ лѣтописецъ, но сердце ихъ не было съ Святополкомъ, потому что братья ихъ находились на войнѣ съ Борисомъ. Слѣд. граждане были равнодушны; они опасались одного, что какъ вдругъ братья ихъ провозгласятъ княземъ Бориса, а Святополкъ потребуетъ отъ нихъ помощи противъ послѣдняго? ихъ пугало это междоусобіе. Борисъ, не нашедши Печенѣговъ, былъ уже на возвратномъ пути, и стоялъ на рѣкѣ Альтѣ, когда пришла къ нему вѣсть о смерти отцовской. Бывшая съ Борисомъ дружина Владимірова, бояре, старые думцы, предпочитали Бориса всѣмъ его братьямъ, потому что онъ постоянно находился при нихъ, привыкъ съ ними думать думу, тогда какъ другіе князья привели бы съ собой другихъ любимцевъ, что и сдѣлалъ Святополкъ, если обратимъ вниманіе на намекъ лѣтописца о поведеніи послѣдняго: «Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтниками.» Вотъ почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на столъ кіевскій, но молодой князь отвѣчалъ, что не подниметъ руки на старшаго брата, который будетъ ему вмѣсто отца; тогда войско разошлось, оставя Бориса съ малымъ числомъ приближенныхъ служителей. Святополкъ очень хорошо понималъ опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первыхъ порахъ хотѣлъ и съ нимъ поступить такъ же какъ съ гражданами, послалъ сказать ему, что хочетъ имѣть съ нимъ любовь, и придастъ еще къ волости, которую тотъ получилъ отъ отца; узнавъ же, что войско разошлось отъ Бориса, онъ рѣшился на убійство послѣдняго. Мы не станемъ объяснять этого поступка Святополкова желаніемъ отомстить за смерть отца своего Ярополка, вопервыхъ уже потому, что это объясненіе кажется намъ натянутымъ само по себѣ; вовторыхъ, основывается на странномъ толкованіи словъ лѣтописца, который, желая объяснить себѣ звѣрскій поступокъ Святополка, предполагаетъ, что онъ былъ отъ двоихъ отцовъ, тогда какъ кромѣ этого предположенія нѣтъ въ разсказѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы Святополкъ не былъ сыномъ Владиміра; вводить какое-то усыновленіе для предотвращенія мести странно, когда мы знаемъ, что

дядя безъ всякаго усыновленія считался отцомъ племяннику; потомъ еще новое предположеніе, что это усыновленіе охраняло Владиміра отъ мести, но не охраняло отъ нея сыновей его и проч. Давняя ненависть Святополка къ Борису, какъ сопернику, которому отецъ хотѣлъ оставить старшій столъ мимо его; явное расположеніе дружины и войска къ Борису, который могъ воспользоваться имъ при первомъ случаѣ, хотя теперь и отказался отъ старшинства; наконецъ, что, быть-можетъ, важнѣе всего, примѣръ сосѣднихъ государей, съ однимъ изъ которыхъ Святополкъ находился въ тѣсной связи, объясняютъ какъ нельзя легче поведеніе Святополка: вспомнимъ, что не задолго предъ тѣмъ въ сосѣднихъ славянскихъ странахъ — Богеміи и Польшѣ обнаружилось стремленіе старшихъ князей отдѣлываться отъ родичей насильственными средствами; первымъ дѣломъ Болеслава Храбраго польскаго, по восшествіи на престолъ, было изгнаніе младшихъ братьевъ, ослѣпленіе другихъ родичей, первымъ дѣломъ Болеслава Рыжаго въ Богеміи — было скопленіе одного брата, покушеніе на жизнь другаго, а Святополкъ былъ зять Болеслава польскаго; почему же то, что объясняется само собою въ польской и чешской исторіяхъ, въ русской требуетъ для своего объясненія какого-то кодекса родовыхъ правъ?

Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ убіеніи Бориса. Святополкъ ночью пришелъ въ Вышгородъ, тайно призвалъ какого-то Путшу и вышегородскихъ боярцевъ — Тальца, Еловита и Лешька, и спросилъ ихъ: «привержены ли они къ нему всѣмъ сердцемъ»? Путша съ вышегородцами отвѣчалъ: «можемъ головы свои сложить за тебя». Тогда онъ сказалъ имъ: «не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса». Тѣ обѣщались исполнить его желаніе какъ можно скорѣе. Здѣсь останавливаетъ насъ одно обстоятельство: почему Святополкъ обратился къ вышгородскимъ боярцамъ съ предложеніемъ убить Бориса? Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что, по освобожденіи изъ темницы, Владиміръ уже не отдалъ Святополку волости Туровской, какъ ближайшей къ границамъ польскимъ, а посадилъ его гдѣ-нибудь подлѣ Кіева, чтобъ удобнѣе наблюдать за его поведеніемъ, и что новая волость была именно Вышгородъ, куда теперь Святополкъ и обратился къ старымъ своимъ слугамъ, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша съ товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши къ шатру Борисову, услыхали, что князь поетъ заутреню; несмотря на осторожность, Святополкъ не могъ утаить своихъ замысловъ, и Борисъ зналъ, что сбираются погубить его. Убійцы дождались, пока князь, помолившись, легъ въ постель, и тогда бросились на шатеръ, начали тыкать въ него копьями, пронзили Бориса и вмѣстѣ слугу его, который хотѣлъ защитить господина собственнымъ тѣломъ; этотъ отрокъ былъ родомъ Венгръ, именемъ Георгій; Борисъ его очень любилъ и далъ ему большую золотую гривну, въ которой тотъ и служилъ ему; убили тутъ же и другихъ многихъ отроковъ Борисовыхъ, и у этого Георгія отсѣкли голову, потому что не могли скоро снять гривны съ шеи; Бориса, еще дышавшаго, убійцы завернули въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли; но Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончать его, что тѣ и сдѣлали, пронзивъ его мечемъ въ сердце; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ, и положили въ церкви св. Василія. За этимъ убійствомъ слѣдовало другое; у Бориса оставался единоутробный братъ Глѣбъ, сидѣвшій въ Муромѣ. «Бориса я убилъ, какъ бы убить Глѣба?» говоритъ Святополкъ въ разсказѣ лѣтописца; но Глѣбъ былъ далеко, и потому Святополкъ послалъ сказать ему: «пріѣзжай поскорѣй сюда: отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ». Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиной. Когда онъ пришелъ на Волгу, къ устью Тмы, то конь его споткнулся на полѣ во рвѣ и намялъ ему немного ногу; послѣ чего князь пришелъ къ Смоленску, а отсюда поплылъ въ баркѣ и остановился въ виду города на Смядынѣ. Въ это время настигъ его посланный отъ брата Ярослава изъ Новгорода: «Не ходи, велѣлъ сказать ему Ярославъ: отецъ умеръ, а брата твоего Святополкъ убилъ». Глѣбъ сильно тужилъ по отцѣ, но еще больше по братѣ. Между тѣмъ явились и убійцы, посланные отъ Святополка; они овладѣли Глѣбовою баркою, и обнажили оружіе: Глѣбовы отроки потеряли духъ; тогда главный изъ убійцъ Горясѣръ велѣлъ немедленно зарѣзать Глѣба, что и было исполнено поваромъ послѣдняго; этого повара звали Торчинъ: имя указываетъ на происхожденіе. Сперва тѣло Глѣба бросили на берегъ между двумя колодами, потомъ свезли въ Вышгородъ и положили вмѣстѣ съ

братомъ, уже въ княженіе Ярослава [292]. Страдальческая кончина и прославленіе двухъ братьевъ-друзей не остались безъ сильнаго вліянія въ послѣдующей исторіи. Русская земля и преимущественно родъ княжескій пріобрѣли святыхъ покровителей «молитвенниковъ за новыя люди христіанскія и сродники своя. земля благословилась ихъ кровію!» Но кто же эти новые свѣтильники? это два князя. погибшіе отъ роднаго брата, который хотѣлъ единовластія! Можно думать, что святость Бориса и Глѣба и проклятіе, тяготѣвшее надъ Святополкомъ, не разъ удерживали въ послѣдствіи братоубійственныя руки; мы увидимъ, какъ послѣ стѣсненный князь останавливалъ притѣснителя напоминаніемъ, что онъ хочетъ быть вторымъ Святополкомъ. Святые Борисъ и Глѣбъ и проклятый убійца ихъ Святополкъ были безпрестанно въ памяти князей, и разумѣется духовенство не пропускало случая напоминать имъ объ нихъ [293]. Съ другой стороны, Борисъ палъ жертвою уваженія къ родовымъ понятіямъ, погибъ отъ того, что не хотѣлъ поднять руки на старшаго брата, и своею смертію освятилъ эти родовыя понятія; примѣръ его долженъ былъ сдерживать попытки младшихъ пользоваться обстоятельствами и вооружаться противъ старшихъ для отнятія у нихъ этого старшинства [294].

Ближайшій къ Кіеву князь, Святославъ, сидѣвшій въ землѣ Древлянской, узнавъ о гибели Бориса и Глѣба, не сталъ спокойно дожидаться такой же участи, и бѣжалъ въ Венгрію; но Святополкъ послалъ за нимъ въ погоню, и Святославъ былъ убитъ въ Карпатскихъ горахъ. Тогда, по словамъ лѣтописца, Святополкъ началъ думать: «Перебью всѣхъ братьевъ, и приму одинъ всю власть на Руси.» Но гроза пришла на него съ сѣвера. Ярославъ новгородскій для защиты отъ отца призвалъ къ себѣ заморскихъ Варяговъ; тѣ стали обижать новгородцевъ и женъ ихъ: тогда новгородцы встали и перебили Варяговъ на дворѣ какого-то Парамона. Ярославъ разсердился и задумалъ отомстить хитростію главнымъ изъ убійцъ: онъ послалъ сказать имъ, что на нихъ не сердится болѣе, позвалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ умертвить; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, убито было 1000 человѣкъ, а другіе убѣжали. Но въ ту же ночь пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры Предславы: «Отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, послалъ и на

Глѣба, берегись его.» Ярославъ сталъ тужить по отцѣ, по братѣ и по новгородцамъ, которыхъ перебилъ вовсе не во-время. На другой день онъ собралъ остальныхъ новгородцевъ на вѣче въ полѣ и сказалъ: «Ахъ, любимая моя дружина, что̀ вчера избилъ, а нынче была бы надобна, золотомъ бы купилъ», и утерши слезы, продолжалъ: «отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и убиваетъ братьевъ, помогите мнѣ на него.» Новгородцы отвѣчали: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можемъ по тебѣ бороться.» Причину такого рѣшенія Новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгодѣ Новгородцевъ, освобождавшихся отъ платежа дани въ Кіевъ: отказаться помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству, значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника кіевскаго князя, простаго мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ, если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ Варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже конечно не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ, уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что̀ же касается до поступка Ярославова съ убійцами Варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени: изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній: Новгородцы ссорятся съ Варягами; дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ Варяговъ, князь хитростію зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ Новгородцевъ слѣд. все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія принимать убійство Варяговъ за дѣло цѣлаго города, это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста — дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было обманомъ зазвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные Новгородцы были перерѣзаны, оставались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма Варяговъ. Отвѣчали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ; оста-

лась въ живыхъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. Поступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ Варяжскихъ и отдать ихъ на месть Варягамъ, родственникамъ убитыхъ. Итакъ, если это было частное дѣло и обыкновенное то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ Новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и Новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: «хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя». Впрочемъ это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ Новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцомъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія Новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владиміра, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ, могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая надолго оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, послалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасность слѣд. наступала страшная для Ярослава: сестра писала: берегись! оставаться въ бездѣйствіи значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ, нужно было или бѣжать за море, или выступить немедленно противъ Святополка, предупредить его, однимъ словомъ — поступить по примѣру отца своего Владиміра.

Послѣ того какъ Новгородцы рѣшились выступать въ походъ, Ярославъ собралъ оставшихся у него Варяговъ, по однимъ извѣстіямъ тысячу, по другимъ шесть тысячъ, да Новгородцевъ 40,000, и пошелъ на Святополка, призвавши имя Божіе; онъ говорилъ: «не я началъ избивать братьевъ, но Святополкъ, да будетъ Богъ отместникъ крови братьевъ моихъ, потому что безъ вины пролита кровь праведныхъ Бориса и Глѣба; пожалуй и со

мной то же сдѣлаетъ.» Мы слышимъ здѣсь тѣ же самыя слова, которыя лѣтописецъ влагаетъ и въ уста Владиміру, шедшему противъ Ярополка, съ тѣмъ только различіемъ, что христіанинъ Ярославъ призываетъ Бога въ мстители неповинной крови и отдаетъ свое дѣло на судъ Божій. Святополкъ узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, собралъ множество войска изъ Руси и Печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу; онъ сталъ по ту сторону Днѣпра, а Ярославъ по эту. Ярославъ, безъ сомнѣнія, прибылъ въ лодкахъ, а Святополкъ пришелъ изъ-за Дѣсны съ Печенѣгами. Въ третій разъ Днѣпръ видѣлъ враждебное движеніе сѣверной Руси на южную; оба первые раза при Олегѣ и Владимірѣ сопротивленія было мало со стороны юга, но теперь онъ собралъ свои силы, и какъ сѣверъ явился съ естественными союзниками Варягами, такъ югъ соединился съ Печенѣгами. Три мѣсяца, а по другимъ извѣстіямъ только три недѣли [295] стояли враги по обѣимъ сторонамъ Днѣпра: ни тѣ, ни другіе не смѣли перевезтись и напасть. Былъ въ то время обычай поддразнивать враговъ, чтобы побудить ихъ начать дѣло къ своей невыгодѣ: видя, что главная сила Ярослава состояла изъ Новгородцевъ, горожанъ и сельчанъ, воевода Святополковъ [296], ѣздя подлѣ берега, бранилъ Новгородцевъ, называлъ ихъ ремесленниками, а не воинами. «Эй вы плотники, кричалъ онъ имъ, зачѣмъ пришли сюда съ хромымъ своимъ княземъ? вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы.» Новгородцевъ сильно разсердила насмѣшка, и они сказали Ярославу: «завтра перевеземся на нихъ, а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.»

Въ лагерѣ у Святополка Ярославъ имѣлъ пріятеля, къ которому послалъ ночью спросить: «что̀ дѣлать? меду мало варено, а дружины много;» тотъ отвѣчалъ, что пусть Ярославъ къ вечеру отдастъ медъ дружинѣ; новгородскій князь догадался, что ночью должно сдѣлать нападеніе. Была заморозь; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною: а Ярославъ передъ разсвѣтомъ исполчилъ свое войско, и перевезся на другой берегъ, при чемъ новгородцы, высадившись изъ лодокъ, оттолкнули ихъ отъ берега, чтобъ отнять у себя всякую возможность къ побѣгу; Ярославъ приказалъ дружинѣ повязать головы платками, чтобъ въ сѣчѣ узнавать своихъ. Враги сошлись, была сѣча злая; Печенѣги, стоявшіе за озеромъ не могли

помочь Святополку, который былъ притиснутъ съ своею дружиной къ озеру, принужденъ вступить на ледъ, ледъ обломился, и Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, проживя на сѣверѣ 28 лѣтъ [297]. Новгородцы были отпущены домой и одѣлены щедро: старосты получили по 10 гривенъ, смерды по гривнѣ, а горожане всѣ по 10.

Но Святополкъ былъ живъ, и потому Ярославъ не могъ успокоиться. Для Болеслава польскаго открылись такіе же теперь виды на востокъ, какіе онъ имѣлъ прежде на западъ; на Руси какъ прежде у Чеховъ, семейные раздоры приглашали его къ посредничеству и къ утвержденію своего вліянія, тѣмъ болѣе, что теперь Болеславъ долженъ былъ помочь своему зятю. Онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ: по его наущенію Печенѣги напали на Кіевъ: подъ самымъ городомъ была злая сѣча; едва къ вечеру Ярославъ могъ прогнать варваровъ [298]. Съ своей стороны Ярославъ выступилъ къ польскимъ границамъ, заключивъ союзъ съ врагомъ Болеславовымъ, императоромъ Генрихомъ II-мъ; но походъ русскаго князя окончился неудачною осадою Бреста [299]; походъ императора противъ Болеслава также не удался, онъ принужденъ былъ заключить съ нимъ миръ, и желая избавиться отъ опаснаго врага, обратить его дѣятельность на востокъ, самъ совѣтовалъ ему вооружиться противъ русскаго князя. Въ 1017 году Болеславъ выступилъ въ походъ, усиливъ свое войско 300 Нѣмцевъ, 300 Венгровъ и 1000 Печенѣговъ, 22 іюля достигъ береговъ Буга, раздѣлявшаго польскія владѣнія отъ русскихъ; Ярославъ ждалъ его на другомъ берегу съ Русью (жителями южной Руси), Варягами и Славянами (Новгородцами). Здѣсь повторилось то же явленіе, какое видѣли на берегахъ Днѣпра у Любеча; воевода Ярославовъ Будый, ѣздя по берегу, началъ смѣяться надъ Болеславомъ; онъ кричалъ ему: «вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое!» Былъ Болеславъ, говоритъ лѣтопись, великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть; но зато былъ смышленъ. Не вытерпѣлъ онъ насмѣшки, и обратившись къ дружинѣ своей, сказалъ: «если вамъ это ничего, такъ я одинъ погибну»—сѣлъ на коня и бросился въ рѣку, а за нимъ и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапнаго нападенія, не

успѣли приготовиться и обратились въ бѣгство; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ только самъ-пятъ; а Болеславъ съ Святополкомъ почти безпрепятственно вошли въ Кіевъ, 14 августа [300]. Въ городѣ нашли они мачеху, жену и сестеръ Ярославыхъ, изъ которыхъ за одну (Предславу) сватался прежде Болеславъ, получилъ отказъ и теперь въ отмщеніе взялъ ее къ себѣ въ наложницы [301]. Часть своего войска онъ отпустилъ назадъ, другую велѣлъ развести по русскимъ городамъ на покормъ. Но и въ Кіевѣ повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ Прагѣ у Чеховъ, и какъ видно, по тѣмъ же причинамъ. Русскіе вооружились противъ Поляковъ и стали убивать ихъ; лѣтописецъ приписываетъ это приказу Святополка, но очень вѣроятно извѣстіе [302], что Поляки вели себя и на Руси такъ же, какъ въ Богеміи, и возбудили противъ себя возстаніе; очень вѣроятно также, что и Святополкъ, наскучивъ непріятнымъ гостемъ, слишкомъ долго зажившимся въ Кіевѣ на его счетъ, не былъ противъ народной мести полякамъ. Это заставило Болеслава уйти изъ Кіева; примѣръ чешскихъ событій научилъ его быть осторожнѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ: половину войска отослалъ домой, разосланные по русскимъ городамъ Поляки истреблены, трудно было противиться, если бы вспыхнуло возстаніе; притомъ же вѣроятно онъ слышалъ уже о новыхъ приготовленіяхъ Ярослава. Но Болеславъ ушелъ не безъ выгоды: онъ захватилъ себѣ все имущество Ярослава, къ которому приставилъ Анастаса: хитрый Грекъ умѣлъ подольститься къ каждому сильному и мѣнялъ отечество, смотря по выгодамъ; Болеславъ ему ввѣрился лестью, говоритъ лѣтопись. Польскій князь повелъ также съ собою бояръ Ярославовыхъ, двухъ сестеръ его, и множество плѣнниковъ, взятыхъ въ бою [303], на дорогѣ Болеславъ захватилъ и Червенскіе города, пріобрѣтеніе Владиміра Св.; впрочемъ вѣроятно, что эти города были уступлены ему Святополкомъ въ награду за помощь.

Между тѣмъ Ярославъ, явившись въ Новгородъ безъ войска, хотѣлъ бѣжать за море; но граждане вмѣстѣ съ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, разсѣкли княжескія лодки, приготовленныя для бѣгства, и объявили: «хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ [304]». Такая рѣшительность понятна: имъ нечего было теперь ожидать хорошаго отъ Свято-

полка, а защищаться отъ него безъ князя было также невыгодно. Они начали сбирать деньги—съ простаго человѣка по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ, привели Варяговъ, дали имъ эти деньги, и такимъ образомъ у Ярослава набралось много войска [305], и онъ двинулся противъ Святополка; тотъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и привелъ огромныя толпы ихъ противъ Ярослава въ 1019 году. Ярославъ вышелъ на встрѣчу, и сошелся на рѣкѣ Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Мѣсто благопріятствовало Ярославу по воспоминанію о преступленіи Святополка; лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ молилъ Бога объ отомщеніи новому Каину. Онъ же говоритъ, что сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣклись схватываясь руками, трижды сходились биться, по удольямъ текла кровь ручьями; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ въ пограничный польскій городъ Брестъ, гдѣ, вѣроятно, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ; по скандинавскимъ преданіямъ, онъ палъ отъ руки Варяга Эймунда, служившаго въ войскѣ Ярослава, а по русскимъ погибъ злою смертію въ пустынѣ между Польшею и Богеміею [306]. Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, утеръ потъ съ дружиною, по выраженію лѣтописца, показавъ побѣду и трудъ великій.

Такимъ образомъ сѣверное народонаселеніе въ четвертый разъ доставило побѣду своему князю надъ югомъ. Съ Святополкомъ дѣло было кончено; но были еще другіе братья и родственники у Ярослава; изъ 12 сыновей Владиміра въ живыхъ оставались теперь только Ярославъ, Мстиславъ, Судиславъ да племянникъ Брячиславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго. Соперниковъ у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячиславъ Полоцкій, хотя внукъ отъ старшаго сына Владимірова, никогда не могъ надѣяться на старшинство, потому что отецъ его умеръ, не будучи старшимъ; Мстиславъ и Судиславъ были младшіе братья Ярославу; но всѣ они, какъ члены одного рода, имѣли право на равное распредѣленіе волостей; мы увидимъ, что до самаго прекращенія родовыхъ отношеній между князьями, младшіе изъ нихъ настаиваютъ на право общаго наслѣдства всѣхъ родичей послѣ каждаго умершаго князя, то-есть на новое распредѣленіе волостей; теперь 8 сыновей Владиміра умерло, и старшій изъ живыхъ Ярославъ не далъ изъ ихъ волостей ничего младшимъ.

Имъ надобно было самимъ поискать, какъ обыкновенно выражались князья, и вотъ явился опасный искатель волостей съ юговостока, изъ Тмуторакани, Мстиславъ. Изъ всѣхъ сыновей Владиміра Мстиславъ больше другихъ похожъ былъ на дѣда своего Святослава, былъ князь-вождь дружины по преимуществу; жизнь ли въ Тмуторакани и постоянная борьба съ окрестными варварскими народами развила такой характеръ въ Мстиславѣ, или уже волость приходилась по нраву,—Мстиславъ явился богатыремъ, который любилъ только свою дружину, ничего не щадилъ для нея, до остальнаго же народонаселенія ему не было дѣла. Онъ былъ славенъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ князь богатырь, единоборецъ. Однажды, говоритъ лѣтопись, пошелъ онъ войною на Касоговъ; касожскій князь Редедя вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ и сказалъ ему: «зачѣмъ губить дружину, схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе жену, дѣтей и землю мою;—я одолѣю, возьму все твое». Мстиславъ согласился, и сталъ бороться съ Редедею; боролись крѣпко и долго, Редедя былъ великъ и силенъ. Мстиславъ уже началъ изнемогать, и, видя бѣду, сказалъ: «Пречистая Богородица! помоги мнѣ; если я его одолѣю, то построю церковь въ твое имя.» Сказавши это, онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его, потомъ пошелъ въ его землю, взялъ его имѣніе, жену, дѣтей, и наложилъ дань на Касоговъ. Обѣтъ былъ также исполненъ: церковь Богородицы, построенная Мстиславомъ, стояла въ Тмуторакани еще во времена лѣтописца. Такой-то князь въ 1023 г. явился въ русскихъ предѣлахъ искать волостей послѣ умершихъ братьевъ: говорятъ, что онъ уже и прежде требовалъ ихъ у Ярослава, и тотъ давалъ ему Муромъ, но Мстиславу было этого мало. Ярославъ былъ въ Новгородѣ, когда Мстиславъ пришелъ къ Кіеву; Кіевляне однако не приняли его, и онъ принужденъ былъ сѣсть въ Черниговѣ. Между тѣмъ Ярославъ, управившись на Сѣверѣ, волнуемомъ остатками язычества, послалъ по заморскихъ Варяговъ, и къ нему пришелъ слѣпой Якунъ съ дружиною. Ярославъ отправился съ Якуномъ на Мстислава, и встрѣтился съ нимъ у Листвена [307]. Мстиславъ съ вечера исполчилъ свое войско: поставилъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ Ярославовыхъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ. Ночь была темная и бурная, съ дождемъ и

грозою; Мстиславъ сказалъ дружинѣ: «пойдемъ на нихъ»; Сѣверяне сошлись съ Варягами, и когда Варяги уже истомились въ битвѣ съ Сѣверянами, то Мстиславъ вдругъ напалъ на нихъ съ своею свѣжею дружиною; битва усилилась: какъ блеснетъ молнія, такъ и освѣтитъ оружіе; и гроза была велика, и сѣча сильная и страшная, по словамъ лѣтописи. Наконецъ Ярославъ побѣжалъ съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ: онъ пришелъ въ Новгородъ, а Якунъ пошелъ за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду [308]. Утромъ, на другой день битвы, Мстиславъ объѣхалъ поле, и сказалъ своимъ: «какъ не порадоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ [309], а дружина моя цѣла.» Эта дружина состояла изъ Козаръ и Касоговъ!

Несмотря на побѣду, Мстиславъ не хотѣлъ добывать Кіева мимо старшаго брата; онъ послалъ сказать Ярославу: «садись въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ та сторона», т.-е. восточный берегъ Днѣпра. Но Ярославъ не смѣлъ идти въ Кіевъ на этотъ зовъ и держалъ тамъ своихъ посадниковъ, а самъ жилъ въ Новгородѣ. Только въ слѣдующемъ 1025 году, собравши большое войско, пришелъ онъ къ Кіеву, и заключилъ миръ съ Мстиславомъ у Городца [310]; братья раздѣлили русскую землю по Днѣпръ, какъ хотѣлъ Мстиславъ: онъ взялъ себѣ восточную сторону съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ, а Ярославъ западную съ Кіевомъ. «И начали жить мирно, въ братолюбствѣ, говоритъ лѣтопись, перестала усобица и мятежъ, и была тишина великая въ землѣ.»

Въ 1032 году умеръ сынъ Мстислава, Евстаѳій, котораго имя странно выдается между славянскими именами князей, а въ 1035 году умеръ и самъ Мстиславъ на охотѣ; лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ дебелъ тѣломъ, красноватъ лицемъ, съ большими глазами, храбръ на рати, милостивъ, очень любилъ дружину; имѣнья, питья, и кушанья не щадилъ для нея. Видно, что этотъ князь своимъ богатырствомъ поразилъ вниманіе народа, и долго жилъ въ его памяти: ни объ одномъ изъ князей въ дошедшихъ до насъ спискахъ не встрѣчаемъ мы такихъ подробностей, напримѣръ о наружномъ видѣ.

По смерти Мстислава, Ярославъ взялъ всю его волость, и былъ самовластцемъ въ русской землѣ, по выраженію лѣтописца. Но видно Судиславу Псковскому не нравилось, что Ярославъ не

дѣлится съ нимъ выморочными волостями братьевъ, или, по крайней мѣрѣ, Ярославу казалось, что не нравится: въ самый годъ Мстиславовой смерти Ярославъ посадилъ Судислава въ тюрьму во Псковѣ; лѣтописи прибавляютъ, что его оклеветали предъ старшимъ братомъ.

Счастливѣе былъ племянникъ Ярослава, Брячиславъ Полоцкій. Въ 1021 году онъ нечаянно напалъ на Новгородъ, побралъ въ плѣнъ гражданъ, взялъ ихъ имѣнье, и пошелъ назадъ къ Полоцку. Но Ярославъ узналъ о замыслахъ его, выступилъ поспѣшно изъ Кіева и, настигнувъ племянника на рѣкѣ Судомири, обратилъ его въ бѣгство, отнявши всѣхъ плѣнниковъ новгородскихъ [311]. Несмотря однако на эту побѣду, Ярославъ видѣлъ, что надобно что-нибудь прибавить Брячиславу къ его волости, иначе Новгородъ никогда не будетъ безопасенъ: онъ далъ ему два города — Витебскъ [312] и Усвятъ, если только онъ не далъ ихъ за жену свою, похищенную извѣстнымъ Эймундомъ, какъ говорятъ скандинавскія преданія.

Такъ кончились отношенія Ярослава къ братьямъ и племяннику; обратимся теперь къ отношеніямъ внѣшнимъ. Съ Скандинавіею продолжалась по прежнему тѣсная связь; враждебныхъ отношеній не могло быть: съ 1024 года царствовалъ въ Швеціи король Олофъ (Schoskönig), котораго упрекали тѣмъ, что онъ потерялъ завоеванія упсальскаго короля Эриха, сына Эймундова на восточномъ берегу Балтійскаго моря, въ Финляндіи, Кареліи, Эстляндіи, Курляндіи [313]. По скандинавскимъ преданіямъ, на дочери этого Олофа, Ингигердѣ, былъ женатъ нашъ Ярославъ. По смерти Олофа, королемъ въ Швеціи былъ Анундъ — Яковъ [314], котораго все вниманіе обращено было на отношенія датскія и норвежскія. Онъ поддерживалъ въ Норвегіи родственника своего Олофа Святаго противъ могущественнаго Кнута, Короля датскаго и англійскаго; ревность Олофа къ распространенію христіанства возбудила противъ него много враговъ, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества; въ изгнаніи онъ жилъ одно время при дворѣ Ярослава, и сынъ его Магнусъ Добрый былъ здѣсь воспитанъ. Родственникъ Ингигерды, пріѣхавшій съ нею въ Русь, и сдѣланный посадникомъ вѣноваго ея города Альдейгаборга (быть-можетъ Ладоги), Ярлъ Рагнвальдъ, имѣлъ двухъ сыновей—ярловъ-Ульфа и Ейлифа, которые наслѣдовали отцов-

скую должность; третій сынъ его Стенкиль былъ королемъ шведскимъ, равно какъ и сынъ послѣдняго Инге, проведшій часть своей молодости въ Россіи у дяди Ейлифа. Къ княженію Ярослава относятся первыя положительныя извѣстія о столкновеніяхъ Русскихъ съ финскими племенами: подъ 1032 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что какой-то Улѣбъ (очень быть можетъ, что Ульфъ, сынъ Рагнвальда) ходилъ изъ Новгорода на Желѣзныя Ворота [315]; но, какъ видно, походъ былъ неудаченъ, потому что изъ дружины Улѣбовой мало возвратилось народу. 80 верстъ къ югу отъ Устьсысольска, у села Водча, находится городокъ по-зырянски Карилъ, т.-е. городовой холмъ; преданіе и теперь называетъ это мѣсто Желѣзными воротами [316]. Въ 1042 году Владиміръ, сынъ Ярослава, посаженный отцемъ въ Новгородѣ, ходилъ на Ямь, побѣдилъ это племя, но потерялъ коней въ дорогѣ отъ мора. Приведя въ связь это извѣстіе съ предыдущимъ, можно думать, что походъ Владиміра былъ предпринятъ по слѣдамъ Улѣбовымъ въ ту же сторону, на сѣверовостокъ, къ берегамъ сѣверной Двины; такимъ образомъ мы получимъ вѣрное извѣстіе о началѣ утвержденія русскихъ владѣній въ этихъ странахъ [317]. Еще ранѣе, въ 1030 году самъ Ярославъ утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудскаго озера; это утвержденіе произошло обычнымъ образомъ, построеніемъ города: основанъ былъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ. Изъ походовъ на западные дикіе народы упоминается походъ на Ятвяговъ, и въ первый разъ походъ на Литву: эти походы были предприняты, какъ видно, съ цѣлію не покоренія, а только отраженія набѣговъ.

Важнѣе были отношенія къ Польшѣ: въ 1025 году, послѣ королевской коронаціи своей, умеръ Болеславъ Храбрый. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Мечиславъ II-й, неспособный удержать отцовскія пріобрѣтенія. Мечиславъ, по обычаю, началъ тѣмъ, что выгналъ брата своего Оттона или Безприма; тотъ обратился къ сосѣднимъ государямъ съ просьбою о помощи, вслѣдствіе чего Венгры отняли у Польши землю Словаковъ и часть Моравіи; скоро потеряна была и вся Моравія. Мы видѣли, что у Чеховъ младшій князь Олдрихъ выгналъ старшаго брата Яромира и сталъ единовластителемъ. Сынъ Олдриха, Брячиславъ, въ 1028 году выступилъ противъ Поляковъ, и отнялъ у нихъ остальную часть Моравіи, прогналъ изъ другой, и соединилъ снова Моравію

съ Богемію. Мечиславъ принужденъ былъ уступить Чехамъ Моравію, Нѣмцамъ Лужичей и подѣлиться съ братомъ Польшею; но этотъ братъ не былъ такъ уживчивъ какъ русскій Мстиславъ: онъ выгналъ Мечислава въ свою очередь, но скоро былъ убитъ своими за тиранство. Мечиславъ возвратился на престолъ, однако не могъ поправить своихъ дѣлъ, и призналъ себя вассаломъ императора Конрада II. Если западные сосѣди воспользовались смертію Храбраго, чтобъ отнять у Польши его завоеванія, то и русскій князь долженъ былъ также воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Еще при жизни Болеслава, въ 1022 году, управившись съ Брячиславомъ полоцкимъ, Ярославъ ходилъ осаждать Брестъ, удачно, или нѣтъ—неизвѣстно: возгорѣвшаяся въ это время борьба съ Мстиславомъ Тмутороканскимъ не могла позволить Ярославу продолжать свои непріязненныя движенія на Польшу; но помирившись съ Мстиславомъ въ 1030 году, Ярославъ снова предпринимаетъ походъ на Польшу, и беретъ Бѣльзъ [318]. Въ слѣдующемъ 1031 году оба брата — Ярославъ и Мстиславъ собрали много войска и выступили въ Польшу, взяли опять города Червенскіе и повоевали Польскую землю, много Ляховъ привели и раздѣлили между собою, говоритъ лѣтописецъ. Дурно было положеніе Польши при Мечиславѣ II, но еще хуже стало по его смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Дружина княжеская имѣла возможность усилиться при слабомъ Мечиславѣ и еще болѣе по смерти послѣдняго, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, Казиміромъ. Рикса не имѣла силы дать значеніе ослабленной при Мечиславѣ княжеской власти, сдерживать стремленія вельможъ, а окружила себя своими единоплеменниками, которымъ дала большую силу въ государствѣ, въ ущербъ природнымъ Полякамъ. Это оскорбило народное чувство послѣднихъ; Рикса была изгнана, и опека надъ малолѣтнимъ княземъ перешла въ руки вельможъ, по неимѣнію другихъ родичей. Здѣсь мы видимъ начало того значенія польскаго вельможества, съ какимъ оно является во всей послѣдующей исторіи этой страны. Когда Казиміръ выросъ, и вельможи стали бояться, чтобъ онъ, взявши власть въ руки, не отомстилъ имъ за мать и вообще не уменьшилъ бы пріобрѣтеннаго ими значенія, то они выгнали и его. Польша увидала въ челѣ

своемъ олигархію; знатнѣйшіе роды изгнали слабѣйшіе или подчинили ихъ себѣ, но не могли ужиться между собою въ мирѣ, и тѣмъ погубили свое дѣло, произвели анархію, которой слѣдствіемъ было то, что низшее народонаселеніе, смерды или кметы, возстали противъ шляхты, начали истреблять господъ своихъ, брать ихъ женъ и имущество себѣ. Но возстаніе противъ шляхты было вмѣстѣ и возстаніемъ противъ христіанства, которое не успѣло пустить въ народѣ глубокихъ корней, а между тѣмъ десятины и другія церковныя подати, строгость, съ какою духовенство требовало немедленной перемѣны древнихъ, языческихъ обычаевъ на новые, раздражали кметовъ и заставляли ихъ стремиться къ сверженію и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковныя сокровища разграблены. Такимъ страшнымъ положеніемъ Польши воспользовались опять сосѣди; у Чеховъ по смерти Олдриха (1037 г.) вступилъ на престолъ сынъ его, уже извѣстный прежними счастливыми войнами съ Польшею, Брячиславъ I-й, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и дѣятельныхъ князей чешскихъ. Брячиславъ напалъ на Польшу, и бралъ города ея и цѣлыя области безъ сопротивленія. Но это усиленіе Чеховъ на счетъ Польши спасло послѣднюю; политика германскихъ императоровъ не могла допустить усиленія одного славянскаго владѣнія на счетъ другаго, ей нужно было раздѣленіе и вражда между ними, и потому императоръ Генрихъ III объявилъ войну Брячиславу и принялъ въ свое покровительство Казимира. Послѣ упорнаго сопротивленія, Брячиславъ принужденъ былъ признать свою подчиненность Имперіи, отказаться отъ дальнѣйшихъ видовъ на Польшу, но удержалъ свое завоеваніе—землю Вратиславскую (Бреславскую) въ Силезіи. Между тѣмъ Казимиръ, вошедши съ нѣмецкимъ отрядомъ въ Польшу, былъ съ радостію принятъ тою частію народонаселенія, которая утомилась смутами анархіи и жаждала возстановленія порядка: порядокъ былъ возстановленъ по ту сторону Вислы, но въ Мазовіи Моиславъ, одинъ изъ дружинниковъ прежняго князя Мечислава, пользуясь анархіею, объявилъ себя независимымъ, вооружился противъ Казимира, призвавъ на помощь языческихъ Пруссовъ, Литву и Славянъ Поморскихъ; этотъ союзъ намекаетъ, что въ борьбѣ Моислава противъ Ка-

зимира боролось язычество съ христіанствомъ. Но Казимиръ въ этой борьбѣ нашелъ себѣ сильнаго союзника въ русскомъ князѣ. Еще въ 1041 году, вслѣдъ за походомъ противъ Литвы, Ярославъ предпринималъ походъ въ Мазовію на лодкахъ. Быть-можетъ уже тогда былъ заключенъ союзъ съ Казимиромъ, но можно полагать также, что походъ въ Мазовію былъ предпринятъ вслѣдствіе союза Моиславова съ Литовцами, врагами Ярослава, и уже союзъ съ Казимиромъ былъ слѣдствіемъ вражды противъ Моислава. Въ 1043 году Казимиръ вступилъ въ родство съ Ярославомъ, женился на сестрѣ его, Доброгнѣвѣ или Маріи, получилъ за нею богатое приданное, но вмѣсто вѣна отдалъ Ярославу 800 плѣнниковъ, взятыхъ Болеславомъ изъ Руси. Слѣдствіемъ такого тѣснаго союза было то, что въ томъ же году упоминается о двукратномъ походѣ Ярослава въ Мазовію [319]; въ 1047 году русскій князь отправился опять съ войскомъ на помощь Казимиру противъ Моислава: послѣдній былъ разбитъ и убитъ, Мазовія подчинилась снова Пястамъ. Союзъ съ Польшею былъ скрѣпленъ еще бракомъ Изяслава, одного изъ сыновей Ярославовыхъ, на сестрѣ Казимировой. Есть извѣстія, болѣе или менѣе вѣроятныя, о брачныхъ союзахъ Ярославова семейства съ другими владѣльческими домами въ Европѣ, о бракѣ Гаральда норвежскаго на Ярославовой дочери Елисаветѣ, короля венгерскаго Андрея на Анастасіи, Генриха 1-го французскаго на Аннѣ; о бракѣ Всеволода Ярославича на царевнѣ греческой, дочери Константина Мономаха; также о бракѣ двоихъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярославовыхъ на двухъ нѣмецкихъ княжнахъ.

Ко времени Ярослава относится послѣднее враждебное столкновеніе съ Византіею [320]. Греческая торговля была очень важна для Руси, была однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія народа и казны княжеской; ея поддержаніе и послѣ было одною изъ главныхъ заботъ нашихъ князей, должно было быть и одною изъ главныхъ заботъ Ярослава. Греки поссорились съ русскими купцами, и одинъ изъ послѣднихъ былъ даже убитъ въ этой ссорѣ. Русскій князь не могъ позволить подобныхъ поступковъ, и въ 1043 году отправилъ на Грековъ старшаго сына своего Владиміра, давши ему много войска, и воеводу или тысяцкаго своего, Вышату. Владиміръ пошелъ въ лодкахъ, но на пути отъ

Дуная въ Царьградъ [331] поднялась буря, разбила русскіе корабли, и между прочимъ корабль князя Владиміра, такъ что послѣдній долженъ былъ пересѣсть уже на корабль одного изъ воеводъ Ярославовыхъ, Ивана Творимирича. Остальные воины, числомъ 6,000, кромѣ дружины, были выкинуты на берегъ; они хотѣли возвратиться въ Русь, но никто изъ дружины не хотѣлъ идти съ ними въ начальникахъ. Тогда Вышата сказалъ: «Я пойду съ ними; живъ ли останусь, погибну ли—все лучше вмѣстѣ съ своими». Когда Греки узнали, что русскіе корабли разбиты бурею, то императоръ Константинъ Мономахъ послалъ за ними погоню; Владиміръ возвратился, разбилъ греческіе корабли и пришелъ назадъ въ Русь. Но не такъ былъ счастливъ Вышата: его отрядъ былъ окруженъ Греками при городѣ Варнѣ, взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Константинополь, гдѣ многихъ русскихъ ослѣпили; только черезъ три года, когда заключили миръ, отпущенъ былъ Вышата въ Русь къ Ярославу. Чѣмъ обнаруживалась вражда въ продолженіи трехъ лѣтъ, неизвѣстно. Вѣроятно Ярославъ поспѣшилъ прекратить вражду съ Греками, занятый болѣе важнымъ предпріятіемъ относительно Польши; вѣроятно также, что слѣдствіемъ и условіемъ прекращенія вражды былъ бракъ сына Ярославова, Всеволода, на царевнѣ Греческой: въ 1053 году лѣтописецъ упоминаетъ о рожденіи сына Всеволодова Владиміра отъ царицы Грекини.

О набѣгахъ печенѣжскихъ, кромѣ упомянутыхъ выше при борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, древнѣйшіе списки лѣтописи сообщаютъ извѣстіе подъ 1036 годомъ. Находясь въ это время въ Новгородѣ, Ярославъ узналъ, что Печенѣги осаждаютъ Кіевъ: онъ собралъ много войска, Варяговъ и Новгородцевъ, и вступилъ въ Кіевъ. Печенѣговъ было безчисленное множество; Ярославъ вышелъ изъ города и расположилъ свое войско такъ: Варяговъ поставилъ по срединѣ, Кіевлянъ на правомъ крылѣ, а Новгородцевъ на лѣвомъ; и началась битва передъ крѣпостью. Послѣ злой сѣчи едва къ вечеру успѣлъ Ярославъ одолѣть Печенѣговъ, которыхъ погибло множество отъ меча и перетонуло въ рѣкахъ во время бѣгства [332]. Послѣ этого пораженія имя Печенѣговъ хотя и не исчезаетъ совершенно въ лѣтописи, однако нападенія ихъ на Русь прекращаются.

Относительно внутренней дѣятельности Ярослава упоминают-

ся распоряженія въ Новгородѣ. Самъ Ярославъ, княжа здѣсь, отказался платить дань въ Кіевъ: ясно, что онъ не могъ установить снова этотъ платежъ, ставши княземъ кіевскимъ, тѣмъ болѣе что Новгородцы оказали ему такія услуги; вотъ почему онъ далъ имъ финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются въ послѣдствіи при столкновеніяхъ съ князьями. Вмѣсто себя Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сначала сына своего Илью, а потомъ, по смерти его, другаго сына Владиміра, и, по смерти послѣдняго, третьяго сына Изяслава. Въ связи съ этими распоряженіями Ярослава находится извѣстіе о заточеніи и смерти Константина, сына Добрыни: Ярославъ, сказано въ лѣтописи, разсердился на него, заточилъ въ Ростовъ, и потомъ на третій годъ велѣлъ убить въ Муромѣ. Быть-можетъ, Константинъ хотѣлъ бо́льшаго для новгородцевъ за ихъ услугу, чѣмъ сколько давалъ Ярославъ; быть-можетъ также, Константинъ, какъ дядя в. князя, какъ сынъ Добрыни, хотѣлъ большаго для себя [323].

Изъ дѣлъ церковныхъ въ княженіе Ярослава замѣчательно поставленіе митрополита Иларіона Русина, независимо отъ византійскаго патріарха, соборомъ русскихъ епископовъ, что было слѣдствіемъ недавней вражды съ Греками. Какъ видно, поведеніе прежняго митрополита Ѳеопемта во время этой вражды было таково, что Ярославъ хотѣлъ на будущее время предохранить себя отъ подобнаго, въ случаѣ новаго разрыва [324].

Въ 1054 году умеръ Ярославъ. Онъ, какъ видно, не заслужилъ такой пріятной памяти въ народѣ какъ отецъ его; несмотря на то, и его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ нашей начальной исторіи: въ скандинавскихъ сагахъ Ярослава называютъ скупымъ, но этотъ отзывъ можетъ служить ему только въ похвалу: и отецъ его, который вовсе не былъ скупъ, не любилъ однако удовлетворять жадности норманскихъ наемниковъ, которые особенно любили пріобрѣтать; раздача большой суммы денегъ Новгородцамъ скорѣе будетъ свидѣтельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву лѣтописи, Ярославъ былъ на своемъ мѣстѣ: «онъ былъ хромоногъ, но умъ у него былъ добрый, и на рати былъ храбръ»; прибавлена еще замѣчательная черта, что былъ онъ христіанинъ и самъ книги читалъ [325]. Послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно для преемника Владимірова. Въ приведенномъ извѣстіи значеніе христіанина

тѣсно связано въ Ярославлѣ съ чтеніемъ книгъ; Владиміръ не читалъ самъ книгъ, онъ могъ только слушать св. Писаніе; сынъ его Ярославъ самъ читалъ книги, былъ представителемъ новаго поколѣнія грамотныхъ христіанъ, выученныхъ при Владимірѣ, которые могли находить для себя утвержденіе въ вѣрѣ въ книгахъ священныхъ. Уже при Владимірѣ греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославѣ; при немъ начали также умножаться монахи. Ярославъ, говоритъ лѣтопись, любилъ церковные уставы, очень любилъ поповъ, но больше всего монаховъ; книги читалъ часто, ночью и днемъ, собралъ много писцовъ: они переводили книги съ греческаго на славянскій, и переписали много книгъ, много онъ и купилъ ихъ. Отецъ его Владиміръ распахалъ землю и умягчилъ, т.-е. просвѣтилъ крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы, прибавляетъ лѣтописецъ, пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Сравненіе очень важное: въ немъ ясно указано значеніе дѣятельности Владиміра и Ярослава и постепенность движенія: при одномъ имѣло мѣсто крещеніе, при другомъ надлежащее наставленіе въ вѣрѣ [326]. При книгахъ нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народъ неграмотный. Ярославъ строилъ церкви по городамъ и мѣстамъ неогороженнымъ, ставилъ при нихъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей и приходить часто къ церквамъ. При Ярославѣ въ Новгородѣ было сдѣлано то же, что при Владимірѣ въ Кіевѣ: князь велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей (300 человѣкъ) и учить ихъ книгамъ.

Кромѣ этой дѣятельности княженіе Ярослава важно еще въ другихъ отношеніяхъ: подобно отцу Владиміру, Ярославъ не былъ княземъ только въ значеніи вождя дружины, который стремится въ дальнія стороны за завоеваніями, славою и добычею; Ярославъ, какъ видно, былъ болѣе княземъ-нарядникомъ страны.

Онъ любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: не удивительно, что къ его времени относится и первый писанный уставъ гражданскій, такъ-называемая Русская Правда. Подобно отцу, Владиміру, Ярославъ слѣдовалъ совѣту Добрыни, что народы, ходящіе въ сапогахъ, не будутъ охотно давать дани, и потому не любилъ войны съ ними, а преимущественно обращалъ свое оружіе на варваровъ — Чудь, Литву, Ятвяговъ [327]. Мы не знаемъ, какими собственно разсчетами руководился Ярославъ въ польскихъ отношеніяхъ; но знаемъ, что онъ, возвративъ свое, принялъ сторону порядка и христіанства, не захотѣлъ усиливать варварства, и побѣдою надъ Моиславомъ Мазовецкимъ наносъ послѣднему сильный ударъ. Наконецъ Ярославъ, подобно отцу своему и вѣщему Олегу, населялъ пустынныя пространства, строилъ города: отъ языческаго имени его получилъ названіе Ярославль на Волгѣ, отъ христіанскаго Юрьевъ (Дерптъ) въ землѣ Чудской; онъ огородилъ острожками южную границу Руси со степью: въ 1031 поселилъ плѣнныхъ Поляковъ по рѣкѣ Роси, въ слѣдующемъ началъ ставить здѣсь города.

ГЛАВА VIII.

Внутреннее состоянiе русскаго общества въ первый перiодъ его существованiя.

Значенiе князя. — Дружина, ея отношенiя къ князю и къ землѣ. — Бояре, мужи, гриди, огнищане, тiуны, отроки. — Городовые и сельскiе полки. — Тысяцкiй. — Способъ веденiя войны. Городское и сельское народонаселенiе. — Рабы. — Русская Правда. — Нравы эпохи. — Обычаи. — Занятiя жителей. — Состоянiе религiи. — Монашество. — Управленiе и матерiальныя средства церкви. — Грамотность. — Пѣсни. — Опредѣленiе степени норманскаго влiянiя.

Мы видѣли въ началѣ нашего разсказа, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленiя наряда въ землѣ, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношенiяхъ нашелся призванный къ призвавшимъ, какъ опредѣлилось значенiе князя? Для рѣшенiя этого вопроса мы должны обратиться къ понятiямъ племенъ, призвавшихъ власть. — Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнiю вслѣдствiе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущiе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего

можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое-либо другое, новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія князя уяснится намъ кругъ его власти, его отношенія къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ, его дворъ — мѣсто суда, его слуги — исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него; такъ Владиміръ, по предложенію епископовъ, а потомъ епископовъ и старцевъ, дѣлаетъ постановленіе относительно виръ; Ярославъ даетъ грамоты новгородцамъ — Правду и уставъ относительно податей; князь собираетъ дань, распоряжается ею. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти у прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствіе мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ городовыхъ общинъ къ князю, о чемъ и будетъ рѣчь въ свое время. Теперь же мы должны обратиться къ вопросу: что̀ стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племенъ? Соединеніе многихъ родовъ въ одно цѣлое, въ главѣ котораго стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ; такъ долго мы видимъ городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ; они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода жизнь общественная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала распаденіе родовъ на от-

дѣльныя семьи, причемъ прежнее представительное значенiе старшинъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю нужно объявить, предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы, собирается цѣлый городъ, является общенародное вѣче. Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владимiра и поведенiи Святополка. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованiе прежнихъ славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значенiемъ, забываютъ, что родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линiи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линiи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линiи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно одна какая-нибудь линiя не могла выдвинуться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линiя не могла получить большаго значенiя по своему богатству, потому что при родовой связи имѣнiе было общее, какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линiями; ясно, слѣдовательно, что боярскiе роды не могли произойдти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по ненаслѣдственности этого званiя; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значенiе только при жизни, сынъ его не наслѣдовалъ этого значенiя, оно переходило къ какому-нибудь четвероюродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другаго родича. Вотъ почему славянскiе князья исчезаютъ съ приходомъ князей варяжскихъ. Отсюда объясняется и то явленiе, что въ слѣдующемъ перiодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенiя князей къ городскому народонаселенiю, къ общинѣ. Мѣсто князя, во время его отсутствiя, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ князь не жилъ, заступалъ посадникъ, мужъ изъ дружины княжеской. Этотъ намѣстникъ княжескiй, въ мнѣнiи народа, не замѣнялъ вполнѣ князя, ува-

женія и послушанія къ нему было меньше и на войнѣ, и въ мирѣ, слѣдовательно цѣль установленія наряда достигалась не вполнѣ; отсюда стремленіе имѣть своего князя, замѣчаемое въ Новгородѣ.

Не должно думать, чтобы во все продолженіе періода отношенія племенъ къ князю были всегда и вездѣ одинакія. Сознаніе о необходимости новаго порядка вещей, власти одного общаго князя изъ чужаго рода явилось на сѣверѣ; сѣверныя племена призвали князя какъ нарядника; здѣсь слѣдовательно новый порядокъ вещей долженъ былъ принятся и развиться преимущественно; здѣсь должно было начаться опредѣленіе княжескихъ отношеній; вотъ почему въ Новгородѣ мы видимъ и нѣкоторое движеніе вслѣдствіе этого начавшагося опредѣленія. Потомъ мѣстопребываніе князя переносится на югъ, въ Кіевъ; на сѣверѣ остаются посадники до самаго Владиміра. Мы видимъ, что большему вліянію княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потомъ довольно узкая полоса земли по берегамъ Днѣпра, гдѣ въ городахъ Смоленскѣ и Любечѣ еще со временъ Олега сидѣли мужи княжіе. Отношенія къ князю племенъ, жившихъ далѣе къ востоку и западу отъ Днѣпра, какъ видно, ограничивались вначалѣ платежемъ дани, для собранія которой самъ князь съ дружиною ѣздилъ къ нимъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, русскіе князья съ своею дружиной выходили изъ Кіева при наступленіи ноября мѣсяца, и отправлялись на полюдье, или уѣзжали въ земли подчиненныхъ имъ племенъ славянскихъ, и тамъ проводили зиму [328]. Обычай полюдья удержался надолго послѣ: князь объѣзжалъ свою волость, вершалъ дѣла судныя, оставленныя до его пріѣзда и бралъ дары, обогащавшіе казну его. Такой обычай княжескихъ объѣздовъ для вершенія судебныхъ дѣлъ необходимо условливается самымъ состояніемъ юнаго общества: такъ мы встрѣчаемъ его въ древней скандинавской и въ древней польской исторіи [329]; ясно слѣдовательно, что это обычай общій, а не частный скандинавскій, принесенный Варягами въ Русь. Любопытно, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ Багрянороднаго, полюдье отдѣлено отъ зимняго пребыванія князя и дружины его у славянскихъ племенъ: изъ этого различія видно уже, что къ нѣкоторымъ ближайшимъ

и болѣе подчиненнымъ племенамъ князь отправлялся для суда, къ другимъ же, отдаленнѣйшимъ только для собранія дани мѣхами и другими сырыми произведеніями, составлявшими предметъ заграничной торговли; что князь самъ ходилъ за данью къ племенамъ, это ясно показываетъ преданіе о судьбѣ Игоря у Древлянъ. Болѣе отдаленныя племена принуждены были платить дань русскому князю, и платили ее тогда, когда тотъ приходилъ за нею съ войскомъ; но этимъ, какъ видно, и ограничивались всѣ отношенія; племена еще жили по-прежнему, особыми родами, каждый родъ имѣлъ своего старшину или князя, который владѣлъ у него, судилъ и рядилъ; у Древлянъ были свои князья въ то время, когда они платили дань кіевскому князю; изъ этихъ князей одинъ былъ Малъ, котораго они прочили въ мужья Ольгѣ.

Дань, за которою ходилъ самъ князь, была первоначальнымъ видомъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами. Но при такомъ видѣ подчиненности, сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо: племена платили дань и Козарамъ, и все оставались по-прежнему въ разъединеніи другъ съ другомъ. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность возить повозы, обязанность, вслѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племенъ, участіе ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельны характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племенъ, находившихся до того времени въ весьма слабомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, участвовали въ одной общей дѣятельности подъ знаменами русскаго князя, составляли одну дружину; здѣсь нагляднымъ образомъ пріобрѣтали они понятіе о своемъ единствѣ и, возвратясь домой, передавали это понятіе своимъ родичамъ, разсказывали имъ о томъ, что̀ они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ русскаго князя. Наконецъ выходу племенъ изъ особнаго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ,

и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ: дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ; появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность личною доблестію пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣстницѣ; въ дружинѣ, члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и

къ землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: «Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина [330], и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что̀ будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго», и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія [331]. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ н а р я д н и к ъ земли; въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получать города и села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ—Смоленскѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственный отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ будемъ постоянно видѣть вездѣ княжихъ посадниковъ, намѣстниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ, волею или неволею соглашались они

платить дань—и только; ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена: одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили Козарамъ, на другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ примучивалъ, то-есть силою заставлялъ платить себѣ дань, но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построитъ острожекъ, и станетъ ходить изъ него къ племенамъ за мѣхами. Земли было много у русскаго князя, онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія [332]; имъ гораздо выгоднѣе было остаться при князѣ, ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ — получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣчаемъ Ятвяга; Святославъ отовсюду собиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ выбралъ изъ наемныхъ Вараговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города: сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати [333].

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину [334]. Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ

Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, Князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто [335].

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина: дружина Игорева говорила: «Кто съ моремъ совѣтенъ»? и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: «Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ», говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника [336]. И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурею воинамъ, и сказалъ: «Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною» [337]. Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: «отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ ними въ дань» [338]. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ: такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ [339]. Лѣтописецъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, говоритъ о прежнихъ князьяхъ [340]: «Тѣ князья не собирали много имѣнія, виръ и продажъ неправедныхъ не налагали на людей: но если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе». Дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны; въ битвахъ говорили другъ другу: «Братья! потянемъ по своемъ князѣ и по русской землѣ»! Не говорили князю: «мало мнѣ ста гривенъ»; не наряжали женъ своихъ въ золотые обручи, ходили жены ихъ въ серебрѣ;—и вотъ они расплодили землю русскую».—При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кру-

гу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что, онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ [341]. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, потому что дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя: два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина [344], какъ назывались младшіе ея члены, не бояре? — Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово мужъ. Мужъ, мужи значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника: мужъ свой, мужъ его [345]. Но, какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ втораго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени: князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: «Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный»? Итакъ, бояре были лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное названіе для этого разряда дружинниковъ было гриди [346], гридь, гридьба, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась гридницею: такъ говорится о Владимірѣ: «Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя» [347]. Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ болярцы [348]. Въ Русской

Правдѣ и въ новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе огнищанина, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Единственное средство объяснить это названіе — посмотрѣть, какъ оно замѣняется въ другихъ спискахъ Правды и въ другихъ лѣтописяхъ; въ другихъ спискахъ Правды оно замѣняется постоянно выраженіемъ: княжъ мужъ, и въ этомъ значеніи противополагается смерду; въ лѣтописи новгородской читаемъ: «Позвалъ (Ростиславъ) новгородцевъ на порядъ: огнищанъ, гридь»[349]. Въ другой, не новгородской лѣтописи, читаемъ: «Князь Мстиславъ, собравъ ростовцевъ—болярь, гридьбу»[350]. Слѣдовательно то, что въ Новгородѣ были огнищане, въ другихъ мѣстахъ были бояре, то-есть старшіе члены дружины, которыхъ мѣсто прежде гридей; при этомъ должно замѣтить, что названіе огнищанинъ было обширнѣе, чѣмъ бояринъ: огнищанинъ нѣкоторыхъ списковъ Правды совмѣщаетъ мужа княжа и тіуна княжа другихъ списковъ, а потому и въ Новгородѣ существовало также названіе бояринъ. Объясненіе того, почему огнищанинъ соединялъ и боярина и тіуна княжа, равно какъ объясненіе корня слову: огнищанинъ найдемъ также въ Русской Правдѣ; здѣсь читаемъ: «За убійство тіуна огнищнаго и конюшаго платить 80 гривенъ». Если тіунъ конюшій означаетъ смотрителя за конюшнею княжескою, то тіунъ огнищный долженъ означать смотрителя за огнищемъ или домомъ княжескимъ; огнищанинъ же долженъ означать человѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домочадца княжескаго, человѣка близкаго къ князю, его думца, боярина, въ переводѣ на наши понятія придворнаго человѣка[351]. Объясненіемъ слова огнищанинъ служитъ также позднѣйшее: дворянинъ, означающее человѣка, принадлежащаго ко двору, дому княжескому, а не имѣющаго свой дворъ или домъ, слѣдовательно и подъ огнищаниномъ нѣтъ нужды разумѣть человѣка, имѣющаго свое огнище. Эти-то домочадцы или огнищане княжескіе имѣли то преимущество предъ остальнымъ народонаселеніемъ, что за ихъ голову убійца платилъ двойную пеню, или виру, именно 80 гривенъ вмѣсто 40. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому. Къ огнищанамъ, какъ видно изъ Правды, принадлежалъ тіунъ

княжъ, но не вообще, а только огнищный и конюшій. Тіунъ въ готскомъ переводѣ Библіи Улфилы является въ формѣ diins и въ значеніи οἰκέτης — домочадецъ, слуга, рабъ. Званіе тіуна, какъ оно является въ нашихъ древнихъ памятникахъ, можно означить словомъ приставникъ, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: приставникъ, который смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за судомъ [352], за сборомъ доходовъ княжихъ, за селомъ княжимъ; тіуны могли быть у князя и боярина; они могли быть и свободные, если примутъ на себя эту должность съ рядомъ, но это было уже исключеніе. Сельскій тіунъ княжій или ратайный, если былъ холопъ, то за него положена была вира въ 12 гривенъ, если же былъ свободный человѣкъ, по рядовичъ, то-есть такой тіунъ, который, вступая въ должность, не вошелъ въ холопство, но порядился, вошелъ съ рядомъ, то за такого вира была только въ 5 гривенъ, потому что для князя было гораздо важнѣе потерять своего холопа, чѣмъ вольнаго рядовича; тѣ же самыя виры брались за тіуновъ холопей и рядовичей боярскихъ. Вообще князь увеличивалъ виру за своего служителя, смотря по важности послѣдняго. Что касается до отроковъ князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по лѣтописямъ, служатъ за столомъ князю и гостямъ его [353]; убираютъ вещи по княжому приказу [354]; князь посылаетъ ихъ съ порученіями [355], и т. п.

Кромѣ дружины, войско составлялось также изъ жителей городовъ и селъ, набиравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются отъ дружины подъ именемъ воиновъ (воевъ) въ тѣсномъ смыслѣ; такъ читаемъ въ разсказѣ о убіеніи святаго Бориса: сказала ему отцовская дружина: «вотъ у тебя дружина отцовская и воины (вои)» [356]. Другое мѣсто, изъ котораго также видѣнъ двойственный составъ княжескаго войска, встрѣчаемъ въ разсказѣ о походѣ Владиміра Ярославича на Грековъ: «Прочіе воины Владиміра были выкинуты на берегъ, числомъ 6000, и хотѣли возвратиться въ Русь, но не пошелъ съ ними никто изъ дружины княжеской» [357]. Но мы не должны ожидать отъ лѣтописца постоянно рѣзкаго различія въ названіяхъ—дружина и вои: если онъ говоритъ, что князь взялъ съ собою много воевъ изъ разныхъ племенъ, то онъ не прибавитъ, что онъ взялъ съ собою дружину и воевъ: подразумѣвается,

что дружина должна идти съ княземъ, и въ такихъ случаяхъ вездѣ дружина включается въ число воевъ; съ другой стороны, отъ дружины не было производнаго дружинникъ, дружинники, и потому вмѣсто этого производнаго употреблялось также вои; вои значило вообще всѣ военные, вооруженные люди. Наоборотъ, дружина означала въ обширномъ смыслѣ совокупность всѣхъ военныхъ, вооруженныхъ людей, войско, и въ тѣсномъ смыслѣ приближенныхъ къ князю людей, которыхъ военное дѣло было постояннымъ занятіемъ. Это двоякое значеніе дружины всего виднѣе въ разсказѣ о войнѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Ярославомъ: «Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину, и поставилъ Сѣверянъ въ чело противъ Варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ».... Мстиславъ, на другое утро, увидя лежащіе трупы Сѣверянъ и Варяговъ, сказалъ: «Какъ не радоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ, а дружина моя цѣла» [358]. Кромѣ собирательнаго дружина въ смыслѣ войска, арміи, употреблялось еще слово: полкъ [359]. Слово дружина имѣла еще не военное значеніе, въ которомъ можетъ переводиться словомъ: свои, наши: напримѣръ Древляне спросили Ольгу: «Гдѣ же наша дружина»? то-есть послы, которыхъ они прежде отправили въ Кіевъ [360].

Было сказано, что вои, то-есть недружина, набирались изъ народонаселенія городскаго и сельскаго: такъ набирали войско изъ племенъ Олегъ, Игорь, Владиміръ; такъ Ярославъ вывелъ противъ Святополка горожанъ новгородскихъ и сельскихъ жителей съ ихъ старостами. Видно и въ этотъ періодъ, какъ въ послѣдующій, князь объявлялъ о походѣ въ городѣ, народу, собравшемуся на вѣчѣ; здѣсь рѣшали выступить, — и сельское народонаселеніе выступало по рѣшенію городоваго вѣча. Какъ видно, отецъ выходилъ въ походъ со старшими сыновьями, сколько бы ихъ ни было, а младшій (также взрослый уже) оставался дома для охраненія семейства [361]. По окончаніи похода войско, набранное изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, распускалось; оно пользовалось добычею; князья выговаривали у побѣжденныхъ дань въ его пользу: Олегъ требуетъ съ Грековъ по 12 гривенъ на ключъ, то есть на каждую лодку, безъ различія между дружиной и воями, набранными изъ разныхъ племенъ. Дружина, разумѣется, имѣла ту выгоду, что участво-

вала въ ежегодныхъ даняхъ съ Грековъ и съ своихъ племенъ, вообще во всѣхъ доходахъ княжескихъ. Ярославъ, побѣдивъ Святополка, наградилъ щедро помогшихъ ему новгородцевъ, сельчанъ однако меньше чѣмъ горожанъ: горожанинъ былъ сравненъ съ сельскимъ старостою. Но ясно, что когда народонаселеніе призывалось не къ далекой наступательной войнѣ, а къ защитѣ своей земли отъ нападенія враговъ, напримѣръ Печенѣговъ, то не могло быть рѣчи о награжденіи; воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнавъ врага, отбили обозъ, брали плѣнниковъ; дань съ побѣжденныхъ бралась и на долю убитыхъ ратниковъ, и шла къ ихъ родственникамъ. Сельчане приходили въ походъ съ своими старостами; горожане, относительно военной службы, раздѣлялись, какъ видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенно военное дѣленіе у народовъ. Въ лѣтописи упоминаются десяцкіе; соцкіе, безъ всякаго сомнѣнія, былъ высшій начальникъ надъ этими отдѣлами, долженствовавшій носить соотвѣтственное названіе тысяцкаго; этого названія мы не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей въ описываемое время, встрѣчаемъ одно неопредѣленное названіе воеводы; но въ слѣдующемъ періодѣ мы встрѣтимъ, что тысяцкій называется также воеводою [362], вслѣдствіе чего подъ воеводою перваго періода можно разумѣть тысяцкаго. Тысяцкій, по соображеніи всѣхъ извѣстій объ этомъ санѣ, былъ воеводою земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбиравшійся княземъ изъ дружины. Если Янъ, сынъ Вышаты, былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, въ 1089 году, то нѣтъ сомнѣнія, что отецъ его, Вышата, занималъ ту же должность прежде, при Ярославѣ; подтвержденіе этому находимъ въ лѣтописи [363]: въ 1037 году году послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на Грековъ, и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ, отцу Янову; когда поднялась буря, и прочіе воины, то-есть земскіе полки, были выброшены на берегъ, то никто изъ дружины княжеской не хотѣлъ идти съ ними; одинъ Вышата вызвался: «я пойду съ ними, сказалъ онъ: останусь живъ — съ ними вмѣстѣ, погибну — вмѣстѣ съ своими (съ дружиною)». Поступокъ Вышаты объяснится, если обратимъ вниманіе на то, что этотъ воевода былъ тысяцкій, что ему было поручено отъ князя воеводство надъ земскими полками, и онъ, по совѣсти, не могъ

оставить ихъ безъ предводителя. Изъ этого же извѣстія видимъ, что земское ополченіе нуждалось въ предводителѣ изъ членовъ дружины.

При святомъ Владимірѣ мы видимъ, что во время тяжкой оборонительной войны противъ Печенѣговъ, князь отправился разъ на сѣверъ, чтобы набрать полки изъ тамошняго народонаселенія, ходилъ по верховные вои, какъ говорится въ лѣтописи [364]. Кромѣ дружины и земскихъ полковъ, составленныхъ изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, были еще наемныя войска, составлявшіяся изъ Варяговъ, Печенѣговъ и Торковъ; Варяги обыкновенно составляли пѣхоту, Печенѣги и Торки — конницу; въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными Варяги нанимались первыми, Печенѣги—вторыми, слѣдовательно первымъ помогала Европа, вторымъ Азія. Дружина Мстислава Тмутораканскаго состояла изъ Козаръ и Касоговъ. Надобно замѣтить, что Печенѣги ни разу не дали побѣды князьямъ, нанимавшимъ ихъ. Новгородцы и Варяги дали торжество Владиміру надъ Ярополкомъ, Ярославу надъ Святополкомъ; южно-русское, кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверское народонаселеніе дало торжество Мстиславу надъ Варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ; при этомъ не забудемъ, что въ пограничныхъ сѣверскихъ городкахъ со временъ Владиміра жили сѣверные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочислена, то пострадала много отъ греческаго похода, а потомъ, безъ сомнѣнія, бо́льшая часть ея ушла съ Святославомъ; этотъ князь долженъ былъ кончить войну съ Греками по недостатку дружины, которой очень немного должно было возвратиться съ Свѣнельдомъ въ Кіевъ; что у Ярополка было мало дружины, доказываетъ также торжество Владиміра. Ярославъ перебилъ свою новгородскую дружину за Варяговъ: кіевская дружина должна была слѣдовать за Святополкомъ; нельзя предполагать, чтобы много ея осталось послѣ пораженій послѣдняго; при Ярославѣ, слѣдовательно, имѣлъ мѣсто новый наборъ дружины. Дружина жила при князѣ, другаго постояннаго войска не было, а между тѣмъ предстояла безпрестанная нужда въ защитѣ границъ, угрожаемыхъ врагами: для этого также нанимались Варяги. Такъ новгородцы со временъ Олега держатъ мира дѣля отрядъ Варяговъ,

которымъ даютъ опредѣленную сумму денегъ; послѣ, какъ видно, этотъ отрядъ уже пересталъ набираться изъ Варяговъ, или, по крайней мѣрѣ, исключительно изъ нихъ, и слыветъ подъ именемъ гридей; по скандинавскимъ сагамъ извѣстно, что изгнанникъ Олафъ былъ у кіевскаго князя начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ [365]; такое значеніе имѣлъ вѣроятно Ярлъ Рагнвальдъ на сѣверѣ при Ярославѣ [366]. — Войска въ битвахъ располагались обыкновенно тремя отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; въ челѣ ставили Варяговъ наемниковъ [367]; если не было наемниковъ, то—земскіе полки, а дружину по крыламъ, сохраняя ее для рѣшительнаго нападенія. Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и ни одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванія: такъ Святополковъ воевода поддразнивалъ новгородцевъ, воевода Ярославовъ польскаго Болеслава. Передъ выступленіемъ въ походъ трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по нѣскольку разъ въ битвахъ, въ ожесточенныхъ схваткахъ брали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Было въ обычаѣ рѣшать войны единоборствомъ; боролись въ собственномъ смыслѣ слова, безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить имъ о землю. Естественно, что въ пустынной, малонаселенной странѣ, наполненной непроходимыми лѣсами, болотами, озерами, рѣками, самый удобный путь для войскъ былъ водный; водою ходили на ближайшія племена славянскія, на Грековъ, на Болгаръ, на Мазовшанъ. Если говорится, что Святославъ ходилъ въ походъ безъ возовъ, то разумѣется, что въ сухопутныхъ походахъ обыкновенно возили возы съ припасами и шатрами, потому что одинъ Святославъ съ своими богатырями спалъ на открытомъ воздухѣ, подостлавши подъ себя конскій потникъ и положивши сѣдло подъ голову. Когда въ походъ шли на лодьяхъ по рѣкамъ, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегомъ; въ сухопутныхъ походахъ употреблялись лошади: Святославъ спалъ на конскомъ потникѣ, клалъ сѣдло въ головы, слѣдовательно, онъ ходилъ въ походъ на лошади, равно какъ и вся дружина его; иначе трудно объяснить ту быстроту, съ какою онъ, по лѣтописцу, ходилъ на враговъ. Во время сраженія Ярополка съ Олегомъ дрались на лошадяхъ [368].

Въ 1042 году Владиміръ Ярославичъ ходилъ на Ямь на лошадяхъ же [369]. Но при этомъ очень вѣроятно, что русскіе, привыкши ходить въ лодьяхъ и биться пѣши, не были отличными всадниками, какъ свидѣтельствуютъ византійцы. О трудностяхъ сухопутныхъ походовъ можно судить по тому, что нужно было гораздо заранѣе исправлять дороги и мостить мосты. Города брали съ большимъ трудомъ, обыкновенно принуждали къ сдачѣ голодомъ или хитростію: Ольга цѣлый годъ стояла подъ Коростеномъ, и взяла его только хитростію; Владиміръ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, но не бралъ города, а полагался на голодъ и предательство Блуда; Владиміръ не могъ взять Корсуня, грозился стоять три года, и принудилъ жителей къ сдачѣ, отнявши у нихъ воду. Только разъ Святославу удалось взять копьемъ (приступомъ) Переяславецъ Дунайскій. Оружіе состояло изъ мечей, копій, стрѣлъ, ножей, сабель, броней, щитовъ. О камнестрѣльныхъ машинахъ упоминаетъ Іоакимова лѣтопись въ разсказѣ о сраженіи новгородцевъ съ Добрынею при Владимірѣ; но Византійцы также упоминаютъ о нихъ. Употреблялись при войскѣ знамена, или стяги.

Обратимся къ остальному народонаселенію, городскому и сельскому. Мы видѣли, что прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженныя села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ [370]. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родоваго быта: по смерти общаго родоначальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобы соединенными силами обработывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другія промыслы мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной, самостоятельной дѣятельности пріобрѣтать больше другихъ членовъ рода, то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной дѣятельности; слѣдовательно, если въ концѣ описываемаго періода мы видимъ различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны предположить ослабленіе родоваго быта. Различіе занятій и мѣна условливалась уже тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія—воинскіе отряды, дружины кня-

зей; въ нѣкоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ — мужи княжіе съ воинскими отрядами: этотъ приплывъ народонаселенія съ средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность. Но замѣтимъ, что мы говоримъ все это о городахъ и именно о такихъ, гдѣ наиболѣе развивались промышленность и торговля; въ селахъ же и городахъ, сохранявшихъ попрежнему характеръ огороженныхъ селъ, безъ всякаго сомнѣнія, формы прежняго быта удерживались еще очень и очень долго. Ослабленію родоваго быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ сѣвера; переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными родами — сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя правительственныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ, ослабленію и паденію родоваго быта въ городахъ вообще должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники—десяцкіе, соцкіе; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служитъ важное вліяніе, гражданское значеніе тысяцкаго; эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта. Появленіе города пробуждало жизнь и въ ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношенія съ княжескою властію при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ княжъ, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и окружнымъ сельскимъ народонаселеніемъ необходима должна была возникнуть торговля, вслѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ инаго рода: князья,

ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными, или взятыми въ плѣнъ, также наймитами. Прибавимъ, что сосредоточію народонаселенія около городовъ способствовало также церковное управленіе, учрежденіе въ городахъ епископскихъ каѳедръ, которымъ были подвѣдомственны всѣ церкви въ окружности. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и вмѣсто племенныхъ названій, въ концѣ періода, мы встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ. Города въ описываемый періодъ упоминаются слѣдующіе: Новгородъ, Ладога, Бѣлозерскъ, Изборскъ, Псковъ, Юрьевъ, Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечь, Черниговъ, Лиственъ, Городецъ, Переяславль, Родня, Вышгородъ, Бѣлгородъ, Василевъ, Витичевъ, Искоростенъ, Овручь, Туровъ, Владиміръ Волынскій, Курскъ, Тмутаракань, Перемышль, Червенъ и другіе безъименные. Изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владиміръ Волынскій, Ярославль достовѣрно построены князьями; многіе изъ остальныхъ, по всей вѣроятности, построены также ими; нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ.

Въ противоположность князю, все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ. Въ Русской Правдѣ все княжеское, княжіе люди, княжая собственность постоянно противополагается смердьему. Но какъ въ названіи мужа и дружины, такъ и въ названіи смерда мы не можемъ съ самаго начала искать точности, опредѣленности; смердъ означалъ простаго человѣка, и слѣдовательно это названіе могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; такъ смердъ противополагается мужу княжому; такъ сельское народонаселеніе, подъ именемъ смердовъ, противополагается городскому. Въ противоположность мужу княжому простой человѣкъ назывался также людинъ. Вообще сельское народонаселеніе въ описываемое время считалось ниже городскаго: это прямо видно изъ свидѣтельства о томъ, какъ Ярославъ одѣлялъ своихъ воиновъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ: старостамъ (сельскимъ) далъ по 10 гривенъ, смердамъ по гривнѣ, а новгородцамъ всѣмъ по десяти, — сельскій

староста приравнен къ простому горожанину [371]. Подлѣ свободныхъ людей, горожанъ и сельчанъ, находимъ рядъ людей зависимыхъ. Первая степень зависимости было закупничество или наймитство. Закупнемъ или наймитомъ назывался работникъ, нанимавшійся на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которую, какъ видно, онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ бѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обельнымъ) холопомъ, обелью. Наймитъ былъ обязанъ платить господину за всякій вредъ въ хозяйствѣ, причиненный его нерадѣніемъ; господинъ могъ бить наймита за вину; но если прибьетъ безъ вины, то платитъ за обиду какъ свободному, наймитъ въ этомъ случаѣ воленъ идти къ князю или судьямъ жаловаться. Если бы господинъ вздумалъ продать наймита какъ обель, то наймитъ получалъ полную свободу безъ обязанности выплатить господину взятое впередъ, а послѣдній долженъ былъ еще платить за обиду опредѣленную сумму. За преступленія наймита передъ правительствомъ отвѣчалъ господинъ, причемъ закупень становился ему обельнымъ холопомъ. Полное или обельное холопство проистекало кромѣ того слѣдующими способами: рожденіемъ отъ холопа; если кто купитъ холопа за какую бы то ни было цѣну, хотя бы даже за полгривну, поставитъ свидѣтелей при куплѣ и отдастъ деньги предъ самимъ холопомъ; если кто женится на рабѣ безъ ряду, безъ условій съ господиномъ ея, то поступаетъ къ послѣднему въ полные холопы, если же женится съ условіями, то они имѣютъ силу; если кто пойдетъ къ кому въ тіуны или ключники также безъ ряду; наконецъ невозможность заплатить долгъ вела должника также въ рабство къ заимодавцу. Значеніе холопа увеличивалось, смотря по значенію господина и по той пользѣ, какую онъ приносилъ: такъ за убійство сельскаго старосты или тіуна княжескаго и боярскаго платилось по 12 гривенъ, за простаго холопа, равно какъ за холопа, принадлежащаго простому человѣку, смерду, платилось только пять гривенъ; за ремесленника и за ремесленницу, за пѣстуна и за кормилицу платилось опять 12 гривенъ: за женщину-рабу шесть. За вредъ причиненный холопомъ отвѣчалъ господинъ; если холопъ осмѣливался бить свободнаго человѣка, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. Въ Русской Правдѣ находимъ положеніе, что за убійство

чужаго холопа безъ вины убійца платилъ господину цѣну убитаго, а князю 12 гривенъ продажи, пени, какъ за всякую порчу, истребленіе чужой собственности; какъ видно, господинъ имѣлъ право безнаказанно убить своего холопа, какъ безнаказанно могъ истребить всякую другую свою собственность. Произведенія или пріобрѣтенія раба составляли собственность его господина. Холопъ не могъ быть свидѣтелемъ при слѣдствіи дѣла; при нуждѣ позволялось сослаться на закупа.—Кромѣ означенныхъ состояній, встрѣчаемъ еще особый разрядъ людей подъ именемъ изгоевъ. Изъ одного позднѣйшаго свидѣтельства [372] узнаемъ, какіе люди принадлежали къ этому разряду: сынъ священника, не умѣющій грамотѣ, холопъ, выкупившійся изъ холопства, наконецъ задолжавшій купецъ. Изъ этого видимъ, что изгоемъ вообще былъ человѣкъ, почему-либо не могущій оставаться въ прежнемъ состояніи, и не примкнувшій еще ни къ какому новому.

Князья были призваны для п р а в д ы, вслѣдствіе того что особые роды не могли безпристрастно разбирать дѣла при враждебныхъ столкновеніяхъ своихъ членовъ; не было у нихъ п р а в д ы, говоритъ лѣтописецъ. Какъ разбирались роды, намъ неизвѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія между ними бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно, были довольно рѣдки, большею же частію столкновенія оканчивались враждебно, возстаніемъ рода на родъ, что̀ и повело къ мысли о необходимости т р е т ь я г о судьи. Если поэтому главное значеніе князя было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіанства съ епископами, — и вотъ Ярославу первому приписывается подобный писанный уставъ, подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно, для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій бытъ Руси [373]. Русская Правда первыми строками своими напоминаетъ намъ о древнемъ бытѣ племенъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ; но въ то же время указываетъ и на измѣненія, происшедшія въ этомъ быту послѣ призванія князей. При ро-

довомъ, особномъ бытѣ главная обязанность родичей состояла въ защитѣ другъ друга, въ мести другъ за друга; и если цѣлый родъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ и развѣтвленъ составлялъ одно, одинъ союзъ, подъ властію одного родоначальника, то всѣ члены его, въ какихъ бы ни было степеняхъ, имѣли одинаково эту обязанность. Въ Русской Правдѣ установлено, что въ случаѣ убійства родственникъ убитаго долженъ мстить убійцѣ; но эта обязанность ограничена извѣстными ближайшими степенями родства — знакъ, что родовой бытъ началъ уже ослабѣвать, что распространенію родовыхъ отношеній уже положена преграда. По Ярославову уставу, въ случаѣ убійства, братъ долженъ былъ мстить за брата, отецъ за сына и наоборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны. Въ случаѣ, если не было местника въ означенныхъ степеняхъ родства, то убійца платилъ князю пеню, виру, смотря по значенію убитаго, былъ ли то мужъ княжъ, или слуга княжій, котораго способности князь дорого цѣнилъ [274], или простой человѣкъ: въ первомъ случаѣ убійца платилъ двойную виру (80 гривенъ), во второмъ простую (40 гривенъ); за женщину платилось полвиры. Такъ спустя полтора вѣка послѣ призванія князей, въ судномъ уставѣ еще сохранена месть, родовое самоуправство, остатокъ родовой особности, самостоятельности; но при этомъ мы видимъ, вопервыхъ, что родовая месть ограничена ближайшими степенями родства, вовторыхъ, что въ случаѣ отсутствія родича-мстителя убійца долженъ вознаградить общество за убійство одного изъ его членовъ. Но если правительство брало съ убійцы денежную пеню, денежное вознагражденіе, то было ли въ обычаѣ, что родичъ-мститель могъ отказаться отъ своего права мстить убійцѣ, взявъ съ него денежное вознагражденіе? На этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ намъ отвѣта; изъ ея молчанія позволительно предположить, что подобныя соглашенія были мало употребительны, могли считаться постыдными для родичей; у Германцевъ они употреблялись, но не всегда: такъ въ одной сагѣ читаемъ, что отецъ, отвергая денежный окупъ за убійство сына своего, говоритъ: «Я не хочу моего убитаго сына носить въ денежномъ кошелкѣ» [275]. Обративъ вниманіе на бóльшую крѣпость родовой связи у нашихъ племенъ въ описываемое время, чѣмъ у Германцевъ, можно допустить, что подобныя чувства были у насъ господствующими.

Мы видѣли, что послѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено, и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается виры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ вира платилась цѣлымъ округомъ, вервью [376], гдѣ совершено убійство; такая вира называлась общею или дикою вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія, не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе дикой виры встрѣчаемъ мы и въ другихъ новорожденныхъ обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще незрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій безпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ дикою вирою разумѣлось также общее поручительство, по которому всѣ или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикой виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру, въ случаѣ если не отыщутъ его, безспорно явилась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикой виры въ видѣ сотоварищества для вспоможенія убійцѣ платить виру; если этотъ обычай существовалъ въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усилиться послѣ Ярослава, когда месть была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда человѣкъ убилъ другаго безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ женою и дѣтьми князю на потокъ (изгнаніе), домъ его отдавался на разграбленіе. Различіе разбойничества отъ убійства въ ссорѣ, по враждѣ, должно было существовать въ описываемое время: трудно себѣ представить, чтобы безразличность между этими двумя дѣйствіями могла удержаться долго послѣ принятія христіанства, когда уже при Владимірѣ мы видимъ, что епископы

настаиваютъ на необходимости казнить разбойниковъ, съ испытаніемъ однако; уже этотъ совѣтъ духовенства испытывать, обращать вниманіе на обстоятельства и побужденія, велъ необходимо къ означенному въ Правдѣ различенію между разбоемъ и убійствомъ въ ссорѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ; кромѣ того, естественно было для общества требовать, чтобы человѣкъ явно вредный, грозящій каждому гибелью, былъ исключаемъ изъ общества, не могъ въ немъ долѣе оставаться. Также должно было общество изначала смотрѣть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель долженъ былъ заплатить за вредъ, причиненный пожаромъ, и потомъ осуждался также на потокъ, а домъ его отдавался на разграбленіе.

Относительно увѣчій такое же постановленіе, какъ и относительно убійства: обиженный можетъ отомстить за себя обидчику тѣмъ же — ударъ за ударъ, увѣчье за увѣчье; если же не можетъ мстить, то беретъ себѣ денежное вознагражденіе и плату лѣкарю; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется, что князь получаетъ при этомъ пеню или продажу. Увѣчье и вознагражденіе за него различались смотря по тому, какимъ образомъ оно будетъ нанесено; также смотря по тому, могъ ли излѣчиться поврежденный членъ или нѣтъ, и по важности члена: обидою считалось дѣйствіе, въ которомъ обнаруживалось намѣреніе нанести побои и увѣчье. — Относительно кражи похитившій обязанъ былъ возвратить похищенное, и платить извѣстную сумму за обиду, смотря по цѣнности украденнаго; исключеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ коневый тать, котораго міръ выдавалъ князю на потокъ. Въ числѣ похищеній чужой собственности полагался уводъ, укрывательство бѣглаго холопа, помощь, оказанная ему во время бѣгства, нерадѣніе при поимкѣ. Упоминаются случаи порчи, истребленія чужой собственности. Большую пеню платили за поврежденіе межевыхъ знаковъ. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ; но считалось убійствомъ, если воръ былъ убитъ связанный или во время бѣгства.

Правда (слѣдованіе дѣла, исправленіе зла) происходила слѣдующимъ образомъ: обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей своей обиды, но ясные знаки побоевъ, увѣчья, при-

знавались достаточнымъ свидѣтельствомъ; свидѣтель долженъ былъ говорить слово въ слово, какъ самъ жалующійся; прежде всего спрашивалось, кто первый началъ драться, и зачинщикъ платилъ пеню. Если придетъ жаловаться человѣкъ съ ясными признаками побоевъ, но явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ былъ зачинщикомъ драки, то онъ ничего не получаетъ съ противника, и самъ не платитъ: побои вмѣняются ему въ платежъ. Свидѣтель долженъ быть человѣкъ свободный: если не будетъ свободнаго, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тіуна; въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться на закупня; впрочемъ истецъ могъ взять и холопа въ свидѣтели, но въ такомъ случаѣ, если отвѣтчикъ, послѣ испытанія желѣзомъ, оправдается, то истецъ платитъ ему за то, что поклепалъ его по рѣчамъ холопа. Если не найдется свидѣтель, а обвиненіе будетъ въ убійствѣ, то обвиненный долженъ былъ подвергнуться испытанію желѣзомъ; это испытаніе употреблялось при обвиненіи въ воровствѣ, если поличнаго не было, и если цѣна украденной вещи была не менѣе полгривны золота: если же меньше, то употреблялось испытаніе водою; если же цѣна похищеннаго была менѣе двухъ гривенъ серебра, то обвиненный присягалъ въ своей невинности. Обычай испытанія желѣзомъ и водою у сосѣднихъ Руси народовъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, вслѣдствіе чего мы и рѣшились отнести этотъ обычай къ описываемому времени. Какъ у насъ, такъ и у сосѣднихъ народовъ желѣзо предписывалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ [277]. Въ Богеміи подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У Сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный котелъ, либо, выхвативъ желѣзо изъ огня при дверяхъ храма, отнести его къ алтарю. Подвергшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки; если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло. Здѣсь начало пытки [278]. Когда обокраденный объявитъ немедленно о своей пропажѣ во всеуслышаніе на торгу, то по отысканіи своей вещи имѣлъ право взять ее у кого нашелъ безъ всякихъ судебныхъ формъ, и тотъ, у кого найдена вещь, обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю продажу. Если же обокра-

денный не повѣститъ о своей пропажѣ на торгу, и увидитъ ее у кого-нибудь другаго, то не можетъ сказать ему: «это мое», но обязанъ вести его на сводъ, чтобы тотъ указалъ, гдѣ взялъ вещь. Сводъ въ одномъ городѣ продолжался до конца, если же переходилъ черту города, то останавливался на третьемъ отвѣтчикѣ, который долженъ былъ платить истцу деньгами, а самъ бралъ вещь и отыскивалъ снова похитителя; при отыскиваніи раба сводъ шелъ во всякомъ случаѣ только до третьяго отвѣтчика, который отдавалъ истцу своего раба вмѣсто украденнаго, а самъ отыскивалъ настоящаго вора. Свода изъ своего города въ чужую землю не было; но отвѣтчикъ могъ только представить свидѣтелей или мытника (сборщика торговыхъ податей), при которыхъ купилъ искъ, послѣ чего истецъ бралъ свою вещь, не получая никакого вознагражденія за то, что вмѣстѣ съ нею пропало, а отвѣтчикъ терялъ деньги. То же самое происходило, когда отвѣтчикъ хотя и могъ посредствомъ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника доказать, что онъ дѣйствительно купилъ вещь или раба, но не знаетъ, у кого именно; по отысканіи же своего продавца, онъ могъ взять съ него свои деньги и послѣдній обязанъ былъ удовлетворить перваго истца за то, что у него пропало вмѣстѣ съ краденымъ. Если хозяинъ замѣтитъ покражу, а воръ уже убѣжалъ, то съ свидѣтелями и съ чужими людьми онъ гонится по слѣдамъ вора; если слѣдъ приведетъ къ селу или шатру (товару), и жители села или владѣтели шатра не отведутъ отъ себя слѣду, не пойдутъ на слѣдъ или станутъ отбиваться, то должны платить и цѣну украденной вещи, и продажу князю; если же слѣдъ исчезнетъ на большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни жилищъ ихъ, то никто не платитъ. Въ разныхъ спискахъ Правды встрѣчаемъ уставы о процентахъ (рѣзѣ), существовавшіе до Владиміра Мономаха и при немъ изданные, о поклажѣ (дачѣ имущества на сохраненіе); о долговыхъ взысканіяхъ: если заимодавецъ станетъ требовать съ должника своихъ денегъ, а тотъ запрется, что не бралъ, то заимодавецъ выводитъ свидѣтелей, которые, если присягнутъ, что искъ его правый, то должникъ платитъ взятыя деньги и кромѣ того за обиду; въ нѣкоторыхъ же спискахъ говорится: «если кто чего взыщетъ на другомъ, и послѣдній начнетъ запираться, то идти ему на изводъ предъ 12 мужей.» Если купецъ,

взявши въ долгъ деньги, потерпитъ убытокъ отъ кораблекрушенія, рати или огня, то заимодавцы не имѣютъ права требовать съ него денегъ вдругъ: онъ выплачиваетъ имъ понемногу; если же должникъ пропьется или пробьется (вѣроятно, если потеряетъ имущество на виры или платежи за побои), или своимъ нерадѣніемъ погубитъ чужое имущество, то отъ заимодавцевъ зависитъ — ждать уплаты или продать должника. Если послѣдній будетъ долженъ многимъ, то заимодавцы могутъ вести его на торгъ и продать; вырученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранные купцы, гости, остальное дѣлятъ свои заимодавцы; если же на должникѣ будутъ княжія деньги, то князь удовлетворяется прежде всѣхъ.

О наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи: если умретъ простой человѣкъ, смердъ, и сыновей у него не будетъ, то имущество его переходитъ къ князю: если останутся у него дочери, то давать часть на нихъ, какую— не сказано: впрочемъ она зависѣла отъ князя; если же дочери будутъ замужемъ, то не давать имъ части. Если умретъ бояринъ или дружинникъ, то имѣніе нейдетъ къ князю; но если не будетъ сыновей, то дочери возьмутъ. Послѣ призванія князей въ городахъ родоначальника замѣнилъ князь — Рюриковичъ, имѣніе бездѣтнаго смерда переходило въ распоряженіе князя, дочь наслѣдовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить свой родъ для чужаго, незамужняя женщина не могла быть самостоятельною владѣлицею, самостоятельнымъ членомъ общества, какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Что имѣніе могло идти только къ сыновьямъ, а не въ боковыя линіи, это было необходимо въ описываемое время: родичъ, выдѣлившійся изъ рода, прерывалъ съ послѣднимъ всякую связь: ни онъ не имѣлъ права вступаться въ общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имѣли права вступаться въ его имущество. Такое рѣзкое выдѣленіе было необходимымъ слѣдствіемъ твердости родовой связи: кто нарушалъ эту связь, тотъ нарушалъ ее совершенно, становился совершенно чужимъ, ничего средняго быть не могло. Такимъ образомъ означенное положеніе русской правды о наслѣдствѣ служитъ признакомъ только-что начавшагося перехода отъ родоваго быта, когда еще не выработались отно-

шенія по одной кровной связи, безъ всякаго отношенія къ единству рода, и къ общему владѣнію родовою собственностью: можно выразиться такъ, что это положеніе русской правды знаменуетъ переходъ отъ родовыхъ отношеній къ родственнымъ. Такъ какъ выдѣлы изъ родовъ по означеннымъ выше причинамъ должны были происходить въ описываемый періодъ, преимущественно въ городахъ, то мы и почли приличнымъ упомянуть здѣсь о положеніи русской правды относительно наслѣдства, тѣмъ болѣе что положеніе ея о наслѣдствѣ послѣ дружинника безспорно носитъ признаки глубокой древности. Мы замѣтили, что имущество простаго человѣка, смерда, шло къ князю, потому что князь Рюриковичъ замѣнилъ для смерда прежняго князя — родоначальника: но вовсе не таково было отношеніе дружинника къ князю. Дружинникъ былъ вольный слуга князя: первоначальную дружину составляли пришельцы Варяги, которые могли оставаться въ службѣ князя сколько хотѣли: они получали содержаніе отъ князя за свою службу; они не входили вмѣстѣ со смердами въ составъ общества, они составляли особое отъ общества тѣло, которое общество содержало для собственной защиты; отсюда казна общественная или княжеская не могла брать имущества умершаго дружинника, которое представляло не иное что какъ жалованье, полученное дружинникомъ за службу князю и землѣ; вольный дружинникъ, вступая въ службу князю, никакъ не могъ согласиться, чтобы добытое имъ имущество на службѣ по его смерти отнималось у его дочерей и переходило къ обществу, къ которой онъ могъ имѣть только временное отношеніе; при этомъ очень часто могло случаться, что имущество это было имъ накоплено въ другихъ странахъ, на службѣ другому князю, другой землѣ. Мы назвали этотъ обычай, относительно боярскаго наслѣдства, древнимъ, отнесли его къ описываемому періоду именно потому, что онъ предполагаетъ особность дружинника, какъ пришлеца, могущаго быть только временнымъ слугою княжескимъ: это же отношеніе особенно было сильно въ началѣ нашей исторіи. Изъ остальныхъ положеній о наслѣдствѣ въ русской правдѣ читаемъ о правѣ отца при смерти дѣлить домъ свой дѣтямъ; если же умретъ безъ завѣщанія (безъ ряда), то имѣніе идетъ всѣмъ дѣтямъ, которыя обязаны дать часть по душѣ умершаго; дворъ

отцовскій всегда идетъ меньшому сыну. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, но послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Жена, если остается жить съ дѣтьми, имѣетъ право на часть наслѣдства; но когда мужъ назначилъ или далъ ей особый участокъ изъ своего имущества, то она уже не наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Мать можетъ раздѣлить свое имущество между всѣми сыновьями, или же отдать его кому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умретъ, не распорядившись, то наслѣдство послѣ нея получаетъ тотъ, у кого она жила въ домѣ, кто ее кормилъ, и у кого она умерла. Изъ дѣтей отъ двухъ разныхъ отцовъ тѣ и другія получаютъ только наслѣдство послѣ своего отца; а если они отъ разныхъ матерей, то наслѣдство послѣ своей матери. Если мать малолѣтнихъ сиротъ пойдетъ замужъ, то они съ наслѣдствомъ своимъ поступаютъ въ опеку къ ближайшему родственнику, отчимъ также могъ быть опекуномъ. Опекунъ бралъ имѣніе малолѣтнихъ передъ добрыми людьми и въ послѣдствіи обязанъ былъ возвратить его въ цѣлости, вмѣстѣ съ приплодомъ, отъ скота и челяди, имѣя право удержать у себя только проценты или торговую прибыль, въ награду за свои попеченія. Если жена, давши слово сидѣть по смерти мужа съ дѣтьми, растеряетъ имущество послѣднихъ и пойдетъ замужъ, то должна выплатить дѣтямъ все ею потерянное. Жена имѣетъ право оставаться по смерти мужа въ его домѣ съ дѣтьми, и послѣднія не смѣютъ этому противиться. О незаконныхъ дѣтяхъ встрѣчаемъ слѣдующее положеніе: «если будутъ у мужа дѣти отъ рабы, то они не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью.» Очень важно было бы знать время появленія этого устава. Вѣроятно духовенство съ самаго начала старалось полагать различіе между законными и незаконными дѣтьми: но сомнительно, соблюдалось ли строго это различіе во времена Ярослава. Любопытно, что уставъ обращаетъ вниманіе на дѣтей отъ рабы, признаетъ ихъ, хотя несовершенно; хотя лишаетъ ихъ наслѣдства, однако даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Полное признаніе незаконности ихъ не допустило бы уставъ обратить на нихъ вниманіе.

На комъ лежала обязанность приводить судебный приговоръ въ исполненіе, то-есть подвергать виновнаго наказанію, соби-

рать пени, получать судебныя пошлины, взыскивать частное вознагражденіе, и какія средства можно было употреблять въ случаѣ сопротивленія со стороны осужденнаго, — на все это нѣтъ достаточныхъ указаній въ русской правдѣ. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о важномъ значеніи при судѣ тіуна княжескаго, отъ котораго зависѣло рѣшить дѣло — право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню, откуда заключаемъ, что тіунъ былъ приставникомъ княжескимъ при судѣ, обязаннымъ смотрѣть за исполненіемъ устава. Кромѣ того при судопроизводствѣ упоминаются еще слуги княжескіе съ разными названіями — ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется одно и то же), дѣтскаго, отрока (кажется одно и то же); встрѣчаемъ и писца; въ пользу этихъ лицъ установлены были особыя судныя пошлины; кромѣ того во время слѣдствія дѣла они получали содержаніе на счетъ жителей того мѣста, гдѣ производилось слѣдствіе. Наконецъ въ правдѣ встрѣчаемъ статьи, которыми опредѣляется пеня за то, если подвергнутъ мукѣ, тѣлесному истязанію огнищанина, тіуна, мечника или простаго человѣка, смерда, б е з ъ к н я ж е с к а г о п р и к а з а н і я: слѣдовательно эти люди могли подвергаться тѣлесному истязанію по приказу княжескому. Какъ поступалъ князь съ людьми, входившими въ столкновеніе съ его властію, видно изъ поведенія Ярослава съ дядею его, новгородскимъ посадникомъ Константиномъ Добрыничемъ.

Разсмотрѣвъ содержаніе Русской Правды, во сколько, при настоящей, очень неудовлетворительной обработкѣ этого памятника, можно имъ воспользоваться, мы обратимся теперь къ нравамъ эпохи, какъ они представляются намъ Правдою и лѣтописью. Кровавая месть, частая возможность убійства въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ Древлянами и Древланъ съ нимъ, мщеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимірѣ, поступки Добрыни въ Полоцкѣ съ семьею Рогволода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка—вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ,—ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ, вотъ герой

эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ, отсюда видимъ частыя единоборства, въ которыхъ оружіе не употребляется: борются обыкновенно схватывая другъ друга, желая раздавить и ударить о землю: оружіе—это уже человѣческое, искусственное, замѣняющее животненную силу; при владѣніи оружіемъ требуется ловкость, искусство. Съ выдѣлкою оружія въ древности соединяли всегда понятіе о мудрости, хитрости; въ сѣверныхъ преданіяхъ оружіе куютъ обыкновенно карлы—волшебники: эти существа лишены матеріальной силы, и несмотря на то, оружіе, произведеніе ихъ искусства, ихъ духовной дѣятельности, дѣлаетъ героевъ непобѣдимыми. Но должно замѣтить, что одну животненную силу и единоборство любятъ употреблять преимущественно восточные варвары: такъ Печенѣги вызываютъ на единоборство Русскаго; такъ Редедя, князь касожскій, вызываетъ Мстислава; азіятскія понятія высказываются въ томъ, что вожди въ поединкахъ рискуютъ счастіемъ, свободою семейства и подданныхъ. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія выставляетъ Европа, Русь въ лицѣ Святослава. Преданіе не говоритъ объ его страшной физической силѣ, оно говоритъ о крѣпости духа, которая заставляла тѣло переносить всякаго рода лишенія; это герой дѣятельности, движенія: онъ ходитъ легко, какъ барсъ; онъ противоположенъ тѣмъ сказочнымъ богатырямъ, которые не двигаются отъ избытка матеріальной силы. Святославъ собственно не богатырь, онъ вождь дружины, которая похожа на него; онъ любитъ оружіе, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ; онъ первый между дружинниками, бьется въ челѣ ихъ, но не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Святославу вторитъ Вышата: «Живъ ли буду—съ дружиною; погибну ли—вмѣстѣ съ нею.» Вообще, въ преданіяхъ, занесенныхъ въ лѣтопись, безъ труда можемъ замѣтить эту борьбу Востока съ Западомъ, Азіи съ Европою: борьба происходитъ за Дономъ, часто за Днѣпромъ, подлѣ самаго Кіева; но вездѣ видимъ характеристическія черты борющихся сторонъ: со стороны Азіи выходитъ громадный Печенѣгъ, со стороны Руси—Янъ Усмошвецъ, человѣкъ по наружности очень обыкновенный, незначительностію своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редедя, князь касожскій, вызываетъ Мсти-

слава на поединокъ: Мстиславъ чувствуетъ уже, что противникъ одолѣваетъ его, и однако русскій князь побѣждаетъ Азіятца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Но какъ бы то ни было, мы видимъ повсюду проявленія матеріальной силы: ей первое мѣсто, ей почетъ отъ князя до простолюдина; чрезъ нее простолюдинъ можетъ сдѣлаться великимъ мужемъ, какъ сдѣлался Янъ Усмошвецъ; она вѣрное средство для пріобрѣтенія славы и добычи. При господствѣ матеріальной силы при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ употребленіи матеріальной силы—нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то конечно сильный не будетъ сдерживаться предъ слабымъ: «съ дружиною пріобрѣту серебро и золото», говоритъ Владиміръ, и тѣмъ указываетъ на главное, вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію серебра и золота; они пріобрѣтались оружіемъ, пріобрѣтались сильнымъ на счетъ слабаго. Князья идутъ на Грековъ, чтобы взять золото, драгоцѣнности; если съ дружиною можно было пріобрѣсть богатство, то богатство необходимо было для содержанія дружины; хорошимъ княземъ считался тотъ, который ничего не щадилъ для дружины; дружина Игоря требуетъ, чтобы князь шелъ съ нею въ дань; Игорь и дружина его прямо объявляютъ, что цѣль ихъ похода—золото, что если Греки дадутъ имъ его, то имъ больше ничего не нужно; дружина Владиміра жалуется, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершенія славныхъ подвиговъ: обѣ страсти питали одна другую. Но при этомъ мы видимъ однако, что въ образцѣ тогдашняго героя чистое корыстолюбіе, страсть къ богатству для богатства было осуждено: такъ Святославъ не обращаетъ вниманія на богатые подарки императора, и любуется однимъ оружіемъ; простота, презрѣніе къ роскоши выставлены въ Святославѣ какъ достоинство; добрый князь не можетъ быть скупымъ, онъ не щадитъ ничего для дружины: таковъ Владиміръ и сынъ его Мстиславъ. Несмотря на уваженіе къ силѣ, она не считалась единственно позволеннымъ средствомъ къ торжеству; хитрость цѣнилась также высоко, считалась мудростію; перехитрить, переклюкать, было тоже подвигъ. Легко

понять, что всѣ природныя стремленія сильнаго не знали границъ при возможности удовлетворить имъ: таково женолюбіе язычника Владиміра. Богатыри послѣ подвиговъ силы не знали другихъ наслажденій кромѣ матеріальныхъ: «Руси есть веселіе пити», говоритъ Владиміръ; въ преданіи съ восторгомъ говорится о количествѣ блюдъ на пирахъ этого князя.

Мы видѣли, какъ законъ слабо сдерживалъ проявленія матеріальной силы, позволяя частную месть или выкупъ деньгами. Представляла ли славянская языческая религія какое-нибудь противоборство имъ? кажется, никакого. Одно только нравственное противоборство могла представить власть родительская; любопытенъ разсказъ старика, отца Усмошвецова: однажды, говоритъ онъ, я бранилъ своего младшаго сына, и тотъ въ сердцахъ разорвалъ воловью кожу. Вотъ вѣрная картина быта! богатырь принужденъ выслушать укоры стараго отца; матеріальная сила кипитъ, просится вонъ, но сдерживается, и оказывается только въ безсмысленномъ гнѣвѣ на невинную вещь. Игорь покорствуетъ Олегу, ходитъ по немъ, какъ сынъ; Святославъ сердится на мать за совѣты принять христіанство, но отговаривается дружиною; Владиміръ повинуется дядѣ Добрынѣ, посылаетъ сказать Блуду, что будетъ имѣть его вмѣсто отца—большаго выраженія для чести и власти не было.—Преобладаніе матеріальной силы, разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу вообще: но при отсутствіи опредѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль; мудрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина—Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины провожаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе которыхъ относится ко временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ. По свидѣтельству тѣхъ же пѣсенъ, женщины участвовали вмѣстѣ съ мущинами въ пирахъ княжескихъ, похваляясь своею хитростію, мудростію; стыдливости мало въ ихъ бѣсѣдахъ, выходки матеріальной силы и тутъ на первомъ планѣ [179].—Владиміръ совѣтуется съ своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ

дружинниковъ. Рогволодъ полоцкій отдаетъ дочери на рѣшеніе, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ Святополковыхъ.—Въ такомъ состояніи застало нравы новорожденнаго Русскаго общества христіанство, о вліяніи котораго будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ обычаямъ. Мы не знаемъ, какіе обряды совершались при рожденіи ребенка; знаемъ изъ лѣтописи и изъ Правды, что къ дѣтямъ приставлялись кормильцы или воспитатели, упоминаются также кормилицы; трудно рѣшить, въ какомъ значеніи принимались послѣднія, въ одномъ ли нашемъ тѣсномъ значеніи женщинъ, кормящихъ грудью ребенка, или въ обширномъ значеніи нянекъ, точно такъ какъ воспитатели, пѣстуны мущины назывались кормильцами. Князья женились рано: Владиміръ, будучи очень молодъ, сватался на Рогнѣдѣ, но уже прежде былъ женатъ на матери Вышеслава. Изъ подробностей брачныхъ обычаевъ мы знаемъ только четыре: сватовство—женихъ обращался къ отцу невѣсты съ предложеніемъ; невѣста въ день свадьбы одѣвалась въ лучшее платье, княжна во всю утварь царскую; упоминается объ обычаѣ разуванія мужа молодою женою,—обычаѣ, который находимъ одинаково у племенъ славянскихъ и литовскихъ; наконецъ знаемъ, что за жену платилось вѣно.—Мертвыхъ погребали на горахъ, насыпали курганы надъ могилами, совершали тризны. Византійскій историкъ такъ описываетъ погребеніе воиновъ Святославовыхъ[380]: «Ночью, при появленіи полной луны, непріятели (Руссы) вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ то же время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мущинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ. Арабскіе писатели говорятъ, что Славяне и Руссы жгли своихъ мертвецовъ съ разными пожитками, животными и женами.—Жилища носили разныя названія, упоминаются терема, такъ въ Кіевѣ былъ каменный теремъ княжескій со дворомъ; онъ состоялъ изъ разныхъ покоевъ, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пировъ и, вѣроятно, для совѣта. Подъ именемъ терема въ обширномъ смыслѣ разумѣли, какъ видно, то что мы теперь называемъ дворцомъ, большое, видное по своей красотѣ зданіе. Общее названіе для

дома было хоромы, состоявшія изъ теплаго жилья—избъ и холодныхъ, лѣтнихъ покоевъ — клѣтей. Загородные, лѣтніе дворы, какъ напримѣръ Берестовскій Святаго Владиміра, состояли, разумѣется, изъ однихъ холодныхъ покоевъ, или клѣтей. Клѣти соединялись другъ съ другомъ сѣнями, переходами или помостами, какъ видно изъ описанія кончины Святаго Владиміра [381]; въ хоромахъ напереди придѣлывались сѣни или крыльца на столпахъ, что видно изъ описанія мученической кончины двухъ Варяговъ [382]. Около хоромъ были дворы, огороженные заборомъ [383]. Кромѣ клѣтей упоминаются одрины спальни (отъ одръ — ложе), вежи (чердаки, вышки) голубятни (голубники [384]); изъ службъ упоминаются бани и медуши (гдѣ берегли медъ). Изъ утварей встрѣчаемъ названія— одръ (кровать), столъ въ значеніи княжескаго сѣдалища, что теперь престолъ; обыкновенно лавки въ пѣсняхъ называются бесѣдами; въ лѣтописи упоминается Пасынча бесѣда. Упоминаются ковры, которыми, вѣроятно, покрывали болѣе столы и лавки, чѣмъ полы. Изъ названія платья встрѣчаемъ порты въ обширномъ и тѣсномъ значеніи; изъ верхняго платья упоминаются корзны и луды (епанчи); къ одеждамъ отнесли мы перегибы и сустуги, въ которыхъ величались древлянскіе послы; упоминаются убрусы—платки. Обувь употреблялась та же, что и теперь—сапоги и лапти. Матеріаломъ для одежды служили ткани, паволоки греческія, льняныя и шерстяныя самодѣльныя, мѣха. По описанію Льва Діакона, Святославъ, при свиданіи съ Цимисхіемъ, какъ видно былъ въ одной рубашкѣ; въ одномъ ухѣ вдѣта была золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; о корзнѣ, плащѣ или кафтанѣ, который надѣвался въ одинъ рукавъ, а на другое плечо только накидывался, говоритъ арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ; такъ носитъ верхнюю одежду любитъ до сихъ поръ нашъ народъ. По свидѣтельству Арабовъ, русскіе женщины носили на груди маленькія коробочки изъ разныхъ дорогихъ и недорогихъ металловъ, смотря по достатку мужа; на коробочкѣ было кольцо, къ кольцу привязывался большой ножъ; на шеѣ женщины носили золотыя и серебряныя цѣпи, также ожерелья изъ зеленаго бисера. Носить усы и бороду было въ обычаѣ: Русская Правда упоминаетъ о ихъ поврежденіи; о святомъ Борисѣ говорится,

что у него, какъ у юноши, усъ и борода были малые.—Изъ конской сбруи упоминаются въ лѣтописи сѣдла и узды. Для ѣзды употреблялись в о з ы въ смыслѣ нынѣшнихъ повозокъ, и к о л а въ смыслѣ нынѣшнихъ дрогъ или дровенъ. Названіе сани употреблялось одинаково для зимней и лѣтней повозки [385]. Въ пищу употребляли хлѣбъ, мясо дикихъ животныхъ домашняго скота, между прочимъ конское, рыбу, овощи, сыры, кисели изъ пшеницы, отрубей, овса, кисельный растворъ назывался цѣ ж ь ю (отъ цѣдить [386]); кисель ѣли съ сытою. У князей были повара; мясо варили въ котлахъ, пекли на угольяхъ, посуда была: кади, лукна (лукошки), ведра, котлы [387], корчаги, бочки, ложки (дедеревянныя и серебряныя), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, медъ, квасъ. Изъ увеселеній упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидѣтельство Русской Правды для описываемаго времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная; животныя эти дорого цѣнились. Любили бани, преимущественно, какъ видно, на сѣверѣ; южные жители смѣялись надъ пристрастіемъ сѣверныхъ къ банямъ [388].

Занятія жителей составляли: земледѣліе [389]; жители городовъ воздѣлывали нивы и земли свои. На скотоводство указываютъ слова Древлянъ: «если повадится волкъ къ овцамъ, то выноситъ стадо»; Константинъ Багрянородный говоритъ, что Руссы покупаютъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ у Печенѣговъ, потому что эти животныя не разводятся въ Россіи. Слова эти можно понимать такъ, что количество рогатаго скота и овецъ, питаемыхъ племенами, было недостаточно для потребленія собственно Руссовъ, которые должны были покупать скотъ у Печенѣговъ. Въ Русской Правдѣ упоминаются: кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо послѣднихъ животныхъ, какъ видно, особенно любили [390]. Птицеводство: въ Русской же Правдѣ упоминаются цѣнныя птицы: голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи, — слѣдовательно можно заключать объ огородничествѣ. Рыболовство, звѣроловство, пчеловодство подразумѣваются. Изъ ремеслъ встрѣчаемъ указеніе на плотничество, которымъ занимались особенно Новгородцы и вообще жители сѣверныхъ областей, рубившіе лодки въ лѣсахъ своихъ, и привозившіе ихъ на продажу въ Кіевъ; о рубленіи городовъ, мощеніи мостовъ упоминаетъ и лѣтопись, и Правда; о кожевни-

чествѣ упоминаетъ лѣтопись въ разскасѣ о Янѣ Усмошвецѣ; безъ сомнѣнія, разныя грубыя ткани для обыкновенной одежды выдѣлывались также дома, равно какъ необходимая посуда, деревянная и глиняная, напримѣръ о дѣланіи горшковъ въ Новгородѣ есть прямое указаніе [391]. Касательно искусствъ въ дохристіанское время упоминается только объ одномъ каменномъ зданіи, теремѣ княжескомъ въ Кіевѣ, построенномъ безъ сомнѣнія греческими мастерами, потому что и послѣ каменьщики и зодчіе выписывались изъ Византіи; неизвѣстно, дома или на чужбинѣ дѣлались истуканы Владиміровы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ: Владиміръ послалъ въ Грецію за мастерами, которые построили въ 989 году Десятинную церковь въ Кіевѣ. По извѣстію лѣтописей, изъ Греціи пришли каменосѣчцы и зиждители палатъ каменныхъ [392]. Ярославъ построилъ каменную крѣпость въ Кіевѣ и соборную церковь Святой Софіи (митрополію), которую украсилъ золотомъ, серебромъ и сосудами; сынъ его Владиміръ въ Новгородѣ построилъ также крѣпость и соборъ Святой Софіи; при Ярославѣ же въ Кіевѣ построены монастыри Святаго Георгія и Святой Ирины [393]. Дитмаръ говоритъ, что въ его время въ Кіевѣ было 400 церквей и 8 торговъ [394]; Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя [395], число церквей крайне преувеличено или цифра искажена [396]; но общаго впечатлѣнія и отзывовъ нельзя отвергнуть.

Кіевъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ тому, что служилъ складкою товаровъ между южною и сѣверною Европою; обратимся же теперь къ торговлѣ, путемъ которой были русскія области въ описываемое время. Мы видѣли занятія племенъ: была ли въ числѣ ихъ торговля? существовала ли мѣна произведеній между племенами до появленія среди нихъ Варяговъ-Руси? Повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ обитаемой славянскими племенами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ; одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи; то же было у Полянъ и другихъ племенъ. Но съ призваніемъ варяжскихъ князей, съ появлені-

емъ ихъ дружины, дѣла начали перемѣняться; среди земледѣльческаго народонаселенія, добывавшаго все нужное безъ раздѣленія занятій, сосредоточенныхъ въ семьѣ, явилась воинская дружина, образовались, слѣдовательно, два различныхъ слоя народонаселенія, съ различными занятіями — и является мѣна: Константинъ Багрянородный говоритъ, что славянскія племена, подчиненныя Руссамъ, зимою рубятъ въ лѣсахъ свои лодки — однодеревки, отдѣлываютъ ихъ, и весною, какъ ледъ растаетъ, спускаютъ въ ближнія озера, и потомъ далѣе по Днѣпру въ Кіевъ; здѣсь вытаскиваютъ ихъ на берегъ и продаютъ Руссамъ, которые покупаютъ только однѣ лодки и весла, уключины же и другія снасти дѣлаютъ сами изъ старыхъ судовъ. Вотъ начало внутренней торговли! Но любопытно, какъ и здѣсь еще раздѣленіе занятій было неполно. Руссы покупали только остовы лодокъ у Славянъ, снасти же дѣлали сами. Несмотря на то, это явленіе очень важно для историка: сѣверныя славянскія племена, эти знаменитые плотники уже промышляютъ, рубятъ лодки, сплавляютъ ихъ, доходятъ до Кіева; Днѣпръ связываетъ сѣверъ и югъ русскихъ владѣній; сѣверныя племена двигаются, воспитываютъ въ себѣ духъ предпріимчивости; они сперва только помогаютъ внѣшней торговлѣ, приготовляютъ лодки для торговцевъ; но это приготовленіе скоро повлечетъ ихъ самихъ къ торговлѣ болѣе дѣятельной и внѣшней.

Если внутренняя торговля явилась съ прибытіемъ Варяговъ-Руси, то и внѣшняя должна была явиться вмѣстѣ съ ними же. Жилища славянскихъ племенъ — Новгородцевъ, Кривичей, Сѣверянъ, Полянъ находились на пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, изъ Варягъ въ Греки: здѣсь и основалось главное русское владѣніе, концами котораго и вмѣстѣ главными пунктами, соединяющими сѣверъ и югъ, были Новгородъ и Кіевъ; русское владѣніе тогда только получило полноту, когда новгородскіе князья овладѣли и Кіевомъ; Кіевъ и Новгородъ не могли долгое время существовать отдѣльно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолженіе нашей древней исторіи они находились въ неразрывномъ союзѣ; разстояніе между ними было путемъ; огромность этого разстоянія уменьшалась при удобствѣ сообщенія, потому что этотъ путь былъ водный. Новгородъ и Кіевъ — двѣ главныя стоянки на оконечностяхъ

этого пути; историческая жизнь народовъ всегда загарается тамъ, на тѣхъ концахъ ихъ областей, гдѣ они сталкиваются съ другими народами историческими; для славянскихъ племенъ мѣстомъ столкновенія съ историческими народами были концы великаго воднаго пути на сѣверѣ и югѣ — Новгородъ и Кіевъ; посредниками этого столкновенія были Варяги-Русь: они-то были первыми посредниками между сѣверомъ и югомъ Европы и въ торговомъ отношеніи; другимъ, побочнымъ путемъ была Западная Двина, — и здѣсь другое, менѣе важное русское владѣніе — Полоцкое княжество. Но какой же характеръ носила первоначально эта торговля? Разумѣется, мы не можемъ перенести на нее понятія настоящаго времени о торговлѣ. Торговля въ тѣ времена была тѣсно связана съ пиратствомъ: Варягъ являлся на извѣстный берегъ подъ видомъ торговли, и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями; но при первомъ удобномъ случаѣ изъ купца онъ становился пиратомъ, и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде велъ мѣну. На этотъ двойственный характеръ древнихъ русскихъ купцовъ лучше всего указываютъ договоры Грековъ съ нашими первыми князьями: въ нихъ византійское правительство постоянно выговариваетъ для себя мѣры противъ буйства Руссовъ. Но каковъ бы ни былъ характеръ послѣднихъ, они торговали съ Греціею, привозили туда товары сѣвера, и брали въ обмѣнъ товары юга.

Чѣмъ же торговали Руссы въ Константинополѣ? Главнымъ предметомъ торговли, съ ихъ стороны, были невольники; ихъ скованныхъ вели они во время труднаго перехода черезъ пороги; о невольникахъ находимъ особыя статьи въ договорахъ [397]. Кромѣ рабовъ, русскими товарами въ Константинополѣ считались воскъ и мѣха [398]; тѣ же товары — рабы, воскъ, медъ и мѣха, шли изъ Руси въ Болгарію, привозились въ Переяславецъ Дунайскій; на нихъ Русь вымѣнивала, въ Константинополѣ и Переяславцѣ, греческія паволоки, вино, плоды, золото (какъ товаръ), серебро и лошадей, приводимыхъ изъ Венгріи. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ добывали Руссы свои сѣверные товары? Конечно, они могли вымѣнивать ихъ у туземцевъ на какія-нибудь произведенія греческой промышленности, малоцѣнныя для Грека, драгоцѣнныя для Радимича; но главнымъ источникомъ пріобрѣтенія были дани, и потомъ охота, которою дружина кня-

жеская могла заниматься зимою во время пребыванія своего у племенъ. Мы знаемъ, что дань туземныхъ племенъ изначала состояла въ шкурахъ пушныхъ звѣрей; въ ноябрѣ князья съ дружиною выходили на полюдье, или отправлялись къ подчиненнымъ племенамъ, разумѣется, за данью: мы это знаемъ изъ исторіи Игоря; въ этихъ походахъ добывали и князь, и дружина. Возвратясь въ апрѣлѣ въ Кіевъ, князь и дружина привозили съ собою множество мѣховъ, которые надлежало сбыть съ рукъ, и вотъ немедленно послѣ пріѣзда въ Кіевъ часть дружины отправлялась въ лодкахъ по Днѣпру и морю въ Константинополь и въ Болгарію. Воскъ и медъ могли получаться тѣмъ же путемъ: мы знаемъ, что Древляне обязывались давать Ольгѣ медъ. Рабовъ могла получать Русь съ сѣвера: скандинавскіе пираты, опустошавшіе берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольниковъ въ Новгородъ, мѣнять ихъ Руссамъ на товары греческіе и восточные, а безспорно и сами, въ видѣ гостей, спускались по восточному водному пути въ Константинополь. Рабовъ собственнымъ Руссамъ для торговли могли доставлять войны ихъ съ разными народами и съ племенами славянскими въ томъ случаѣ, когда они должны были примучивать послѣднія: такъ Ольга отдала Древлянъ въ рабство мужамъ своимъ; но мы знаемъ, что такіе случаи бывали рѣдко. Разумѣется, что за раздачею дружинѣ, у князя оставалось еще много мѣховъ, меду, воску, и что значительнѣйшую часть товаровъ, которыми торговали Руссы, составляло имущество княжеское.

Не въ одинъ Константинополь или Переяславецъ отправлялись Руссы съ означенными товарами; они ѣздили съ ними также на востокъ, въ города козарскіе. Руссы входили изъ Азовскаго моря въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до пограничной козарской крѣпости Серкель или Бѣлой Вѣжи [309], перетаскивали здѣсь суда на сушу, и пройдя съ ними небольшой волокъ до Волги, спускались по этой рѣкѣ къ Итилю, столицѣ козарской, находившейся около нынѣшней Астрахани. Главнымъ товаромъ, который Руссы привозили въ Итиль, были также мѣха. Потребность въ мѣхахъ усиливалась на востокѣ съ распространеніемъ богатства и роскоши въ блестящее царствованіе Гаруна-аль-Решида. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до насъ дошло извѣстіе, что Зобейда, жена

Гаруна, первая ввела въ моду шубы, подбитыя русскими горностаями и соболями; кромѣ мѣховъ, Руссы привозили на Волгу также и рабовъ. Въ обмѣнъ за означенные товары, Руссы могли брать у Арабовъ дорогіе камни, бисеръ, особенно зеленаго цвѣта (нитки его составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, которыхъ мужья разорялись, платя нерѣдко по диргему — отъ 15 до 20 копѣекъ серебромъ за каждую бисеринку), золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговки, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи, быть-можетъ также шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино. Но, какъ видно, Руссы сильно желали вымѣнивать на свои товары арабскія монеты, диргемы, которыя вездѣ и во всякомъ значеніи имѣли большую цѣнность. Посредствомъ этого пути, арабскія монеты распространялись по разнымъ мѣстамъ тогдашнихъ русскихъ областей; какъ рѣдкія, всегда цѣнныя вещи, какъ украшенія, переходили онѣ изъ рода въ родъ, изъ рукъ въ руки, закапывались въ землю вмѣстѣ съ мертвецами, зарывались въ видѣ кладовъ, и такимъ образомъ дошли до насъ [400]. Но не однимъ путемъ мѣны могло дойти въ Россію большое количество монетъ [401]; значительное количество ихъ должно было достаться Руссамъ во время счастливаго похода Святославова на Козаръ, Буртасовъ и Болгаръ Волжскихъ, и вообще на востокъ, когда раззорены были тамошнія торговыя мѣста; арабскія монеты могли быть завозимы въ русскія области также Болгарами. Мы замѣтили уже, что значительнѣйшая часть товаровъ должна была принадлежать князю, слѣдовательно, значительнѣйшая часть вымѣненнаго на эти товары должна была возвратиться въ казну княжескую; отсюда монеты могли переходить къ дружинѣ; дружинники были люди вольные, хотѣли — служили князю, не хотѣли — шли домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, и уносили съ собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаемъ также, что князья наши часто нанимали Варяговъ для одного какого-нибудь похода; разумѣется, наемники брали плату свою преимущественно серебромъ, и такимъ образомъ диргемы изъ казны княжеской переходили къ наемнымъ Варягамъ: отсюда, кромѣ торговли, объясняется, почему на скандинавскомъ берегу и на прилежащихъ къ нему островахъ находятъ такъ много кладовъ съ вос-

точными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо какъ предположить, чтобы количество и цѣнность товаровъ скандинавскихъ такъ превышали количество и цѣнность товаровъ русскихъ, греческихъ и восточныхъ, шедшихъ чрезъ Россію, что лишекъ долженъ былъ оплачиваться деньгами? Замѣтимъ также, что кромѣ зарытія монетъ въ могилы, клады въ въ понятіяхъ народа обыкновенно соединяются съ представленіемъ о разбойникахъ, зарывшихъ въ землю награбленное; что разбои въ описываемый періодъ были сильны, на это имѣемъ ясное свидѣтельство въ лѣтописяхъ и преданіяхъ; такимъ образомъ можетъ объясниться происхожденіе большихъ кладовъ, какъ напримѣръ близь Великихъ Лукъ найденъ кладъ въ семь слишкомъ тысячъ цѣлковыхъ. Предполагая разбойничество какъ одно изъ средствъ накопленія большихъ кладовъ, мы не отвергаемъ возможности накопленія значительныхъ капиталовъ и посредствомъ торговли; но здѣсь замѣтимъ, что никакъ нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятся куфическія монеты, напримѣръ X вѣка непремѣнно были зарыты въ этомъ вѣкѣ, монеты X-го вѣка, могли зайдти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и въ сохраненіи и въ послѣдующіе вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопляться разными средствами въ однѣхъ рукахъ и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ, отъ большихъ кладовъ съ куфическими монетами X-го вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ капиталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси.

Кромѣ Руссовъ, посредниками торговли между Европою и Азіею въ описываемое время были Болгары Волжскіе. Въ рукахъ этихъ Болгаръ была торговля съ сосѣдними народами сѣверовостока и сѣверозапада; чтобы не допускать арабскихъ купцовъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ послѣдними, они представляли ихъ Арабамъ людоѣдами [402]. Болгарскіе купцы ѣздили въ страну Веси на лодьяхъ, вверхъ по Волгѣ и Шекснѣ, для закупки мѣховъ; любопытны подробности, находимыя у арабскихъ писателей о мѣновой торговлѣ Болгаръ съ Весью: Болгары пріѣзжали въ опредѣленное мѣсто, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими-нибудь знаками, и удалялись. Въ это время туземцы раскладывали рядомъ свои произведенія, ко-

торыя считали равноцѣнными, и также удалялись. Если болгарскіе купцы, по возвращеніи, находили мѣну выгодною, то брали съ собой туземные товары и оставляли свои, въ противномъ случаѣ они опять уходили на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другаго товара до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяли Болгаръ. У Арабовъ такая торговля слыла нѣмою. Разсказъ Арабовъ замѣчателенъ для насъ потому еще, что объясняетъ разсказъ новгородскаго купца, Гюряти Роговича, занесенный въ лѣтопись [403]. Такъ и позднѣе торговали Болгары съ Югрою [404]. Но кромѣ Веси, по извѣстію арабскихъ писателей, болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю. Это извѣстіе подтверждается извѣстіями нашихъ лѣтописей о приходѣ болгарскихъ проповѣдниковъ магометанства въ Кіевъ, подтверждается и важнымъ извѣстіемъ, сохранившимся у Татищева, о договорѣ, заключенномъ при Владимірѣ съ Болгарами: это извѣстіе драгоцѣнно для насъ потому, что въ немъ находится первое положительное упоминовеніе о купцахъ, какъ отдѣльномъ разрядѣ людей, и городахъ, какъ торговыхъ средоточіяхъ. Примѣръ Византіи и стеченіе иностранныхъ купцовъ въ Кіевъ дали понять выгоду торговли для казны княжеской, въ которую собирались торговыя пошлины, и вотъ кіевскій князь обязываетъ Болгаръ не покупать товаровъ въ селахъ у тіуновъ и другихъ лицъ, но покупать ихъ въ городахъ. Здѣсь ясно видимъ два рода торговли: первоначальную, по которой всякій сбывалъ всякому излишекъ своей собственности, и торговлю въ настоящемъ смыслѣ, которая, вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, начинаетъ вытѣснять первоначальную [405]. Русская Правда знаетъ купцовъ такъ же, какъ отдѣльный разрядъ людей.—Кромѣ Грековъ, Арабовъ, Болгаръ Волжскихъ и Дунайскихъ, Русскіе производили мѣну съ ближайшими сосѣдями своими, степными народами, Печенѣгами, которые доставляли рогатый скотъ, лошадей, овецъ. Изъ словъ Святослава видно, что въ Переяславцѣ Дунайскомъ русскіе купцы могли производить мѣну съ купцами чешскими и венгерскими. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля изъ Новгорода съ сѣверовосточными финскими племенами существовала уже въ описываемое время, и что изъ Новгорода же купцы съ мѣхами, восточными и греческими товарами начали являться и

въ городахъ балтійскихъ Славянъ. — Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о деньгахъ, одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ нашихъ древностяхъ; по недостатку точныхъ извѣстій, мы отлагаемъ его рѣшеніе до слѣдующаго періода.

Обозрѣвъ матеріальныя силы новорожденнаго русскаго общества, обратимся теперь къ новому, духовному началу, явившемуся въ концѣ описываемаго періода, началу, богатому нравственнымъ и гражданскимъ вліяніемъ. Какъ слабо было прежде въ языческомъ обществѣ вліяніе волхвовъ, такъ могущественно явилось теперь вліяніе христіанскаго духовенства. Немедленно послѣ принятія новой вѣры, мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи; русская земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское: отсюда понятно и гражданское вліяніе имперіи на юное русское общество. — Мы видѣли, какъ было принято христіанство и какъ распространялось; видѣли, что оно принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде знакомо, но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ: первые епископы Ростова—Ѳеодоръ и Ларіонъ, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ [406]; въ концѣ описываемаго періода язычество нисколько не уступало и ревности третьяго епископа ростовскаго, святаго Леонтія, который, видя невозможность дѣйствовать на взрослое поколѣніе, окрѣпшее въ язычествѣ, обратился къ дѣтямъ, сталъ привлекать ихъ къ себѣ ласкою и учить вѣрѣ. Мы видимъ язычество господствующимъ и у племенъ средней Руси, на Окѣ до самыхъ ея низовьевъ. Оставаясь глухими къ увѣщаніямъ христіанскихъ проповѣдниковъ, жители сѣвера тѣмъ легче слушали старыхъ волхвовъ своихъ: такъ читаемъ въ лѣтописи, что въ 1024 году встали волхвы въ Суздальской землѣ во время голода, и начали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что они скрываютъ у себя въ тѣлѣ съѣстные припасы. Былъ мятежъ большой по всей той странѣ, такъ что самъ великій князь Ярославъ принужденъ былъ туда отправиться: онъ переловилъ волхвовъ, однихъ разослалъ по разнымъ

мѣстамъ, другихъ казнилъ, говоря: «Богъ за грѣхи наказываетъ землю голодомъ, моромъ, засухою, или какою-нибудь другою казнью, а человѣкъ не знаетъ ничего» [407]. И на югѣ языческіе обычаи, преданія, повѣрья еще очень сильны между христіанами; такъ читаемъ въ лѣтописи подъ 1044 годомъ: «Въ этотъ годъ умеръ Брячиславъ, князь полоцкій, и Всеславъ, сынъ его, сѣлъ на столѣ; этого Всеслава мать родила отъ волхвованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на головѣ, и волхвы сказали ей: навяжи ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носитъ онъ до смерти своей; Всеславъ точно носитъ ее до сихъ поръ; поэтому онъ такъ и кровожаденъ» [408].

Самымъ лучшимъ средствомъ къ торжеству новой вѣры надъ старою признано было — дѣйствовать на новое, молодое поколѣніе: такъ при Владимірѣ и при Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры; мы видѣли, что такъ дѣйствовалъ и святый Леонтій на сѣверѣ; возможность выучиться грамотѣ существовала и въ другихъ городахъ, что видно изъ житія святаго Θеодосія [409]. Эта мѣра скоро принесла свои плоды, скоро обозначилась дѣятельность молодаго, грамотнаго поколѣнія, получившаго изъ книгъ яснѣйшее понятіе о новой вѣрѣ. Представителями этого молодаго, грамотнаго поколѣнія въ семьѣ княжеской были сыновья святаго Владиміра — Борисъ, Глѣбъ, Ярославъ. Христіанство прежде всего должно было подѣйствовать на самыя мягкія нѣжныя отношенія, отношенія родственныя; это всего яснѣе можно видѣть на Борисѣ и Глѣбѣ. Изъ дѣтей Владиміровыхъ они больше всѣхъ были похожи на отца своего мягкостію природы: по этому одному уже не удивительно, что у Владиміра было къ нимъ болѣе сочувствія, что онъ особенно любилъ Бориса; и вотъ эта мягкая природа двухъ братьевъ легко воспринимаетъ вліяніе христіанства, они являются образцами братской любви. «Не хочу поднять руки на старшаго брата», говоритъ Борисъ, и падаетъ жертвою уваженія своего къ родственнымъ отношеніямъ, освященнымъ религіею. Отсюда понятно значеніе Бориса и Глѣба въ нашей исторіи: они были первомучениками въ этой нравственной борьбѣ новаго христіанскаго общества съ старымъ языческимъ. Братъ ихъ Ярославъ является представителемъ по-

ваго поколѣнія въ другихъ отношеніяхъ: онъ самъ любитъ читать книги, собираетъ ихъ, распространяетъ грамотность въ землѣ, является просвѣщеннымъ христіаниномъ въ борьбѣ своей съ язычествомъ, что видно изъ приведеннаго отзыва его о волхвахъ. Послѣ сыновей Владиміровыхъ представителемъ новаго, грамотнаго поколѣнія является первый русскій митрополитъ Иларіонъ, который умѣлъ понять превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ и умѣлъ показать другимъ это превосходство. Какъ молодое поколѣніе оцѣнило новое сокровище, пріобрѣтенное имъ съ христіанствомъ, и какъ было благодарно людямъ, которые способствовали ему къ пріобрѣтенію этого сокровища, — видно изъ отзыва лѣтописца о дѣятельности Владиміра и Ярослава: «Подобно тому, какъ еслибы кто-нибудь распахалъ землю, а другой посѣялъ, а иные стали бы пожинать и ѣсть пищу обильную: такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ; сынъ его Ярославъ насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; изъ книгъ учимся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, напояющія вселенную, это исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанія»[410].

Дѣйствія книжнаго ученія, ближайшаго знакомства съ новою вѣрою, не замедлили обнаружиться въ цѣломъ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ. Для упроченія христіанства мало было взять дѣтей изъ домовъ полуязыческихъ родителей; нужно было, чтобы нѣкоторые изъ новаго поколѣнія отторглись совершенно отъ общества, сильно пропитаннаго язычествомъ; для упроченія христіанства нужно было, чтобъ оно распространилось не словомъ только, но самымъ дѣломъ; нужно было, чтобы въ нѣкоторыхъ избранныхъ обнаружилось дѣйствіе новаго ученія, и они пошли бы на проповѣдь не съ огнемъ и мечемъ, какъ Добрыня или Путята, но съ величіемъ подвига христіанскаго. При господствѣ матеріальной силы, предъ которою все преклонялось, нуженъ былъ рядъ подвижниковъ, которые показали бы подвиги, превышавшіе подвиги богатырей, которые показали бы господство духа надъ плотію, показали бы чудеса мужества другаго рода, борьбу, болѣе изумительную, и пріобрѣли бы своими под-

вигами благоговѣніе къ себѣ и къ тому ученію, которое даетъ силы къ подобнымъ подвигамъ. Монашество, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, явилось на Руси очень рано: такъ есть преданіе, что еще первый кіевскій митрополитъ Михаилъ построилъ въ Кіевѣ монастырь на горѣ противъ холма Перунова: есть также иностранное извѣстіе, что кіевскій митрополитъ встрѣчалъ Святополка и Болеслава Храбраго въ монастырѣ святой Софіи [411]; при Ярославѣ построены монастыри Георгіевскій и Ирининскій. Но эти монастыри не были такіе, какіе надобны были тогда для упроченія христіанства,—ихъ монахи не были настоящими подвижниками. «Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, но не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ» [412]. Когда новое поколѣніе короче познакомилось съ новою вѣрою, тогда между нѣкоторыми изъ него обнаружилось то же самое стремленіе, какое было сильно и между язычниками русскими, — стремленіе посѣтить Грецію, съ тою однако разницею, что прежніе Руссы язычники ходили въ Грецію для выгодной службы въ полкахъ имперіи, для торговли, для грабежа, а теперь русскіе христіане стали ходить не для матеріальныхъ выгодъ, но для того, чтобы получить утвержденіе въ вѣрѣ. Такъ явился на Аѳонѣ одинъ изъ русскихъ христіанъ, житель города Любеча, по имени Антипа, и постригся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей подъ именемъ Антонія: недалеко отъ монастыря Есфигмена, подлѣ морскаго берега, показываютъ пещеру перваго русскаго инока [413]. Греческій игуменъ понялъ всю пользу, какую подвиги Антонія могли принести на Руси, и отпустилъ его назадъ на родину. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ тамошніе монастыри, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ такой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ; онъ былъ одинокъ среди кіевскихъ монаховъ и рѣшился жить одинъ. На берегу Днѣпра, на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ, Антоній нашелъ пещеру, выкопанную Иларіономъ, первымъ митрополитомъ изъ русскихъ, когда еще онъ былъ священникомъ въ ближнемъ княжескомъ селѣ Берестовѣ; Иларіонъ уединялся въ пещеру временно, Антоній навсегда поселился въ ней; но онъ не долго пробылъ одинъ. Прославленіе подвиговъ Антонія и собраніе къ нему другихъ подвижниковъ

не относится къ описываемому времени; но къ нему относится юность другаго знаменитаго подвижника, преемника Антоніева; подробности жизни этого новаго русскаго человѣка драгоцѣнны для пополненія картины тогдашняго быта новорожденной Руси. Этотъ подвижникъ, прославившійся послѣ подъ именемъ Θеодосія, былъ также родомъ изъ Приднѣпровья, изъ города Василева; но родители его скоро перешли въ Курскъ, гдѣ и протекла его юность. Мальчикъ нашелъ себѣ здѣсь человѣка, у котораго могъ выучиться грамотѣ, сталъ читать книги, переселился мыслями въ другой міръ, и нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы немедленно начать приложеніе читаннаго къ дѣлу: онъ не пропускалъ службы церковной, дома работалъ вмѣстѣ съ рабами. Но въ домѣ у богатой матери ему было скучно, тѣсно; его томила жажда подвижничества, желаніе видѣть тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ постоянно мыслію,—мѣста, гдѣ происходило то, о чемъ онъ читалъ въ книгахъ, о чемъ слышалъ въ церкви. Разъ, тайкомъ отъ матери, присталъ онъ къ паломникамъ и ушелъ съ ними изъ города. Мать Θеодосія была похожа на тѣхъ русскихъ матерей, которыя, по словамъ лѣтописца, плакали по сыновьяхъ своихъ какъ по мертвыхъ, когда Владиміръ велѣлъ отдавать ихъ въ ученье; борьбу двухъ поколѣній — стараго — полуязыческаго и новаго—христіанскаго, просвѣщеннаго книжнымъ ученіемъ, всего лучше показываютъ намъ отношенія святаго Θеодосія къ матери. Послѣдняя, узнавъ о побѣгѣ сына, догнала его, прибила, и держала нѣкоторое время въ оковахъ, чтобы не вздумалъ уйдти опять. Θеодосій остался, и по-прежнему ходилъ въ церковь; но въ церкви обѣдню служили не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось, по недостатку просвиръ: Θеодосій сталъ печь просвиры. Мать оскорбилась такимъ занятіемъ сына, бранила, била его, и заставила уйдти въ другой городъ: здѣсь онъ пріютился у священника, и по-прежнему пекъ просвиры. Мать нашла его и тутъ, и взяла назадъ домой; но другіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на дивное поведеніе молодаго человѣка: городской посадникъ далъ ему средство удовлетворять своей благочестивой склонности, позволилъ ему жить у своей церкви. Θеодосію было мало безпрепятственной молитвы, мало рубища, въ которомъ онъ постоянно ходилъ, отдавая лучшее платье нищимъ: онъ надѣлъ вериги. Мать увидала по

случаю кровь на бѣльѣ сына, нашла, что это отъ веригъ и сорвала ихъ съ яростію съ плечъ Ѳеодосія, который уже послѣ не могъ надѣвать ихъ. Наконецъ борьба между стремленіемъ къ христіанскому подвижничеству и уваженіемъ къ родительской власти кончилась; пораженный евангельскими словами: «иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ», Ѳеодосій рѣшился, во что бы то ни стало, покинуть материнскій домъ, и ушелъ въ Кіевъ, чтобы вступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Но какіе это были монастыри, видно изъ того, что ни въ одинъ изъ нихъ не приняли Ѳеодосія, явившагося въ видѣ бѣднаго скитальца; не такіе монастыри нужны были Ѳеодосію и новорожденной Руси. Ѳеодосій нашелъ наконецъ убѣжище по своему желанію: онъ нашелъ пещеру Антонія». «Сынъ! говорилъ ему Антоній: трудно будетъ тебѣ жить со мною въ этой тѣсной пещерѣ; ты еще молодъ». Но подъ видомъ юноши передъ нимъ стоялъ мужъ, окрѣплый въ борьбѣ, претерпѣвшій столько тѣсноты въ просторѣ, столько лишеній въ довольствѣ, что никакая тѣснота и никакія лишенія не были для него болѣе страшными. Антоній принялъ Ѳеодосія подвиги обоихъ мы еще увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Показавъ, какъ юная русская церковь приготовлялась дѣйствовать въ лицѣ представителей новаго поколѣнія, уже воспитаннаго въ христіанствѣ, мы обратимся теперь ко внѣшнему образу церкви, ея управленію и средствамъ. Еще во времена Олега Греки полагали въ Россіи особую епархію, шестидесятую, въ числѣ подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху; съ принятія христіанства святымъ Владиміромъ въ челѣ церковнаго управленія стоялъ митрополитъ; первые митрополиты были избраны и поставлены патріархомъ константинопольскимъ, послѣдній, Иларіонъ,—соборомъ русскихъ епископовъ. Кромѣ митрополита упоминаются епископы; какъ видно, епископы были въ Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ, вѣроятно были и въ другихъ городахъ. Ближайшіе къ Кіеву епископы собирались въ этотъ городъ: нужно было ихъ присутствіе около новообращенной власти, дѣятельность которой они должны были теперь направлять согласно съ новыми потребностями общества. Мы видѣли сильное вліяніе епископовъ относительно земскаго устава при Владимірѣ; митрополитъ Ила-

ріонъ прямо говоритъ о частыхъ совѣтахъ Владиміра съ епископами, говоритъ, что князь съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа. При такомъ значеніи духовенства, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ касающемся наряда въ странѣ, при такомъ ихъ вліяніи трудно предположить, чтобы кругъ дѣятельности ихъ оставался неопредѣленнымъ, и чтобъ это опредѣленіе не послѣдовало по образцу византійскому; вотъ почему такъ трудно отвергнуть уставы о церковныхъ судахъ, приписываемые святому Владиміру и сыну его Ярославу [414]. Эти уставы естественно должны быть составлены по образцу церковныхъ уставовъ греко-римскихъ; но такъ какъ состояніе обоихъ обществъ — греко-римскаго и русскаго въ описываемое время было различно, то и въ церковныхъ уставахъ русскихъ мы должны необходимо встрѣтить различіе отъ церковныхъ уставовъ греко-римскихъ: въ обществѣ греко-римскомъ отношенія семейныя издавна подчинялись гражданскимъ законамъ, тогда какъ въ русскомъ новорожденномъ обществѣ семейство оставалось еще неприкосновеннымъ; но церковь, по главной задачѣ своей дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинялись церковному суду. Такъ напримѣръ нарушеніе святости власти родительской въ римскомъ правѣ предоставлено мірскому суду, а въ уставѣ святаго Владиміра церковному, равно тяжбы между сыновьями умершаго о наслѣдствѣ и тяжбы между мужемъ и женою объ имѣніи. Справедливо замѣчаютъ также, что статьи объ опекѣ и наслѣдствѣ, находящіяся въ Русской Правдѣ, большею частію заимствованы изъ греко-римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства. Поврежденіе церквей и могилъ въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено уставомъ святаго Владиміра, мы не найдемъ въ греческихъ законахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ, потому что такого рода преступленія были только мѣстныя русскія [415]. Вслѣдствіе также юности общества церковь на Руси взяла подъ свое покровительство и судъ надъ людьми, которыхъ значеніе было тѣсно связано съ религіею, напримѣръ, просвирню, паломника, прощенника (человѣка, исцѣленнаго чудомъ), людей, которые со-

держались при церквахъ и монастыряхъ для подаянія помощи страждущимъ, пришлецовъ, которые, вѣроятно, пользовались гостепріимствомъ при церквахъ и монастыряхъ, людей, отпущенныхъ на волю господами ради спасенія души, увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, которые также преимущественно жили при церквахъ.

Справедливо замѣчаютъ, что какъ вообще утвержденіе христіанства на Руси послѣдовало только постепенно, то и утвержденіе суда церковнаго по дѣламъ семейнымъ могло совершиться также въ теченіе извѣстнаго времени; но начало утвержденія того и другаго мы должны необходимо отнести къ описываемому періоду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленія чистоты правственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ [416]. Духовенство съ своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, поднявши мать въ уровень съ отцемъ, что ясно видно изъ отношеній женщины по имуществу [417]. Духовенство блюло, чтобы родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замужъ насильно; преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю [418]. Лѣтописецъ жалуется, что у языческихъ Славянъ позволялось срамословіе въ семейномъ кругу: духовенство начинаетъ преслѣдовать срамословіе. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чужой власти, христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жреческій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцовъ природныхъ являются отцы духовные; что̀ прежде подлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному. Но понятно, что древнее языческое общество не вдругъ уступило новой власти свои права, что оно боролось съ нею и боролось долго; долго, какъ увидимъ, христіане только по имени не хотѣли допускать новую власть вмѣшиваться въ свои семейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу только въ верхнихъ слояхъ общества, и съ трудомъ проникали внизъ, въ массу,

гдѣ язычество жило еще на дѣлѣ, въ своихъ обычаяхъ. Мы видѣли, что вслѣдствіе родоваго быта у восточныхъ Славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе; не имѣя ничего противопоставить христіанству, язычество легко должно было уступить ему общественное мѣсто; но, будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Язычникъ русскій, не имѣя ни храма, ни жрецовъ, безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцемъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Борьба, вражда древняго языческаго общества противъ вліянія новой религіи и ея служителей выразилась въ суевѣрныхъ примѣтахъ, теперь безсмысленныхъ, но имѣвшихъ смыслъ въ первые вѣка христіанства на Руси: такъ появленіе служителя новой религіи закоренѣлый язычникъ считалъ для себя враждебнымъ, зловѣщимъ, потому что это появленіе служило знакомъ къ прекращенію нравственныхъ безпорядковъ, къ подчиненію его грубаго произвола нравственно-религіозному закону. Бѣжалъ закоренѣлый язычникъ, увидавъ издали служителя церкви, врага его прежняго языческаго быта, врага его прежнихъ боговъ, врага его домашнихъ духовъ-покровителей. Не имѣя силы дѣйствовать положительно противъ новой религіи, язычество дѣйствовало отрицательно, удаленіемъ отъ ея служителей; это удаленіе, разумѣется, поддерживалось старикамн, ревнивыми къ своей власти, отъ которой они должны были отказаться въ пользу старцевъ церкви, пресвитеровъ и епископовъ.

Касательно содержанія церкви въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что святый Владиміръ далъ въ пользу Богородичной церкви въ Кіевѣ отъ имѣнія своего и отъ доходовъ десятую часть, отъ чего и церковь получила названіе Десятинной [419]; о Ярославѣ говорится, что онъ строилъ церкви и опредѣлялъ къ нимъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе отъ казны своей: это уже можетъ показывать, что приношенія прихожанъ не могли быть достаточны для содержанія церквей,—въ то время стадо было малое, по словамъ Иларіона. Изъ житія святаго Ѳеодосія узнаемъ, что въ курской церкви служба не могла часто

совершаться по недостатку просвиръ; изъ того же источника узнаемъ, что градоначальникъ или посадникъ въ Курскѣ имѣлъ свою церковь. Пособіемъ для церковнаго содержанія могли служить пени, взимаемыя за преступленія по церковному суду, какъ это означено въ уставѣ Ярослава. Отъ средствъ, находившихся въ распоряженіи церквей и монастырей, зависѣло призрѣніе, которое находили около нихъ бѣдные, увѣчные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христіанствомъ, находимъ ясныя указанія въ преданіяхъ о дѣлахъ Владиміровыхъ.

Мы видѣли тѣсную связь грамотности съ христіанствомъ, слышали отзывъ инока лѣтописца о пользѣ книжнаго ученія, слѣдили за дѣятельностію новаго, грамотнаго поколѣнія христіанъ; теперь посмотримъ, не обнаружилась ли эта дѣятельность въ словѣ, и недошло ли до насъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ изъ разсматриваемаго періода? Дошли до насъ отъ этого времени, сочиненія перваго кіевскаго митрополита изъ русскихъ—Иларіона; его сочиненія заключаются въ Словѣ о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и благодати и истинѣ, явившихся чрезъ Іисуса Христа, съ присовокупленіемъ похвалы Кагану нашему Владиміру и изложенія Вѣры. Кромѣ того въ сборникѣ XIV или XV вѣка открыто слово святаго Иларіона, митрополита кіевскаго [420]. Для насъ особенно важны два первыхъ сочиненія, какъ непосредственно относящіяся къ нашему предмету. Естественно ожидать, что первымъ словомъ церковнаго пастыря послѣ введенія христіанства будетъ прославленіе новаго порядка вещей, указаніе тѣхъ благъ, которыя народъ пріобрѣлъ посредствомъ новой вѣры. И точно, въ словѣ Иларіона мы находимъ указаніе на это превосходство новой вѣры предъ старою: «Уже не зовемся болѣе идолослужителями, но христіанами, говоритъ онъ, мы болѣе уже не б е з н а д е ж н и к и, но уповаемъ въ жизнь вѣчную; не строимъ болѣе капищъ, но зиждемъ церкви Христовы; не закалаемъ бѣсамъ другъ друга, но Христосъ закалается за насъ и дробится въ жертву Богу и Отцу.» Но эта противоположность христіанства съ прежнимъ русскимъ язычествомъ не составляетъ главнаго седержанія слова, въ которомъ преимущественно показывается противоположность и превосходство христіанства предъ іудействомъ,

благодати Христовой предъ закономъ Моисеевымъ, какъ истины предъ тѣнью, сыновства предъ рабствомъ, общаго, всечеловѣческаго предъ частнымъ, народнымъ. Такое содержаніе Иларіонова сочиненія объясняется тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ его, писалъ не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжныя: обращаясь же къ новому поколѣнію грамотныхъ христіанъ, Иларіонъ не имѣлъ нужды выставлять много превосходство христіанской религіи предъ старымъ русскимъ язычествомъ: это превосходство было для нихъ ясно; Иларіону надобно было приступить къ другому, болѣе важному вопросу объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, о винѣ пришествія Христова на землю; первый вопросъ, предложенный Владиміромъ греческому проповѣднику, былъ: «для чего Богъ сошелъ на землю, и принялъ страсть?» Этотъ же вопросъ нужно было прежде всего уяснить и новому поколѣнію. Основываясь на приведенныхъ словахъ: «не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но преизлиха насыщшемся сладости книжныя», мы даже позволимъ себѣ догадку, что слово Иларіона о законѣ и благодати есть посланіе митрополита къ самому великому князю Ярославу, потому что о послѣднемъ всего приличнѣе можно было сказать, что онъ насытился сладости книжныя, если сравнимъ отзывы лѣтописей объ этомъ князѣ: «И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, и пресвитеры любяще повелику, и книги прочитая». Или: «Ярославъ же сей любяше книги зѣло». Объяснивши превосходство христіанской вѣры надъ іудейскою и языческою, Иларіонъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ на Руси; такимъ образомъ оба сочиненія: Слово о законѣ и благодати и похвала Владиміру составляютъ одно цѣлое.

Но кромѣ приведеннаго памятника мы должны обратить вниманіе на изустно сохранившіяся произведенія народной фантазіи, которыхъ начало, первый древнѣйшій складъ относится къ описываемому времени; таковы наши древнія народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ упоминается о Владимірѣ, о подвигахъ его богатырей. Главное содержаніе этихъ пѣсень и сказокъ составляютъ подвиги богатырей, защищавшихъ русскую землю отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: первыми являются степные кочевники, приходящіе съ востока на Русскую землю, на столь-

ный городъ Владиміра, вторымп — разбойники. По характеру своему эти пѣсни и сказки раздѣляются на такія, въ которыхъ преобладаетъ древній языческій элементъ, и на такія, въ которыхъ уже видны слѣды христіанскаго вліянія. Характеръ перваго изъ означенныхъ отдѣловъ соотвѣтствуетъ вполнѣ характеру эпохи, какъ онъ изображенъ нами въ своемъ мѣстѣ. Герой пѣсни или сказки—богатырь, обладающій страшною матеріальною силою: вотъ онъ является ко двору княжескому, всѣ глядятъ на молодца, дивуются, ему наливаютъ чару зелена вина въ полтора ведра, онъ принимаетъ чару единой рукой, выпиваетъ ее единымъ духомъ; броситъ онъ горсть песку по высокому терему—полтерема спибетъ; закричитъ богатырь зычнымъ голосомъ—съ теремовъ верхи повалятся, съ горницъ охлопья попадаютъ, въ погребахъ питья всколеблются. Вотъ подвиги любимаго народнаго богатыря Ильи Муромца [421]: Илья идетъ въ послахъ отъ князя Владиміра къ хану кочевой орды, и заводитъ съ нимъ ссору; ханъ велитъ связать ему руки бѣлыя, плюетъ ему въ ясны очи:

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ (ханъ) въ ясны очи;
Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
Недопустатъ Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ въ Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ни махнетъ, тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
„А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется.....“

Но не одна чудовищная, матеріальная сила дѣйствуетъ въ богатыряхъ; въ нихъ дѣйствуетъ также сила чародѣйская. Мы видѣли занесенное въ лѣтопись преданіе о томъ, что полоцкій князь Всеславъ Брячиславичъ родился отъ волшебства (волхо-

ванья); пѣсня разсказываетъ въ подробности это преданіе [422], какъ родился богатырь Волхвъ Всеславьевичъ отъ лютаго змѣя. Когда минуло Волхву десять годовъ, сталъ учиться онъ премудростямъ: первой мудрости учился—обертываться яснымъ соколомъ; другой мудрости учился—обертываться сѣрымъ волкомъ; третьей мудрости учился онъ—обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога. На двѣнадцатомъ году начинаетъ онъ набирать дружину; живо и согласно съ лѣтописью представляетъ намъ пѣсня дружинный бытъ: сталъ себѣ Волхъ прибирать дружину, прибиралъ три года, и набралъ себѣ дружины семь тысячъ; самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ, и вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.... Волхъ поилъ, кормилъ дружину храбрую, обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ.—Особенно отличаются мудростью, хитростью, то-есть чародѣйствомъ, вѣдовствомъ, женщины, знаменитыя вѣдьмы кіевскія: такова Марина Игнатьевна [423], которая водится съ змѣемъ Горынчищемъ. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживаетъ его къ себѣ.

Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дровца въ печку муравленную
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
„Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы серце молодецкое."

Чары дѣйствуютъ на Добрыню: онъ влюбляется въ вѣдьму, прогоняетъ отъ нея соперника своего, Змѣя Горынчища, за что Марина обертываетъ его гнѣдымъ туромъ.—Такова Авдотья Лиховидьевна, которая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, Потокомъ Михайлою Ивановичемъ: она взяла съ него слово, что если она умретъ прежде него, то ему зарыться съ нею въ могилу живому; и вотъ черезъ полтора года Ляховидьевна умираетъ, и Потокъ, вѣрный своому слову.

Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тое жъ могилу глубокую,

И заворочали потолокомъ дубовымъ
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянный крестъ,—
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи.
И для страху, добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная
Собиралось къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ;
А Потокъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втѣпоры она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Такъ отразился матеріальный, языческій бытъ юной Руси на произведеніяхъ народной фантазіи; теперь посмотримъ, какъ отразилось на нихъ вліяніе христіанства. Это вліяніе замѣтно отразилось въ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ: противникомъ Алеши является Тугаринъ Змѣевичъ, богатырь съ чудовищною матеріальною силою и чародѣй: отечество Змѣевичъ, способность палить огнемъ и склонность къ сладострастію указываютъ на его нечистое происхожденіе. Алеша Поповичъ не отличается чудовищною матеріальною силою, но ловко владѣетъ оружіемъ. За столомъ княжескимъ Тугаринъ Змѣевичъ ѣстъ и пьетъ по-богатырски: по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, глотаетъ цѣликомъ по лебедю, по цѣлой чашѣ охлестываетъ, которая чаша въ полтретья ведра, и безстыдно ведетъ себя съ женщинами; все это не нравится Алешѣ, онъ сравниваетъ Тугарина съ прожорливымъ животнымъ; здѣсь уже природа человѣческая вооружается противъ животненной. Приготовляясь къ битвѣ съ Туга-

риномъ, Алеша не спитъ всю ночь, молится со слезами, чтобы Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную съ дождемъ и градомъ; Алешины молитвы доходны ко Христу: Богъ посылаетъ тучу съ дождемъ и градомъ, крылья у Тугарина обмокли, и онъ свалился на землю, принужденъ бороться обыкновеннымъ способомъ; Алеша побѣждаетъ его, но побѣждаетъ не матеріальною силою, а хитростью: сошедшись съ Тугариномъ, Алеша говоритъ ему: «ты хочешь драться со мною одинъ на одинъ, а между тѣмъ ведешь за собою силу несмѣтную;» Тугаринъ оглянулся назадъ; этимъ мгновеніемъ воспользовался Алеша, подскочилъ и отрубилъ ему голову. Любопытно видѣть, какъ подъ вліяніемъ христіанства передѣлывались преданія о любимомъ народномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ: мы встрѣтили уже разъ Илью въ борьбѣ съ кочевою ордою, когда онъ, вмѣсто оружія, человѣкомъ билъ людей; но вотъ слышится о немъ же другое преданіе, составившееся подъ новымъ вліяніемъ: тридцать лѣтъ сидитъ Илья сиднемъ, не владѣетъ ни руками, ни ногами, и получаетъ богатырскую силу чудомъ, какъ даръ Божій, за христіанскій подвигъ, за желаніе утолить жажду двухъ странниковъ [424]: дальнѣйшіе подвиги его отмѣчены также смиреніемъ, благодушіемъ. Противъ языческаго поклоненія матеріальной силѣ христіанство выставило поклоненіе силѣ духовной, небесной, предъ которою матеріальная, земная сила ничто, противъ которой не устоитъ никакой богатырь. Мы видѣли, какъ это понятіе отразилось въ преданіи объ Алешѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ; но всего рѣзче высказалось оно въ преданіи о томъ, какъ богатыри, побѣдивъ несмѣтную басурманскую силу, обезумѣли отъ гордости, и вызвали на бой силу небесную, которая росла все болѣе и болѣе подъ ударами богатырей, и наконецъ заставила ихъ окаменѣть отъ ужаса [425]. Такъ подъ вліяніемъ христіанства начало упраздняться поклоненіе матеріальной силѣ.

Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, какъ въ древнихъ богатырскихъ пѣсняхъ нашихъ, сквозь позднѣйшіе слои проглядываетъ слой древній, отражающій въ себѣ бытъ первоначальнаго періода нашей исторіи; мы видимъ, какъ въ нихъ отразился особенно бытъ дружины; справедливо замѣчаютъ [426], что старинные богатыри русскіе принадлежатъ разнымъ сословіямъ,

сходятся ко двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси: таковъ постоянно характеръ дружины, который долго держался у насъ въ чистотѣ. Укажемъ еще на нѣкоторыя черты, напоминающія время. извѣстенъ древній обычай давать кораблямъ видъ разныхъ звѣрей, драконовъ, и т. п.; и вотъ въ пѣснѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ такъ, между прочимъ, описанъ его корабль:

Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по-звѣриному.

Эта же пѣсня напоминаетъ о греческой торговлѣ, о судахъ приходившихъ въ Кіевъ съ греческими товарами:

Говорилъ Соловей таково слово.
„Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-то будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
„Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ [427] лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, серебрѣ не погнѣваться.“
Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ.... [428]

Мы знаемъ изъ лѣтописи, что Новгородцы славились плотничествомъ; пѣсня говоритъ, что они славились умѣньемъ строгать стрѣлы:

....тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты они были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ [429].

Лѣтописецъ знаетъ о̀ Дунайскомъ городкѣ Кіевцѣ, который основанъ будто бы нашимъ же Кіемъ Полянскимъ; пѣсня знаетъ также Кіевецъ:

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца [430].

Мы знаемъ, что дружинники переходили отъ одного владѣльца къ другому, служили то въ одной, то въ другой странѣ; таковы и богатыри пѣсни, таковъ знаменитый Дунай Ивановичъ, который говоритъ о себѣ:

Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ.
Въ семи ордахъ, семи королямъ [431].

Въ Галицкой Руси теперь еще поется объ этихъ дружинникахъ, о нашихъ старинныхъ руссахъ, которые сбирались идти на тихій Дунай, служить царю болгарскому, или въ Константинополь къ императору:

«Въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ: въ шатрѣ сидятъ добры молодцы, сидятъ они, думу думаютъ: какъ пойдемъ мы къ кузнецу доброму, покуемъ себѣ мѣдные челна, мѣдные челна, золотыя весла; какъ пустимся мы на тихій Дунай, вдоль Дуная подъ Царьгородъ. Оп чуемъ тамъ добраго пана, что̀ платитъ щедро за службу молодецкую: даетъ, что̀ годъ, по сту червонныхъ; по сту червонныхъ, да по вороному коню; по вороному коню, да по сабелькѣ; по сабелькѣ, да по кафтанчику; по кафтанчику, да пошапочкѣ; по шапочкѣ, да по красной дѣвицѣ [432]».

Мы видѣли вліяніе христіанства на древнія наши богатырскія преданія, видѣли, какъ подъ этимъ вліяніемъ передѣлывался характеръ богатырей, характеръ ихъ поступковъ. Но есть еще цѣлый рядъ произведеній народной фантазіи, которыя отзываются также глубокою древностію, и которыя своимъ существованіемъ обязаны уже почти исключительно новой религіи: мы говоримъ о духовныхъ нашихъ пѣсняхъ или стихахъ, которые обыкновенно поются слѣпыми нищими. Мы видѣли въ преданіи о принятіи Владиміромъ христіанства, что князя всего болѣе поразилъ разсказъ греческаго проповѣдника о началѣ и концѣ міра; мы видѣли также, что эти вопросы занимали сильно языческіе народы сѣвера; и вотъ народная фантазія овладѣваетъ этими вопросами и рѣшаетъ ихъ по-своему, подъ непосредствен-

нымъ однако вліяніемъ христіанства. Такъ произошли важнѣйшіе стихи о Голубиной книгѣ и о Страшномъ судѣ. Въ первой пѣсни говорится, какъ изъ грозной тучи вышла исполинская книга, какъ изъ многочисленнаго собора всякаго рода людей никто не могъ разогнуть ее, какъ могъ это сдѣлать одинъ царь Давидъ, совопросникомъ котораго о тайнахъ творенія является нашъ Владиміръ. Здѣсь можно видѣть связь пѣсни съ преданіемъ о томъ, какъ Владиміръ спрашивалъ у греческаго проповѣдника о содержаніи ветхаго и новаго завѣта [437].

Разсмотрѣвъ событія начальнаго періода и внутреннее состояніе общества въ это время, постараемся вникнуть въ главныя, характеристическія черты эпохи. Прежде всего представляются намъ племена, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и живущія подъ формами родоваго быта. На сѣверѣ племена эти, по всѣмъ вѣроятностямъ вслѣдствіе столкновенія съ другими историческими народами, сознаютъ необходимость выйдти изъ родоваго быта, для чего призываютъ власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужаго рода. Соединенныя посредствомъ новаго начала силы дѣйствуютъ: князь сѣверныхъ племенъ пользуется силами послѣднихъ, и подчиняетъ себѣ остальныя племена на всемъ огромномъ пространствѣ великой восточной равнины. Племена эти, вслѣдствіе означеннаго подчиненія, сосредоточенія, постепенно переходятъ изъ родоваго быта въ областной; въ городахъ, вслѣдствіе дѣятельности правительственнаго начала, вслѣдствіе переселеній и новаго раздѣленія жителей, родовой бытъ ослабѣваетъ. Между тѣмъ является новое могущественное начало — церковь: князья сѣверныхъ племенъ движутся на югъ, по великому водному пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое пребываніе въ Кіевѣ, откуда начинаются частыя сношенія съ Византіею: вслѣдствіе этихъ сношеній является на Руси христіанство, торжествуетъ надъ язычествомъ въ Кіевѣ, и отсюда мало-по-малу распространяется во всѣ стороны. Вліяніе церкви, духовенства, на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимомъ столкновеніи съ семейнымъ началомъ; ясно начинаютъ обнаруживаться дѣйствія новой религіи въ концѣ періода, когда выступаетъ новое поко-

ленiе грамотныхъ христiанъ. — Главныя условiя, которыя определяли при этомъ дальнейшiй ходъ русской исторiи, были, вопервыхъ, природа страны, вовторыхъ, бытъ племенъ, вошедшихъ въ составъ новаго общества, въ-третьихъ, состоянiе соседнихъ народовъ и государствъ. Равнинность страны, а главное величина и обилiе рекъ условили быстрое очертанiе огромной государственной области, первоначальныя основы которой положены по великому водному пути изъ северной Европы въ южную, изъ Балтiйскаго моря въ Черное; путь шелъ, по выраженiю летописца, отъ Варяговъ къ Грекамъ; этимъ условились два явленiя, имевшiя решительное влiянiе на жизнь русскаго общества: отъ Варяговъ пришло правительственное начало, отъ Грековъ — христiанство. — Бытъ племенъ родовой условилъ явленiя, побудившiя къ призванiю князей, онъ условилъ и отношенiя между призваннымъ началомъ и призвавшими его; князь могъ явиться не иначе, какъ въ значенiи родоначальника: по отсутствiю наследственности родоваго старшинства въ одной линiи, старшины родовъ не могли выдвинуться на первый планъ съ ограничивающимъ княжескую власть значенiемъ, и дружина необходимо получаетъ характеръ только служебный [434]. Природа страны и бытъ племенъ условили и особенную форму распространенiя русской государственной области, именно колонизацiю, которую мы замечаемъ съ самаго начала; при этомъ замечаемъ также, что движенiе отправляется преимущественно съ севера на югъ, замечаемъ бóльшiй приливъ жизненныхъ началъ на севере: три раза вступаетъ северъ въ борьбу съ югомъ, и три раза остается победителемъ; но северъ не только даетъ победу князьямъ своимъ надъ князьями юга, онъ посылаетъ часть своего народонаселенiя на постоянную защиту юга отъ степныхъ варваровъ. — Третьимъ главнымъ условiемъ, определившимъ изначала ходъ русской исторiи, назвали мы отношенiя къ соседнимъ государствамъ и народамъ. Русское государство образовалось на девственной почве, на которой исторiя, цивилизацiя другаго народа не оставила никакихъ следовъ; никакихъ преданiй, никакихъ учрежденiй не досталось въ наследство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ одними собственными средствами. Но при такихъ обстоятельствахъ важно было то, что новорожденное общество, нахо-

дясь на краю восточной Европы, вслѣдствіе отдаленности, уединенія своего, избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліяній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя обстоятельства относительно гражданственности. Западныя славянскія государства основались также на дѣвственной почвѣ, но они немедленно должны были подчиниться вліянію чужаго племени, германскаго, которое дѣйствовало съ помощью римскихъ началъ, усвоенныхъ имъ на почвѣ имперіи. Это могущественное вліяніе чуждой народности, противъ котораго славянская народность не могла выставить сильнаго сопротивленія, нанесло при самомъ началѣ рѣшительный ударъ самостоятельности западныхъ славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, при самомъ началѣ условило ихъ будущую судьбу. Но вліяніе германскаго племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть Россіи вслѣдствіе самой ея отдаленности, уединенія; свободная отъ вліянія чуждыхъ племенъ, Русь могла сохранить свою славянскую народность: она приняла христіанство отъ Византіи, которая вслѣдствіи этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь южнаго русскаго общества, но это вліяніе не было нисколько не вредно для славянской народности послѣдняго, потому что восточная имперія, по самой слабости своей, не могла насильственно втѣснять русскую жизнь въ формы своего быта, навязывать русскимъ свой языкъ, высылать къ нимъ свое духовенство, свои колоніи; византійская образованность дѣйствовала не чрезъ свой собственный органъ, но чрезъ органъ русской народности, чрезъ русскій языкъ, и такимъ образомъ, вмѣсто утушенія, содѣйствовала только къ утвержденію славянской народности на Руси; Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько, и въ такихъ формахъ, въ какихъ сами русскіе хотѣли принимать ея вліяніе: ни свѣтская, ни духовная власть Восточной имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней русской жизни, не могли выставить начала, равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которыя потому и развивались свободно и независимо: византійскія государственныя понятія, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены вслѣдствіе вну-

треннихъ причинъ. Безопасная отъ насильственнаго влiянiя имперiй Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна отъ насильственнаго влiянiя и другихъ сосѣднихъ народовъ: Польша и во времена могущества своего, постоянно сдерживалась западомъ, принуждена была постоянно смотрѣть въ ту сторону, притомъ же силы двухъ юныхъ государствъ были одинаковы; Польшѣ не удалось утвердить своего влiянiя на востокѣ и при Болеславѣ Храбромъ, тѣмъ менѣе она могла имѣть средствъ къ тому послѣ его смерти. Дикiе Литовцы и Ятвяги могли только безпокоить русскiя границы своими набѣгами. Въ Швецiи, вслѣдствiе появленiя тамъ христiанства, началось разложенiе древнихъ языческихъ формъ жизни, сопровождаемое внутренними волненiями, уничтожившими для народа и князей его возможность дѣйствовать наступательно на сосѣднiя страны. Съ востока, отъ степей Азiи, нѣтъ также сильныхъ напоровъ, могущихъ вырвать съ корнемъ основы новорожденнаго общества, какъ нѣкогда наплывъ гунскiй уничтожилъ въ этихъ странахъ владѣнiе Готовъ. Такъ съ самаго начала уже оказывалось, что изъ всѣхъ славянскихъ государствъ одному русскому суждено было самостоятельное существованiе въ Европѣ.

Въ заключенiе мы должны обратиться къ вопросу, который такъ долго господствовалъ въ нашей исторической литературѣ, именно къ вопросу о норманскомъ влiянiи. Участiе скандинавскихъ племенъ, или Варяговъ, въ начальномъ перiодѣ нашей исторiи несомнѣнно, ясно съ перваго взгляда. Первоначальною областiю русскаго государства былъ путь отъ Варяговъ въ Грецiю, и безспорно, что этотъ путь открытъ Варягами задолго до половины IX вѣка; безспорно также, что явленiе, знаменующее въ исторiи сѣверо-восточной Европы половину IX вѣка, соединенiе сѣверныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ подъ одну власть, произошло вслѣдствiе столкновенiя этихъ племенъ съ племенемъ скандинавскимъ, вслѣдствiе владычества Варяговъ въ этихъ странахъ. Первые призванные князья были изъ рода варяжскаго, первая дружина состояла преимущественно изъ ихъ соплеменниковъ; путемъ варяжскимъ движутся сѣверныя князья на югъ; въ борьбѣ съ югомъ, съ Греками, восточными степными варварами, Польшею, русскiе князья постоянно пользуются

варяжскою помощію; Варяги первые купцы, первые посредники между сѣверною и южною Европою и Азіею, между славянскими племенами и Греками, они же главнымъ образомъ посредничаютъ и при введеніи христіанства въ Русь. Но при этомъ должно строго отличать вліяніе народа отъ вліянія народности: вліяніе скандинавскаго племени на древнюю нашу исторію было сильно, ощутительно; вліяніе скандинавской народности на славянскую было очень незначительно. При столкновеніи двухъ народовъ, при опредѣленіи степени ихъ вліянія одного на другой, должно обратить прежде всего вниманіе на слѣдующія обстоятельства: одинъ народъ господствуетъ ли надъ другимъ, одинъ народъ стоитъ ли выше другаго на ступеняхъ общественной жизни, наконецъ формы быта одного народа, его религія, нравы, обычаи рѣзко ли отличаются отъ формъ быта другаго, религіи, нравовъ, обычаевъ?

Мы видимъ, что у насъ Варяги не составляютъ господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, не являются какъ завоеватели послѣднихъ, слѣдовательно не могутъ надать Славянамъ насильственно своихъ формъ быта, сдѣлать ихъ господствующими, распоряжаться какъ полновластные хозяева въ землѣ. Мы видимъ, что при Владимірѣ въ совѣтахъ о строѣ земскомъ подлѣ бояръ являются старцы, слѣдовательно, если мы даже предположимъ, что сначала, тотчасъ послѣ призванія, дружина преимущественно состояла изъ Варяговъ, то ея вліяніе не могло быть исключительно, потому что перевѣшивалось вліяніемъ старцевъ, представителей славянскаго народонаселенія; что было въ стольномъ городѣ княжескомъ, то самое должно было быть и въ другихъ городахъ, гдѣ мѣсто князя занимали мужи княжіе. Варяги, составлявшіе первоначально дружину князя, жили около послѣдняго, такъ сказать, стояли подвижнымъ лагеремъ въ странѣ, а не врѣзывались сплошными колоніями въ туземное народонаселеніе; многіе изъ нихъ находились только во временной службѣ у русскихъ князей, уходили отъ нихъ на службу къ императору греческому или возвращались назадъ домой; наконецъ по самому характеру дружинниковъ, они не могли переходить въ Русь съ женами; тѣ изъ нихъ, которые оставались здѣсь навсегда, женились на Славянкахъ, дѣти ихъ были уже полу-Варягами только, внуки совершенно Славянами.

Варяги не стояли выше Славянъ на ступеняхъ общественной жизни, слѣдовательно не могли быть среди послѣднихъ господствующимъ народомъ въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ; наконецъ, что всего важнѣе, въ древнемъ языческомъ бытѣ скандинаво-германскихъ племенъ, мы замѣчаемъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ Славянъ: оба племени не успѣли еще выработать тогда рѣзкихъ отличiй въ своихъ народностяхъ, и вотъ горсть Варяговъ, поселившись среди славянскихъ племенъ, не находитъ никакихъ препятствiй слиться съ большинствомъ.

Такъ должно было быть, такъ и было. Въ чемъ можно замѣтить сильное влiянiе скандинавской народности на славянскую? Въ языкѣ? По послѣднимъ выводамъ, добытымъ филологiею, оказывается, что въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденiя сомнительнаго или дѣйствительно германскаго [435]. Послѣ того какъ древнѣйшiй памятникъ нашего законодательства, такъ-называемая Русская Правда сличена была съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ, что Русская Правда есть скандинавскiй законъ, но даже о сильномъ влiянiи въ ней скандинавскаго элемента. Даже тѣ изслѣдователи юристы, которые предполагаютъ нѣсколько значительное влiянiе скандинавскаго элемента въ Русской Правдѣ, видятъ однако въ послѣдней собранiе обычаевъ преимущественно славянскихъ и частiю только германскихъ [436]. Но для яснаго пониманiя событiй перваго перiода нашей исторiи мало еще опредѣлить, что степень влiянiя народности пришлаго элемента на народность туземнаго была незначительна; нужно тотчасъ же обратить вопросъ и слѣдить, какому влiянiю съ самаго начала сталъ подвергаться пришлый элементъ отъ туземнаго, отъ новой среды, въ которой онъ нашелся, надобно слѣдить за обоими элементами въ ихъ взаимнодѣйствiи, а не брать каждый порознь, заставляя ихъ дѣйствовать отъ начала до конца въ полной особности, съ ихъ первоначальнымъ чистымъ характеромъ, какой они имѣли до своего соединенiя. Если Рюрикъ былъ Скандинавъ, морской король, то слѣдуетъ ли отсюда, что внуки и правнуки его, князья многихъ племенъ, владѣльцы обширной страны, должны также носить характеръ морскихъ королей? Развѣ новая среда, въ которой

они стали вращаться, нисколько не могла содѣйствовать къ измѣненію ихъ характера? Говорятъ, что наши князья, отъ Рюрика до Ярослава включительно, были истые Норманны; но въ чемъ же состоитъ ихъ норманство? Въ томъ, что они обнаруживаютъ завоевательный духъ? Но такимъ духомъ обыкновенно отличаются князья новорожденныхъ обществъ: одновременно съ русскимъ образуется другое славянское государство—польское; первые Пясты не Норманны, несмотря на то они обнаруживаютъ свою дѣятельность тѣмъ же, чѣмъ и первые Рюриковичи, распространеніемъ первоначальной области посредствомъ завоеванія. Первые Рюриковичи обнаруживаютъ свое норманское происхожденіе, быть-можетъ, тѣмъ, что совершаютъ походы преимущественно водою, на лодьяхъ? Но причина этого явленія заключается въ не норманскомъ происхожденіи князей, а въ природѣ страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лѣсами, болотами, въ которой слѣдовательно самый удобный путь былъ водный; дружины, распространявшія русскія владѣнія за Уральскимъ хребтомъ въ XVII вѣкѣ не были Норманны, но по природѣ страны дѣйствовали также, какъ послѣдніе, совершали свои походы воднымъ путемъ. Обычай нашихъ князей ходить на полюдье не есть норманскій, онъ необходимъ во всѣхъ новорожденныхъ обществахъ: такъ мы видимъ его и въ Польшѣ. Военное дѣленіе на десятки, сотни и т. д. есть общее у народовъ различнаго происхожденія. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германскаго элемента; Болеславъ польскій живетъ съ своею дружиною точно также, какъ Владиміръ русскій съ своею.

Сдѣлавши всѣхъ первыхъ князей нашихъ морскими королями, назвавши ихъ всѣхъ истыми Норманнами, опредѣлявши такимъ образомъ ихъ общій характеръ, точку зрѣнія на нихъ, изслѣдователи необходимо должны были оставить въ сторонѣ ихъ главное значеніе относительно той страны, относительно тѣхъ племенъ, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать, должны были оставить въ сторонѣ различіе характеровъ каждаго изъ нихъ, и какое вліяніе это различіе производило на судьбу страны. Обративъ преимущественно вниманіе на элементъ пришлый, на Варяговъ, изъ характера ихъ отношеній къ князю и землѣ исключительно старались опредѣлить главный характеръ

нашей исторіи, позабывъ, что характеръ дружины условился отношеніями призванныхъ князей къ призвавшему народонаселенію, и что эти отношенія условились бытомъ послѣдняго. Утверждая, что у насъ имѣло мѣсто призваніе, а не завоеваніе, не замѣтили противорѣчія, когда Варягамъ дали характеръ завоевательный, заставивъ всѣ явленія отражать на себѣ исключительно ихъ народность, заставивъ дѣйствовать одно пришлое начало, поразивъ совершеннымъ бездѣйствіемъ туземное. Таковы вредныя слѣдствія того односторонняго взгляда, по которому Варяги были исключительными дѣйствователями въ начальномъ періодѣ нашей исторіи[437].

Но если вліяніе норманской народности было незначительно, если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, вліяніе Варяговъ было болѣе наружное, если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины Славянъ Поморскихъ, столько же храбрыя и предпріимчивыя, какъ и дружины скандинавскія, то ясно, что вопросъ о національности Варяговъ-Руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей Т. I, стр. 9: „И раздая (Рюрикъ) мужемъ своимъ волости и городы рубити". Тамъ же стр. 10: „Се же Олегъ нача городы ставити". Тамъ же: „И нача (Владиміръ) ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужи лучьшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады». Стр. 65: Ярославъ Польскими плѣнниками населяетъ мѣста по рѣкѣ Рси; стр. 113: Василько хочетъ покорить Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя. Исторія Россійская Татищева, кн. III. стр. 76: „Зачалъ (Юрій) строить во области своей многіе города.... созывая людей отовсюду, которымъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ кромѣ Русскихъ селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли". Новымъ поселенцамъ вездѣ давались большія льготы, см. Акты Истор. I, №№ 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и проч.

2) Herodot. Halic. I. IV, стр. 82.

3) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, стр. 118: „Ярославъ же стояше на Медвѣдици въ сторожихъ". Ярославъ Святославичъ долженъ былъ сторожить границу Ростовской области отъ прихода Мстислава Новгородскаго.

4) См. сводную новгородскую грамоту въ моемъ изслѣдованіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ: „А что ти, княже, пошло на Торжку и на волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржати; а Новгородьцѣ на своей чясти дьржати".

5) Легко замѣтить, что первоначальная граница Новгородской и Ростовской области именно шла по водораздѣлу между Мстою, Тверцою, Медвѣдицею и Мологою, и что движеніе, переходъ Новгородскаго народонаселенія и владѣній въ область Волги совершился съ сѣверо-запада, тамъ, гдѣ волоки такъ ничтожны, между Пашею, Соминою, Сясью.

Движеніе шло Чагодощею, и потомъ Мологою вверхъ до водораздѣла и внизъ до Весьегонска. На эти границы областей всего лучше указываютъ границы Новгородскаго нарѣчія.

6) См. ниже въ главѣ о Финнахъ.

7) См. Ходаковскаго „Пути сообщенія въ древней Россіи" (Русскій Историческій Сборникъ, Т. I, стр. 13 и слѣд.).

8) Воскресен. Лѣтоп. годъ 1021. Впрочемъ послѣ, при ослабленіи полоцкихъ князей, Витебскъ подпадалъ опять власти Ростиславичей.

9) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. II, стр. 7: „Приходи Володимеръ (Мономахъ) на Глѣба (князя Минскаго): Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ.

10) Какъ видно, до впаденія въ Бугъ рѣки Нура на сѣверъ.

11) Г. Погодинъ (Розыск. о гор. и пред. древн. русск. Княж. Ж. М. В. Д.) несправедливо отчисляетъ Курскъ къ Переяславскому княжеству: этотъ городъ былъ при великихъ князьяхъ Мстиславѣ и Ярополкѣ Владиміровичахъ только во временномъ владѣніи у Мономаховичей, прежде же и послѣ принадлежалъ Черниговскимъ Ольговичамъ. Время, въ которое овладѣли Мономаховичи Курскомъ и другими посемскими городами, означено въ Лаврентьевскомъ спискѣ, стр. 130: „Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще ити на Всеволода (Ольговича, Черниговскаго) про Ярослава; и Всеволодъ посласяся по Половцѣ. И пріиде ихъ 7 тысячь съ Селукомъ (и съ Ташемъ), и сташа у Ратьмірѣ Дубравы за Выремъ. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша ихъ опять, Ярополчи бо бяхуть посадницы по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ". Потомъ, когда начались усобицы между Мономаховичами, Ольговичи, пользуясь случаемъ, стали требовать у Ярополка Курска и посемскихъ городовъ (Ипатьев. 13): „Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ". Ярополкъ, проигравъ Супойскую битву, принужденъ былъ уступить Ольговичамъ требуемое; что здѣсь дѣло шло именно о Курскѣ съ Посемьемъ, доказываетъ то, что съ этихъ поръ Курскъ находится во власти Черниговскихъ князей: такъ въ Новгор. I-й стр. 7, читаемъ: „Святославъ Олговиць съвкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣба, Куряны съ Половцы": въ Ипатьев. стр. 17: „Иде Святославъ Курьску". Что Курскъ съ Посемьемъ принадлежалъ Ольговичамъ, свидѣтельствуетъ также слѣдующее мѣсто (Ипатьев. 45): „И посла (Юрій Долгорукій) по Володимира по Давидовича Чернигову, и пріѣха Володимиръ къ Гюргеви и поклонися ему, и Святославъ Ольговичь нача ему молвити: „держиши отчину мою, и тогда взя Курскъ и съ Посемьемъ". См. въ моемъ сочин. Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 144, 145 примѣч. Послѣ г. Погодинъ (И. З. и Л. Т. IV, стр. 441) старался дока-

зать принадлежность Курска къ Переяславскому княжеству извѣстіемъ подъ 1096 годомъ, что Изяславъ Владиміровичъ Мономашичъ пришелъ въ Муромъ изъ Курска; но изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоятельствъ открывается, что Изяславъ долженъ былъ запять и Курскъ, волость Святославичей, точно такъ же, какъ занялъ Муромъ, потому что, по извѣстію Татищева (II, 157), онъ былъ выгнанъ Давидомъ Святославичемъ изъ Смоленска; въ такомъ случаѣ, разумѣется, онъ долженъ былъ броситься на волости Святославичей, сперва на Курскъ, потомъ на Муромъ. Я не могу, какъ дѣлаетъ г. Погодинъ, допустить, чтобы на Любечскомъ съѣздѣ могли быть еще какія-нибудь другія распоряженія кромѣ означенныхъ въ лѣтописи, ибо основаніемъ распорядка прямо поставлены—отчинность и распоряженія в. кн. Всеволода, и если Курскъ отданъ былъ тогда Святославичамъ, то ясно, что онъ ихъ отчинный городъ, иначе это прямо противорѣчило бы основанію распорядка: за Смоленскъ Курска давать было также не для чего, ибо Смоленскъ переходилъ къ Мономаху, какъ отцовскій городъ, на основаніи распорядка; вознаграждать Олега было также не для чего, потому что побѣжденный, лишенный всѣхъ своихъ волостей, князь доволенъ былъ и тѣмъ, что его вводили въ отцовское владѣніе.

12) Великій, въ отличіе отъ Малаго Ростова, или Ростовца. См. Полн. Соб. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 75.

13) П. С. Р. Лѣтоп. Т. I, стр. 75.

14) Отъ сѣверной части средняго Урала, къ сѣверозападу, между источниками Печоры и притоками верхней Камы, идетъ холмистая страна, которая называется Увалами. Увалы раздѣляются на двѣ части, западную и сѣверную. Сѣверная тянется къ сѣверозападу, раздѣляетъ двѣ рѣчныя системы -Печоры и Двины, и теряется въ болотахъ у Ледовитаго Океана. Западная часть Уваловъ идетъ между истоками Печоры и Камы, раздѣляетъ область Сѣверной Двины отъ области верхней Волги, и тянется на сто миль къ западу между городами—Вологдою на сѣверѣ и Костромою съ Ярославлемъ на югѣ. Увалы простираются до Бѣлоозера, потомъ поворачиваютъ къ югозападу, и на юговостокѣ отъ Новгорода примыкаютъ къ Валдайскимъ возвышенностямъ.

15) Изъ Рязанскихъ городовъ на Донской системѣ до половины XIII вѣка упоминается только Воронежъ, подъ 1177 годомъ; но сомнительно, упоминается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: „ѣхавше (Рязанцы) въ Вороножь“; но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: „ѣхавше Воронажь“: неизвѣстно слѣдовательно, какой предлогъ былъ въ подлинникѣ — *въ*, или *на*, причемъ послѣдній означалъ бы только рѣку Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ Рязанскимъ отрядомъ для наблюденія за Половцами, тѣмъ болѣе что для означе-

нія движенія къ городу употребительнѣе былъ мѣстный падежъ безъ предлога: „ѣхавше Воронажю“ Въ концѣ XIII вѣка упоминаются на Донской системѣ два княжества, принадлежащія Святославичамъ Черниговскимъ.

16) Ливны, Лебедянь, Елецъ, Воронежъ называются въ XVII вѣкѣ степными или польскими городами.

17) Говоря о важномъ значеніи рѣкъ въ нашей исторіи, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство, а именно, что рѣки, теперь мелководныя и несудоходныя, въ древности были многоводны и способны къ суходоходству; такъ напр. Стугна, теперь небольшая рѣка въ 60 верстъ длины, впадающая въ Днѣпръ съ правой стороны у Триполя, въ настоящее время совершенно не судоходна, но прежде была очень важна: по ней св. Владиміръ строилъ города, и въ ней находятъ остатки большихъ судовъ. И въ другихъ малороссійскихъ рѣкахъ, которыя теперь несудоходны, находятъ остатки большихъ судовъ изъ глубокой древности, напр. въ Сулѣ, Ворскѣ, Хоролѣ и другихъ. Утверждаютъ, что рѣка Трубежъ въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ пересохла на десять верстъ; въ Трубежѣ также находятъ остатки большихъ судовъ, хотя теперь эта рѣка и несудоходна.

18) Geographie der Griechen und Römer von F. A. Ukert, 111, 18.

19) Геродотъ, IV, 12, 13.

20) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. I, стр. 107: „Се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печору, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра-же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: дивьно мы находимъ чюдо, его же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ: се же третье лѣто поча быти. Суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота, яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза: и аще кто дастъ имъ ножь ли, или сѣкиру, даютъ скорою противу“.

21) Ukert, III, 28 — Въ Аѳинахъ былъ полицейскій отрядъ изъ Скиѳовъ.

22) Ap. Athen. 1, p. 6.

23) XI, 493.

24) .... regio, pars ultima mundi, quam fugere homines Dique. Ovid Trist. IV, 4, 34.

25) См. книгу IV-ю вообще.

26) Что касается хронологіи Геродота, то на нее нельзя обращать большаго вниманія (См. Ukert, V, 268.

27) Strabo, VII, 306.

28) Діодоръ Сицилійскій говоритъ (II, 43), что Сарматы были мидійская колонія, выведенная скиѳскими царями на берега Дона. Плиній (Hist. nat. VI, c, 7 § 19) подтверждаетъ это извѣстіе—Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles. Бекъ подтверждаетъ это теперь лингвистически. Inscript. gr. 11, pars XI, p. 110.

29) Dionis. Chrysostomi Orationes, LXXX.

30) Гротъ въ своей Греческой Исторіи (History of Greece. vol. IV, p. 362) произнесъ, думаемъ, вполнѣ вѣрное сужденіе объ этомъ походѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Here (на берегахъ Дуная) we reenter the world of reality, at the north bank of the Danube the place where we before quitted it. All that is reported to have passed in the interval, if tried by the teste of historical matter of fact, can be received as nothing better than a perplexing dream. It only acquires value when we consider it as an illustrative fiction. including, doubtless, some unknown matter of fact, but framed chiefly to exhibit in action those unattackalbe Nomads who formed the northeastern berbarous world of a Greek, and with whose manners Herodotus was profoundly struck. The protracted and unavailing chase ascribed to Darius who can neither overtake his game nor use his arms, and who hardly even escapes in safety, embodies in detail this formidable atribute of the Scythian Nomads. That Darius ectually marched into the country, there can be no doubt. Nothing else is certain, except his ignominious retreat out of it to the Danube; for of the many different guesses, by which critics have attempted to cut down the gigantic sketch of Herodotus in to a march with definite limits and direction, not one rests upon anny positive grounds, or carries the least conviction. We can trace the pervading idea in the mind of the historian, cannot find out what were his substantive data.“

31) См. Шафар. Слав. Древн. переводъ О. Бодянскаго. Т. I, кн. 1, стран. 104.

32) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 3: „По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви. гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морава; а друзіи Чеси нарѣкошася; а се тиже Словѣни, Хровате Бѣліи, и Сербь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по днѣпру, и проч.

33) Plinii Hist. Nat. l. IV, c. 13: VI, c. 7. Taciti Germ.

34) Ptolem. Geogr. l. III, c. 5; l. V, c. 9. Marciani peripl. in Geogr. veter. script. graec. minor. ed. Hudsen, 1, 54—57.

35) De Gethar. orig, et reb. ges. c. 5.

36) Procop. Caesariensis, de bello gothico, l. III, c. 14; l. IV, c. 4, 5.

37) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 3.

38) Тамъ же, стр. 5.

39) Тамъ же.

40) Тамъ же, стр. 4: „Ини же не свѣдуще рекоша, якъ Кій есть перевозникъ былъ: у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ.“ Мы не рѣшаемся ничего сказать о словѣ Кіевъ; замѣтимъ только насчетъ производства Щековицы и Хоревицы: Щекъ, отсюда Щекова (гора), и отсюда уже Щековица; по этому же образцу должно быть производимо и слово Хоревица: Хорь, Хорева, Хоревица, но Хор напоминаетъ божество Хорса.

41) Тамъ же.

42) Шафар. Слов. Древн. II, 1, стр. 184, 185.

43) Зябловскаго — Землеоппс. Росс. Импер. III. 37. Сходство имени Кривичей съ именемъ литовскаго первосвященника Криве есть случайное, и не можетъ вести ни къ какимъ сближеніямъ. Литовское: Kirba топь, трясина. Отсюда вѣроятно произошло названіе Кривичей. Лѣтописецъ говоритъ: „разидошася по землѣ, и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.“ Стало быть Дреговичи и Кривичи получили названіе свое отъ мѣстности ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна топями, трясинами, а топь трясина называется въ западной Россіи дрегва, дрягва, по-литовски Kirba. Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ, листъ 7-й.

44) Нельзя согласиться съ Шафарикомъ, который непремѣнно хочетъ помѣстить между Русскими Славянами Сербовъ, основывая на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго; но очевидно, что Σέρβιοι Константина суть Сѣверяне, ибо какъ предположить, чтобы нашъ лѣтописецъ ничего не зналъ о Сербахъ, а Константинъ о Сѣверянахъ? Ясно, что Константинъ, зная также о Сербахъ, какъ о Славянскомъ племени, по легкости и созвучью слова, назвалъ этимъ именемъ нашихъ Сѣверянъ. — Шафарикъ говоритъ: „Σέρβιοι но были и не могутъ быть инымъ народомъ, какъ только Сербами.“ Но если такъ, то и Константиновъ Милиниска не можетъ быть другимъ городомъ, какъ только Милинискою, тогда какъ мы знаемъ, что это—Смоленскъ.

45) Никон. Лѣт. 1, 41: „И бѣ у него (у Игоря) воевода именемъ

Свентеадъ, и премучи Угличи, и возложи на на дань Игорь, и даде Свентеаду. и не дадеся ему единъ градъименемъ Пересѣченъ, и седе около его три лѣта, и едва взятъ его. И бѣша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ, и посемъ придоша межи воинъ десгръ, и седоша тамо." — Г. Надеждинъ (Записки Одес. Истор. Общ. I, стр. 235), нашедши въ Бессарабской области, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, деревню Пересѣчени или Пересѣчину, думаетъ, что отыскалъ мѣсто жительства древнихъ Угличей или Уличей; онъ основывается на томъ, что берегъ Чернаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, представляетъ своею географическою фигурою настоящій уголъ, и даже донынѣ называется Угломъ по преимуществу: турецко-татарское имя Буджакъ, которое означаетъ теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значитъ именно уголъ; славянскіе туземцы называли это мѣсто угломъ еще въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству Византійцевъ. Для объясненія приведеннаго извѣстія о придиѣпровскихъ жилищахъ Угличей, г. Надеждинъ прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію (стр. 253): „Угличи были жители нынѣшней Бессарабіи, именно нижней, степной ея части, называвшейся угломъ. Но, подобно своимъ преемникамъ Печенѣгамъ, Половцамъ и Татарамъ, они не ограничивались этимъ угломъ; они простирались по Днѣстру и за Днѣстръ далеко въ глубь степей, до Буга по крайней мѣрѣ, какъ указываетъ ясно лѣтописецъ. Но Бугъ, какъ извѣстно, соединяется съ Днѣпромъ, слѣдовательно справедливы слова разсматриваемаго нами мѣста, что они „бѣша сѣдяще внизъ по Днѣпру," гдѣ ихъ должны были въ первый разъ замѣтить Кіевскіе Руссы, путешествовавшіе Днѣпромъ до Греціи."—Но не прибѣгая къ предположеніямъ, вспомнимъ, что въ-старину изгибы морскихъ береговъ, заливы, лиманы обыкновенно назывались луками или углами, лукоморьемъ, какъ напр. Лукоморскіе Половцы суть приморскіе Половцы, слѣдовательно подъ именемъ Угличей разумѣлось племя, жившее въ Лукоморьѣ, у морскаго залива, будь то въ низовьяхъ Днѣпра, или другой какой-нибудь рѣки; что Угличи были именно лукоморскіе жители, на это указываетъ другая форма ихъ имени — Улучи, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. — Г. Надеждинъ понимаетъ приведенное мѣсто о бѣгствѣ Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ такъ: „И бѣша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ (до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ) и посемъ преидоша вежи свои (т. е. передвинули свои вежи, свои жилища) на Днѣстръ и сѣдоша тамо."—Но такое толкованіе намъ кажется слишкомъ вольно: изъ словъ лѣтописца нельзя предположить никакого Печенѣжскаго движенія, бывшаго причиною переселенія Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ: онъ прямо говоритъ, что Угличи были премучены Свѣнельдомъ и осаждены въ Пересѣченѣ, по взятіи котораго они удалились за Днѣстръ

и поселились тамъ. — Для соображенія при именахъ — Уличи и Тиверцы г. Микуцкій сообщилъ мнѣ Литовскія слова: ула—скала и тирай—степь.

46) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 4.

47) Семья (отъ со-имаю) означала первоначельно жену, супругу (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьица твоя такая-то; семьяниться значило соединяться: въ крестоприводныхъ грамотахъ налагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя.

48) Изъбрашася три братья съ роды своими, т. е. родственниками своими.

49) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 10: „Прилу подъ Угорское (Олегъ). похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: „яко гость есмь. идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родамъ своимъ.“

50) Отъ рода Русскаго, отъ рода Варяжска.

51) См. Изслѣдов. А. Тюрина: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, стр. 28.

52) Слово князь или конязь происходитъ отъ корня конъ—предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же *кон* есть санскритскій — *джан* — рождать‘ и князь въ Санскрит. имѣетъ себѣ соотвѣтственые: джанака, джанатри, откуда Латинское genitor (См. изслѣдов. Буслаева о вліяніи христ. на Слав. яз. стр. 164).—Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. „Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати начаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ.“ Или: „Наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьску замлю. Слово: Князь—имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства.“ Этимъ лексиконнымъ опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели воспользовались для того, чтобъ обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Еслибъ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели признаются, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ семья и родъ разли-

чоны ясно, то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія. Далѣе у меня сказано: „Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти“. Возражатель говоритъ, что „здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, еслибъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла.“ Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнію и смертію своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, власти родоначальника. Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ, что любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода.“ Этого мы уже никакъ понять не можемъ; не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ, Святополкъ Изяславичъ. По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живаго событія, живыхъ отношеній. Такъ же составилось положеніе возражателя, что при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакое общее совѣщаніе невозможно; изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку въ отдѣльномъ родѣ, то родовое устройство уничтожается: мы видимъ съѣзды, совѣщанія князей-родичей, принадлежащихъ къ одному роду, и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.

Для объясненія родоваго устройства я привелъ извѣстную старую чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель говоритъ, что здѣсь „вопросъ семейный, а не родовой, на сценѣ семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ.“—Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ,—и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой! Что же, по его мнѣнію, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья, по смерти отца, составляютъ семью, а не родъ,

то это все равно, что назвать зеленое желтымъ, и утверждать, что зеленаго нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. „Рѣчь идетъ о томъ, говоритъ онъ, что всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу и что въ первую минуту наслѣдованія они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться.“ Но откуда взялась эта первая минута? гдѣ объ ней говорится? За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что Любуша предлагаетъ имъ общее владѣніе, или раздѣленіе по ровну—оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: „рѣшите: по закону боговъ владѣть имъ сообща наслѣдствомъ, или раздѣлиться по ровну?“ Если старый законъ говорилъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: „вотъ что говоритъ законъ!“ ясно, что Снемъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество передъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ. Кромѣ стараго закона Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ ровнымъ раздѣленіемъ наслѣдства, и предлагаетъ Снему рѣшить, что лучше? Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему, дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, о раздѣлѣ ни слова. Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у славянскихъ народовъ, то эти явленія нейдутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родоваго быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту, какъ постоянно и показывается въ моей книгѣ; нарушаютъ полноту, говорю, и только; ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родоваго быта такъ могущественны въ Русской Исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто: таково напримѣръ господствующее явленіе въ древней нашей исторіи—родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ объ нихъ возражатель? Вотъ какъ: „замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти (!!) найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ“. И такъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не славянскимъ, а варяжскимъ, т. е. скандинаво-германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родоваго быта у Скандинаво-Германскихъ племенъ, и отвергнуть его у славянскихъ; но любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ была давно

уже извѣстна; возражатель однако заблагоразсудилъ умолчать о ней, заблагоразсудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали! — „Неужели можно дѣлать такое предположеніе,“ говоритъ возражатель, „что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской земли?“ — Но кто же говоритъ, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе: „хотя едва-ли справедливо“ — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны: даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстничества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, изъ Книгъ Разрядныхъ; но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ разрядныхъ книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою, то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О до-Рюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ Славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: „Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.“ Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что **родомъ своимъ** будетъ отвѣчать не на вопросъ: чѣмъ? а на вопросъ: какъ? и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли всѣмъ народомъ. Но во 1) въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы: **играть** и **придти** имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголъ **владѣть** у лѣтописца: каждый Полянинъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? во 2) любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что, по словамъ лѣтописца, Поляне владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами, по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно. Но если Поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное **владѣніе**, то спрашивается, какой же можетъ быть

здѣсь другой быть кромѣ родоваго? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!—Доказательство противъ родоваго быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ, строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ; мы согласились бы еще съ возражателемъ на счетъ раздѣльности братьевъ, еслибъ одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припети, но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ а другой на Хоревицѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родоваго единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ, который, при многочисленности членовъ рода долженствовалъ быть чѣмъ-нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца. — По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово: родъ означаетъ семью; онъ говоритъ: „въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта, въ значеніи колѣна слово родъ не употребляется.“—Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись; подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславичь говоритъ двоюродному брату своему, Ростиславу Юрьевичу: „мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, аки и душю свою.“ Здѣсь Изяславъ родомъ своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ, всѣхъ князей—Ярославичей, противополагая эту совокупность ближайшимъ, Мономаховичамъ которыхъ называетъ братьею своею. — Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова: племя какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, племя имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ родъ, чему доказательствомъ служитъ позднѣйшее выраженіе: ни роду—ни племени. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе; мы видѣли что Изяславъ Мстиславичъ родомъ своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противополагая ихъ одна другой, напримѣръ Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово племя, напр. подъ 1140 годомъ Новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: „Не хочемъ сына твоего, ни брата ни племени вашего, но хочемъ племени Володимеря.“ Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: „ни роду—ни племени“ племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: „А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырскаа, или мірьскый человѣкъ почнетъ чего взыскывати умершаго черньца, или племя или родъ общежителева, а тѣмъ того не искати“ (Акты истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ

памятникахъ XV же вѣка племя употребляются исключительно въ значенiи рода, родства, отчего является выраженiе: ближнее племя, племянникъ означаетъ просто родственника (Псковск. Судная грам.). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различiе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другаго, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственныя слова съ однимъ значенiемъ, какъ: „родъ—племя", „травка—муравка". Примѣръ употребленiя сложнаго слова родъ—племя: „У Ивашки у Жоглова родъ племя (Крымскiя дѣла, № 1, стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенiя слова: племя, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ; извѣстное выраженiе: оставить на племя; отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ племя означаетъ въ родѣ линiи, рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ такъ-сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженiи: ни роду ни племени, племя поставлено позади рода: чѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятiямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человѣкъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человѣкъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.

Наконецъ возражатели хотятъ найти спасенiе въ выраженiи: двоюродный братъ, т. е. братъ двухъ родовъ при чемъ родъ долженъ означать семью. Но пусть возражатели найдутъ это выраженiе въ какомъ-нибудь древнемъ памятникѣ; это слово позднѣйшее, ибо при господствѣ родоваго быта, въ древнее время, всѣ и двоюродные, и троюродные и т. д. братья называются просто: братья, по единству рода; общество, въ языкѣ котораго находимъ такое явленiе, есть общество родовое.

53) Гельмольда Lib. 11, cap. XII: Statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitum aetas, haeredis curae delegatur, plena humanitate fovendus.

54) Краледворская рукопись, Snem.

55) Les Slaves de Turquie, par M. Cyprien Robert, 1. p. 78, 79. См. также въ Словарѣ Юнгмана подъ словомъ Starosta, и въ словарѣ Вука Стефановича

56) О родовомъ бытѣ у Славянъ, кромѣ своихъ писателей, свидѣтельствуютъ также иностранные: Прокопiй говоритъ, что они не повинуются одному властителю, но изъ начала живутъ при народномъ правленiи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикiя, который говоритъ, что у Славянъ много царьковъ, ибо съ одной стороны, князья, старшины родовъ могутъ являться съ характеромъ правителей, съ другой—равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ, общiя ихъ сходки, или вѣча, представлялись для Грека демо-

кратіе; такъ Маврикій, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что Славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Арабскіе писатели о Славянахъ подтверждаютъ показанія Греческихъ.— Ср. мою статью: Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія. помѣщ. въ 1-й книгѣ Архива историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ: равно изслѣдованіе А. Тюрина: Обществ. жизнь и проч.

57) Мономахъ говоритъ въ поученіи (Полн. Собр Р. Л. 1, стр. 102): „Болѣ же чтите гость, откуда же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ“.

58) Гельмольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (lib. I, cap. LXXXII), смотритъ на это, какъ на кражу: но очень вѣроятно, что въ селеніи Славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не видѣли здѣсь кражи, ибо каждый родичь считалъ себя въ правѣ угостить странника на общій счетъ цѣлаго рода.

59) Имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило малый, юный, доказательствомъ служитъ производное робенокъ или ребенокъ, также производный глаголъ отъ робъ, или рабъ робѣю, умаляюсь духомъ; отрокъ означаетъ мальчика и раба. Въ древнемъ родовомъ обществѣ сирота былъ самое несчастное существо, сирота былъ первый нищій, первый рабъ. Отсюда сирота значитъ рабъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, а въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ и теперь сирота означаетъ нищаго.

60) Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 6.

61) См. томъ III, примѣч. 29.

62) Бытъ русскаго народа соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518 Очень любопытно сравнить понятія племенъ, живущихъ и теперь при тѣхъ же формахъ быта, при какихъ исторія застаетъ Славянъ: такъ напр. читаемъ въ отчетѣ г. Кастрена (Bericht an die Kaiserliche Akademie, Bulletin, T. IV, 1847): „Fragen wir den Samojedischen Sänger, wie er das so tief verachtete Weib das Ziel einer edlen Unternehmung (похищеніе) werden lässt, so antwortet er ohne Bedenken mit folgenden Worten: Schon seit den Zeiten der Väter ist bei uns die Sitte in Ehren gehalten worden, dass wir uns Frauen nie aus unserem eigenen, sondern aus einem anderen, fremden, nicht verwandten Stamme nehmen. Nun lebten die verschiedenen Stämme früher gewöhnlich in einem feindlichen Verhältnisse zu einander, und daher hielt es oft schwer, auf gütlichem Wege in den Besitz einer Frau zu gelangen. Dies konnte wenigstens

nicht ohne ein Brautgeld geschehen, welches ausserordentlich hoch war, in Folge der ehemals gebräuchlichen Vielweiberei und des dadurch verursachten Mangels an unverheiratheten Weibern. Um sich besonders diesen Tribut zu entziehen, hat der Starke bei uns sich ein Weib mit dem Recht der Faust genommen“.

63) См. о состоянiи женщинъ въ Россiи до Петра В. соч. В. Шульгина, выпускъ 1-й, стр. 18, примѣч. 30.—Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненiя, у насъ вѣно не могло означать цѣны за невѣсту, которая давалась женихомъ отцу послѣдней. Онъ ссылается на чтенiе Лаврентьевскаго списка лѣтописи, въ которомъ, какъ было замѣчено прежде и мною (см. Архивъ Калачова Очеркъ нравовъ и проч.), ясно указывается на приданое: вечеромъ приводили невѣсту къ жениху „а завътра приношаху по ней, что вдадуче“; но есть другое чтенiе Ипатьевскаго, древнѣйшаго списка, которое скорѣе указываетъ на куплю, чѣмъ на приданое: „А завътра приношаху что на ней вдадуче“. Кромѣ этой разности въ чтенiи мы находимъ въ лѣтописи прямое указанiе на вѣно, какъ на цѣну дѣвушки, платимую женихомъ роднымъ невѣсты; Владимiръ (женясь на Аннѣ) „вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь царицы дѣля“; Казимиръ (женясь на сестрѣ Ярослава) „вдасть за вѣно людiе 800“. Г. Шульгинъ хочетъ видѣть въ этихъ дѣйствiяхъ только дружелюбное расположенiе государей, даренiе, которое Владимiръ и Казимиръ могли дѣлать и не дѣлать, ни чуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ: „Если и предположить, говоритъ г. Шульгинъ, что Владимiръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ Императоры Великiй и Константинъ являются продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскiй, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христiанской Грецiи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру какъ язычникъ, но Казимиръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны, помогалъ ему усмирять мятежи въ Мазовiи“. Но для насъ важно не то, какъ смотрѣли на означенныя дѣйствiя сами дѣйствующiя лица, но то какъ смотрѣлъ на нихъ лѣтописецъ, который въ отдачѣ Владимiромъ Корсуня, а Казимиромъ плѣнныхъ, видитъ вѣно, слѣдовательно вѣно означало то, что женихъ давалъ за невѣсту роднымъ послѣдней. Значенiе вѣна какъ цѣны объясняется производнымъ глаголомъ вѣнити—vendere, напр. „Не пять ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма“. Miklosich, Radices lingvae slovenicae, p. 11. См. также въ Архивѣ Калачова дополненiе, сдѣланное Буслаевымъ къ Сказанiямъ Русскаго народа, изд. Сахаровымъ, I, стр. 5 и слѣд.—Наконецъ, что вѣно означаетъ куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правилъ Iоанна Схоластика: „Одьжцьнующихъ любодѣянiя и прелюбодѣянiя епитимiею

дручится, и въсхищенiемъ, ли нужею съ женами живущихъ, и о дѣвствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ чрезъ вѣно владущихъ ими". См. у Розенкампфа о Кормчей книгѣ, стр. 111.

64) Въ азбуковникахъ толкуется: „Вѣно написанiе: егда кто обручитъ себѣ невѣсту и творитъ писанiемъ крѣпость промежъ себя, и то писанiе наречется вѣно."

65) На обычай похищать дѣвицъ на игрищахъ указываетъ разсказъ Боплана о древнемъ украинскомъ обычаѣ похищенiя дѣвицъ на праздникахъ (Description d'Ukraine, p. 63). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: между нѣкоторыми расколами бракъ не считается дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласiя. Такое обыкновенiе было въ употребленiи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губернiи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье называемое кирмашъ плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмаша и посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: „мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ." (Терещенко—Бытъ русск. нар. II, 28). На этотъ же языческiй обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстiе о Разинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деревьевъ (Ригельманъ — Исторiя Донскаго войска въ чтенiяхъ Моск. Ист. Общ.). Слова лѣтописца: „Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица", находится въ связи съ словами митрополита Кирилла: „Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ." (Востокова — Описанiе Румянц. муз., стр. 321). На употребленiе воды въ языческихъ бракахъ указываютъ также правила Iоанна митрополита, гдѣ говорится объ языческомъ обрядѣ плесканiя, употреблявшемся при свадьбахъ простыхъ людей (Русск. Достоп. I, 101). Указанiе на обычай похищенiя цѣлою толпою прiятелей похитителя, съ присягою стоять другъ за друга, братъ за брата, см. въ Этногр. Сбор. I, 255.

66) Митрополитъ Iоаннъ въ правилахъ говоритъ: „То же створи, иже безъ труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють". Рус. Дост. 1, 91.

67) Срамословiе въ нихъ предъ отци и предъ снохами.

68) На основанiи восточныхъ свидѣтельствъ думаютъ, будто Славяне вѣрили, что женщина вступала въ рай только посредствомъ мужчины: если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти,

и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай.—Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т.-е. что мужчина нуждался въ женской душѣ для входа въ рай: иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйдти за другаго и войдти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ.

69) „Еслибы сожженіе вдовъ строго соблюдалось, замѣчаетъ г. Шульгинъ (стр. 66), то почему наши лѣтописи молчатъ объ немъ? почему наше духовенство не нападаетъ на него?“ — Впрочемъ г. Шульгинъ напрасно думаетъ, что у Норманновъ самосожженіе вдовъ требовалось закономъ.

70) Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣствичника слово тризна переведено подвигъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № СС). Въ Новгородскомъ словарѣ XV вѣка тризна переведено: страдальство, подвигъ (Сахар. Сказ. Р. Н. т. II). У западныхъ Славянъ слово тризна, въ смыслѣ поминовенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада: собственно это слово означало также бой, поединикъ; тризнище — мѣсто боя, тризникъ — подвижникъ; тризнити по-чешски значитъ бить, а тризновать — не только бить, но и насмѣхаться— тоже, слѣдовательно, что наше трунить; въ словацкомъ — трузнитися, тризнитися, значитъ веселиться. Отъ литовскаго слова tri̧esti— ристать происходитъ древне-литовское triesina, тризна, т.-е. скачка, ристаніе. — Статья Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи листъ 7-й.

71) Θеофилактъ (Stritt. Mem. pop. II, 61), описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, живших на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ напалъ на князя ихъ врасплохъ, когда тотъ, праздвуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ и народъ его забавлялся пѣснями; см. также у нашего лѣтописца описаніе тризны Ольги по Игорѣ.

72) Въ житіи Св. Константина Муромскаго: „Невѣрніи людіе видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю погребеніе творятъ, яко погребаему благовѣрному князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а могилы холмомъ не сыпаху, но равно со землею; ни тризнища, ни дыни (?) не дѣяху, ни битвы, ни кожи кроенія не творяху, ни лица драніяˮ.

73) Не должно думать, чтобъ этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ славянскимъ, былъ занесенъ Варягами изъ Скандинавіи: приведенное мѣсто изъ житія Константина Муромскаго ясно указываетъ на него у Финновъ; онъ существовалъ и у славянскихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ (Dlugossi Histor. Polon. T. I. p. 53, 57); въ Краледворской рукописи упоминается также закапываніе въ могилы.

74) Сварогъ, индѣйское сварга, сложено изъ двухъ частей: свар небо, свѣтъ, и изъ окончанія га, означающаго хожденіе; слѣд. сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ или хожденіе по небу (см. Θ. Бу-

слаева — О вліяніи христ. на слав. языкъ, стр. 50). — Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о Сварогѣ: „И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Феоста, иже и Саварога нарекоша Егуптяне; царствующу сему Феостѣ въ Егуптѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье“. Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Ѳеостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, египетскимъ Фтасъ; Ефестъ есть богъ молніи, ковачъ небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе „спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье“; но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ.—Что Сварогъ — Перунъ, богъ молніи былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаятелемъ всего, на это ясно указываетъ одна сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи:

„Стаде муня даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Свѣтом Петру Петровске врутине,
А Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стријеле.“

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ, указываетъ обычай клясться предъ Перуномъ, полагая оружіе (Полн. собран. русск. лѣт. I, 23), вмѣстѣ съ оружіемъ клали и золото, приговаривая: „Аще ли отъ тихъ самѣхъ прежерѣченныхъ не съхранимъ: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ“. Слова: „да будемъ золоти яко золото“ объясняютъ такъ: „изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня“. (См. Буслаева О вл. христ., стр. 13.) Сварогъ-Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ воителемъ, котораго оружіе особенно было направлено противъ злыхъ духовъ: вѣроятно дѣйствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, прекращавшееся послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое-нибудь отверстіе. Такъ точно воителемъ представляется индѣйскій Индра громовержецъ, низпосылающій дождь на землю; воюетъ онъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ спускаетъ дождь. О миѳологіи Арійцевъ см. Lenormant—Manuel d'histoire ancienne, III, 455 и слѣд. Также въ Dunker's Geschichte des Alterthums t. II, p. 17. Касательно происхожденія слова: Перунъ,

замѣчаютъ, что литовскій глаголъ perieti означаетъ: производить посредствомъ теплоты, рождать. Отъ санскритскаго корня par произошли у Славянъ двѣ формы: дѣйствительная Перунъ, и страдательная парень, рожденный, сынъ.—Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II Отдѣл. Академіи, листъ 7-й.

75) Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: „И по семъ (т.-е. по Сварогѣ) царстова сынъ его, именемъ Солнце, его же нарпчють Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ". Братомъ Солнца, сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: „Огневи молятъся, зовуть его Сварожичемъ". (Востокова Опис. Рум. Муз. 228).

76) Очень естественно, имя Лада и Лады давалось также любовникамъ и супругамъ, которыхъ небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразомъ: употребляется же ласкательное: мой свѣтъ!

77) По-древански дѣдъ Igölga, т.-е. Ijolja; отсюда Богъ называется nos Igolga, т.-е. нашъ дѣдъ. См. Добровскаго Slovanka, I, 13. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко, Твои дѣтки плачутъ,
Выгляни въ окошечко, Пить, ѣсть просятъ.

По-литовски didis или didelis, по-латышски lels значитъ великій. Кромѣ божества эпитетомъ великій вѣроятно означался и родоначальникъ; съ Литовскимъ didis и Латышскимъ lels совпадаютъ Славянскія слова: дѣдъ, дядя, леля у Полабцевъ отецъ, лѣла по-церковнославянски тетка. Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й. У Арійцевъ Солнце (Surji) представляется также какъ производитель и питатель людей. См. означ. соч. Дункера, стр. 20.

78) О тождествѣ Хорса и Дажбога, см. статью О. Бодянскаго въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 2.

79) См. статью профессора Срезневскаго—объ обожаніи Солнца у Древнихъ Славянъ (Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1846, 51) — Волосъ первоначально могъ быть божествомъ солнца, но какъ объяснить, что онъ является подлѣ двухъ именъ божествъ солнца (Хорса и Дажбога) съ совершенно особымъ характеромъ, какъ скотій богъ въ противуположность Перуну, богу людей? Намъ кажется, что Волосъ принялъ преимущественно характеръ скотьяго бога, потерявъ значеніе солнца, вслѣдствіе финскаго вліянія: у Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ, кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя Сторъ-юнкара, что значитъ Великій господинъ (Mone Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, 1, 36); Самоѣды и теперь боятся называть свое верховное божество

сго настоящимъ именемъ (Num, Nom, Nap), и охотнѣе употребляютъ эпитетъ Jileumbaertje, т.-е. хранитель скота (Кастрена — Отчетъ Академіи. Bullet t. IV, 1847). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Авраміи разрушилъ кумиръ Велесовъ на финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ (Снегирева Р. простонар. пр. 111, 156); наконецъ въ Словѣ о полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Боянъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключить, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества: здѣсь замѣтимъ, что по-фински runa значитъ и пѣснь и письмо, и матерія, и символъ, что витія въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ; витьство употреблялось въ смыслѣ колдовства (Буслаева—О вліяніи Христ. 172 и слѣд.), колдовствомъ же особенно отличались Финны. Бестужевъ Рюминъ (Рус. Ист. I, 14) спрашиваетъ у меня: „Почьему вліянію Фебъ пасъ стадо у Адмета и былъ въ тоже время и богомъ поэзіи?“ отвѣтъ: былъ ли Фебъ скотьимъ богомъ? Пусть вопрошающій потрудится вникнуть въ различіе представленій Феба и финскаго скотья бога.

80) См. Кеппена — Библіогр. листы, № 7, стр. 88.—Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ богѣ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о полку Игореву, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго. По мнѣнію покойнаго Прейса (См. Донесеніе его г. министру Нар. Просвѣщ. изъ Праги, отъ 26 декабря 1840, Ж. М. Н. Пр. 1841, часть XXIX). чтеніе Сема (Сима) и Регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и Регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами Εργέλ и Ασιμαθ, какъ они читаются въ Библіи (кн. Царствъ IV, 17. 30). Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошъ считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, причемъ указываетъ на древнее слова мокачный, употребленное нѣсколько разъ у Даніила Паломника.

81) Это видно изъ того, что въ хорутанскомъ нарѣчіи колдовати (колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, колдовавць— жрецъ, калдовница—жертвенникъ (см. Срезнев. Свят. и обр. яз. богослуж. древ. Слав. стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоять плуга, для того чтобы мыши и кроты не портили нивы; этимъ обрядомъ объясняется старинное преданіе о плугѣ: въ навечеріи Богоявленія кликали плугу. Сообщ. пр. Буслаев.

82) Dlugossi Hist. Pol. 1, 36.—Изъ пѣсенъ колядныхъ замѣчательна слѣдующая:

Уродилась коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

83) На отношеніе масленицы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди саней (см. Снег. Русск. пр. пр. 11, 127, 128): колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (Grimm. D. Mythol. 1, 578); притомъ на сѣверѣ во время масленицы поютъ также коляду, что указываетъ на отношеніе масленицы къ зимнему празднику солнца.

84) См. подробности у Снегирева Р. П. П. 111, 28 и Терещенки. Б. Р. Н. V, 16.

85) Ср. Гримма D. Mythol. 1, 583 и слѣд.—Что касается названія Купалы, то проф. Буслаевъ сообщилъ намъ слѣдующее словопроизводство: Корень *куп* имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, откуда купавый—бѣлый. Какъ ярый соединяетъ въ себѣ понятіе бѣлаго и кипучаго: такъ и при купалѣ оказывается глаголъ кыпѣти, кыпати (звуки *у* и *ы* чередуются). Какъ съ смысломъ яраго соединяется понятіе желанія, такъ и при нашемъ кыпѣти находимъ латинское cupio: наконецъ какъ буй, ярый-дикій, переходитъ въ значеніе неукротимаго, грознаго, бѣшенаго, гнѣвнаго, такъ и cup въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: яриться, злиться; кромѣ того cup въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: блистать.

86) Терещенко Б. Р. Н. V. 79.

87) Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ: такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя пѣсня обличаетъ различіе.

Хóдыли дѣвочки около Моревочки,
Коло мое водыло Купала;
Гратыми сонечко на Ивана и пр.

88) Купало между чернью называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ См. Снегирева Р. П. П. 1, 179.

89) Схожахуся на игрища, плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся. Игра горѣлки всего лучше напоминаетъ это умыкиваніе „съ нею же съвѣщашеся." Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ: „Русаліи о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ аки мертвіи отъ великаго хлохотанія." О праздновaніи купальской ночи см. Посланіе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1505 г. въ Дополнен. къ Актамъ историч. Т. I, № 22; также въ Чтеніяхъ Моск Ист. Общ. № 4 1864 года. Указаніе на сговоръ между молодыми людьми см. въ Этногр. Сбор, 1, 49.

90) „Молятся роду и рожаницамъ...." — „беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ," читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI). Хорутане вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу. Важное мѣсто о родѣ и роженицахъ найдено профессоромъ Шевыревымъ въ одномъ сборникѣ въ библіотекѣ Кириллова монастыря (См. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь, 11, 33): „Оттуда же ізвыкоша елени класти требы, артемиду і артемидѣ. рекше роду і рожаницѣ, тацін же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доіде се слово і ти начаша требы класти. роду и роженицамъ преже Перуна бога ихъ. а переже того клали требу упиремъ і берегинямъ."—Изъ этого извѣстія видимъ, что поклоненіе роду и рожаницамъ смѣнило поклоненіе Упырямъ и Берегинямъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же; Упырь соотвѣтствуетъ роду, Берегиня — рожаницѣ; но извѣстно, что упырь есть мертвецъ. Изъ этого же извѣстія видно, что треба, покормъ, жертва, преимущественно назначалась для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну; — „И бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ." Сборникъ Рум. Муз. № CCCLXXIV. Отъ рода, праотца извѣстнаго рода естественное восхожденіе къ роду родовъ, къ первому обоготворенному человѣку:

„То ти не родъ, сѣдя на воздусѣ, мечетъ на землю груды и въ томъ рождаются дѣти". (Архивъ истор. и юридич. свѣдѣній II, предисловіе). Пирра, жена Девкаліонова, произведшая послѣ потопа новыхъ людей киданіемъ чрезъ себя камней, не была божествомъ создателемъ.

91) Дѣти бѣгаютъ рода.

92) См. мою статью въ 1-й кн. Архива, изд. Калачовымъ; тамъ же подробнѣе о Домовомъ, изслѣдованія гг. Буслаева и Аѳанасьева.—Къ доказательствамъ связи между домовымъ и душею усопшаго предка прибавимъ, что домовой въ видѣ Бадняка является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 декабря, когда въ первый праздникъ новорожденнаго солнца мертвые уже вставали изъ гробовъ. Для сравненія и объясненія приведемъ Финикійскую генеалогію Санхоніатона, какъ сохранилась она у Евсевія: отъ Вѣтра и жены его Ночи произошли Αἰών καὶ Πρωτόγονος первые смертные люди, а отъ нихъ родъ и рожаница — γένος καὶ γένεα, которые населили Финикію. Ясно слѣд., что родъ и рожаница у Финикіянъ были предки, первая чета, отъ которой пошло племя. У насъ при раздробленіи родовъ и при особности каждаго, каждый родъ имѣлъ и чтилъ своего особаго рода и рожаницу или рожаницъ, потому что у каждаго родоначальника было по нѣскольку женъ; потомъ при дальнѣйшемъ дробленіи родовъ, при образованіи семей, домовъ, родъ перешелъ естественно въ домоваго. Колѣно значитъ родъ, племя, и старшій въ семьѣ, что вполнѣ объясняетъ таковое же значеніе рода. Опытъ Обл. Сл. стр. 88.

93) На это указываетъ слѣд. причитаніе: „Ужь ты солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди со полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки; чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужь ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди съ вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ," и проч. См Сахарова Сказ. Русск. Нар. II, 23.

94) Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, причемъ приговариваютъ „Честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ." (Снегирева II, 120; Сахарова, II, 72).—Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи блиновъ, указываютъ на религіозное значеніе этого кушанья: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣки, колодези и озера когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и посторонныхъ; призывается мѣсяцъ выглянуть въ окно и подуть на опару. У Арійцевъ роды имѣли священную об-

занность предлагать транезы своимъ мертвецамъ по крайней мѣрѣ въ каждое новомѣсячіе. Дункеръ II, стр. 25 и 26.

95) Ср. литовское Kauda — погребальная пѣсня.—Праздникъ поминовенія усопшихъ по-литовски — Chautury; слово халтура осталось у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ. Ст. Kraszewskiego — Litwa satrożytne dziejè.

96) Зарываютъ красныя яйца въ выкопанныя надъ могилой ямки; въ Бѣлоруссіи на могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья и привѣтствуютъ покойниковъ: „Святые радзицели! хадзице къ намъ хлаба и соли кушать". Ср. Полн. Собр. Р. Л. II, 104: „Михалка князя (Юрьевича) удариша ратніи двѣма копьи въ стегно, а третьимъ въ руку, но Богъ молитвою отца его избави отъ смерти." Князь Юрій Долгорукій никогда не былъ причтенъ церковію къ лику святыхъ. — У другихъ народовъ тоже: въ „Iudiculus superstitionum et paganiarum ad consilium Liptinense" читаемъ объ обычаѣ считать всѣхъ умершихъ святыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ называютъ прадѣда праведникомъ. Этногр. Сбор. I, 178, 290.

97) Буслаева—О вл. христ. на слав. яз., стр. 15, 20.

98) Мура у славянскаго народонаселенія Турецкой Имперіи есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, или безъ обрѣзанія. См. статью Княжескаго—Болгарскія повѣрья, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 годъ.

99) Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ Заручайская Криница, или Сухомлинская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну; на срубѣ этой Криницы, на разсвѣтѣ, въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ Криницы, прекрасныя дѣвушки съ русыми волосами, которые онѣ расчесываютъ (Снегирева 1, 172). Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ очень важны замѣчанія Ходаковскаго (См. Русск. Ист. Сборн. т. 191, стр. 370 и слѣд.). Авторъ говоря о сопкахъ или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: „Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случалось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ-быть причиною тому, что первѣйшія осѣдлости были только на порѣчьяхъ и на озерьяхъ; вовторыхъ. что совершеніе похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись тогда безъ воды, которая по такому же случаю была потребна въ Доростолѣ Святославу Игоревичу, и которая служитъ путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію сохранившемуся въ разныхъ странахъ славянскихъ у простаго народа". Тамъ же читаемъ: „Въ южной Руси праздникъ Навьскій день заключается тѣмъ, что бросаютъ на воду шелуху отъ крашеныхъ яицъ для допе-

сенія покойнымъ о торжествѣ св. Пасхи". Въ связи замѣтимъ, что въ народѣ есть мнѣніе, будто не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. — Вспомнимъ о приготовленіи блинной опары у воды. Въ сказкѣ о трехъ побратимахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или чрезъ широкое море, или чрезъ нору сквозь землю. — Русская Бесѣда, III, Смѣсь, стр. 100. Днемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно была пятница. См. Этногр. Сборн. I, 215. Отсюда новыя повѣрья относительно пятницы, стр. 326.

100) Maciejowski-Perwotne dzieje Polski i Litwy, стр. 465. О пребываніи душъ на деревьяхъ см. Краледворскую рукопись. — Въ житіи муромскаго князя Константина читаемъ (Карамз. I, примѣч. 236): „Кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе".

101) „Се же есть первое, тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ". Калайдовича, Іоан. Екс. Болгар. с. 211.

102) Cozm. prag. p. 197.

103) Мы упоминали уже о томъ, что масляница была также праздникомъ въ честь умершимъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служитъ еще связь семика съ масляницей,—связь, сохранившаяся у народа: семикъ считается пріятелемъ масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее и величаетъ. Очень вѣроятно, что до христіанства радуница соединялась съ масляницей. Въ семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаньемъ, „и егда учнутъ скоморохи, и гудцы, и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити". Битье въ ладони есть обычай русалокъ.

104) Пѣсня говоритъ:

„Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися".

Здѣсь важно выраженіе земляночки, указывающее на русалокъ, какъ жительницъ земныхъ нѣдръ.

105) „Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ концу улицъ.

Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу, русалку, дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ". Сахар. II, 94.

106) Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: „Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. По семь же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны". Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ понятіяхъ народа злые духи, бѣсы, преимущественно представлялись мертвецами. — О связи мертвеца съ карликомъ, навья съ nârnaînn см. у Буслаева О вліяніи христ., стр. 64. Изъ этого сближенія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, славянскіе людки, были не что иное какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣютъ форму человѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

107) Такъ было и у народовъ италійскихъ и азіатскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера мужескаго. Creuzer's Symbolik, II, 835.

108) Ср. образцовое разсужденіе объ этомъ митрополита Платона въ его Церковной Исторіи.

109) Во время Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ храмѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: „Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото". Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе что христіанская церковь св Иліи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорится, что онъ поставилъ кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и нисколько не говорится о храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи христіанства читаемъ: „Яко приде (Владиміръ), повелѣ кумиры испровергщи, овы осѣчи, а другіе огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы, и проч." — Ни слова о раззореніи храмовъ. — Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира надъ Волховомъ, но не храмъ. Слова

требище и капище, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; требище — мѣсто, гдѣ приносилась жертва, треба: капище происходитъ отъ капь, образъ (по капи нашею и по образу, см. Miclosich Rad. l. sl. p. 117); слѣдовательно можетъ означать и самого идола, и также вмѣстилище идола, навѣсъ, шатеръ; что капище не могло означать храма, видно изъ словъ лѣтописца о принесеніи Владиміромъ съ собою двухъ мѣдныхъ капищъ изъ Херсона.

110) Какъ это происходило, показываетъ и теперь еще существующій обычай: въ Малоросіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу предъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа исполнить законъ; отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за грудой всякаго печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: „Дежь нашъ батько?“ то онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: Хибажь вы мене не бачите?„ и на слова ихъ: „Не бачимо, тату,“ говоритъ: „Дай же Боже, щобъ и на той рокъ не бачили.“ Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ (Срезневскій Свят. и Обр. стр. 77, 78). У западныхъ Славянъ, гдѣ, при большемъ развитіи общественнаго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ (824, 825), описавъ праздникъ въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣняетъ вино въ рогѣ идола, прибавляетъ: „Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый (коровай) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ—видятъ ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ“.

111) См. Constant. Por. de Adm. imp. стр. 9. Карамз. 1, примѣч. 216. Касторскаго Начерт. Слав. Миө. 134. Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 234. Памятн. Слов. XII в. стр. 19. Краледвор. рукоп.

112) Кеппена — Библіогр. листы № 7; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. II, 257; Полное Собр. Законовъ № 3771; Левъ Діак. IX, 8; Памятн. Слов. XII в.

113) Продолж. Древ. Росс. Вивл. I: „Ты, рече, Перунище, доситиеси пилъ и ялъ.“

114) „И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ѣдятъ, ставятъ кумиромъ трапезы котѣйныя и законьнаго обѣда иже нарицається баззаконьная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ“.—У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о подобныхъ законныхъ обѣдахъ; думаемъ, что здѣсь должно искать начала братчинъ или братовщинъ.

115) Можно думать, что средневѣковый обычай сожигать еретиковъ есть также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому вліянію, ибо думаемъ, что этотъ обычай общъ всѣмъ языческимъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣческія жертвы должны быть въ большемъ употребленіи у пародовъ воинственныхъ чѣмъ у мирныхъ, потому что, какъ уже сказано, въ жертву приносились взятые въ плѣнъ непріятели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воинственныхъ сѣверозападныхъ племенъ славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религіозная борьба съ христіанами; такъ и въ Кіевѣ мы видимъ человѣческую жертву при Владимірѣ, во время борьбы двухъ религій.—Видятъ также указаніе па человѣческія жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: „Привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Русская и холмъ отъ“ (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 34).—Но здѣсь лѣтописецъ повторилъ тѣ же слова, которыя вложилъ въ уста философу, пришедшему для обращенія Владиміра: „Посемъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзіи мраморяны, а иные златы и сребряны: кланяхуся и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена.“ (Тамъ же, 39).—Ср. Гельмольда: „Conveniunt viri et mulieres cum parvulis mactanque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.“

116) О словопроизводствѣ волхвъ и жрецъ см. у Буслаева: О вл. христ. стр. 22, 23.—Miklosich. Rad. 1. sl. p. 10.

117) Финны знаютъ двѣ магіи — бѣлую и черную; черная — адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣта солнечнаго, враждебное Байвѣ, богинѣ солнца; этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи: „Приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: бози не смѣютъ прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое; онъ же начатъ опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. По семъ же нача прашати его: что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, гдѣ живутъ? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо Ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ

людей, то възносимъ суть на небо, аще ли отъ нашихъ умирасть, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну". На это же финское вѣрованіе указываетъ другое извѣстіе лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что человѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: „Богъ мывься въ мовницы и вспотивъся, отерься вѣтъхомъ и верже съ небесе на землю, и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ него вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу". Доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужеское. Ср. Lenormant, III, 404.

118) Шафар. Древ. Т. I, кн. II, стр. 45 и слѣд.

119) Germ. cap. 46.

120) III, с. 5.

121) De reb. Get. c. 23: Thiudos, Vasina, Broncas (Beormas), Merens, Mordens, Sremniscans.

122) Sjögren.—Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 272, 339.

123) Geijer—Geschichte Schwedens, I. 95.

124) Tac. Germ. c. XLVI.

125) Kruse—Ur-Geschichte des esthnischen Volksstammes, S. 24 et squ.—Объ обычаяхъ финскаго народонаселенія, имѣющихъ необыкновенное сходство съ русскими см. Sjögren—Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterb. Gouvernements. И здѣсь, и тамъ, напримѣръ, выкупъ приданаго, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ; также свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня; молодой называется княземъ или королемъ; умершимъ волшебникамъ также втыкаютъ колъ въ спину; вѣрятъ въ домовыхъ, русалокъ; недавно еще приносились жертвы подъ деревьями.—Такое сходство обычаевъ съ осторожностію должно приписывать заимствованію у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно. Съ такою же осторожностію должно обходиться и съ языкомъ, утверждать о заимствованіяхъ, тогда какъ и здѣсь всего легче можетъ имѣть мѣсто общее сродство; сравнимъ, напримѣръ, славянскій кумиръ съ Чудскимъ Kummardama, Kumartaas -adorare; капь (forma, idolum), капище съ мадьярскимъ Kép, bálvánr—Kép (imago idolum); гобина съ мадьярскимъ габона (fruges), дерень, дереноватый, съ финскимъ deren (firmus).

126) Древн. Шафарика, Т. I, кн. II стр. 276 и слѣд.

127) Lappenberg—Urkund. I, 105. Письмо папы Григорія VII къ датскому королю Гаральду въ 1080 году. „Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum cul-

pas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare.“ Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 44: И въздвиже (діяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь: и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и пондоша на владыцьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоить тепло дълго“, и проч.—Тамъ же, IV, 198: „А тогда бяше моръ въ Псковѣ великъ, и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: „тебе ради моръ сей у насъ,“ и выѣха Князь Данило изо Пскова.“—О поступкахъ волхвовъ съ женщинами см. выше.

128) См. о литовскомъ племени подробнѣе: Voigt — Geschichte Preussens, t. I;—Narbutt Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I.

129) Точнѣйшее опредѣленіе границъ Галиціи см. у Фойгта, т. I, стр. 495.

130) Voigt—I, 611.

131) Шафар. Т. I, кн. II, стр. 125.

132) Таково мнѣніе Шафарика; впрочемъ это мнѣніе высказалъ уже и Татищевъ, II, примѣч. 167.

133) Iordanis, c. 17.

134) Ibid c. 23.

135) Ibid c. 24; Ammiani Marcell. XXXI, 2; Sidonii Apollin. Carm. II, v. 245—262.

136) Iordanis, de reb. Get. c. 48.

137) Полн. собр. Р. Лѣт. I. 5.

138) Stritter, Memor. Popul. I.

139) Fraehn—De Chasaris, p. 15: Duplex eorum genus exstat. Alteri nomen est Kara Chasar (i. e. Chasari nigri); hi fusco colore sunt, sed propter fusci intensionem ad nigredinem vergente, ita ut species Indorum esse videatur. Genus alterum albo colore est atque pulchritudine et forma insigne. Доказательства, взятыя отъ языка, свидѣтельствуютъ преимущественно въ пользу смѣшенія турецкаго съ финскимъ племенемъ; см. Клапрота (Memoires relatifs à l'Asie, p. 155); Френа (Mémoir. de l'Academie de S.-Petersb. 1832, p. 548); Григорьева—Обзоръ политической исторіи Хозаровъ, 1835; Языкова—Опытъ исторіи Козаровъ (въ трудахъ Императорской Россійской Академіи, ч. I, 1840 года); Kunik—Die Berufung der Schwedischen Rodsen, II, S. 247 et squ. — Въ религіозномъ отношеніи замѣчателенъ слѣдующій поступокъ Кагана (Fraehn — de Chas. p. 18): „Anno trecentesimo decimo (=922 p. C.) Rex, accepto nuncio Muhammedanos ecclesiam (Christianam), quae in terra Babundsch erat, diruisse, turrim (templi muhammedani) destrui praeconesque sacros morte affici jussit, addens: nisi timerem, ut in Muhammedanorum terris ulla superstes relinqueretur ecclesia, ipsum hoc templum etiam destruerem.“

140) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 2. 3. — Fraehn-Ibn-Fozlans und anderer Araber Berichte, S. 182, 183, 198. Арабскій писатель Бируни (X—XI в.) продолжаетъ Варяжское море до области Булгаръ, а Джардшани (1409 г.) до китайскихъ границъ.

141) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 8.—Что касается земли англійской, то ея названіе не можетъ вводить въ сомнѣніе, ибо съ одной стороны Варяги-Норманны живутъ собственно до англійской земли; но, съ другой стороны, они издавна поселились на берегахъ Англіи, завоевывали ее, наконецъ завоевали окончательно изъ Нормандіи Французской; наконецъ, что̀ кажется намъ всего вѣроятнѣе, лѣтописецъ смѣшиваетъ древнія жилища Англовъ съ новыми въ Британіи, смѣшиваетъ и Датчанъ съ Англичанами вслѣдствіе тѣсной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами.

142) Говорю на приведенныхъ мѣстахъ только потому, что изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ упоминаются Варяги, нѣкоторыя важны только для показанія, что Варяги жили на берегахъ Балтійскаго моря, но нисколько ни могутъ противорѣчить тому мнѣнію, что подъ Варягами разумѣются всѣ Прибалтійскіе жители, слѣдовательно и Славяне.

143) Новгородцы, снесясь съ шведскимъ королемъ объ избраніи брата его на русскій престолъ, говорили: „А прежніе государи наши и корень ихъ царской отъ нихъ же Варяжскаго княженія, отъ Рюрюка и до великаго государя Θедора Ивановича былъ". Дополн. къ акт. истор. т. I, № 162.

144) Annal. Bertin, an. 8—39; ap. Murator. scriptor rer. Ital., t. II, p. 525.

145) Histor. c. 46.

146) См. у Fraehn-Ibn-Fozlans etc.

147) Извѣстія другихъ Византійцевъ только не противорѣчатъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ: Варягами въ Византіи назывались дружины изъ пришлецовъ съ далекаго сѣвера, съ острова Туле; это впрочемъ не противорѣчитъ мнѣнію, что у другихъ народовъ Варягами могли называться и другіе жители Сѣвера, инаго происхожденія чѣмъ Скандинавы: если въ дружинахъ съ Туле были Славяне сѣверные, то Византіецъ не имѣлъ обязанности упоминать объ этомъ обстоятельствѣ: мы знаемъ неточность Византійцевъ относительно этнографическихъ опредѣленій, и знаемъ различіе между южными, извѣстными Византійцамъ, Славянами и сѣверными.—Позднѣйшія извѣстія нашихъ лѣтописей, гдѣ подъ Варягами разумѣются Скандинавы, Нѣмцы, также не противорѣча мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ, не противорѣчатъ мнѣнію и о славянскомъ: сперва подъ Варягами могли разумѣться всѣ жители Балтійскаго прибрежья; потомъ съ принятія христіанства, начало господствовать различіе религіозное,

и Варягами на сѣверѣ начали называть тѣхъ, кого на югѣ разумѣли подъ Латинами, то-есть всѣхъ не греческаго закона, всѣхъ безъ различія происхожденія; наконецъ онѣмеченіе Славянъ прибалтійскихъ заставило считать Нѣмцами всѣ народы сѣверо-западной Европы, носившіе прежде имя Варяговъ.

148) Warg, иначе wrag, въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ означалъ изгнанника, изверженника изъ извѣстнаго округа, exul, pago expulsus; подобный человѣкъ у Англо-Саксовъ назывался wraecca, въ законѣ салическомъ wargus. Послѣ это названіе начало означать изгнанника и преступника вмѣстѣ: отсюда у Готѳовъ — wargjan condemnare, exterminare, tractare ut sceleratum; у Шведовъ werg значитъ волкъ, какъ разбойникъ между звѣрями; wrang trux, ferox. Итакъ wrag, wraec, wrang древнихъ Германцевъ, warg, frec, franc новыхъ было однозначительно съ англосаксонскимъ utlagh; warg, wrag значилъ волкъ, разбойникъ или изгнанникъ на всѣхъ языкахъ Сѣвера (ср. славянское врагъ, финское waras). Будемъ ли смотрѣть на Варяговъ какъ на Βαραγγοφοιδεράτοι, Waeringar; будемъ ли производить слово отъ var война, или отъ славянскаго варяю и сравнивать съ Δρομῖται; будемъ ли указывать на древанское warang мечъ,—заключеніе будетъ одно, что Варягъ означалъ дружинника, воина по преимуществу, а извѣстно, что въ средніе вѣка дружины составлялись преимущественно изъ людей, носившихъ названіе wargus; слѣдовательно, еслибы даже между этими двумя словами не было связи филологической, то есть историческая.—Кругъ производитъ Варяговъ отъ варяю и сравниваетъ съ Δρομῖται; Тредьяковскій уже давно производилъ отъ варяю, только въ смыслѣ предварители, старожилы. Максимовичъ считаетъ warang русскимъ врагъ, но объ этомъ сближеніи уже давно писалъ монахъ Кульчинскій въ своемъ сочиненіи: Specimen ecclesiae Ruthenicae. Отъ значенія изгнанника легкій переходъ къ значенію скитальца, пришельца, чужаго: „Omnes varengangi, qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint.“ Edict. regis Rotharis. стр. 300.

149) Византіецъ Симеонъ Логоѳетъ объясняетъ прямо слово: Ῥῶς словомъ Δρομῖται, а δρομῖται происходитъ отъ δρόμων корабль. Корень слова съ приведеннымъ значеніемъ найдемъ въ языкахъ славянскомъ, германскомъ, финскомъ и другихъ многихъ; мѣстныхъ названій, подобнымъ образомъ звучащихъ, найдемъ много: но не думаемъ, чтобъ изслѣдователь имѣлъ право выводить дружину Рюрика непремѣнно изъ какого-нибудь подобнаго мѣста.

150) Арабскій писатель Табари (Dorn, Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Académie des sciences

de S. Pétersbourg. t. IV, 1841; t. VI, 1844) упоминаетъ о Руссахъ вмѣстѣ съ Козарами подъ 642 годомъ по Р. Хр.—Обыкновенно думаютъ, что Греки въ первый разъ познакомились съ Руссами только послѣ Аскольдова похода; но могъ ли патріархъ Фотій, въ окружномъ посланіи своемъ 867 года, отзываться о Руссахъ такимъ образомъ: Τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον? Въ Паралипоменонѣ Зонары жительство Руссовъ полагается на берегахъ Чернаго моря (Чтенія Москов. Истор. Общ. годъ третій, № 1); тамъ же полагаютъ Русь и арабскіе писатели (Fraehn-ibn-Foszlan Berichte): по Муккадези, Руссы живутъ на островѣ Вабія; число ихъ простирается до 100.000, у нихъ нѣтъ ни хлѣбопашества, ни скотоводства. По словамъ Димешки, Руссы получили свое имя отъ города Руси (Rusija), находящагося на сѣверномъ берегу названнаго отъ нихъ моря, то-есть Чернаго. На этомъ морѣ семь островов, обитаемыхъ разбойниками Руссами. Едризи упоминаетъ также о городѣ Русѣ: „Отъ города Матерхы до города Руси 27 миль; послѣдній лежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Кукайя.“ По Али-бенъ-Саидъ-Махреби Русія, главный городъ Руссовъ, находится на берегахъ Азовскаго моря. Ибнъ-ель-Варди, при исчисленіи городовъ на Черномъ морѣ, называетъ Руссія. Такія согласныя свидѣтельства оспаривать трудно, а главное—нѣтъ нужды: древнее пребываніе Руссовъ на Черномъ морѣ только объяснитъ намъ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, не противорѣча ни одному изъ нихъ.—Недавно г. Гедеоновъ снова поднялъ вопросъ о славянскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси (Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, приложеніе къ 1-му тому записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 3). Изслѣдованія его замѣчательны своею отрицательною стороною, гдѣ онъ опровергаетъ нѣкоторыя мнѣнія ученыхъ, держащихся скандинавскаго происхожденія Варяговъ-Руси; но положительная сторона изслѣдованія не представляетъ ничего, на чемъ бы можно было остановиться. Г. Гедеонову принадлежитъ честь за то, что онъ не заставляетъ начальнаго лѣтописца указывать на славянское происхожденіе Варяговъ-Руси, признаетъ, что лѣтописецъ подъ Варягами-Русью не разумѣлъ Славянъ, и отвергаетъ свидѣтельство лѣтописца, какъ невѣрное. Но вопросъ о невѣрности показаній лѣтописца не рѣшенъ въ изслѣдованіи, а безъ этого рѣшенія дѣло не подвинется ни на шагъ въ пользу противниковъ мнѣнія о не славянскомъ происхожденіи Руси. Тоже должно сказать и объ изслѣдованіяхъ г. Иловайскаго. Я уже показалъ въ своемъ мѣстѣ (въ изслѣдованіи о лѣтописи, III-й томъ Исторіи Россіи), что извѣстія о призваніи князей никакъ нельзя соединять съ хронологическими показаніями лѣтописи, что хронологія надана въ послѣдствіи, произвольно, по соображеніи съ греческими источниками; въ извѣстіяхъ же о призваніи князей и первоначальной ихъ дѣятельности нѣтъ возможности

найдти систему или какое-нибудь мудрованіе. Затрудняться вопросомъ, откуда начальный лѣтописецъ почерпнулъ извѣстіе о призваніи, не слѣдуетъ: можно ли предположить, что сыновья Ярослава, правнуки Рюрикова внука, забыли о своемъ происхожденіи, объ обстоятельствахъ появленія своего предка въ странѣ ими владѣемой, забыли, когда еще находились въ живыхъ люди, помнившіе крещеніе русской земли, помнившіе правнука Рюрикова?

151) Въ лѣтописи: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ.“ Вмѣсто всѣхъ Кривичѣхъ я читаю Веси и Кривичѣхъ, ибо если Меря платила дань, то не могла не платить Весь; что Весь платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нея на Бѣлѣозерѣ одного изъ братьевъ — Синеуса; потомъ, какъ видно, всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ Рюрикова владѣнія; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. Что касается до Чуди, то подъ этимъ именемъ должно разумѣть Воть или Водь, жителей древней Вожской Пятины въ новгородской области, которыхъ и теперь русскіе сосѣди ихъ не иначе называютъ какъ Чудью. См. Koeppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petersburgischen Gouvernements въ Mélanges russes, T. I. 2 livr. 1849.

152) Г. П. Савельевъ справедливо замѣтилъ: „Слово бѣлка показываетъ, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на звѣря, котораго мы теперь такъ называемъ, и который никогда не бываетъ бѣлымъ; говоря, что „Хозары имаху на Полянѣхъ и на Сѣверехъ и на Вятичѣхъ по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма“, Несторъ разумѣлъ конечно вѣкшъ, а не горностаевъ.“—Мухаммедан. Нумизмат. стр. CCVII.

153) Дымъ означаетъ обитаемое жилище, гдѣ топятъ, слѣдовательно живутъ, домъ просто еще ничего не значилъ; нужно, чтобъ онъ былъ обитаемъ; важенъ былъ признакъ обитаемости—дымъ. Былъ обычай для наказанія или вынужденія чего-нибудь разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ.

154) См. мое изслѣдованіе: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 7, 8. См. также Studien zur Gründliche Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 304.—Пиша мое изслѣдованіе о Новгородѣ, я не могъ достать изслѣдованія Неймана о томъ же предметѣ, помѣщеннаго въ названной книгѣ, которая составляетъ библіографическую рѣдкость. Послѣ, доставши книгу, я нашелъ, что во многомъ сошелся со мнѣніями Неймана, и потому теперь спѣшу возвратить ему честь первенства.

155) Никон. I, 14. „Потомъ же Славяне, Чудь и Кривичи и проч.,

видяще великое нестроеніе въ землѣ своей, прійдоше въ чувство и совѣтъ сотвориша, еже избрати себѣ князя отъ иного рода.“

156) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, стр. 17.

157) Тамъ же.

158) Тамъ же, Т. III, стр. 11. Возражаютъ: если Новгородцы призвали первыхъ князей для наряда внутренняго, какъ судей, то Рюрикъ не сѣлъ бы въ Ладогѣ.—Но какое право имѣетъ историкъ непремѣнно предполагать, что Новгородъ въ это время имѣлъ то же значеніе, какое послѣ? Лѣтописецъ, говоря о призваніи князей, упоминаетъ постоянно названіе племени—Словене, не говоря ни слова о Новгородѣ, чего не могъ бы онъ сдѣлать, еслибы Новгородъ и тогда уже имѣлъ первенствующее значеніе. См. стр. 98.

159) Можно было бы объяснить явленіе такимъ образомъ: въ выраженіи—всталъ родъ на родъ, подъ родомъ разумѣть отдѣльныя племена—Чудь, Славянъ ильменскихъ, Кривичей: эти племена, покорныя Варягамъ, какъ скоро освободились, то завели усобицы, для прекращенія которыхъ не нашли другаго средства какъ подчиниться князю изъ чужаго рода, ибо въ противномъ случаѣ Варяги снова могли бы легко подчинить себѣ враждующія племена.—Но, вопервыхъ, странно было бы предположить, чтобъ отдѣльныя племена, имѣя крѣпкое, удовлетворительное внутреннее устройство, захотѣли подчиниться чуждой власти потому только что не могли сладить съ сосѣдями Это было бы дѣйствительно примѣръ неслыханный въ исторіи: если Новгородцы поссорились съ Чудью, напримѣръ, и начали усобицу, положимъ даже, что въ одно время они начали усобицу съ Кривичами, то соединенные Кривичи и Чудь конечно могли заставить Новгородцевъ уступить ихъ желанію и безъ призыва чуждой силы; далѣе, могли ли племена, говоря о взаимныхъ войнахъ своихъ другъ съ другимъ, сказать, что во всей ихъ землѣ нѣтъ наряда, еслибы внутри каждаго племени онъ былъ? наконецъ, что всего важнѣе, мы видимъ изъ послѣдующей исторіи, что въ Новгородѣ напримѣръ князь былъ необходимъ для установленія внутренняго наряда, а не для соглашенія съ сосѣдями; замѣтимъ, что относительно послѣднихъ и вообще чужихъ народовъ Новгородцы вели себя обыкновенно очень осторожно, миролюбиво, старались сколько можно болѣе избѣгать враждебныхъ столкновеній.—Предполагать новое завоеваніе историкъ не имѣетъ никакого права, ибо это значило бы строить исторію, не обращая никакого вниманія на свидѣтельство лѣтописца.—Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ призваніе необходимостію внѣшней защиты для призывавшихъ племенъ; такъ г. Погодинъ, согласно съ Миллеромъ и Шлецеромъ, говоритъ (Изсл. Зам. и Лекц. III, стр. 57: „Главная цѣль Новгородцевъ была—имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ. Доказательство: къ нимъ

пошло цѣлое колѣно—войско. Для чего бы Новгородцамъ въ противномъ случаѣ брать себѣ на содержаніе столько народа? Звать цѣлое войско княжить—нелѣпость. Еслибъ имъ нуженъ былъ только князь, то взяли бы его одного безъ его племени. Но они звали князей вслѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе перваго о б щ а г о дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ-быть, что всякое племя желало первенствовать; прекратить междоусобіе—это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя". Отвѣчаемъ: къ нимъ пошло цѣлое колѣно—войско, говоритъ г. Погодинъ; но извѣстно ли намъ число людей, пришедшихъ съ Рюрикомъ? Развѣ можно принимать буквально извѣстіе: пояша по собѣ всю Русь? Лѣтописецъ XI вѣка естественно долженъ былъ предположить, что Рюрикъ вывелъ съ собою всю Русь, зная, что Русь были Варяги, и въ то же время не будучи въ состояніи отыскать между варяжскими народами особеннаго народа Руси, подобнаго Шведамъ, Норвежцамъ, Готамъ. —„Еслибъ имъ нуженъ былъ только князь, говоритъ г. Погодинъ, то взяли бы его одного безъ его племени".—Но еслибы князья одни не пошли къ чужому народу, на кротость котораго, какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, вовсе не надѣялись? „Онижъ бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава, и едва избрашась три браты," читаемъ въ Никоновомъ спискѣ (1,15).—„Прекратить междоусобіе—это была временная нужда", говоритъ г. Погодинъ.—Выше было показано, что усобицы среди Славянъ не были случайнымъ явленіемъ, но были характеристическою чертою ихъ быта. Любопытно, что г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 371, 373), слѣдуя Шафарику, представляетъ сварливость Славянъ, неумѣнье ужиться другъ съ другомъ. Но еслибы даже междоусобіе и было случайнымъ явленіемъ, да было такъ сильно, что прекратить его не предвидѣлось никакихъ средствъ, то и тогда призваніе князей для одной цѣли внутренняго наряда будетъ понятно. Правда, что разрозненный родовой бытъ и вражда между родами препятствовали племенамъ не только дружно нападать, но даже и съ успѣхомъ защищаться отъ чуждыхъ нападеній; но это было слѣдствіемъ вражды между родами; нужно было прежде всего уничтожить эту вражду, эти усобицы—утвердить нарядъ,—тогда при общемъ согласіи и спокойствіи необходимо являлась возможность дружной и успѣшной защиты: нужно было уничтожить причину, слѣдствіе уничтожалось само собою.

160) См. объ этомъ статью въ Сѣверн. Арх. 1826 года.

161) I, 8: „И придоша къ Словеномъ первѣе, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ,"

162) Нѣкоторые изслѣдователи не хотятъ признавать всей важности этого событія, не хотятъ называть его всероссійскимъ. Такъ г. Погодинъ говоритъ (Изсл. З. Л. III, 69): „Событіе это, каково бы оно ни

было, какую бы оно ни имѣло связь съ другими, принадлежитъ одному Новгороду. Еще болѣе: преемникъ Рюрика оставилъ тотчасъ Новгородъ, оставилъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то-есть Новгородцы остались платить дань Варягамъ, какъ они платили ее въ 859 году; Варяги-Русь ушли въ другую сторону, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ удержали право новгородской дани; Новгородъ, напротивъ, отдѣлился съ самаго начала, и составилъ особое цѣлое, отъ котораго черезъ сто лѣтъ отпирался уже самъ Святославъ. Это почти отрѣзанный ломоть, островъ въ русской исторіи. Въ Новгородѣ, какъ въ одной части будущаго русскаго государства, мы видимъ теперь, при Рюрикѣ, новую гражданскую форму, и то на время, точно какъ подобная форма тогда же показалась въ Кіевѣ, или послѣ во Владимірѣ. Вотъ и все. Слѣдовательно началомъ государства этого событія съ Карамзинымъ назвать нельзя. Какъ же вѣрнѣе назвать это происшествіе? По моему, вслѣдствіе предложенныхъ изысканій, это происшествіе должно быть названо, всего приличнѣе-вѣрнѣе, прибытіе Норманновъ въ нашу славянскую землю,—Норманновъ, которые въ послѣдствіи, въ теченіе шести вѣковъ, ославянивались, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія, гражданскую форму поселеніямъ племенъ славянскихъ. Чѣмъ же соединяется оно, хотя нѣсколько, съ послѣдующими происшествіями? Почему начинаютъ имъ россійскую исторію? Какую долю имѣетъ это происшествіе въ основаніи русскаго государства? Главная, существенная связь этого происшествія, связь съ будущей исторіей, есть не Новгородъ, а Рюрикъ, какъ родоначальникъ будущей династіи, государь, добровольно приглашенный, слѣдовательно пришедшій съ чувствами дружелюбными, а не враждебными. Здѣсь начало династіи,—и вотъ почему преимущественно это особое событіе безсмертно въ Русской исторіи, есть часть ея. Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала. Воздадимъ здѣсь честь и Новгороду, старшему сыну Россіи: онъ призвалъ того князя, котораго роду предназначено было великое дѣло—преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патріархальный міръ, сообщить исподволь гражданскую форму всѣмъ частямъ Россіи, довести ее до нынѣшняго состоянія, и составить величайшее государство въ мірѣ".

Мы привели это мнѣніе для того чтобъ его опроверженіемъ подкрѣпить наше собственное мнѣніе, высказанное въ текстѣ. Вопервыхъ, событіе призванія принадлежитъ не одному Новгороду. Если странно давать здѣсь главную роль Финнамъ, то также странно приписывать все одному Новгороду, одному племени ильменскихъ Славянъ, не обращая вниманія ни на Чудь, ни на Кривичей, которые имѣли въ призваніи одинакое участіе. Событіе принадлежитъ слѣдовательно не Новгороду, а, съ одной стороны, tремъ племенамъ, сосредоточившимся около при-

званной власти, и посредствомъ своего сосредоточенія давшимъ этой власти средства къ сосредоточенію остальныхъ племенъ; съ другой стороны, это событіе всероссійское, потому что здѣсь положено начало сосредоточенію и наданію гражданскихъ формъ, что съ этого времени и мѣста непрерывно продолжается въ теченіе вѣковъ. Г. Погодинъ вооружается противъ этой непрерывности, но вооружается вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ. Онъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе. Отвѣчаемъ: вы признаете фактъ призванія, какъ онъ разсказывается въ лѣтописи, признаете, что князь былъ необходимъ призывавшимъ, но какимъ бы то ни было причинамъ, положимъ какъ защитникъ только? Но если князь былъ необходимъ для извѣстнаго народа, и князь покинулъ этотъ народъ, то что̀ долженъ дѣлать послѣдній? Или подвергнуться всѣмъ невыгодамъ прежняго состоянія, или призвать другаго князя; Новгородъ не призываетъ новаго князя, а такъ какъ князь для него необходимъ, то слѣдовательно въ Новгородѣ остается прежній князь или его намѣстникъ. Это со стороны призвавшихъ племенъ. Теперь со стороны Олега: онъ не могъ, удаляясь на югъ, оставить сѣверный конецъ своего пути не закрѣпленнымъ для себя, слѣдовательно онъ не могъ отказаться отъ Новгорода. Мы до сихъ поръ довольствовались одними соображеніями, теперь обратимся къ свидѣтельствамъ. Олегъ оставилъ совершенно Новгородъ, сѣверныя племена, которыми владѣлъ Рюрикъ, а между тѣмъ идя на югъ, онъ собираетъ войско изъ этихъ племенъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей; утвердившись на югѣ, Олегъ налагаетъ дань на эти племена, на Славянъ, Кривичей, Мерю; на Новгородцевъ налагаетъ особую дань въ пользу Варяговъ: идя въ походъ на Грековъ собираетъ войско опять изъ этихъ же племенъ; заключая миръ съ Греками, требуетъ укладовъ на сѣверные города; Игорь собираетъ войско также изъ этихъ племенъ: Ольга ходила къ Новгороду, и установила погосты въ его области.—Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ Норманновъ въ нашу славянскую землю: но здѣсь дѣло не въ Норманнахъ, не въ народности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли. Г. Погодинъ говоритъ, что Норманны, пришедши въ Новгородъ, дали ему новую гражданскую форму, и потомъ, ославяниваясь и размножаясь, будутъ давать гражданскую форму поселеніямъ племенъ славянскихъ; но въ такомъ случаѣ поселеніе Норманновъ у сѣверныхъ, первыхъ племенъ и сообщеніе имъ гражданской формы развѣ не будетъ начало исторіи и начало государства?—На стр. 74 г. Погодинъ говоритъ „Олегъ оставилъ Новгородъ, кажется, навсегда, безъ мысли о возвращеніи. Въ противномъ случаѣ на что бы увозить ему съ собою младенца Игоря?“—Но какъ бы онъ, въ противномъ случаѣ, выполнилъ

родственную обязанность, возложенную на него Рюрикомъ, отдавшимъ ему сына на руки?—Сказавши на стр. 74, что Святославъ воспитывался въ Новгородѣ, показавши слѣдовательно тѣсную связь Новгорода съ Кіевомъ, тѣсную связь рода русскихъ князей съ Новгородомъ, на стр. 75 и 76 г., Погодинъ утверждаетъ, что Святославъ не хотѣлъ знать Новгорода, съ презрѣніемъ говорилъ: „Кто къ вамъ пойдетъ?“ Г. Погодинъ утверждаетъ тамъ же, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ ему: но развѣ дань не есть самое лучшее доказательство принадлежности? Князь распоряжается въ городѣ, налагаетъ дань, говоритъ: столько-то платите мнѣ, столько-то Варягамъ,—и городъ однако не принадлежитъ ему?! Да и что намъ извѣстно объ отношеніяхъ другихъ городовъ, кромѣ дани? Потому и Кіевъ не принадлежалъ князю, ибо о Кіевѣ мы ничего не знаемъ, даже относительно дани.

163) Полн. Собр. Р. Л. I, стр. 8.

164) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 9, вар.

165) Никон. 1, 16: „Того же лѣта (863) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его.“—Степ. кн. 1, 79. Вадимъ, *водимъ* можетъ-быть и нарицательное имя: въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ оно означаетъ коноводъ, передовой, проводникъ. См. Опытъ Областнаго Словаря, стр. 26.

166) Полн. Сбор. Р. Лѣт. 1. 9. вар. „И пришедъ ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва и Новъгородъ, и сѣде ту княжа.“—Объ Ярославѣ сказано: „заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ“—(1, 65); о самомъ Рюрикѣ прежде сказано, что онъ срубилъ городъ Ладогу, причемъ должно разумѣть одни укрѣпленія въ городахъ, давно существовавшихъ; но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ не сказано, что князья давали имена городамъ Кіеву и Ладогѣ, что прямо сказано о Новгородѣ: „И прозва и Новъгородъ.“—Скажутъ, что прежде лѣтописецъ говоритъ о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія—это предположить, что старый городъ былъ построенъ Славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрикѣ.

167) Никон. 1, 17.

168) Тамъ же: „Избиша множество Печенѣгъ Оскольдъ и Диръ.“—Отрицать возможность появленія Печенѣговъ въ Приднѣпровьѣ во время Аскольда и Дира нѣтъ основанія.

169) См. Воскресен. и др. списки.

170) Никон. 1, 16: „Убіенъ бысть отъ Болгаръ Оскольдовъ сынъ.“

171) Полн. Собр. Р. Лѣт., 1, 7: „По смерти братьѣ сея быша обидимы (Поляне) Древлями, инѣми околними.“

172) См. подробности и указанія источниковъ у арх. Макарія въ его Исторіи Христіанства въ Россіи, стр. 261 и слѣд.

173) Подробности и разборъ сказаній см. въ приведенной выше книгѣ арх. Макарія, стр. 166 и слѣд., стр. 169 и слѣд.—Принимать извѣстіе о чудѣ св. Стефана за позднѣйшее и заимствованное непремѣнно изъ сказанія о чудѣ св. Георгія мы не видимъ достаточнаго основанія: не всегда сходныя сказанія заимствуются другъ отъ друга; въ противномъ случаѣ надобно было бы допустить, что нашъ начальный лѣтописецъ читалъ Геродота, и взялъ изъ него разсказъ объ извѣстной хитрости, которую приписалъ нашимъ Бѣлгорожанамъ; потомъ въ подробностяхъ сказаній о случившемся въ Сурожѣ и Амастридѣ мы находимъ большое различіе; наконецъ, главное, что̀ заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей отвергать самостоятельность извѣстія о сурожскомъ происшествіи, это предположеніе, что русскихъ набѣговъ на Припонтійскія страны не могло быть раньше 866 года; но мы не можемъ принять этого предположенія.

174) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: „И приде къ Смоленьску, съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой.“ — вмѣсто съ Кривичи должно читать въ Кривичи: переписчикъ не понялъ, что значитъ въ Кривичи, тогда какъ прежде сказано, что Олегъ уже шелъ съ Кривичами, и потому написалъ: съ Кривичи.

175) Старапіе связать Кіевъ съ сѣверомъ и Новгородомъ видно также въ другомъ преданіи, по которому основатели Кіева—Кій, Щекъ и Хоривъ были разбойники въ Новгородской области; Новгородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и 27-ю товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить, но князь изъ жалости далъ имъ свободу и проч. Синодал. Библіот. Книга о древности Россійскаго государства, № 529. — Какъ видно, сказка эта произошла отъ смѣшенія двухъ преданій—объ основателяхъ Кіева и о первыхъ варяжскихъ князьяхъ его.

176) Арханг. стр. 4.

177) Никон. 1, 16.

178) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: „Се буди мати градомъ русскимъ.“ „Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью.“—Любопытно, что, по смыслу этого извѣстія, Варяги и Славяне прозываются Русью только по утвержденіи въ Кіевѣ.

179) Тамъ же, стр. 56: „Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кіеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху посадници Новъгородстіи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему.“

180) Любопытно, что въ числѣ покоренныхъ Олегомъ племенъ не упоминаются Дреговичи; не упоминаются они съ Полочанами и при исчисленіи племенъ, ходившихъ съ Олегомъ въ Грецію; по всѣмъ вѣроятномъ Дреговичи были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная ихъ половина: вотъ почему княжество Минское, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежало къ полоцкому. Въ Іоакимов. Лѣтоп. Дреговичи упомянуты въ числѣ племенъ, призвавшихъ Рюрика съ братьями.

181) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 12. Означимъ ошибку въ лѣтописи: „И стави Олегъ вои"—до: „дабы не воевалъ Грецькой земли." Вставка эта ясна, потому что содержитъ то же самое извѣстіе, которое опять повторяется въ текстѣ съ противорѣчіемъ: сперва говорится, что Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на человѣка, а потомъ, что по 12 гривенъ на ключъ, что гораздо правдоподобнѣе (Ключъ вм. лодка, корабль: ключемъ назывался багоръ, или крюкъ, которымъ привлекали лодки къ берегу; въ житіи Бориса и Глѣба Румян. Муз. сказано: „Имше корабль ключи и привлекоша къ себѣ"). Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ г. Ламбинъ замѣтилъ другія ошибки въ этомъ мѣстѣ лѣтописи. Журн. Мин. Нар. Просв. Іюль 1873 года. Думаемъ, что можно согласиться со мнѣніемъ проф. Срезневскаго, который во второмъ извѣстіи объ условіяхъ видитъ цѣлую грамоту, занесенную въ лѣтопись (Извѣстія II-го Отдѣл. Академіи, л. 20). Только не думаемъ, чтобы грамота была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ: во 1) по противорѣчію двухъ извѣстій; во 2) вставка договоровъ въ лѣтопись съ уничтоженіемъ разсказа начальнаго лѣтописца ясна изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6420 годомъ: „Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью; и посла, глаголя равно другаго свѣщанія" и проч. Для насъ очевидно, что здѣсь послѣ глаголя слѣдовалъ разсказъ начальнаго лѣтописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ разсказъ прерванъ насильственно вставкою договора.—Г. Срезневскій думалъ также, что слово: равьно въ выраженіи: равно другаго свѣщанія есть переводъ греческаго τοῖσον, paricula charta, copia, противень. Это мнѣніе развито особенно г. Лавровскимъ въ сочиненіи: О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ Греками. Это объясненіе равно можетъ быть принято вполнѣ; во жаль что филологи не обратили вниманія на слова: „при тѣхъ же царехъ," которые оставляютъ въ полной силѣ прежнее мнѣніе, что наши договоры предполагаютъ другіе договоры, старые.

182) Тамъ же, стр. 13: Равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ.

183) „Отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ

Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оже обращется или Русинъ или Гречинъ, да не купять (искупять) и възратять и скупленое (искупленное) лицо въ свою страну".—Предъ этимъ рѣчь шла о кораблахъ, застигнутыхъ бѣдою въ чужой землѣ; на русскихъ и на Грековъ, которые могли случиться въ это время тутъ, налагалась обязанность охранять и провожать корабль изъ чужой земли домой; теперь говорится о плѣнникахъ русскихъ и греческихъ проданныхъ въ чужую землю: на русскихъ и Грековъ, которые могли случиться въ этой землѣ налагается также обязанность выкупать невольниковъ союзнаго народа и возвращать ихъ въ отечество. Смыслъ ясенъ изъ самой связи пунктовъ.

184) Архангел. 10: „По семъ иде Ольгъ къ Новгороду, оттудѣ въ Ладогу." Стр. 11: „ и есть могила его въ Ладозѣ."

185) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 16.

186) Тамъ же.

187) Въ Іоакимовой лѣтописи Олегъ названъ княземъ урманскимъ или норвежскимъ; въ Скандинавскихъ сагахъ онъ является подъ именемъ Оддра Норвежскаго витязя, который прославился своими подвигами на востокѣ, княжилъ на Руси, умеръ, по предсказанію колдуньи, отъ любимаго коня.... См. Antiquites russes, t. I, p. 93 et squ.

188) Въ воскресен. спискѣ о рожденіи Игоря упомянуто подъ 866 годомъ, въ Никон. подъ 865; но о 13 или 14-лѣтнемъ мальчикѣ нельзя сказать: дѣтескъ вельми! Степенная книга даетъ Игорю два года во время отцовской смерти.

189) Я предпочитаю чтеніе затворишася чтенію заратишася, которое есть очевидно позднѣйшее, на что прямо указываетъ предлогъ отъ, идущій къ затворишася и не идущій къ заратишася; при томъ же затворишася гораздо вѣрнѣе изображаетъ тогдашнія отношенія племенъ къ князю.

190) См. Византійцевъ Симеона Логоѳета, Льва Грамматика съ неизвѣстнымъ продолжателемъ Багрянороднаго, Григоріемъ монахомъ, Кедриномъ и Зонарою; Memor, popul.—Russica.

191) По лѣтописи, Болгары послали сказать императору, что Русь идетъ на 10,000 скедій; но Ліутпрандъ показываетъ число лодокъ—1000 (V, 6), а Левъ Грамматикъ число войска въ 10,000 (Memor. popul. II. 967); но можемъ ли мы принять и послѣднее показаніе безошибочнымъ?

192) И въ договорѣ Игоря, какъ въ Олеговомъ, видимъ выраженіе: „Равно другаго свѣщанья."

193) Иворъ, посолъ Игоря великаго князя; Вуефастъ—Святослава сына Игорева; Искусеви—Ольги княгини; Слуды—Игоря, племянника великаго князя отъ сестры (см. Карамз. I, примѣч. 347); Улѣбъ—Вла-

диславa; Каницаръ—Предславинъ; Шихбернъ—Сфандры, жены Улѣбовой (вѣроятно вдовы, ибо имя Улѣба не упомянуто). Прастѣнъ.—Турдовъ; Либіаръ—Фостовъ; Гримъ—Сфирновъ; Прастѣнъ—Акуна, племянника Игорева отъ сестры; Кары—Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Воиковъ; Истръ — Аминодовъ; Прастѣнъ — Берновъ; Ятвягъ—Гунаревъ; Шибридъ—Алдановъ, Колклековъ, Стеггіетоновъ, Сфирковъ; Алвадъ—Гудовъ; Фудри—Туадовъ; Мутуръ—Утинъ. Потомъ слѣдуютъ гости или купцы: Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстенъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь.—Между именами людей, отъ которыхъ идутъ послы, мы не видимъ ни Свѣнѣльда, ни Асмуда, тогда какъ Свѣнѣльдъ играетъ первую роль; это ведетъ къ заключенію, что всѣ поименованные въ договорѣ были изъ княжья, то-есть изъ рода Игорева въ разныхъ степеняхъ и линіяхъ, мужеской и женской.

194) Въ договорахъ названія—князь и боларинъ употребляются безъ различія одно вмѣсто другаго; списки, въ свою очередь, также смѣшиваютъ оба названія: гдѣ въ одномъ стоитъ князья, тамъ въ другомъ боляре.

195) Да не имѣютъ волости, купити паволоки лише по 50 золотникъ.—По свидѣтельству Ліутпранда, самыя дорогія ткани было запрещено вывозить изъ Константинополя иностранцамъ.—Карамзинъ, приводя самъ свидѣтельство Ліутпранда (I, примѣч. 350), несмотря на то, переводитъ статью договора такъ: „Всякая ткань, купленная русскими цѣною выше 50 золотниковъ (или червонцевъ), должна быть ему (чиновнику) показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою."

196) Еще указаніе на прежнія условія, на которыхъ помирился Игорь.

197) Я здѣсь не принимаю чтенія Лавр. списка: „По уставу и по закону русскому", ибо въ русскомъ законѣ нѣтъ наказанія вору. Другіе списки имѣютъ только: „По уставу Грецкому".

198) „Ци аще ключится проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать (да не имате) власти казнити я, не повелѣньемъ царства нашего да пріиметъ, якоже будетъ створилъ."—И вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ условіе, что въ случаѣ убійства, родственники убитаго не имѣютъ права умертвить убійцу, но держатъ его только, чтобы потомъ правительство имѣло возможность казнить его смертію: „Аще убьетъ христіанинъ Русина, или Русинъ хрестеянина, и да держимъ будетъ створивый убійство отъ ближнихъ убіенаго, да убьютъ." Тогда какъ въ Олеговомъ договорѣ прямо сказано, что убійца доженъ умереть на мѣстѣ.

199) За годъ только Игорь возвратился изъ греческаго похода, взявши съ Грековъ золото и паволоки и на вся воя, а между тѣмъ дружинники его жалуются, что они наги. Или распредѣленіе событій по годамъ у лѣтописца певѣрно, или описаніе похода и его слѣдствій невѣрно, а можетъ-быть и то, и другое.

200) Византіецъ Левъ Діаконъ говоритъ, что Древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его.

201) Никон. 1, 41.

202) Memor. popul. t. II, p. 973.

203) См. статьи Григорьева—о древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, 5).—Также статьи Куника въ Bulletin de l'Acad. de Pétersb.: surla première exspédition Caspienne des Russes Normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Mosè Caghancatovatsi.—Sur l'expédition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'aprés Nizâmi, Ibn-ab-Athir et Ainy.

204) Изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно, что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей. Это обстоятельство опять указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ при первыхъ князьяхъ.

205) Коростень, нынѣ Искорость, мѣстечко на рѣкѣ Ушѣ; Ушь впадаетъ въ Днѣпръ у Чернобыля.

206) Они же сѣдяху въ перегъ-бѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся.—Карамзинъ (I, примѣч. 370): „Перегибами назывались, кажется, нѣкоторыя особенныя лодки. Сустуги могутъ значить кривлянье."—Но въ лѣтописи нѣсколько разъ повторено, что Древляне пріѣхали въ одной лодьѣ; что сустугъ можитъ значитъ кривлянье, нельзя заключить ни изъ чего. Гораздо скорѣе оба слова могутъ означать одежду отъ перегибаю и стягиваю.

207) На стр. 71 перваго тома Полн. Собр. Рус. Лѣт. читаемъ: „Единою же пьющу Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: „княже! хочу на тя пити." Слѣдовательно пить на кого-нибудь значитъ пить за чье-нибудь здоровье, и слѣдовательно приказаніе Ольги отрокамъ пить за здоровье Древлянъ, которыхъ готовились умертвить, означило также насмѣшку.

208) См. ниже описаніе жилищъ въ главѣ о народномъ бытѣ.

209) Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города,—обычай, употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая ея часть) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложилъ ее: такъ извѣстно, что Угличи платили дань въ пользу Свѣнельда, ихъ примучившаго. Ольга, принимавшая

такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древлянъ, имѣла полное право и на дань Древлянскую, а если удовольствовалось третью частію, такъ потому, что распоряжалась именемъ своего малолѣтняго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженія: „двѣ части дани идета Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ.“ Для чего вмѣсто лицъ мѣста? почему не князю Святославу, княгинѣ Ольгѣ?—Естественно употребить имя стольнаго города вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются, столицы же остаются, слѣдовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выражать извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстныя постоянныя отношенія; такъ послѣ напримѣръ сказано, что всѣ посадники Новгородскіе платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, то-есть великимъ князьямъ Кіевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условленное личностію Ольги, и несмотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ во время нашествія Печенѣговъ мы видимъ ее въ томъ городѣ съ внучатами; слѣдовательно, должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видно, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ, куда собирались запасы изъ-мѣстъ ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и Древлянская дань; а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ.

210) Эверсъ (Recht der Rus. стр. 59) думаетъ, что подъ именемъ уставовъ разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпринятыя Ольгою въ землѣ Древлянской, гдѣ, по отведеніи старшинъ въ плѣнъ, по уничтоженіи слѣдовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ — какъ жить, какъ дѣлать.—Но здѣсь должно замѣтить, что мщеніе Ольги постигло собственно одинъ Искоростень, тогда какъ у Древлянъ были другіе города, предавшіеся добровольно и нетронутые Ольгою: „Посла ко граду (Ольга) глаголюще: что хочете досѣдѣти? а всѣ гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и земли своя.“—Итакъ, слова Эверса могутъ относиться только къ Искоростеню, но не къ цѣлой древлянской землѣ.

211) Такъ, по смыслу извѣстія, перевожу я слово: знаменія.

212) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25: Иде Вольга Новгороду и устави по Мстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лусѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей землѣ; знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ.“ Слово: повосты читается только въ Лаврентіевскомъ спискѣ во остальныхъ погосты. Есть еще другой

варіантъ: въ Архангел. спискѣ вмѣсто по Мстѣ читается по мости и погости. Эверсъ (Recht der Rus. 62) даетъ предпочтеніе послѣднему чтенію: „Въ высочайшей степени невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы великая княгиня предприняла означенныя учрежденія по Лугѣ, такъ далеко на сѣверѣ,“ и потому принимаетъ по Лузѣ за позднѣйшее прибавленіе. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Луги, Эверсъ обращается ко Мстѣ, и спрашиваетъ: почему именно берега этой рѣки долженствовали быть одни предметомъ законодательныхъ заботъ Ольги; почему той же чести не удостоились берега другихъ рѣкъ, напримѣръ, Ловати и Великой?—Но, вопервыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя извѣстія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверсъ о Лугѣ, потому только, что оно затрудняло; лучшіе списки имѣютъ: по Мстѣ и Лугѣ, и нельзя найдти причины, почему бы это извѣстіе вставлено было позже; слѣдовательно историку остается только объяснить, почему распоряженія Ольги коснулись береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своими берегами составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверозападѣ, а Мста въ противоположную сторону, на сѣверовостокѣ: вспомнимъ, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ новгородскихъ владѣній; вспомнимъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги должна была касаться преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ къ западу и востоку, она мало могла касаться. Олегъ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но, вѣроятно, эти дани удобно сбирались только съ народонаселенія, живущаго близь великаго пути, которое, такъ-сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться большею независимостію и отбывать отъ дани, и здѣсь слѣдовательно нужно было сдѣлать для нея точнѣйшія опредѣленія. Наконецъ можетъ быть и то, что эти мѣста при низовьяхъ Луги и при верховьѣ Мсты были недавно заняты русскими изъ Новгорода, и потому требовали уряженія.—Въ извѣстіи объ Ольгиныхъ учрежденіяхъ на сѣверѣ останавливаетъ насъ также варіантъ: погосты и повосты очень легко могшій произойти: полустертая буква *в* образуетъ легко *г*, нѣсколько замаранное *г* легко можетъ показаться за *в*. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что книги были ветшаны; окончаніе повосты прямо указываетъ на то, что это слово испорчено изъ погосты; другое дѣло, еслибы было повозы: повозомъ называлась обязанность подчиненныхъ племенъ доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто: такъ читаемъ у лѣтописца о Радими-

чахъ: „и платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дне." Но это слово, очень легко объясняясь въ первой половинѣ извѣстія: устави по Мстѣ повозы и дани, остается безъ смысла во второй половинѣ; „ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повозы." Итакъ остается принять: погосты. Къ извѣстіямъ объ Ольгиныхъ уставахъ относится также слѣдующее, находимое только въ сводѣ лѣтописей Татищева (II, 45, 329): „Тогда жъ отрѣши княжее, а уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ какъ князю, такъ боярину, отъ его подданнаго". Обыкновенно объясняютъ княжее чрезъ jus primae noctis.— Противъ этого объясненія возражаютъ, что подобный обычай не согласовался съ извѣстными понятіями славянскихъ племенъ.—Но здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на то, надъ кѣмъ имѣлось это право? надъ народонаселеніемъ княжескихъ и боярскихъ земель,— народонаселеніемъ, составленнымъ изъ военноплѣнныхъ или купленныхъ рабовъ: могли ли славянскія воззрѣнія дѣйствовать на отношенія этаго народонаселенія?

213) Истор. Христ., арх. Макар. стр. 312.

214) Memor. popul. II, 986—979.

215) Карамз. I, примѣч. 380.

216) Татищ. II, стр. 41, прим. 130.

217) Въ западныхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что послы отъ Ольги, княгини русской крестившейся въ Константинополѣ, приходили къ императору Оттону I-му съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ для обращенія Руси; Оттонъ послалъ въ Русь епископа Адальберта, который однако былъ изгнанъ съ безчестіемъ (См. Шлецеров. Нестор. III, 469.) Много было разныхъ толковъ и объясненій этому извѣстію; но дѣло ясно изъ самыхъ словъ свидѣтельства: „Legati Helenae, reginae Rugorum, quae sub Romano, Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant.."—Послы обманули, какъ послѣ оказалось; ясно, что они принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе для того только, чтобы получать дары; на этотъ разъ, чтобы получить хорошій пріемъ и дары отъ ревностнаго къ распространенію вѣры Оттона, они объявили себя послами Елены Русской и просили епископа и священниковъ для русскаго народа.

218) Moitié de la ville d'Itil située à l'Est du Volga. Charmoy. Relation de Masoudy etc. p. 323.

219) Семендеръ находился между Дербентомъ и Волгою, около нынѣшняго Тарху. Онъ не уступалъ обширностію Итилю, окруженъ былъ плодовитыми садами и виноградниками. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ. См. Мухам. Нумизмат. стр.. LVII.

220) Въ преданіяхъ Атыхейцевъ есть слѣды извѣстій о походахъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ. См. газету Кавказъ 1849 года.

221) Мѣсто этого княжества безспорно должно искать на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, тамъ, гдѣ восточные писатели указываютъ древнее обиталище Руси.

222) Около 132,600 голландскихъ червонцевъ. См. Черткова—Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича, примѣч. 39.

223) Левъ Діаконъ, кн. V, ст. 77—81.

224) Это объясняется послѣдующимъ извѣстіемъ, что Святославъ возвратясь, прогналъ Печенѣговъ въ степь; значитъ они находились не въ степи, а гдѣ-нибудь подлѣ Кіева.

225) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 29: Въ се же время придоша людье Ноугородьстіи, просяще князя собѣ: „Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ", и рече къ нимъ Святославъ: „а бы пошелъ кто къ вамъ." И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ.—Въ словахъ Святослава нѣтъ никакого презрительнаго смысла, какой хотятъ видѣть нѣкоторые изслѣдователи; за что Святославу было презирать Новгородцевъ? Онъ просто отвѣчалъ имъ: „да гдѣжъ мнѣ взять вамъ князя; у меня только двое сыновей; еслибъ который изъ нихъ пошелъ къ вамъ?" На такой естественный смыслъ Святославовыхъ словъ прямо указываетъ слѣдующее извѣстіе, что Ярополкъ и Олегъ отказались: значитъ, Святославъ ихъ спросилъ—не хочетъ ли кто изъ нихъ идти въ Новгородъ? Мстиславъ Храбрый вовсе не презиралъ Новгородъ, однако братья насилу уговорили его идти туда княжить, и оставить любимый югъ. Любопытно дополнительное извѣстіе Никон. списка: „Володимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольгины. И бѣ рожденіе Володимеру въ Будутинѣ веси; тамо бо въ гнѣвѣ отслала ея Ольга, село бо бяше ея тамо, и умираючи даде его св. Богородицѣ." Но чье было село Будутино: Ольгино или Малушино? Если Малушино, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, умирая, она отдала его св. Богородицѣ, ибо она могла умереть послѣ крещенія земли.

226) Договоръ начинается: „Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ, писано при Ѳеофилѣ синкелѣ." Здѣсь можно думать, что слова: „Равно другаго свѣщанья," означаютъ договоръ, заключенный Святославомъ съ Никифоромъ.

227) Leo Diac. I, VI, p. 102—111. — Cedreni hist. compendium. t. II; Zonaræ Annales, t. II, l. XVII.

228) Левъ Діак. кн. VIII: „Руссы сражались храбро и отчаянно; они давно пріобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдними народами, и почитали величайшимъ несчастіемъ быть побѣжденными императоромъ и лишиться этой славы." —Слѣдовательно показаніе Византійца согласно съ лѣтописнымъ очеркомъ Святославова характера.

229) Нѣкоторые думаютъ, что въ нашей лѣтописи былъ разсказъ о неудачахъ, начиная со вступленія Цимисхія въ Болгарію, но что этотъ разсказъ намѣренно выпущенъ позднѣйшими переписчиками и полагаютъ пропускъ между словами: „Возвратися въ Переяславецъ съ похвалою великою" и — „Видѣвъ же мало дружины," и проч. (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 30). Но позднѣйшихъ переписчиковъ нашихъ никакъ нельзя упрекнуть въ обычаѣ выпускать разсказы о неудачахъ своихъ соотечественниковъ: они такъ благоговѣли къ труду переписыванія лѣтописей, что не могли позволить себѣ подобныхъ выпусковъ, да и странно предполагать въ нихъ сильное сочувствіе къ подвигамъ такого отдаленнаго и языческаго князя, когда они не жертвовали истиною и для славы князей, болѣе любимыхъ, напримѣръ Владиміра. Потомъ, на какомъ основаніи обвинять позднѣйшихъ переписчиковъ въ выпускѣ, и начальнаго составителя лѣтописи заставлять вписывать разсказъ о пораженіяхъ? Въ разсказѣ лѣтописца есть пропускъ, безспорно; но кому же принадлежитъ онъ? Позднѣйшимъ переписчикамъ или начальному составителю, или наконецъ первоначальнымъ разсказчикамъ, изъ словъ которыхъ образовалось преданіе? Разумѣется, сравнивъ интересы всѣхъ троихъ, мы должны будемъ заключить, что пропускъ долженствовалъ быть сдѣланъ первоначальными разсказчиками — Свѣнельдомъ съ товарищи, а не лѣтописцами, составителями или переписчиками. Внѣшній составъ разсказа нисколько не обличаетъ выпуска: Святославъ, возвратясь въ Переяславецъ съ побѣдою и богатыми дарами, начинаетъ разсуждать: „что если изобьютъ дружину мою нечаянно, хитростію? лучше мириться и идти домой." Какъ бы онъ могъ разсуждать такимъ образомъ послѣ страшныхъ пораженій и при голодѣ, который онъ терпѣлъ? Какая тутъ хитрость, когда Греки нанесли ему явно сильное пораженіе? Ясно, что вторая половина лѣтописнаго разсказа тѣсно связана съ первою, и выпуска никакого быть не можетъ. Наконецъ пристрастнаго разсказа во второй половинѣ мы должны ожидать уже по первой: если въ первой половинѣ выставляются одни побѣды Руссовъ и умалчивается о пораженіяхъ, то ясно, что будетъ умолчано о нихъ и во второй.

230) Подлѣ Килійскаго устья Дуная. См. статью Венелина — О соляномъ озерѣ Halmiris, въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. № 6, годъ 1847.

231) И пиша по немъ. — Если мы предпочтемъ это чтеніе, какъ труднѣйшее, то должны будемъ предположить какой-нибудь языческій обычай.

232) Татищ. I, стр. 37.

233) По преданію, Святославъ по смерти отца остался малюткою (дѣтескъ); въ лѣтописи годомъ рожденія Святослава означенъ 942-й

(Полн. Собр. Р. Л. I, 19); слѣдовательно въ 946 году, въ годъ смерти Игоревой, Святославу было 4 года; не имѣемъ права отвергать преданіе, съ которымъ, какъ видно, сообразовался лѣтописецъ. Такъ совершеннолѣтіе Святослава и начало подвиговъ онъ полагаетъ въ 964 году, то-есть, на 22-мъ году возраста — самая пора! Положимъ, что Святославъ могъ имѣть сына, будучи 19 лѣтъ, слѣдовательно въ 970 году, въ годъ распредѣленія волостей, Ярополку могло быть 9 лѣтъ, Олегу 8; что Владиміръ былъ малъ въ то время, объ этомъ имѣемъ опредѣленное извѣстіе: онъ былъ какъ малолѣтній, посланъ съ дядею Добрынею въ Новгородъ; такимъ образомъ съ кормильцами могли быть посажены и другіе братья. Слѣдовательно въ годъ смерти Святославовой, въ 972 году, Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ Противъ этого вывода возражаютъ, приводя извѣстіе лѣтописи, что Святославъ привелъ Ярополку жену, плѣнную, греческую монахиню: слѣд. въ 970 году Ярополку не могло быть только 9 лѣтъ.—Но если мы встрѣчаемъ въ источникахъ два противорѣчивыя свидѣтельства, то должно или выбрать одно изъ двухъ, или, если можно, согласить ихъ; еслибы не было возможности согласить двухъ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи, то все мы предпочли бы преданіе о малолѣтствѣ Святослава по смерти отца и о томъ, что онъ родился въ 942 году, ибо на этомъ преданіи основываются извѣстія о правленіи Ольги; возражатели не подумали, что, отвергая основаніе нашего вывода, они тѣмъ самымъ отвергаютъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ извѣстій; но дѣло въ томъ, что выборъ ненуженъ, ибо извѣстія легко согласить: изъ послѣдующихъ извѣстій мы знаемъ, что князья женили малолѣтнихъ дѣтей своихъ; и Святославъ очень могъ назначить для Ярополка греческую плѣнницу, необыкновенной красоты, ибо если даже предположимъ ее совершеннолѣтнею въ 970 году, то разница лѣтъ при многоженствѣ ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общій возрастъ — 19 лѣтъ; но возьмемъ теперь исключеніе, самый меньшій возрастъ, въ который Святославъ могъ имѣть сына,—возьмемъ 15 лѣтъ, тогда въ годъ распредѣленія волостей Ярополку будетъ 13, въ годъ отцовой смерти — 15 лѣтъ, другимъ братьямъ еще меньше,—все еще необходимы кормильцы.

234) Полн. Собр. Р. Л. I, 131: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущу Новѣгородѣ, дѣтьску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ, и нарядѣнъ мужь, и сь посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Володимера... Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: „не хочю я за робичича," пожалися Добрыня и исполнися ярости... и Добрыня поноси ему (Рогволоду) и дщери его, нарекъ ей робичица и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью.

235) Дорогожичи между Вышгородомъ и Кіевомъ; см. Полн. Собр. Р. Л. II, 100: Спяшася братья Вышегородѣ, и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кириломъ. „Кириловскій монастырь съ 1787 года составляетъ казенный домъ для содержанія увѣчныхъ и престарѣлыхъ инвалидовъ“ (Берлинскаго—Описаніе Кіева, 116).

236) Эверсъ предполагаетъ, что Владиміръ считалъ своею обязанностію отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый изслѣдователь, обращая вниманіе только на отношенія Владиміра къ Олегу, упустилъ изъ виду отношеніе Владиміра къ Ярополку. Точно, по понятіямъ того времени, Владиміръ долженъ былъ мстить за смерть брата, но кому? Принимая въ разсчетъ родовыя отношенія, мы должны обращать вниманіе на совокупность этихъ отношеній и не брать каждое порознь. Здѣсь дѣло идетъ между родными братьями, членами одной семьи: на каждаго родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственнымъ средствомъ защиты отъ насилій въ то время, когда каждый родъ смотрѣлъ на себя какъ на отдѣльное цѣлое, когда каждый зналъ только свой родъ и соблюдалъ только одни его интересы; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разныхъ родовъ, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду нанесенную другому родичу; здѣсь всѣ дѣла рѣшались властію родоначальника или общимъ родовымъ судомъ. Такъ напримѣръ, когда Святополкъ Изяславичъ, по наговорамъ Давида Игоревича, согласился на ослѣпленіе Василька, то цѣлый родъ вооружился противъ него; родичи говорили, что если Василько дѣйствительно виноватъ, то Святополкъ долженъ былъ доказать предъ цѣлымъ родомъ его вину, и потомъ наказать.—Но могъ ли Владиміръ, оставшись вдвоемъ съ Ярополкомъ представителями рода, взять на себя право судить и наказывать старшаго брата? Уже самая исключительность положенія не допускала опредѣленности правъ: Владиміръ могъ дѣйствовать только по чувству самосохраненія, еслибы могъ дѣйствовать самостоятельно, но дѣйствовалъ Добрыня, который, выставивъ со стороны Владиміра чувство самосохраненія, стремился убить Ярополка, чтобы сдѣлать своего племянника и питомца княземъ всей Русской земли.—Вотъ почему преданіе, говоря о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, молчитъ о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣнѣльдъ уговаривалъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть своего сына.—Противъ нашего мнѣнія приводятъ слова Ярослава, сказанныя имъ о Святополкѣ: „Не язъ почахъ избивати братью, но онъ;

да будетъ отместьникъ Богъ крове братья моея... но суди ми Господи по правдѣ.“ Но здѣсь Ярославъ руководится другими новыми христіанскими понятіями: съ своей стороны онъ, подобно Владиміру, выставляетъ только право защищаться, предупреждаетъ собственную погибель и считаетъ свое дѣло правымъ, молитъ Бога, какъ Мстителя за неповинную кровь, Карателя преступленій, помочь ему въ правомъ дѣлѣ. Приводятъ также событія изъ конца XII вѣка, гдѣ братъ убійствомъ мстилъ за убійство роднаго брата другому родичу; но конецъ XIII вѣка былъ уже временемъ распаденія родоваго быта. Приводятъ наконецъ желаніе князя Святослава Черниговскаго отомстить Всеволоду Суздальскому за обиду, но здѣсь нѣтъ никакого соотношенія съ нашимъ событіемъ: линіи Святослава и Всеволода (Ольговичи и Мономаховичи) давно уже находились въ открытой борьбѣ, родовая связь давно была между ними расторгнута; здѣсь дѣло шло между двумя независимыми владѣльцами, и дѣло шло не объ убійствѣ (см. Изслѣдов. А. Тюрина — Обществ. жизнь и проч. стр. 46, 47).

237) Что у Святослава были если не родные, то двоюродные братья, доказываетъ упоминовеніе племянниковъ Игоря въ договорѣ съ Греками, племянника Ольги при описаніи угощеній ея Константиномъ Багрянороднымъ; всего легче допустить, что этотъ племянникъ послѣдовалъ въ Царѣградѣ примѣру тетки, принявъ христіанство.

238) Татищ. I, стр. 38.

239) См. Краледв. рукоп. Zaboj, Slavoj, Ludiek.

240) Bedae Hist. l. II, стр. 13.

241) Время письменнаго составленія преданія можно опредѣлить. Жиды говорятъ Владиміру: „Разъгнѣвася Богъ на отцы наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ“. Палестина была предана не христіанамъ, но язычникамъ Римлянамъ, а въ описываемое время находилась во владѣніи магометанъ; слѣдовательно преданіе составлено окончательно и занесено въ лѣтопись въ то время, когда крестоносцы владѣли Іерусалимомъ. О томъ, откуда заимствованы мѣста, не находящіяся въ Библіи, см. о Древней Русской Лѣтописи, соч. Сухомлинова, стр. 54 и слѣд.

242) См. Іудейско-Казарское преданіе въ отвѣтѣ Казарскаго царя Іосифа испанскому Еврею Рабби Хисдай—Чтенія Истор. Общ. 1847, № 6.

243) Илар. въ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 240. Паче же слышано бѣ ему всегда о благовѣрней земли Грѣчьстей, христолюбивѣй же и сильнѣй вѣрою, какъ едина Бога въ Троици чтутъ и кланяются, како въ нихъ дѣются силы и чудеса и знаменія; како церкви людей исполнени, како вѣси и гради благовѣрни вси въ молитвахъ прилѣжать, вси Богови предстоять.

244) Внося въ лѣтопись это преданіе, которое, какъ видно, состав-

ляло одно цѣлое съ преданіемъ о проповѣдникахъ и объ извѣдываніи вѣръ (Владиміръ говоритъ императорамъ, что онъ уже испыталъ ихъ вѣру чрезъ посыланныхъ отъ него мужей), лѣтописецъ выбралъ его изъ нѣсколькихъ другихъ преданій, основываясь на свидѣтельствѣ достовѣрныхъ людей, старцевъ, помнившихъ событіе, какъ напримѣръ старецъ Янъ. Другія преданія говорили, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, иныя, что въ Василевѣ, а нѣкоторыя указывали на другія мѣста. Въ Торжественникѣ Румянц. Муз. подъ № CCCCXXXV находится слѣдеющее извѣстіе, котораго нѣтъ въ лѣтописяхъ: „Шедъ (Владиміръ) вза Корсунъ градъ, князя и княгиню уби, и дщерь ихъ за Жидьберномъ. Пе распустивъ полковъ и посла Ольга воеводу своего съ Жильберномъ въ Царьградъ къ царямъ просить за себя сестры ихъ.“

245) Никон. I, 92. И два болвана мѣдяны. Лѣтоп. Переясл. Суздал. Яко жены образомъ медяны суще.

246) Тамъ же, I, 91.

247) Разумѣется, что Владиміръ, какъ отецъ, которому дорого было спасеніе дѣтей своихъ, прежде всего долженъ былъ озаботится тѣмъ, чтобы семейство его было просвѣщено христіанствомъ; да и во всякомъ случаѣ естественно было Владиміру начать обращеніе съ своего семейства, и потомъ перейти къ остальнымъ; вотъ почему мы принимаемъ извѣстіе татищевскаго свода (II, 74): „Какъ скоро Владиміръ къ Кіеву пришелъ, немедлено учинилъ совѣтъ съ митрополитомъ, крестилъ 12 сыновей, своихъ и вельможъ.“ Съ этимъ согласны и Никон. и Степ. кн.; но въ Никон. ниспроверженіе идоловъ поставлено прежде крещенія сыновей, а у Татищева послѣ. Въ такъ-называемой Тверской лѣтописи, находящейся въ Императ. Публич. Библіот., читаемъ слѣдущее преданіе о Рогнѣдѣ: „Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещенъ есьмь, и приняхъ вѣру и законъ христіанскій, подобаше ми едину жену имѣти, ею же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хощеши, да съчетаю тя ему. Она же отвѣщавши рече ему: или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въсприіяти, а мнѣ маловременныхъ сихъ и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же, бывъ царицею, не хощю раба быти земному царю, ни князю, но уневѣститися хощю Христови, и въспріему ангельскій образъ. Сынъ же ея Ярославъ сѣдяше у нея, бѣ бо естествомъ таковъ отъ роженія. И слыша глаголы и отвѣты матери своея къ Володиміру, и въздохнувъ съ плачемъ глагола матери своей: О мати моя! воистину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ.... И отъ сего словесе Ярославъ вста на ногу своею, а прежде бо бѣ не ходилъ.“ Рогнѣда постриглась и названа Анастасіею.

248) Повелѣ кумиры ниспровреци, овы осѣчи, а другія огневи пре-

дати (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. 1, 50). — Осѣчи относится, думаемъ, къ каменнымъ кумирамъ, огневи предати къ деревяннымъ.

249) Татищ. II, 74, Никон. I, 92. Я принимаю здѣсь извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ по естественности разсказа; всякій согласится, что такъ должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещеніе, объяснить ему сколько-нибудь, въ чемъ состоитъ перемѣна, во что онъ долженъ отнынѣ вѣровать, и потомъ уже, когда явились упрямые, употребить приказъ съ угрозою, а не прямо заставлять идти всѣхъ къ рѣкѣ и дѣлать неизвѣстно что, какъ описывается въ сокращенныхъ лѣтописяхъ, хотя и дошедшихъ до насъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

250) Тат. II, 74: Множайшіе, размышляя, отлагали день за день.

251) Тамъ же.

252) Иларіонъ, стр. 241: И не бысть ни единогожь противящася благочестному его повелѣнію. Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся: понеже бѣ благовѣріе его со властію спряжено. — Въ Никон. стр. 92 почти то же: И бѣ слово его со властію.

253) Какъ аспиды глухіе затыкая уши свои, по выраженію лѣтописца. Тат. II, 75.

254) Иначе, думаемъ, нельзя понимать этихъ словъ: свершеніи же бродяху. Совершенъ въ вѣрѣ есть обычное выраженіе для крестившихся уже. Свершеніе не можетъ относиться къ возрасту, ибо прежде было сказано, что одни стояли по шею, другіе по грудь; надъ которыми совершалось таинство, должны были стоять, а не бродить.

255) На берегу — прибавлено въ Никон., и несомнѣнно такъ.

256) Выраженіе, что князь велѣлъ ставить церкви тамъ, гдѣ прежде стояли кумиры, и потомъ одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ показываетъ, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры.

257) Мы, согласно съ Никон. лѣт. (I, 103, 105), приняли двѣ проповѣди для Новгорода: первую митрополита Михаила, вторую уже при митрополитѣ Леонѣ, Іоакима Корсунянина. Подробное сказаніе Іоакима нисколько не противорѣчитъ извѣстіямъ Никон. лѣтоп., хотя Іоакимъ разсказываетъ только объ одномъ обращеніи; но изъ его разсказа ясно, что онъ предполагаетъ другую проповѣдь, о которой молчитъ, ибо въ ней не участвовалъ. На первую проповѣдь указываетъ прямо извѣстіе о христіанахъ въ Новгородѣ и о церкви Преображенія. Ясно также, что Добрыня съ Путятою явились во второй разъ въ Новгородъ изъ Ростова, на что указываетъ ростовскій полкъ у тысяцкаго Путяты.

258) Стр. 241: Не взгнушайся, аще и мало стадо.

259) Татищ. II, 78. Въ Никон. (I, 104) Владиміръ Волынскій смѣшанъ съ Клязменскимъ. — Татищ. въ примѣч. 196 говоритъ: „О построеніи Владиміра манускрипты № 1, 3 и 4 сказуютъ, что построенъ на Волыни, или въ Червенской Руси, но въ другихъ, не зная онаго написали, яко бы на Клязьмѣ, который отъ Георгія сына Мономахова построенъ, и есть доказательство, что его Симонъ въ 1175 году пригородомъ Суздальскимъ именуетъ. На Волыни же во Владимирѣ епископія при Владимірѣ была, а на Клязьмѣ до Георгія нигдѣ не упоминается, особливо въ войнѣ Мстислава съ Ольгомъ, еслибы былъ, то бъ конечно надлежало мимо идти, и его упомянуть."

260) Татищ. I, 38; II, 79. Іоакимов. лѣтопись называетъ Михаила Болгариномъ, Ников. — Сириномъ (I, 92).

261) См. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и слѣд. Авторъ вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній представляетъ это дѣло, какъ заведеніе училищъ съ болѣе обширною цѣлію, именно для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Обвиненіе, по нашему мнѣнію, несправедливое: вопервыхъ, Карамзинъ имѣлъ полное право сказать, что Владиміръ, введя грамотность, положилъ тѣмъ начало народному просвѣщенію въ Россіи; вовторыхъ, авторъ приводитъ только и разсматриваетъ конецъ разсужденія Карамзина, опустивъ начало, гдѣ содержится мысль, вполнѣ вѣрная: „Язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка, говоритъ Карамзинъ. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти (?), но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить христіанъ. Чтобъ утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи." Автору статьи, помѣщенной въ Studien, непремѣнно хочется ограничить мѣру Владиміра одною цѣлію — приготовленіемъ священниковъ; но такое одностороннее толкованіе будетъ противно всѣмъ извѣстіямъ лѣтописей, ибо они говорятъ именно, что митрополитъ присовѣтовалъ эту мѣру для утвержденія вѣры, не упоминая о приготовленіи священнослужителей. Мысль просвѣщать книжнымъ ученіемъ для утвержденія въ вѣрѣ не могла быть нова для митрополита, присланнаго изъ Царьграда, который является главнымъ дѣйствователемъ въ этомъ случаѣ. Авторъ означенной статьи вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній говоритъ объ училищѣ, тогда какъ, по его мнѣнію, училища заведено не было, а дѣтей роздали учиться по церквамъ у священниковъ; это мнѣніе справедливо, тѣмъ болѣе, что у Татищева (II, 76) читаемъ прямо то же самое: „Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное." Здѣсь

же читаемъ, что нѣкоторыя матери старались дарами откупать дѣтей своихъ отъ ученія.

262) Нищань рѣчка, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Пронойска, течетъ отъ запада къ востоку и впадаетъ въ Сожь. — Щекатова Геогр. Словарь.

263) Antiquités Russes, I, 276, 278.

264) Карамз. I, примѣч. 436; Арцыбаш. I, примѣч. 206; Татищ. II, стр. 63. У Татищ.: „Владиміръ собралъ воинство великое, и Добрыню вуя своего призвавъ съ Новгородцы, пошелъ на Болгаръ и Сербы; а конныя войска русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенскихъ послалъ прямо въ землю Болгарскую, объявивъ имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца и брата договоръ, — и причиненныя подданнымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія. Болгары же, не хотя платить онаго, но совокупившись со Сербы, вооружились противо ему, и по жестокомъ сраженіи побѣдилъ Владиміръ Болгаровъ и Сербовъ, и поплѣни землю ихъ: но по просьбѣ ихъ учинилъ миръ съ ними. возвратился со славою въ Кіевъ, взятое же раздѣлилъ на войско, и отпустилъ въ домы ихъ.“ — Самыя подробности разсказа не позволяютъ намъ отвергать его, особенно если мы поостережемся отвергнуть свидѣтельство Іоакимовой лѣтописи о крещеніи Владиміра, непосредственно послѣ похода въ Болгарію и о содѣйствіи Болгаръ этому дѣлу; замѣтимъ, что и въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи разсказъ объ обращеніи Владиміра начинается непосредственно послѣ разсказа о походѣ на Болгаръ. Замѣтимъ также, что слова — Низовые или Волжскіе обличаютъ составителя или переписчика лѣтописи, живущаго на сѣверѣ, слѣдовательно позднѣйшаго, знавшаго только сосѣдей своихъ — Волжскихъ Болгаръ.

265) Никон. I, 106, 107.

266) Тамъ же. 110; Татищ. II, 87. Memor. Popul. II, 1009, 1010.

267) Татищ. II, 89: „А по селамъ не ѣздить тіуномъ. вѣрниковъ, огневишнѣ и смердинѣ продовать и отъ нихъ не купить.“ — Вѣрность этого извѣстія не можетъ подлежать сомнѣнію: печати прямо указываютъ на греческій обычай, къ которому Русскіе привыкли въ Византіи; подробности указываютъ на древность.

268) Palacky. Dějiny narodu cêskèho, I, 260.

269) Тамъ же стр. 255: Deinde ad aquilonalem hi sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati (слѣдовательно Хорваты составляютъ границу).... Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate, provinciaque cui Vag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est.

270) Roepell, Geschichte Polens, I, 144.

271) Татищ. II, 77. Здѣсь, быть-можетъ, кому-нибудь покажется по-

доэрительнымъ извѣстіе, что разбитый Мечиславъ едва ушелъ въ Краковъ, тогда какъ этотъ городъ еще не принадлежалъ ему; но онъ могъ захватить его временно, ибо въ то же время шла у него война съ Болеславомъ Чешскимъ. Извѣстіе, находящееся у Татищева, подтверждается иностранными свидѣтельствами: Annal. Hildesh, ap. Leibnitz, Scriptor rer brunsvic. I, 720, anno 992. „Otto rex cum valida suorum manu iterum Braunanburg adiit.... Bolizlaus vero Misachonis filius per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens (imminebat quippe illigrande contra Ruscianos bellum) suos satis fideliter milites in ministerium regis direxerat.

272) Въ Никон. (I, 104) подъ 922 годомъ упоминается о послахъ къ Владиміру отъ Болеслава.

273) Dithmari ep. Merseburg. Chronic. VII. 244.

274) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 54 Никон. I, 105.

275) Никон. I. 92, 106. 111. — У Татищева (II, 78) сказано, что патріархъ цареградскій, узнавъ о сношеніяхъ съ папою, увѣщевалъ Владиміра прекратить ихъ, указывая на безнравственность папъ и отступленіе ихъ отъ обычаевъ вселенской церкви. — Есть извѣстіе, что Императоръ Оттонъ III присылалъ въ Русь миссіонера Бруно, который будто бы склонилъ къ своему ученію нѣкоторыхъ Русскихъ; но прибывшій греческій епископъ совершенно уничтожилъ его успѣхи. См. Макарія—Исторія Христіанства въ Россіи, стр 342. 343.

276) Кромѣ того въ Никон. спискѣ упоминается о набѣгахъ Печенѣжскихъ въ 990 году: Печенѣги надѣлали много зла, но Владиміръ побѣдилъ ихъ: подъ 992 также побѣда: подъ 1001 побѣда богатырей. Видно что въ сокращенныхъ спискахъ упомянуты только набѣги, почему-нибудь особенно замѣчательные: одинъ по битвѣ богатыря, другой по основанію церкви, третій по чудесному избавленію Бѣлгорода. Есть также извѣстія въ Никоновскомъ спискѣ, что нѣкоторые печенѣжскіе и болгарскіе князья приходили креститься ко Владиміру (I, 92, 95, 103); есть извѣстіе о смерти Печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками (I, 112). Наконецъ во всѣхъ спискахъ упоминается о набѣгѣ Печенѣговъ въ самое время Владиміровой кончины.—О Брунѣ и его извѣстіи см. Русская Бесѣда, 1856, № 1,

277) Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.

278) Тамъ же, 110.

279) Тамъ же, 111.

280) Тамъ же, 112,

281) Полн. Собр. Р. Л, I, 52.

282) Тамъ же. стр. 34.

283) Татищ. I, 40.

284) Полн. Собр. Р. Л. I, 57.

285) Тамъ же, стр. 34: Отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другое Святослава и Мстислава.

286) Тамъ же, стр 55: Преставися Малъфредъ. Въ се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мать Ярославля.—Ясно, что здѣсь говорится о двухъ женщинахъ, женахъ Владиміра. Татищ. II, 87: Преставися Малфреда, Чехиня, мать Святославля.

287) Соф. Врем. I, 87; Никон. I. 93; Соф. 80.

288) II, примѣч. 191.

289) Лѣтоп., содерж. Росс. Ист. отъ 852—1598 г., стр. 40: А трехъ у себя остави: бѣ бо млади, Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ.

290) II. примѣч. 184 Извѣстіе о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были сыновья царевны Анны, находится не въ одной Іоакимовой лѣтописи; оно находится въ такъ-называемой Тверской лѣтописи, хранящейся въ Император. Публич. Библіотекѣ: „Быша у него (Владиміра) водимыя рекше большія: Рогнѣдь юже посади на Либеды въ селцѣ идеже есть нынѣ словеть селце Предславино.... а отъ другіе Чехини Святослава, и Станислава, Судислава, Болеслава. А отъ царевны отъ Анны Бориса и Глѣба

291) Такъ перевожу и здѣсь слово боляре, ибо здѣсь ясно, что они противополагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще не убогихъ, богатыхъ и знатныхъ.

292) Никон. I, 128.

293) Въ одномъ сборникѣ XV вѣка находится слѣдующее слово на день Св. Бориса и Глѣба: „Слышите, князи, противящеся старѣйшеи братьи, и рать въздвижуща и поганыя на свою братью возводяще! Не обличилъ ти есть Богъ на страшнемъ судищи, како святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣсте брату своему нетокмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете, и за малу обиду вражду смертоносную вздвижете: помощь приемлете отъ поганыхъ на свою братью." См. въ Москвит. № 12, годъ 1843. Или: „Видители, братіи, коль высоко покореніе еже стежаста святая къ старѣйшему брату, си аще бо быста супротивилася ему едва быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога, мнози бо суть нынѣ дѣтески князи не покаряющися старѣйшимъ и супротивящися имъ и убиваеми суть, ти не суть такой благодати сподоблени якоже святая сія (Опис. Рум. Муз. стр. 201).

294) Повѣсть о смерти Бориса и Глѣба явно вставлена въ лѣтопись послѣ; иначе лѣтописецъ не сталъ бы снова повторять (въ концѣ стр. 60): Святополкъ же сѣдъ Кыевѣ по отци своемъ... Святополкъ же окаяныи нача княжити Кыевѣ и проч.

295) Татищ. II, 97.

296) По нѣкоторымъ лѣтописямъ это былъ старинный воевода Владиміровъ, Волчій Хвостъ, побѣдитель Радимичей. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 209.

297) И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 (Лавр.); бѣже тогда Ярославъ лѣтъ 28 (въ прочихъ спискахъ). — Ярославъ не могъ быть тогда (въ 1016 г.) 28 лѣтъ отъ роду, ибо это значило бы, что онъ родился въ 988 году, въ годъ принятія Владиміромъ христіанства и женитьбы на Аннѣ, тогда какъ мы знаемъ, что у Ярослава было много младшихъ братьевъ, рожденныхъ не отъ Анны, слѣдовательно рожденныхъ до принятія христіанства; онъ не могъ жить 28 лѣтъ въ Новѣгородѣ, ибо это значило бы, что онъ былъ отправленъ въ Новгородъ въ 988 году, но мы знаемъ, что въ этомъ году онъ былъ посланъ въ Ростовъ, а не въ Новгородъ, гдѣ княжилъ старшій братъ его Вышеславъ, умершій, по Татищеву, въ 1010 году (II,89), слѣдовательно лѣтописецъ подъ пребываніемъ въ Новгородѣ считалъ все время его пребыванія на сѣверѣ, начиная отъ 988 года, подъ которымъ онъ помѣстилъ разсылку сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, полагаемую преданіемъ тотчасъ послѣ крещенія. Счетъ лѣтъ всей жизни Ярославовой (76 лѣтъ) также невѣренъ, ибо еслибъ онъ умеръ въ 1054 году 76 лѣтъ, то онъ долженъ былъ бы родиться въ 978 году; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы быть сыномъ Рогнѣды, а главное, былъ бы старше Святополка, вслѣдствіе чего признаніе Св. Борисомъ послѣдняго старшимъ не имѣло бы смысла.

298) Dithmar Mers. VII, 264, 265: „Urbs autem Kitava nimis. valida ab hostibus Pedeneis hortatu Belizlaui crebra impugnatione concutitur et incendio gravi minoratur.“—О кіевскомъ пожарѣ упоминаютъ наши лѣтописи подъ 1017 годомъ (Полн. Собр. Р. Л. I, 62); подъ тѣмъ же годомъ упоминается о приходѣ Печенѣговъ подъ Кіевъ и злой сѣчѣ съ ними. (Тамъ же, III, 210)

299) Карамз. II, примѣч. 10.

300) Одну изъ женъ Владиміровыхъ, неизвѣстно какую: Анна умерла прежде Владиміра, въ 1011 году.

301) О сватовствѣ за дочерей Владиміровыхъ см. Татищ. II, 90.

302) Татищ. II, 99.

303) Принимаю древнѣйшее чтеніе Ипат. сп.: съ б о ю вмѣсто позднѣйшаго съ с о б о ю. Здѣсь говорится о плѣнникахъ, взятыхъ при Бугѣ и въ томъ городѣ, который, по Дитмару, былъ взятъ приступомъ, и жители его отданы въ рабство.

304) Мы слѣдовали въ своемъ разсказѣ русскимъ лѣтописямъ и Дитмару. О распространенныхъ и украшенныхъ разсказахъ польскихъ лѣтописцевъ см. у Карамзина II, примѣч. 10 и слѣд.; также у Roepell, Geschichte Polens, I, 7 Beilage.

305) Въ Новгородской лѣтописи сказано, что Ярославъ послѣ первой побѣды надъ Святополкомъ отпустилъ всѣхъ Новгородцевъ домой; въ Кіевской (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62) говорится, что въ походѣ про-

ѳивъ Болеслава были и Славяне, то-есть Новгородцы; но ясно, что это не могли быть тѣ самые, которые привели Ярослава въ Кіевъ: старосты, смерды и собственно граждане новгородскіе не могли такъ долго оставаться на югѣ, вдали отъ семействъ своихъ; слѣд., если извѣстіе справедливо, то это былъ небольшой отрядъ верхнихъ воевъ, вытребованный Ярославомъ на помощь, или отрядъ охотниковъ, оставшихся на югѣ, чтобъ участвовать въ войнѣ Ярослава съ Польшею.

306) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62, 63. Какъ видно, это преданіе распространено и украшено въ послѣдствіи.

307) Теперь село на рѣчкѣ Руднѣ, впадающей въ Снокъ съ правой стороны, къ сѣверовостоку отъ Чернигова, верстахъ въ 40; верстахъ въ 25 отъ него есть другое село Малый Листвинъ (Арцыб. I, 16, 86).

308) Луда. Это слово принадлежитъ столько же славянскому, сколько германскому языку: въ хорват. значитъ покровъ; luditi — покрывать. См. Срезневск. — Мысли объ исторіи русскаго язык.

309) Ясно, слѣдовательно, что у Ярослава были только одни Варяги, а Славянъ (Новгородцевъ) не было.

310) Былъ Городецъ подлѣ Кіева; былъ и недалеко отъ Чернигова (въ 26 верстахъ); вѣрнѣе, что миръ былъ заключенъ въ кіевскомъ. См. Арцыб. I, 16, 89.

311) Указываютъ на рѣку Судому или Судиму въ Псковской губерніи Порховскаго уѣзда. См. Арцыб. I, 15, 81.

312) Никон. I, 129: „А Брячиславъ бѣжаше къ Полотску. И оттолѣ изъ Киева призва его къ себѣ, и вдаему два града: Свячь и Вибдескъ; и рече ему: буди же со мною одинъ.„—Выраженіе: „буди же со мною одинъ“—можетъ показывать желаніе Ярослава заключить союзъ съ Брячиславомъ противъ Мстислава.

313) Geijer, Geschichte Schwedens, I, стр. 124, 126.

314) Думаютъ, что это лицо могло быть тождествено съ Якуномъ Слѣпымъ русскаго преданія. Вѣроятнѣе однако, что это былъ простой переводъ скандинавскаго Hakun, Hakon, Haagen—одноглазый, ибо странно было въ самомъ дѣлѣ видѣть слѣпаго въ вождѣ варяжской дружины. (См. Kunik, die Beruf. der Schwed. Rodsen, II. 172. По мнѣнію г. Ламбина, должно читать въ лѣтописи не: „бѣ Якунъ слѣпъ, а: „бѣ Якунъ съ лѣпъ т.-е. красивъ). Журн. Мин. Нар. Просв. Май 1858 года.

315) Воскрес. I, 184. Никон. I, 132; Соф. Врем. I, 152.

316) Sjögren, Mém. de l'Acad. de S. Pétersb. VI Serie, t. I, livr. 6, 1832, p. 513.

317) Тамъ же, 2 livr. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, стр. 272. На границѣ Устюжскаго уѣзда, въ сѣверо-восточномъ углу его, при устьѣ Вычегды въ Двину, жилъ, по народнымъ преданіямъ, народъ Гамъ или Емь.

318) Бельзъ — въ сѣверовосточной Галиціи, при рѣкѣ Солокіи, впад. въ Бугъ.

319) Никон. I, 138.

320) Византійскія извѣстія говорятъ, что по смерти Владиміра Св. какой-то родственникъ его прибылъ на лодкахъ въ Византію, сперва объявилъ намѣреніе вступить въ императорскую службу, потомъ тайно ушелъ изъ гавани, разбилъ греческое войско, но былъ истребленъ Греками съ 800 товарищей. Быть-можетъ, это былъ одинъ изъ сыновей Владиміровыхъ, изъ которыхъ многіе пропали безъ вѣсти; одинъ, Всеволодъ, погибъ въ Скандинавіи, по тамошнимъ извѣстіямъ.

321) По греческимъ извѣстіямъ, императоръ два раза предлагалъ Владиміру миръ, обѣщаясь вознаградить за оскорбленіе, но Владиміръ слишкомъ много запрашивалъ (по 3 фунта золота на человѣка). Тогда Греки вступили въ морскую битву съ Русскими и зажгли ихъ корабли; къ этому несчастію присоединилась еще буря.

322) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65: „Иступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софья, митрополія руськая, бѣ бо тогда поле внѣ града.“—Слѣд. въ 1036 году церкви Св. Софіи еще не было, и подъ слѣдующимъ 1037 годомъ читаемъ: „Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть златая врата; заложи и церковь Св. Софью, митрополью,“ и проч.—Но въ другихъ спискахъ (Никон. Соф. Врем., Воскрес. и др.) заложеніе церкви Св. Софіи отнесено къ 1017 году, послѣ перваго нашествія Печенѣговъ и битвы подъ Кіевомъ. Ясно, что это извѣстіе происходитъ отъ смѣшенія двухъ извѣстій о набѣгѣ Печенѣговъ, послѣ котораго была заложена крѣпость и церковь Св. Софіи. Теперь вопросъ: было ли два набѣга печенѣжскихъ и двѣ битвы подъ Кіевомъ, или одинъ только, и если одинъ, то въ какое время — въ 1017 или въ 1036? По внимательномъ разсмотрѣніи двухъ извѣстій, мы пришли къ мысли, что составители лѣтописныхъ сборниковъ, напримѣръ Никоновскаго, имѣли передъ глазами двѣ лѣтописи совершенно разныхъ редакцій, изъ которыхъ въ одной было помѣщено извѣстіе о набѣгѣ Печенѣговъ въ 1017 году и построеніи послѣ того крѣпости и церкви, а въ другой, какъ въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ спискахъ, помѣщенъ былъ набѣгъ только подъ 1036 годомъ. составители позднѣйшихъ сборниковъ внесли въ нихъ и то и другое извѣстіе, не замѣтивъ противорѣчія, что во второмъ извѣстіи говорится о несуществованіи церкви Св. Софіи во время битвы. Теперь изъ двухъ древнихъ лѣтописей которая правильнѣе помѣщаетъ свое извѣстіе — та ли, которая помѣщаетъ набѣгъ печенѣжскій въ 1017, или, та которая помѣщаетъ его въ 1036 году? Надобно думать, что первая, потому что съ нею согласенъ Дитмаръ относительно печенѣжскаго набѣга. Въ Никон. (I, 129) еще подъ 1020 годомъ упоминается о набѣгѣ печенѣжскомъ.

323) Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, родился въ 1020 году, но Ярославу было тогда около 40 лѣтъ; не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ женатъ до Ингигерды; ясно, что Илья былъ отъ перваго брака и былъ уже въ 1019 году въ такомъ возрастѣ, въ какомъ могъ быть посаженъ на столѣ новгородскомъ, тѣмъ болѣе, что Владиміръ сажалъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ; посаженіе Ильи могло оскорбить Константина. Мы замѣтимъ также, что въ лѣтописи не упоминается объ участіи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ.

324) Никон. I, 139, 140. Здѣсь прямо говорится, что Ярославъ поставилъ русскаго митрополита „соблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже бына тогда.“ Карамзинъ (II, примѣч. 49) неправильно толкуетъ слова Никонов. Сборника, какъ будто бы Русинъ былъ поставленъ потому, что въ то время была война съ Греками, и указываетъ, что во время поставленія войны не было. Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о современности поставленія Иларіонова и войны съ Греками; здѣсь просто сказано, что были съ Греками брани и нестроенія при Ярославѣ, и потому этотъ князь рѣшился поставить своего митрополита, чтобы на будущее время избѣжать тѣхъ непріятностей, которыя были во время войны.

325) Это выраженіе лѣтописи отзывается глубокою древностію.

326) Нельзя заключать, чтобъ Ярославъ самъ писалъ или умѣлъ писать, прямо сказано только, что онъ умѣлъ читать. Единственное число прекладаше (книги) замѣняется въ спискахъ множественнымъ прекладаша, но и единственное число нисколько еще не доказательство, что онъ самъ переводилъ и писалъ: оно могло быть очень легко употреблено вмѣсто—велѣлъ переводить и писать; мы говоримъ, что такой-то построилъ домъ, зная, что не самъ онъ строилъ, но архитекторъ и плотники.

327) Кромѣ походовъ на Чудь, Литву и Ятвяговъ, Никонов. упоминаетъ о походѣ на Ясовъ.

328) De administr. imper. c. IX Memor. popul. II, 985. Egrediuntur Ciabo, et in Oppida (?) proficiscuntur quae Gyra appellantur (ἀπέρχονται εἰς τὰ πολίδια ἃ λέγεται Γῦρα) aut in sclabica loca Berbianorum Drungubitarum etc. У Дюканжа: Γῦραι—Circulationes, Circuitiones: въ частности Гирою называли выѣздъ чиновника изъ главнаго мѣста его служенія въ другія мѣста его же вѣдомства, собственно по дѣламъ службы, напр. объѣздъ провинціальнымъ начальникомъ городовъ своей провинціи. См. статью проф. Неволина—о значеніи слова Гира, въ Финск. Вѣстн. 1847, № 8. Любопытно выраженіе въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго при исчисленіи народовъ, платящихъ дань Руси: „исконніи данници и конокръмици.“

329) Bandtkie Historia prawa Polskiego, стр. 17.

330) Такъ говорили Мадьяры при избраніи своего вождя Алмоса— Anonymus Belae R. notarius, c. V. VI. Ap. Shwandtner, Script. rer. Hung. I, 9.

331) См. Gaupp. die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen.

332) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы члены княжей дружины вовсе не могли имѣть селъ, населенныхъ военноплѣнными, купленными рабами, или наймитами.

333) Древн. Русск. стихотвор. Кирши Данил. стр. 187.

334) Antiquités Russes t. I, p. 279.—То же видимъ у польскихъ князей: каждый гость, хотѣвшій вступить въ службу къ князю, принимался съ радостію. См. Gallus, p. 75.

335) Древн. Русск. стихотвор. стран. 138.

336) Ср. у Тацита: (Germ.) jam vero infame in omnem vitam et probrosum superstitem principi suo ex acie secessisse.

337) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

338) Срав. Тацита: Exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentam victricemque frameam.—То же явленіе и въ дружинѣ польскихъ князей; срав. Gallus, p. 71: не слугою, но сыномъ княжескимъ называлъ Болеславъ Храбрый дружинника, пришедшаго служить ему изъ чужой страны, и если дружинникъ терялъ лошадь или другую какую-нибудь вещь, то князь снабжалъ его съ лихвою.

339) Gallus, p. 64. 39. У Болеслава Храбраго кромѣ столовъ для мелкихъ дворанъ ежедневно накрывалось 40 столовъ для знатнѣйшихъ дружинниковъ. Всѣ они, даже самые мелкіе дружинники, являлись съ тяжелыми золотыми кольцами.

340) Соф. Врем. 1, 10.

341) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 90.

342) Слово дружина происходитъ отъ другъ, а другъ отъ Санскритскаго д р у—и д у, слѣдую (удрать, убѣжать). см. Бусл.—О вліяніи христ. на славянскій языкъ, стр. 191. Слѣд. дружина есть товарищество, сборъ людей, идущихъ вмѣстѣ, по одной дорогѣ откуда д о р о г а или д р а г а значитъ не только via, но и толпа, собирающаяся куда-нибудь, множество, свита (см. тамъ же стр. 51). Мы прибавимъ, что и Французское route въ древнемъ языкѣ значитъ дружина, отрядъ. Если наша дружина происходитъ отъ д р у—идти, то нѣтъ препятствія и польское ш л я х т а привести въ связь съ старинным словомъ ш л я х ъ —дорога, путь.

343) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 9: „и бяста у него два мужа, не племени его, но боярина.“ Изъ этого ясно, что подъ мужами вообще разумѣлись и бояре. Или: „и посади мужъ свой“, значитъ посадилъ одного изъ своихъ, одного изъ дружины (I, 13). „А Ольга водиша

и мужій его на роту“ (I, 19): „посла Игорь мужи своя къ Роману,“ и т. д.

344) Слово болринъ славянское; о боярахъ болгарскихъ упоминаетъ Өеофанъ подъ 764 годомъ. У Сербовъ и другихъ племенъ находимъ также это слово. (См. Срезнев.—Мысли объ исторіи Русск. языка стр. 131, и слѣд.: съ греческаго словомъ бояринъ или болярин переводится ἄρχων см. древній переводъ греческаго Василикона, изъ библ. гр. Толстаго, привед. у Розенкампфа.—О кормчей книгѣ, стр. 133.

345) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 131.

346) Гридь слово славянское. Хорутанское грида значитъ громада, сборище, толпа, слѣд. дружина, см. у Срезнев. въ приведенномъ сочиненіи, стр. 139.

347) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54.

348) Тамъ же, I, 57: „Святополкъ же приде почью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородскыѣ болярцѣ.

349) Тамъ же III, 14.

350) Тамъ же I, 161.

351) У западныхъ Славянъ огнищанинъ означалъ отпущенника (libertus), слѣд. въ обширномъ смыслѣ это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободнаго, какими именно были древніе отпущенники, находившіеся въ тѣсной связи съ домомъ прежняго господина, и однако переставшіе быть рабами.

352) Что тіунъ не былъ исключительно казначеемъ, какъ того хотятъ нѣкоторые, довольно привести слѣдующее: „Константинъ князь Полотскии, нарицаемыи безрукии... молвитъ попу: тиунъ неправду судитъ, мъзду имѣетъ, люди продаетъ (продажа имѣетъ чисто судебное значеніе) мучитъ.... И рече попъ.... избираеть (князь) тиуна или кого волостеля мужа добра, праведна, по закону Божию вся творяща и судъ вѣдуща.“ См. Розенкампфа—О кормчей книгѣ, стр. 217.

353) „По семъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними.“ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 24) Тамъ же: „Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне.“ Здѣсь прямо отличаются отроки—слуги отъ дружины.

354) Тамъ же I, 30: „Придоша (Греческіе послы) и поклонишася ему (Святославу), положиша предъ нимъ злато и паволоки, и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните“.

355) Тамъ же I, 32: „И придоша отроци Володимерови, и повѣдаше ему всю рѣчь Рогънѣдину“.— Еще прямыя указанія, что отроки составляли домашнюю прислугу князя (I, 57 и слѣд.). „И се слышавше вои, разыдошася отъ него (св. Бориса). Борисъ же стояше съ от-

рови своими.... И прободоша Бориса и слугу его, падша на немъ, прободоша съ нимъ; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ угърескъ".

356) Тамъ же I, 55.

357) Тамъ же I, 66.

358) Тамъ же I, 64.

359) Тамъ же I, 98.

360) Тамъ же I, 19.

361) Тамъ же I, 53: „И приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома".

362) Подъ 1089 годомъ: „Воеводство держащу Кыевскыя тысяща Яневи".

363) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

364) Тамъ же I, 54. Что подъ именемъ верховныхъ или верхнихъ воевъ разумѣлись не Варяги (какъ думаетъ г. Погодинъ), но жители Русскихъ сѣверныхъ (относительно земель, показываютъ извѣстія позднѣйшія; напр. подъ 1185 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 132): „и Великій князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ и сбирашеть отъ верхънихъ земель вои." Или подъ 1148 годомъ (стр. 39): „А Ростиславъ да дары Изяславу что̀ отъ верхънихъ земель и отъ Варягъ." Здѣсь прямо верхнія земли отличаются отъ Варягъ.

365) Antiquités Russes I, 278. Rex Valdimar eum praefectum constituit copiarum, quas ad regnum suum tuendum dimittere solebat.

366) Тамъ же, стр. 333.

367) Полн. Собр. Русск. Лѣт, I, 64, 65.

368) Тамъ же I, 32: „пада́ху людье мнози, и удавиша кони человѣци"

369) Тамъ же I, 66: „И потроша кони у вой Володимерь."

370) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 25. Ольга говоритъ Древлянамъ: „А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы свои и землѣ своя."

371) Тамъ же III. — Смердъ слово Славянское; въ Польскомъ Кошубскомъ Smird значитъ бѣдный селянинъ.

372) Мѣсто, найденное г. Бѣляевымъ въ уставѣ Великаго Князя Всеволода, хранящемся въ библіотекѣ г. Погодина. См. изслѣдованія М. Погодина т. III стр. 408.

373) См. подробности въ сочиненіи Калачева — Изслѣдованіе о Русской правдѣ, 1846 г.

374) Такъ напр. Великій Князь Изяславъ взялъ двойную виру за убійство своего старшаго конюха, что̀ записано въ Правдѣ уже какъ правило на будущее время: „А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьцы.

375) Müller -Sagabibliothek, I, 344.

376) Вервь, слово Славянское, означаетъ и физически и нравственно: связь, вервь, веревка, союзъ; въ Сербскомъ връвникъ значитъ родной, въ Хорут. сватъ. Смотр. Срезнев. Мысли объ исторіи Русскаго языка. Връвникъ происходитъ отъ физич. вервь, веревка, какъ ужикъ отъ уже — веревка. Мы думаемъ, что наше вервь получило названіе отъ верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельномъ измѣреніи: „отняли, государь, у насъ деревенку въ карзинѣ курьи, дворъ и дворище; а нашии, государь, въ ней пять веревокъ" (Акты Юридическіе № 23); или въ правой грамотѣ 1535 года: „Ставъ предъ судьями, старецъ, Іона и отвѣтчики Панкратъ и его товарищи тако рекли: дайте, господине, намъ цѣловальника Гаврила Ивойлова земли вервити... и старецъ Іона Панкрата и ево товарыщовъ вдву третехъ въ ихъ уверивилъ: а во се господине память веревная передъ нами.... Памать веревщиковъ вывервели въ Архангельской деревни полдругинадцаты веревки Горнихъ земель и Юрмолскихъ земель всихъ." — Подобный обычай былъ въ употребленіи у многихъ народовъ: Израильтяне, Греки, Германцы, Скандинавы мѣряли земли также вервями. Ііс. Навин. 17, 5. 14; Herod. I, 66, Strinnholm—Wikingszuge, I, 125. Какъ у насъ имя орудія мѣры вервь перешло и къ отмѣренной землѣ, такъ точно видимъ и у Евреевъ; въ книгѣ Іисуса Навина читаемъ (17, 14): „Противу рѣша же сынове Іосифовы Іисусу, глаголюще: почто наслѣдствовалъ еси насъ жребіемъ единымъ и ужемъ единымъ." То же самое видимъ и у Римлянъ: у нихъ для измѣренія земель употреблялся шестъ или жердь — pertica (persche); pertica же означаетъ и отмѣренную землю. — Вира также слово Славянское: въ Хорутанскомъ вира значитъ вольная оцѣнка, вольный переходъ: завирити — обязать задаткомъ; вировати—обвинить.

377) См. переводъ статьи Палацкаго — Сравненіе законовъ царя Стефана Душана, въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1846 № 2.

378) Рядъ земскаго Чешскаго права говоритъ ясно: Credo quod jus recipiendi candens ferrum plus fuit institutum propter terrorem et poenam quam propter aliquam temptationem Dei, ut a talibus (criminibus) eo perterriti facilius cessarent.

379) Древнія Росс. стихотворенія К. Данилова, стр. 67:

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на виру честныя вдовы....
Промежду собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя.—
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилась съ дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,

Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
„Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я де обернула десять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами“ и проч.

Или, стр. 148:

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
Много было у князя Владиміра
И князей и бояръ, и княженецкихъ женъ.

380) Leo Diac. I, IX. Тѣло Владиміра спустили на землю на канатахъ, проломавши полъ; такой обычай видимъ въ древней Скандинавіи. См. Weinhold's Altnordisches Leben 476.

381) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 54: „Почью же межю (двѣма) клѣтми проимавше помостъ, и ужи свѣсиша на землю“.

382) Тамъ же. стр. 35: „Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ.... и кликнуша и посѣкоша сѣни подъ ними“.

383) Тамъ же: „И розъяша дворъ около его“.

384) Тамъ же стр. 25: „Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, воробьеве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубиници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины“.

385) Въ разсказѣ о кончинѣ Св. Владиміра говорится, что тѣло его повезли на саняхъ въ Кіевъ—15 іюля.

386) А цѣжь не составляла особаго кушанья, какъ думаютъ нѣкоторые.

387) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 55: „И приведоша я къ кладязю, идѣ же цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша въ латки.“ — Въ другихъ спискахъ правильнѣе: „и льяша въ котлы,“ ибо въ латкахъ нельзѣ варить киселя.

388) И приде въ Словени, и дѣже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыютъ, хвощются, и удивися имъ.... и рече: „Дивно видѣхъ Словеньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніянымъ, и возьмуть на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьютъ, егда влѣзуть ли живи, облѣются водою студеною, тако оживутъ; и то творятъ по вся дни не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять не мовенье себѣ, а мученье.“

389) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25: „Дѣлаютъ нивы своя и земля своя."

390) Тамъ же, стр. 36: „Но се ему (Владиміру) бѣ не любо обрѣзанье удовъ, и неяденье мясъ свиныхъ."

391) Соф. Врем. I, 88. „Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеця вести въ городъ."

392) Никон. I, 130.

393) Любопытно извѣстіе о построеніи церкви Св. Георгія: „Блаженный и приснопамятны всея Руския земли князь Ярославъ, нареченный во святѣмъ крещеньи Георгий,. сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святаго мученика Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь въ свое имя Сватаго Георгия, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ много дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиуна: почто не много у церкве стражущихъ? Тиунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ въ коморы златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ кождо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ." См. Кіевлянинъ, кн. III, стр. 66. Печатный Прологъ, 26 Ноября.

394) Chron. p. 426: „in magna hac civitate.... plus quam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII; у Annalista Saxo, ann. 1018 означено только 300 церквей.

495) Hist. Eccles. lib. II, c. 13.

396) Никон. I. 124. „И погорѣ градъ и церквеи много, яко до седми сотъ." Здѣсь также явное преувеличеніе.—И въ Москвѣ говорятъ сорокъ сороковъ церквей, и точно считаютъ церкви сороками, но сороковъ вовсе не сорокъ.

397) О торговлѣ Русскихъ рабами въ Константинополѣ читаемъ въ чудесахъ Св. Николая: „И веемъ литру злата, 70 и два златникъ, и всѣдъ на конь іоѣха до торгу, идѣже Русьстіи купци приходяще челядь продаютъ." См. Москвитянинъ 1845 г., № 12, статью — Нѣкоторые памятники Славянской письменности.

398) Ихъ требуетъ Императоръ отъ Ольги.

399) Мухам. Нумизматика Савельева, стр. XXIII.

400) Fraehn. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischem Gelde in Russland, въ русскомъ переводѣ у Савельева Мухам. Нумизматика.

401) Авторъ Мухам. Нумизматики говоритъ: „За всѣ исчисленные товары (привозимые Руссами и Булгарами) Арабы, Персіяне и Харезмцы платили имъ наличными монетами царствующей династіи, или произведеніями своего края. Монеты были исключительно серебряныя величиною отъ нашего двухъ-злотаго до пяти-алтыннаго. Привозимыхъ

товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за мѣстныя произведенія, и денежный балансъ оставался на сторонѣ Волги." Можно сомнѣваться еще въ томъ, чтобы товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за произведенія, привозимыя Русскими и Булгарами: въ обмѣнъ за мѣха, невольниковъ, янтарь и цыновки, представлялся цѣлый рядъ Азіятскихъ товаровъ, имѣвшихъ всегда и вездѣ высокую цѣну (см. перечисленіе ихъ въ текстѣ): самъ авторъ приводитъ при этомъ извѣстіе, что за каждую бисерину зеленаго бисера Русскіе платили по диргему, и раззорялись такимъ образомъ въ угоду женъ своихъ. Далѣе, послѣ исчисленія Азіятскихъ товаровъ, авторъ говоритъ: „Все это, какъ видимъ, преимущественно предметы роскоши, тогда мало извѣстной на сѣверовостокѣ Европы, и поэтому нисколько неудивительно, что потребленіе ихъ въ Россіи и при Балтійскомъ краѣ далеко уступало цѣнности мѣховъ, потребныхъ для Азіи." — Но прежде самъ авторъ сказалъ, что и мѣха на востокѣ составляли также предметъ роскоши, что шубы были почетнымъ одѣяніемъ владѣтельныхъ и знатныхъ лицъ; не думаемъ, чтобъ Азіятскія драгоцѣнности были мало извѣстны на сѣверовостокѣ Европы: самъ авторъ приводитъ извѣстіе, что Руссы раззорялись на зеленый бисеръ, другое извѣстіе говоритъ, что на мертвецѣ Русскомъ была парчевая одежда; если въ кладахъ вмѣстѣ съ Арабскими монетами находятъ и выше исчисленныя вещи, то ясно, что онѣ были столько же извѣстны. Замѣтимъ также, что Руссы относительно мѣховой торговли не пользовались монополіею, но имѣли сильныхъ соперниковъ въ Булгарахъ и Буртасахъ: самъ авторъ говоритъ, что дороже всего цѣнились мѣха черныхъ или чернобурыхъ лисицъ, которыя называли Буртасскими по имени народа Буртасовъ; слѣд. чрезъ руки Руссовъ шли не самые дорогіе мѣха.

402) Мухам. Нумизмат. XVII.

403) См. примѣчан. 20.

404) Мухам. Нумизм. CXXX и слѣд. Авторъ замѣчаетъ, что Весь Бѣлозерская была такъ образована, что не имѣла нужды вести нѣмую торговлю. Но мы не имѣемъ основанія предполагать, что она была образованнѣе нынѣшнихъ Зырянъ, которые сохраняютъ тотъ же обычай (см. тамъ же); но незнанію языковъ другъ друга, необходимо должна была ввестись нѣмая торговля.

405) На торговую связь съ Болгарами указываетъ лѣтописное извѣстіе подъ 1024 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64): „Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской), идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша." Здѣсь указаніе и на путь по Волгѣ; впрочемъ здѣсь о купцахъ говорить нельзя, ибо прямо сказано: вси людье.

406) Исторія Русск. Церкви епископа Рижскаго Филарета, періодъ I-й, стр. 30.

407) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

408) Тамъ же стр. 67. — О волшебныхъ повязкахъ или наузахъ см. статью Проф. Буслаева, въ Архивѣ историко-юридич. свѣд. изд. Н. Калачовымъ, стр. 2, отдѣлен. IV.

409) „Къ симъ же и датися веля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель."

410) Полн Собр. Рус. Лѣт. I, 66.

411) См. о началѣ монашества въ Россіи, въ прибавленіи къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ VIII, кн. 4.

412) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

413) См. о началѣ монашества въ Россіи въ приведенномъ выше мѣстѣ.

414) См. статью Проф. Неволина о церковномъ судѣ въ Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1847 года.

415) „Кресть посѣкуть или на стѣнахъ рѣжютъ"; варіантъ: „или на стѣнахъ трески емлють, и со креста." Объясненіе въ переводѣ Герберштейна: Et qui ad incantandum de imaginibus sanctorum aut statua Crucis quicquam avulserint.

416) Тайные роды убійствъ посредствомъ волшебства, зелейничества.

417) Отношенія матери къ дѣтямъ всего лучше указаны въ отношеніяхъ матери Св. Θеодосія къ сыну: по смерти мужа она наслѣдовала всю его власть надъ сыномъ.

418) Такъ напр. если онъ кусается.

419) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 53. Въ церковномъ уставѣ: „Создахъ церковь Св. Богородица десятинную и дахъ ей десятину по всей землѣ Русьстѣй: изъ княженія въ Соборную церковь отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, а и съ торгу десятую недѣлю, а и съ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита."

420) Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ. годъ 2-й, книга 2.

421) Древн. Рос. стихотв. стр. 249.

422) Тамъ же стр. 45.

423) Тамъ же стр. 62.

424) См. это преданіе въ исторіи Русской Словесности Проф. Шевырева. вып. I, стр. 193.

425) Тамъ же стр. 199.

426) Тамъ же стр. 216.

427) Не Буртасскихъ ли?

428) Древн. Рос. стихотвор. стр. 3, 4.

429) Тамъ же стр. 24.

430) Тамъ же стр. 159.

431) Тамъ же стр. 96.

432) См. у Мацѣевскаго въ Polska. — Я въ своемъ вольномъ переводѣ соединилъ двѣ пѣсни, сходныя другъ съ другомъ въ главныхъ чертахъ; вотъ онѣ:

1.

Iszly molodci rano scercowci
Oj iszly iszly radu radyly,
Radu radyly ne jednakoju,
Ne jednakoju, a trojakoju:
Oj chodmoz my do kowalczyka
Do kowalczyka do zolotnika,
Pokujmoz sobi midiani czowna,
Midaini czowna, zoloti wesla,
Oj pustimeż na tychyj Dunaj
Doliw Dunajem pid Carchorod,
Oj czuemo tam dobroho pana
Szczo platyt dobre za zasłużenku
Oj daje na rik po sto czerwonych
Po sto czerwonych po konykowy,
Po konykowy, taj po szabelci
Taj po szabelci, po pari sukon,
Po pari sukon, taj po szapoczi,
Taj po szapoczi, taj po panoczci.

2.

Oj w czystim poly błysko dorohy
Stajal namet, bili szowkowi:
A w tych nametach wse hromadowe
Radonku radiat koby wradyly:
Oj ne sprawlaimo na żony szuby
Na żony szuby na doczky zloto
Ale sprawlajmo midiani czowna,
Midiani czowna sribrniji wesła,
Ta puskajmo na kraja Dunaja,
Czuiemoz my tam dobroho pana,
Dobroho pana, a pana Petra
Szczo platyt dobre za zasłużenku,
Oj daje na rik po stu czerwonych.
Po konykowy po woronomu,
Po żupanowy po kitajewu,
Po jasni strilci po krasny diwci.

Въ прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ напечатана былина про Василису Данилову, въ которой можно найти намекъ на поведеніе Владиміра до крещенія, какъ о немъ свидѣтельствуетъ лѣтопись; потомъ можно найдти слѣды смутнаго преданія объ усобицахъ

между Кіевомъ и Черниговымъ; любопытно, что Кіевская рать называется силою Русскою.

433) Подробности о духовныхъ стихахъ см. въ исторіи Русской Словесности Проф. Шевырева, вып. 1-й, стр. 235 и слѣд.

434) Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи, полагаютъ главное отличіе исторіи Русской отъ исторіи западныхъ европейскихъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ, а у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, одностороненъ: проводя параллель между западными европейскими Государствами и нашимъ Русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію, Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства Славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи нашего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію, прежде всего должно искать его въ первоначальныхъ отношеніяхъ призваннаго начала къ призвавшимъ, — отношеніяхъ, условленныхъ первоначальнымъ бытомъ племенъ: дойди эти племена въ родовомъ бытѣ до кланскаго устройства, имѣй наслѣдственное старшинство, стань эти наслѣдственные старшины родовъ съ земскимъ значеніемъ около князя,—исторія приняла бы совершенно другой видъ, хотябы также не было завоеванія. Дружина имѣла у насъ другой характеръ чѣмъ на Западѣ, но этотъ характеръ могъ бы измѣниться, еслибъ у насъ на Руси произошли такія же явленія какія имѣли мѣсто въ Польшѣ послѣ Болеслава Храбраго, еслибы Русскіе дружинники пріобрѣли скоро значеніе богатыхъ земельныхъ владѣльцевъ и областныхъ правителей: а это значеніе они могли пріобрѣсть и безъ завоеванія, вслѣдствіе одного служебнаго своего характера, вслѣдствіе пожалованій княжескихъ. Итакъ, рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ, — различіе ощутительное въ самомъ началѣ,—не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинакое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность.

435) См. Срезневскаго—Мысли объ исторіи Русскаго языка. Слова, которыя до сихъ поръ считались Скандинавскими, оказываются чисто Славянскими, таковы: безмѣнъ, вервь, вира, верста, Господь, гость, гридь, дума, Князь, луда, лютъ, мечъ, мыто, навь, нети, обѣль, огнищанинъ, смердъ, теремъ, якорь.

436) Михайлова—Исторія образованія и развитія системы Русскаго гражданскаго судопроизводства, стр. 22.

437) Такъ какъ подобный взглядъ преимущественно выраженъ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, то мы не можемъ здѣсь не обратить на нихъ вниманія. Въ послѣсловіи къ третьему тому своихъ Изслѣдованій г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: „Варяги, въ продолженіи періода, разсмотрѣннаго нами (862—1054), были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, они жили вмѣстѣ, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были двѣ рѣки, которыя пали одна въ другую, но еще не слили водъ своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Такъ я и разсматривалъ ихъ. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство. Укажу для пояснительнаго сравненія на нынѣшнихъ Нѣмцевъ и Латышей съ Чудью въ Остзейскихъ губерніяхъ Славяне платили дань, работали, и только, а впрочемъ жили попрежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вполнѣ уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племени соединились въ одинъ народъ, т.-е. Варяги сдѣлались Славянами, принявъ ихъ языкъ, хотя и оставались ихъ правительствомъ. Тогда получаютъ они одну общую исторію.“

Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Славяне платили дань, работали только, а впрочемъ жили попрежнему: вотъ основная мысль г. Погодина! Начальная Русская исторія есть исторія Варяговъ, по его мнѣнію; посмотримъ, вѣренъ ли этотъ взлядъ. Начальная Русская исторія открывается тѣмъ, что нѣсколько племенъ славянскихъ и финскихъ соединяются и призываютъ князя изъ Варяговъ, князь приходитъ съ дружиною, составленною изъ его соплеменниковъ. Кто соединился, кто положилъ основы государству, кто призвалъ правительственное начало? Славяне и Финны, или Варяги? Чья же исторія начинается здѣсь? Самъ г. Погодинъ утверждаетъ, что Варяги явились у насъ съ характеромъ не завоевательнымъ, а служебнымъ: кому же они пришли служить? Князю племенъ славянскихъ и финскихъ? Они пришли служить исторіи этихъ племенъ, участвовать только въ ней, а не составлять ее исключительно Князь племенъ сѣверныхъ—славянскихъ и финскихъ движется на югъ, подчиняетъ себѣ, сосредоточиваетъ тамъ живущія племена; чьими же силами совершаетъ онъ это? Силами однихъ Варяговъ? Нѣтъ, силами всѣхъ сѣверныхъ племенъ; князь идетъ на Византію—съ одними Варягами? Нѣтъ, со всѣми славянскими племенами. Въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными, при Владимірѣ и Ярославлѣ, сѣверныя племена даютъ торжество своимъ князьямъ надъ южными; Варяги участвуютъ въ этой борьбѣ какъ наемники только, такъ какъ съ другой стороны участвуютъ въ ней Печенѣги. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ,—нужно ли перемѣнить вѣру, нужно ли измѣнить законъ, — туземное

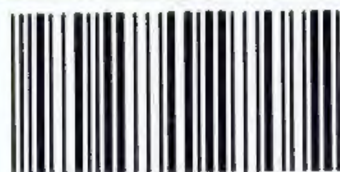
народонаселеніе чрезъ своихъ старцевъ дѣйствуетъ наравнѣ съ дружиною; значитъ ли это, что Славяне только работали и платили дань? Однимъ словомъ, и въ событіяхъ внѣшнихъ—въ походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней, Славяне составляютъ свою исторію, Варяги являются въ ней только участниками, служебниками. Славяне только работали и платили дань, а впрочемъ жили попрежнему, говоритъ г. Погодинъ. Какъ! бытъ славянскихъ племенъ не измѣнился нисколько послѣ призванія князя въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ? За чѣмъ же они призывали князя, какъ ни за тѣмъ, чтобы выйдти изъ прежняго быта въ новый? Вся перемѣна ограничилась тѣмъ, по словамъ г. Погодина, что прежде одни Славяне платили дань Варягамъ, а другіе Козарамъ, теперь же всѣ начали платить однимъ Варягамъ. Далѣе г. Погодинъ говоритъ, что слитіе Варяговъ съ Славянами произошло уже въ слѣдующемъ періодѣ. Но вопросъ состоитъ въ томъ, кому было сливаться, много ли было этихъ Варяговъ, которые величаются племенемъ и противополагаются племени славянскому? Варяги находились въ дружинѣ княжеской, но самъ г. Погодинъ (III, стр. 401) говоритъ, что первоначальная дружина, первые бояре, внуки Варяговъ, пришедшихъ съ Рюрикомъ, положили головы свои въ войнахъ Святослава; Владиміръ привелъ съ сѣвера толпу наемныхъ Варяговъ, изъ которыхъ выбралъ только нѣсколько мужей, давши имъ держать пограничные острожки (такъ обыкновенно употребляли Варяговъ для пограничной стражи), остальныхъ выпроводилъ въ Грецію; но при князѣ должна была находиться дружина, которая противополагалась наемнымъ Варягамъ; изъ кого же набрана была эта новая дружина, эти знаменитые богатыри Владиміровы? Что эта новая дружина состояла преимущественно изъ туземцевъ, указываютъ имена богатырей, какъ они занесены въ лѣтопись, какъ сохранились въ пѣсняхъ и сказкахъ; при Ярославѣ видимъ двухъ главныхъ воеводъ—Вышату, имя славянское, Ивана Творимирича, у этого даже и отечество славянское.

Отправившись отъ невѣрной мысли объ исключительной дѣятельности Варяговъ во все продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ нашей Исторіи, г. Погодинъ естественно старается объяснить всѣ явленія изъ норманскаго быта. Посылаетъ Рюрикъ мужей своихъ рубить города, чтобъ удобнѣе держать въ подчиненіи окружныя племена—это Норманскій обычай: какъ будто всѣ народы не поступали одинаково при подобныхъ обстоятельствахъ, Русскіе въ Сибири, Испанцы въ Америкѣ и проч.! Сажаетъ князь вмѣсто себя мужей по городамъ—это ярлы скандинавскіе, посаженные творить судъ и сбирать дань: какъ будто славянскіе князья не могли точно также распорядиться! Рюрику наслѣдуетъ сынъ или родственникъ—скандинавскій обычай; въ Скандинавіи благородство уважалось очень много: какъ будто въ другихъ странахъ

оно не уважалось, и какъ будто призвавшимъ племенамъ не необходимо была наслѣдственность въ одномъ родѣ Рюрика для избѣжанія прежнихъ усобицъ! При желаніи видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ, г. Погодину естественно не нравится частое упоминовеніе лѣтописца объ участіи славянскихъ племенъ въ походахъ княжескихъ, и потому онъ, вслѣдъ за Полевымъ, не хочетъ принимать словъ лѣтописца въ строгомъ смыслѣ; но спрашивается, что̀ тутъ въ извѣстіи лѣтописца невѣроятнаго, неестественнаго для всякаго кто будетъ смотрѣть прямо, безпристрастно, на ходъ событій, безъ упорства видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ? На какомъ основаніи можно осмѣлиться не принимать этихъ извѣстій лѣтописца въ строгомъ смыслѣ? Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ болѣе въ древней лѣтописи нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобы туземцы, т.-е. земледѣльцы, употреблялись на войну: но мы въ текстѣ показали противное на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Пропустивъ безъ вниманія мѣсто русской лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что войско Ярослава состояло и изъ смердовъ, г. Погодинъ не захотѣлъ умолчать о тождественномъ извѣстіи скандинавскаго источника, Эймундовой Саги, гдѣ говорится, что къ Ярославу собралась ближняя рать изъ вольныхъ поселянъ; какъ же быть? Г. Погодинъ не усомнился утвердить, что если у насъ были вольные поселяне, то, разумѣется, Варяги-Русь, которые поселились у насъ и заняли пустопорожнюю землю. Но откуда взято, что Варяги селились у насъ въ качествѣ земледѣльцевъ, и какъ предположить, чтобы не было свободнаго сельскаго народонаселенія у Славянъ? Послѣ этого нужно предположить, что все народонаселеніе страны ильменскихъ Славянъ сосредоточивалось въ одномъ Новгородѣ? Важное затрудненіе для г. Погодина представляло также то обстоятельство, что Варяги-Скандинавы кланяются славянскимъ божествамъ, и вотъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ дѣлаетъ Перуна, Волоса и другія славянскія божества—скандинавскими. Благодаря той же послѣдовательности, Русская Правда является скандинавскимъ закономъ, всѣ нравы и обычаи русскіе объясняются нравами и обычаями скандинавскими.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

2007053015